
Игорь Кон
80 лет
одиночества

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Новая книга известного российского ученого-обществоведа И.С.Кона представляет собой род интеллектуальной автобиографии. Игорь Кон всю жизнь работал на стыке разных общественных и гуманитарных наук: социологии, истории, антропологии, психологии и сексологии. С его именем тесно связано рождение в России таких дисциплин, как история социологии, социология личности, психология юношеского возраста, этнография детства, сексология. Некоторые его книги ломали привычные представления и становились бестселлерами. Свободно, занимательно, порою весьма самокритично Кон рассказывает о себе и своем времени: как формировались его научные интересы, что побуждало его переходить от одних проблем и дисциплин к другим, насколько свободным был этот выбор и как его личные интересы пересекались с проблемами общества. У современников автора это может пробудить собственные воспоминания, а молодежи поможет лучше понять наше недавнее прошлое, которое, возможно, не такое уж прошлое…

- Игорь Кон
  - Предисловие
  - Времена и нравы
  - Часть первая
    - Детство и юность
    - Вологодский пединститут
    - Философский факультет ЛГУ
    - ИКСИ и ИОН
    - Институт этнографии
    - Где находится Мекка?
    - В Москву, в Москву…
    - Свой среди чужих
    - Чужой среди своих
    - Я и мой компьютер
  - Часть вторая
    - Истмат и философия истории
    - О пользе и вреде чтения
    - История социологии
    - «Новый мир». Социологическая публицистика
    - Национальный вопрос
    - Социология личности
    - Дружба

        - Социология молодежи
        - Психология юношеского возраста
        - Этнография детства
        - Сексология
        - Лики и маски однополой любви
        - Сексуальная культура в России
        - Мужчина в меняющемся мире
        - Подводя итоги
    - Список трудов И. С. Кона
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30
    - 31
    - 32
    - 33
    - 34

- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75

Игорь Кон
80 лет одиночества

Предисловие

Много ли мы знаем жизнеописаний, рисующих безмятежное, спокойное непрерывное развитие индивидуума? Жизнь наша, как и то целое, составными частями которого мы являемся, непостижимым образом слагается из свободы и необходимости. Наша воля – предвозвещение того, что мы совершим при любых обстоятельствах. Но эти же обстоятельства на свой лад завладевают нами. «Что» определяем мы, «как» редко от нас зависит, а «почему» мы не смеем допытываться…

Иоганн Вольфганг Гёте

Идею этой книги мне подсказал директор Института этнологии и антропологии В. А. Тишков. После того как я никому не напомнил о своем семидесяти– и семидесятипятилетии, Валерий Александрович сказал, что надо бы подготовить по этому случаю какой-нибудь сборник статей. Однако отвлекаться от собственной работы ради составления сборника «имени мине» неинтересно, а обременять этим посторонних людей (сотрудников в строгом смысле слова у меня нет) неэтично. Честно говоря, я вообще не люблю юбилеев – очень уж они напоминают похороны. Единственная разница, что покойник спокойно лежит и слушает, как его хвалят, а юбиляр, если он сам или его друзья не подсуетятся, то и дело будет ощущать, что его недохвалили. Конечно, когда хвалят – приятнее, чем когда ругают, тем более что хотя на чужих юбилеях люди фальшивят, на твоем они говорят чистую правду. Но я человек скептического склада ума, стараюсь не доставлять окружающим лишних забот и от круглых дат обычно уезжаю; если доживу и сумею – поступлю так и на сей раз.

К тому же междисциплинарность моей работы делает такое сборище затруднительным. Если пригласить не только этнографов, но и социологов, философов, психологов, демографов, педагогов, историков, культурологов, сексологов,

андрологов, к работе которых я был так или иначе причастен, институтский зал окажется недостаточно вместительным, а если кого-то не известить – могут быть обиды. Так уж мы устроены: когда куда-то зовут, думаешь, как выкроить время, а если не зовут, обижаешься, что тебя забыли.

Два сборника избранных статей – «Социологическая психология» (1999) и «Междисциплинарные исследования» (2006) – с большими автобиографическими предисловиями я опубликовал вне связи с юбилейными датами. Но все-таки восьмидесятилетие – дата серьезная. Почему бы между двумя новыми научными книгами «Мужчина в меняющемся мире» и «Мальчик – отец мужчины» не сделать легкую автобиографическую паузу? Сделай паузу, скушай «Твикс».

Этой книгой я как бы говорю своим коллегам (друзья – совсем другое дело, они помнят о тебе не только по праздникам): пожалуйста, не беспокойтесь, все хорошее о себе я рассказал сам, а плохого на юбилеях говорить не принято. Пока удается – будем продолжать работу, а дальше видно будет…

Но нужна ли такая книга читателю? Юбилей надо заслужить. Говорят, что мужчина, чтобы состояться, должен родить сына, построить дом и посадить дерево. Я не сделал ни первого, ни второго, ни третьего, не совершил никаких подвигов, не сделал замечательных открытий, не создал научной школы, не сидел в тюрьме, никуда не избирался и вообще мало в чем участвовал. В моей жизни мало внешних событий, а свой внутренний мир я предпочитал не выставлять напоказ, не хранил архивов, не вел дневников и не собирался писать мемуары. О чем же тогда писать?

Автобиография – очень коварный литературный жанр. Его обязательные правила: не лгать, не хвастаться, не жаловаться, не сводить счеты с покойниками (если ты кого-то пережил, это не значит, что за тобой осталось последнее слово), не увлекаться деталями, которые современному читателю непонятны и неинтересны, и не пытаться повлиять на мнение потомков (то, чего ты не смог объяснить при жизни, после смерти заведомо не удастся). А если паче чаяния – большинству мемуаристов это не удается – ты сумеешь преодолеть все эти соблазны, твой текст утратит обаяние личного документа и тем самым – право на публичное существование. Зачем же было браться за оружие?

Эта книга – не автобиография, а всего лишь рассказ о моей работе. Я всю жизнь работал на стыке разных общественных и гуманитарных наук, часто делая то, чего не смели или не умели другие, и моя работа не оставляла окружающих равнодушными. Я хочу через свой жизненный опыт, средоточием коего была моя

научная работа, поведать о прошедшем и давно прошедшем времени, почему я заинтересовался той или иной проблемой и что из этого получилось.

Еще недавно казалось, что советские условия безвозвратно ушли в прошлое и мало кому интересны. Но сейчас наше общество все больше напоминает мне ту страну, в которой я прожил первые шестьдесят лет своей жизни. 99 %-ная явка и такое же единодушное голосование за партию власти в свободной демократической Чечне – это даже лучше, чем в позднесоветские времена. А коль скоро это так, прошлый опыт важен не только будущим историкам, о нем полезно знать и современным молодым людям, даже если они сами этого пока не осознают.

Мой рассказ имеет два среза: событийный – где и с кем я работал, и проблемно-тематический – как развивались мои научные интересы. Но начать придется с соображений общего характера.

Времена и нравы

…И палачи и узники обычными были людьми:
масса людей доставлялась в лагерь,
масса людей доставляла в лагерь —
одни доставляли других,
но и эти и те были люди.
Многие из тех,
которые были предназначены
играть роль узников,
выросли в том же мире,
что и те, кто попал на роль палачей.
Кто знает,
многие, если бы их не назначила судьба
на роль узников,
могли бы стать палачами.

Петер Вайс

Любые воспоминания субъективны и пристрастны. Самоотчет – не просто перечень сделанного, но и самооценка, причем ретроспективная, в конце пути. Давно сказано: все хорошее о себе говори сам, плохое о тебе скажут твои друзья. В наши дни всеобщей переоценки ценностей и взаимного агрессивного сведения счетов этот совет особенно соблазнителен. Очень хочется уверить себя и других, что ты всегда был хорошим и праведным, а если некоторые твои сочинения сегодня «не смотрятся», повинны только время и объективные условия. Увы, из песни слова не выкинешь. Мы, мое поколение, были не только жертвами безвременья, но и его соучастниками.

Я начал заниматься наукой очень рано, в совсем юном, по нашим меркам, возрасте. В пятнадцать лет я стал студентом, в девятнадцать – окончил педагогический институт, в двадцать два года имел две кандидатских степени. Однако это не было следствием раннего интеллектуального созревания. Скорее даже наоборот. По складу характера и воспитанию я был типичным первым учеником, который легко схватывает поверхность вещей и быстро движется вперед, не особенно оглядываясь по сторонам.

Быть первым учеником всегда плохо, это увеличивает опасность конформизма. Быть отличником в плохой школе – а сталинская школа учебы и жизни была во всех отношениях отвратительна, – опасно вдвойне; для способного и честолюбивого юноши нет ничего страшнее старательного усвоения ложных взглядов и почтения к плохим учителям. Если бы не социальная маргинальность, связанная с еврейской фамилией, закрывавшая путь к политической карьере и способствовавшая развитию изначально скептического склада мышления, из меня вполне мог бы вырасти идеологический погромщик или преуспевающий партийный функционер.

Ведь убедить себя в истинности того, что выгодно и с чем опасно спорить, так легко… Плюс – агрессивное юношеское невежество, которому всегда импонирует сила. Мальчишке, который не читал ни строчки Анны Ахматовой, а с Пастернаком был знаком по одной-единственной стихотворной пародии, было нетрудно поверить докладу Жданова. Рассуждения Лысенко, в силу их примитивности, усваивались гораздо легче, чем сложные генетические теории. Дело было не в частностях, а в самом стиле мышления: все официальное, идущее сверху, было по определению правильно, а если ты этого не понимал – значит, ты неправ. Просматривая сейчас свои статьи 1950-х годов, я поражаюсь их примитивности, грубости и цитатничеству. Но тогда я нисколько не сомневался, что именно так и только так можно и нужно писать.

Значит ли это, что я всему верил или сознательно лгал? Ни то ни другое.

Будучи от природы неглупым мальчиком и видя кругом несовпадение слова и дела, я еще на студенческой скамье начал сомневаться в истинности некоторых догм и положений истории КПСС. Но сомнения мои касались не столько общих принципов, сколько способов их осуществления (религия хороша, да служители культа плохи), и, как правило, не додумывались до конца.

У нас дома никогда не было портретов Сталина, я не верил историям о «врагах народа» и тому, что за все недостатки советской жизни ответственны Иудушка Троцкий и иностранные разведки. Хороший студент-историк, я и без подсказок извне понял, что если бы все эти люди, как нас учили, чуть ли не с дореволюционных времен состояли между собой в сговоре, они могли сразу после смерти Ленина выкинуть из ЦК крошечную кучку «праведников», не дожидаясь, пока те окажутся в большинстве и разобьют их поодиночке. Но сочинений их я, разумеется, не читал (в аспирантские годы прочитал одну книгу

Бухарина, до Троцкого так и не добрался) и никаких сомнений в теоретической гениальности вождя народов у меня не возникало. А если и возникали, то профессора их легко рассеивали.

Помню, на младших курсах я засомневался в реальности растянувшейся на несколько веков «революции рабов», которую Сталин «открыл» в речи на съезде колхозников-ударников, начинавшейся, если мне не изменяет память, примерно такими словами: «Я не собирался выступать, но Лазарь Моисеевич (Каганович. – *И. К.*) говорит, что надо, поэтому скажу…» Однако уважаемый профессор-античник лет на десять убедил меня, что, принимая во внимание динамику темпов исторического развития, пятисотлетняя революция вполне возможна. Верил ли он этому или говорил по долгу службы, я никогда не узнаю. Позже я и сам нередко «пудрил мозги» своим студентам, если они задавали «неудобные» вопросы…

Еще на студенческой скамье занявшись научной работой, я сначала инстинктивно, а потом сознательно избегал откровенно конъюнктурных тем, предпочитая такие сюжеты, в которых идеологический контроль был слабее (этим отчасти объясняется и смена моих научных интересов). Но это не всегда можно было вычислить заранее. К тому же меня интересовали преимущественно теоретические вопросы, а философские статьи без ссылок на партийные документы были просто немыслимы. В философских работах 1940—50-х годов цитаты из классиков марксизма-ленинизма порой составляли половину объема, их общеизвестность никого не смущала, а самостоятельность, напротив, вызывала подозрения и пренебрежительно называлась «отсебятиной».

Став старше, я научился сводить обязательные ритуальные приседания к минимуму, цитируя только те высказывания, с которыми был внутренне согласен, и предпочитая ссылки на безличные официальные документы «персональному» прославлению вождей. Но наука эта была долгой, а внешняя косметическая чистоплотность отнюдь не избавляла от интеллектуальных и нравственных компромиссов. Вначале они не были даже компромиссами, потому что самоцензура действовала автоматически и была эффективнее цензуры внешней.

Впрочем, и внешнюю цензуру нельзя недооценивать. Она была всеобъемлющей и проявлялась даже в мелочах. Например, в первоначальном варианте моя книга «Дружба» (1980) открывалась эпиграфом из Шопенгауэра: «Истинная дружба – одна из тех вещей, о которых, как о гигантских морских змеях, неизвестно, являются ли они вымышленными или где-то существуют». Издательство ничего не имело ни против данной

мысли, ни против цитирования Шопенгауэра. Но открывать книгу словами «реакционного буржуазного философа» Политиздат счел неудобным. Пришлось эту цитату перенести в текст и искать другой эпиграф. В работу включилась редактор книги Марина Александровна Лебедева, с которой мы много лет плодотворно сотрудничали.

И вот получаю от нее письмо: «И. С., я нашла подходящую цитату из Маркса. Мысль та же, что у Шопенгауэра, и никто не придерется». Дальше следовал такой текст: «…*Истинный* брак, *истинная* дружба нерушимы, но… никакой брак, никакая дружба не соответствуют полностью своему понятию». Цитата мне понравилась, но смутило, почему в ней два отточия. Открыл том Маркса и прочитал следующее: «*Истинное* государство, *истинный* брак, *истинная* дружба нерушимы, но никакое государство, никакой брак, никакая дружба не соответствуют полностью своему понятию».

Отвечаю Лебедевой: эпиграф подходит, но, давайте, восстановим его полный текст, государство это как-нибудь переживет! Но разве можно было даже намеком предположить, что советское государство не полностью «соответствует своему понятию»?! Подлинный текст Маркса был восстановлен только в третьем издании книги. Я мог бы привести сотни подобных примеров. Поэтому не судите нас строже, чем мы того заслуживаем.

Идеологическая лояльность в сталинские и первые послесталинские времена обеспечивалась двояко.

Во-первых, почти в каждом из нас жил внушенный с раннего детства страх. Из моих близких никто не был репрессирован, но я на всю жизнь запомнил, как в 1937 г. у нас в комнате, на стенке, карандашом, незаметно, на всякий случай, были написаны телефоны знакомых, которым я должен был позвонить, если мою маму, беспартийную медсестру, вдруг арестуют. В 1948 г., будучи аспирантом, я видел и слышал, как в Герценовском институте поносили последними словами и выгоняли с работы вчера еще всеми уважаемых профессоров «вейсманистов-морганистов»; один из них, живший в институтском дворе, чтобы избежать встреч с бывшими студентами и коллегами, вместо калитки проходил через дыру в заборе. В 1949 г. подошла очередь «безродных космополитов» и «ленинградского дела». В 1953 г. было дело «врачей-убийц» и так далее.

От такого опыта трудно оправиться. Когда бьют тебя самого, возникает, по крайней мере, психологическое противодействие. А когда у тебя на глазах избивают других, чувствуешь прежде всего собственную незащищенность, страх, что это может случиться и с

тобой. Чтобы отгородиться от этого страха, человек заставляет себя верить, что, может быть, «эти люди» все-таки в чем-то виноваты, а ты не такой, и с тобой этого не произойдет. Но полностью убедить себя не удается, поэтому ты чувствуешь себя подлым трусом. А вместе с чувством личного бессилия рождается и укореняется социальная безответственность. Тысячи людей монотонно повторяют: «Ну что я могу один?»

Второй защитный механизм – описанное Джорджем Оруэллом двоемыслие, когда человек может иметь по одному и тому же вопросу два противоположных, но одинаково искренних мнения. Двоемыслие – предельный случай отчуждения личности, разорванности ее официальной и частной жизни. В какой-то степени оно было необходимым условием выживания. Тот, кто жил в мире официальных лозунгов и формул, был обречен на конфликт с системой. Рано или поздно он должен был столкнуться с тем, что реальная жизнь протекает вовсе не по законам социалистического равенства и что мало кто принимает их всерьез. А тот, кто понимал, что сами эти принципы ложны, был обречен на молчание или сознательное лицемерие. Последовательных циников на свете не так уж много, и они редко бывают счастливы. Большинство людей бессознательно принимают в таких случаях стратегию двоемыслия, их подлинное «Я» открывается даже им самим только в критических, конфликтных ситуациях.

До XX съезда партии, открывшего процесс десталинизации страны (1956), эти вопросы меня мало заботили, мне даже в голову не приходило, что не обязательно сверять свои мысли с ответом в конце задачника, – отличники учебы любят готовые ответы. А когда я постепенно поумнел, то научился выражать наиболее важные и крамольные мысли между строк, эзоповым языком, не вступая в прямую конфронтацию с системой. Читатели 1960—70-х годов этот язык отлично понимали, его расшифровка даже доставляла всем нам некоторое эстетическое удовольствие, и возникало чувство «посвященности», принадлежности к особому кругу. Но при этом мысль неизбежно деформировалась. Мало того, что ее можно было истолковывать по-разному. Если долго живешь по формуле «два пишем, три в уме», в конце концов сам забываешь, что у тебя в уме, и уже не можешь ответить на прямой вопрос не из страха, а от незнания. Поэтому такой психологически трудной оказалась для многих из нас желанная гласность. Людям, выросшим в атмосфере двоемыслия и «новояза», тяжело переходить на нормальную человеческую речь.

Я не говорю уже о неизбежных нравственных деформациях. Психологически все человеческие качества, будь то ум, честность

или смелость, относительны, но в моральном смысле быть «не совсем честным» – то же самое, что «немножечко беременным». И когда ты это осознаешь – уважать себя становится невозможно.

И все-таки не торопитесь с приговором. В тоталитарном обществе юноша утрачивает интеллектуальную и нравственную невинность гораздо раньше, чем становится способным к самостоятельному выбору. Коллективизм-конформизм и крайне идеологизированное воспитание развращали нас с детства, официальные нормы и стиль поведения воспринимались как нечто естественное, единственно возможное, а интеллектуальные сомнения и нравственная рефлексия приходили, если вообще приходили, много времени спустя. А перевоспитание и самоперевоспитание – процесс значительно более сложный, чем первичная социализация. Ведь нужно преодолеть не только страх и внешнее давление, но и инерцию собственного отрицательного опыта.

Выдавить из себя раба по капле, как это рекомендовал Чехов, практически невозможно: рабская кровь самовосстанавливается быстрей, чем выдавливается.

Тут нужно гораздо более радикальное обновление. Действительно свободными становились только те, кто полностью, хотя бы внутренне, порывал с системой, начиная жить по другой школе ценностей, – открытые диссиденты, правозащитники и те интеллектуалы, которые сознательно писали «в стол». Но таких людей было очень мало. Для этого требовались не только смелость, но также определенный тип личности и наличие соответствующей среды.

Тем более что «раб в душе советского человека не сконцентрирован в какой-то одной ее области, а, скорее, окрашивает все происходящее на ее мглистых просторах в цвета вялотекущего психического перитонита, отчего не существует никакой возможности выдавить этого раба по каплям, не повредив ценных душевных свойств»[1].

Разные поколения объективно обладают неодинаковым потенциалом инакомыслия. Чем дальше заходило внутреннее разложение тоталитарной власти и идеологии, тем легче было осознать их убожество и найти в этом единомышленников. Сдержанный скепсис родителей перерастал у детей в полное отвержение системы. Мое поколение подвергалось значительно меньшему социальному и духовному давлению, чем люди тридцатых годов, студентам 1960-х уже трудно было понять некоторые ситуации десятилетней давности, а молодежи 1990-х казалась странной трусость или беспринципность, называйте, как хотите, 1970-х. Нет, я никого и ничего не оправдываю, во всех

поколениях были разные люди, но вне исторического контекста понять их нельзя.

Со стороны и постфактум многое видится иначе, чем изнутри. Однажды в 1950-х годах в одной интеллигентской компании я упомянул недавно вернувшегося из тюрьмы всем известного и весьма приятного историка, с которым я был знаком до его посадки. «А вы знаете, что он не только историк, но и биограф?» – «Что значит – биограф?» – «Это человек, на основании показаний которого арестовывали других людей, так что будьте с ним поаккуратнее». Я огорчился, потому что этот человек мне нравился и сидел абсолютно ни за что. Но когда я рассказал этот случай старому коммунисту Моисею Исаевичу Мишину, просидевшему больше двадцати лет и сохранившему не только верность своим идеалам, но и ясность ума и безукоризненную порядочность, он сказал: «Лучше воздержитесь от оценок. Вы не были в подобной ситуации, не знаете, как там было страшно, как ломались даже очень сильные люди. Неизвестно, как вы сами повели бы себя. Может быть, Н. был действительно доносчиком, а может быть, его просто обманули или запугали? Не зная всех обстоятельств, лучше избегать оценок». Я вспомнил, сколько в моей недолгой и отнюдь не экстремальной жизни уже было беспринципных компромиссов, и согласился с этим суждением. Тем более что в советское время практически каждого подозревали в том, что он стукач. Отчасти спонтанно, а отчасти потому, что это помогало КГБ разобщать людей.

Еще труднее интерпретировать старые тексты. Когда-то в молодости, поддавшись обаянию предисловия знаменитого арабиста И. Ю. Крачковского, я купил сочинение средневекового арабского мыслителя, которого академик назвал ярким и свободомыслящим. Стал читать – и почти в каждом абзаце спотыкался об упоминания Аллаха, проклятия по адресу неверных и т. п. Поделился своим разочарованием с А. Д. Люблинской, дескать, Крачковский все приукрасил. А она сказала: «Вероятно, Крачковский все-таки прав. Вы ведь других авторов этого периода не читали. В то время без ссылок на Аллаха не обходился никто, а у него это просто формальные слова, и ценили его не за них».

Конечно, 1950-е годы – не Средневековье, но и там были свои условности и правила игры. Идеологические ярлыки, которые сегодня нас отталкивают, в свое время были общим местом, на них не обращали внимания, потому что видели за текстом подтекст, который у разных авторов был совсем не одинаковым.

Часть первая
Люди и обстоятельства

Детство и юность

Все человеческие судьбы слагаются случайно, в зависимости от судеб, их окружающих.

Иван Бунин

Я родился в Ленинграде 21 мая 1928 года. Несмотря на всяческие трудности, мое детство всегда казалось мне счастливым.

Я был внебрачным ребенком, отец, врач-рентгенолог, иногда заходил к нам в гости (что он мой отец, я узнал лишь в восемь лет) и оказывал некоторую материальную помощь, которая была особенно ценной в годы войны, но душевной близости с ним у меня не было. Это был просто знакомый мужчина, ничем не лучше и не хуже других взрослых. Мама не настраивала меня против него (вполне возможно, что у них был просто курортный роман, а аборт мама делать не хотела). В раннем детстве отца мне, вероятно, недоставало. Летом на концертных площадках я не раз, будучи смышленым и общительным, приводил к маме понравившегося мужчину в качестве кандидата в папы, понятия не имея, что это значит. Но ко времени знакомства с реальным отцом эта потребность уже прошла, а найти ко мне подход он не мог, да и вряд ли это вообще было возможно.

После войны, когда я был уже студентом, отцу, возможно, хотелось со мной сблизиться (у них с женой детей не было), но для этого не было никаких условий. Отец работал в военном госпитале и иногда отдавал мне скопившийся у него хлеб (время было голодное), для этого я должен был приезжать к госпиталю и встречаться с ним украдкой за углом. Хлеб был абсолютно законный, но я был точной копией отца, и он не хотел, чтобы его коллеги видели нас вместе. Я это прекрасно понимал, но все равно это было оскорбительно.

Однажды из-за нашего сходства отец даже попал в смешное положение. Он лег на операцию в Военно-медицинскую академию, где профессором был отец моего довоенного одноклассника В. Г. Вайнштейн. Владимир Григорьевич хорошо знал мою маму, но понятия не имел, кто мой отец, однако не увидеть сходства было невозможно, и во время обхода он сказал отцу: «Я знаю вашего сына, замечательный мальчик!» Отцу пришлось молча покраснеть. Как только мне исполнилось восемнадцать, отец перестал материально помогать, наши

встречи прекратились, а в 1949 г. в Кишиневе его убили бандеровцы… Я не называю здесь его фамилию не потому, что питаю к нему враждебные чувства (насколько я знаю, это был вполне достойный человек) или чего-то стесняюсь. Просто в моих документах его фамилии никогда не было, а я привык к точности в анкетах.

Зато мама посвятила мне всю жизнь и всемерно помогала моему развитию. В сущности, я выжил случайно. Я родился почти нежизнеспособным семимесячным недоноском. К тому же в родильном доме меня не перепеленывали, а на кормление приносили в упакованном виде. Когда дома мама меня впервые распеленала, она пришла в ужас: у ребенка практически не было кожи, даже мыть его обычной водой было нельзя. Когда она пришла за справкой о продлении больничного листа, молодой врач сказал: «Мамаша, разве вы не видите, что ваш мальчик не жилец? Пожалуйста, я продлю вам бюллетень не на неделю, как положено, а сразу на месяц, все равно ребенок умрет через три дня». Однако мама меня выходила.

В детстве я много и серьезно болел. В годовалом возрасте вдруг стала трястись голова, мама не могла понять, в чем дело, а когда однажды неожиданно раньше времени вернулась домой, обнаружила, что молодая нянька меня била, уткнув головой в подушку, чтобы не плакал. Потом на моих глазах грузовик сбил газетный киоск, в котором сидел знакомый инвалид. Это вызвало у меня страх улицы, потребовалось вмешательство крупнейшего детского невропатолога. Когда мама пыталась вызвать его домой, он отказался, а когда она меня привезла, сказал: «Как можно было ребенка в таком состоянии везти в трамвае?!» – «Я же вам объясняла…» – «Ну, я подумал, что матери всегда преувеличивают». Потом это все прошло.

В шестилетнем возрасте я перенес энцефалит. Определили его только ретроспективно, когда я стал приволакивать ногу и обнаружилась плохая координация движений, из-за которой меня освобождали от уроков физкультуры. Это всех устраивало. Я не любил предмета, в котором заведомо не мог быть первым, мама дрожала за мое здоровье, а учителя не хотели лишних неприятностей (я как-то неловко и опасно падал). Став взрослым, я понял, что это была ошибка, последствия энцефалита вполне можно было «разработать», но чего не сделали, того не сделали. То ли до, то ли после моей многодневной спячки начались тяжелые носовые кровотечения, природа которых так и осталось непонятной (они периодически продолжались лет до двадцати пяти, последний раз я едва не умер одновременно со Сталиным, «неотложка» никак не могла остановить кровь). Однажды мама

вызвала на дом знаменитого профессора, а меня строго предупредила, чтобы не проболтался, что она медсестра: если профессор об этом узнает, он не сможет взять деньги (неписаная врачебная этика), а без денег он бы не поехал, да и просить неудобно. А деньги, по ее зарплате, были немалые…

Во время этой длительной болезни, чтобы мне было не так одиноко, она купила белого крысенка и пустила его прямо ко мне в постель. С Витькой мы долго жили вместе. Это был замечательно умный и чистоплотный зверь. Трудно было только научить его не грызть чулки и обувь и позволять чистить его гнездо (он жил в небольшом аквариуме), где он хранил свои продовольственные запасы. Больше всего он любил сыр. Когда приходили гости и садились за стол, он доставал оттуда самую черствую хлебную корку, садился на задние лапки и демонстративно начинал ее грызть, после чего не угостить его чем-то вкусным было невозможно. Однажды мама неплотно закрыла дверь и, вернувшись в комнату, застала жуткую сцену: на краешке своего аквариума сидит и умывается Витька, а перед ним сидят и смотрят три очумелые от удивления кошки, никогда не видевшие такого бесстрашного зверя! Когда ко мне приходили ребята и мы выстраивали армии оловянных солдатиков, Витька смахивал их одним движением хвоста или норовил украсть картонную пушку, а если его запирали в аквариум, серьезно обижался…

Несмотря на мамину более чем скромную зарплату, я ни в чем не уступал одноклассникам. У меня были дорогие книги; лучше всего помню «Маугли», «Цари морей» (о походах викингов) и «В царстве черных» (о путешествии в Африку), настоящий микроскоп и огромный набор «Химик-любитель», с помощью которого мы с ребятами однажды устроили дома что-то вроде пожара.

Чтобы избежать возможных опасных последствий детского самоуправства, мама применяла нечто вроде дисциплины естественных последствий. Когда я стал все подряд нюхать, мне был предложен нашатырный спирт. Потом меня привлекли горячие угольки в печке. Мама приготовила перевязочный материал, подгребла маленький уголек и не помешала мне его схватить. Ребенок был настолько мал, что не смог разжать кулак с редкой драгоценностью, поэтому ожог оказался сильнее, чем предполагалось, зато потом я ходил вокруг печки восхищенно-опасливо, ничего из нее не хватая. Мамина подруга, у которой был мальчик того же возраста, что и я, упрекала маму в неоправданной жестокости. Но когда ее сынишка, которого тоже привлекало все блестящее, на минуту оставшись без присмотра,

буквально сел на кипящий чайник и сжег себе мошонку, она признала, что мамин подход был лучше.

Я был тугодумом. Года в три мне подарили красивую красную рубашку, и я сказал: «Я буду мальчик-красавчик!» Мама ответила: «Лучше будь умным». Через несколько часов, когда мама уже забыла об этом разговоре, я вдруг сказал: «Мама, но ведь этого же не видно…» (выяснилось, что подразумевался ум). В другой раз, в песочнице, когда какой-то мальчишка меня ударил, я заревел и пожаловался маме. Мама сказала: «Так дай ему сдачи!» Через два часа, когда о ссоре все забыли и мой обидчик спокойно что-то строил, я молча подошел и стукнул его. «Что ты делаешь?!» – «Я дал ему сдачи!»

Жили мы в огромной коммунальной квартире – одиннадцать съемщиков, с одним-единственным туалетом, он же – ванная. Несмотря на неизбежные ссоры, в целом отношения между жильцами были хорошими. Примусы у каждого были свои, а отдельных штепселей вроде бы не было.

Мама работала, а я был слишком мал, чтобы самостоятельно зажигать примус или керосинку, поэтому вечерами соседи разогревали мне ужин и давали кипяток для чая. Кстати, одним из соседей был Адриан Иванович Пиотровский (1898–1938), в то время – директор Ленфильма и, как я узнал много лет спустя, выдающийся переводчик, филолог, драматург, литературовед, театровед и киновед. Он и его жена Алиса Акимовна очень хорошо ко мне относились. Однажды, когда я попросил у нее кипятку, она сказала: «Зачем? Приходи к нам пить чай!» Я пришел с собственной чашкой и заваркой. «Зачем? У нас есть чай». – «Чтобы не одалживаться». Мама потом объяснила мне, что из всех правил бывают исключения, но просить и одалживаться я до сих пор не люблю. Потом Пиотровские получили отдельную квартиру в новом ленфильмовском доме, а в 1937 году Адриана Ивановича арестовали и вскоре расстреляли…

В детском саду и в школе у меня все было хорошо. Учеба по всем предметам, кроме чистописания, а позже – черчения, давалась легко, но с раннего детства я больше всего любил историю. Отношения с одноклассниками были отличными, детские дружбы восстановились даже после войны. Драться я не любил, но если нападали – приходил в ярость, так что драчуны предпочитали не приставать. Школа – бывший послепушкинский лицей – казалась огромной и очень красивой. Я был очень правильным и законопослушным мальчиком. Найдя в скверике напротив дома, где я обычно гулял, потерянную кем-то непочатую плитку шоколада, сдал ее в находившееся рядом отделение милиции, милиционеры ее взяли и обещали найти хозяина. Дома

надо мной долго смеялись.

Беззаботное детство было разрушено войной. Осенью 1941 года маму как медсестру послали сопровождать эшелон эвакуированных в Чувашию. По дороге наш эшелон обстреливали, но мне это не казалось страшным, наоборот, запомнились разноцветные трассирующие пули – красиво. Мы собирались через месяц вернуться, даже не взяли с собой теплых вещей, а застряли в Мариинском Посаде на три года. Было холодно и голодно. По карточкам выдавали только хлеб, ведро картофельных очистков стоило на рынке сорок рублей. Когда кто-то из ребят приходил в школу, наевшись чеснока, в памяти возникал запах колбасы, а описание колбасной лавки в «Чреве Парижа» вызывало настолько сильные желудочные переживания, что я не смог дочитать роман Золя. Многие местные жители эвакуированных не любили, считая, что это из-за них все дорожает. А поскольку среди эвакуированных было много евреев, бытовая неприязнь оборачивалась антисемитизмом.

В городе стояла непролазная грязь, идти до школы было неблизко, а на ногах – дырявые ботинки на деревянной подошве. Сначала я старался идти осторожно, чтобы не промочить ноги, но грязная холодная жижа понемногу все-таки проникала внутрь. Это было очень противно, и я стал делать иначе: прямо у дома становился обеими ногами в лужу, после чего терять было уже нечего и можно было идти быстро, не глядя под ноги. Думаю, я нашел правильный способ. Организм знал, что болеть нельзя, и держался. Тем не менее летом я подцепил какую-то непонятную болезнь крови: от укусов заволжских мух на ногах возникли трофические язвы, почти до кости, их следы сохранялись лет тридцать, если не больше.

Но в детстве все переживается легко. В победе над немцами, хотя они были практически рядом, мы не сомневались ни секунды, работали в колхозе, собирали металлолом и т. д. С последней темой связаны мое первое напечатанное стихотворение, первый литературный гонорар (три рубля) и первый конфликт с редактором. Стихи начинались так:

Цветные металлы нужны для страны,
На танки, на пушки, на пули.
Весь лом металлический сдать мы должны,
А всюду ли мы заглянули?

Когда районная газета вышла, я с ужасом обнаружил, что «пули» заменили на «снаряды». Пошел выяснять отношения с редактором, объяснил ему, что «пули» и «заглянули» рифмуются,

а «снаряды» – нет. Кроме того – размер. Но редактор меня не понял, сказал, что пули никуда заглядывать не могут, а для снарядов металла нужно больше.

Чтобы получить бесплатное жилье, мама ушла из больницы и устроилась работать комендантом учебного корпуса Чувашского госпединститута. Это открыло передо мной двери богатой институтской библиотеки. Никогда в жизни я не читал так много и продуктивно, как в шестом-седьмом классах. Интересным было и неформальное общение с институтскими преподавателями. В седьмом классе я каким-то образом подсчитал, что, даже ничего больше не делая, человек за всю жизнь не сможет прочитать больше десяти-двенадцати тысяч книг, и очень расстроился. Слепой доцент-историк Георгий Иванович Чавка объяснил мне, что все не так страшно, многие книги можно читать не подряд, а выборочно, а так как школьную программу я явно перерос, подсказал идею сдать экзамены за старшие классы экстерном, что я и сделал, став в пятнадцать лет студентом истфака. Кроме обязательных предметов, я параллельно занимался тремя иностранными языками, составлял собственные четырехъязычные словари и т. д. В дальнейшем все это пригодилось.

Осенью 1944 г. мы вернулись в Ленинград, где я продолжил образование на истфаке Ленинградского пединститута им. А. И. Герцена. Назвать это жизнью можно лишь условно. Наша двадцатиметровая комната была незаконно заселена, на взятку чиновникам у мамы не было ни денег, ни умения. Кроме того, мы вернулись самочинно, без официального вызова Ленсовета, так что, несмотря на ленинградский паспорт, не могли восстановить прописку. Чтобы как-то существовать, мама устроилась работать в больницу в Токсово, под Ленинградом, а меня не могли поселить даже в институтском общежитии. Бездомная жизнь без продовольственных карточек, с ночевками у разных знакомых, откуда меня иногда выгоняла на улицу милиция (в отделение ночевать не пускали), была страшной. Произошло даже что-то вроде рецидива энцефалита (я несколько дней подряд спал). На письма в официальные инстанции приходили стандартные отказы. Они были не лишены комизма. Выстояв несколько дней в очереди в управление милиции, ты получал письменный отказ и предписание покинуть город в двадцать четыре часа, но следующий раз с этой грозной бумагой ты имел право пройти без очереди. Впрочем, смеющихся людей я в этих очередях не видел. Бросать учебу и ехать работать на лесозаготовки (единственное, что предлагалось) я категорически не хотел.

Помогли стихи. Ничего оригинального в моих виршах не было, но в очередное послание А. А. Жданову я вложил

следующие стишата:

Без прописки и без хлеба
И без всякого жилья
Под открытым сводом неба
Проживаю нынче я.

Не ломал замков в квартирах
И людей не убивал,
Не бывал и в дезертирах,
А в преступники попал.

От милиции скрываюсь,
Перед дворником дрожу,
Я по лестницам скитаюсь,
В разных садиках сижу.

Газированной водою
Запиваю грусть свою
И с напрасною мечтою
На приемах я стою.

Всей душой хочу учиться,
А учиться не дают.
Где, к кому мне обратиться,
Как найти себе приют?

Стихи тронули какую-то обкомовскую секретаршу, письмо «мальчика-поэта» переслали по инстанциям, в результате Горбюро по распределению рабочей силы выдало мне необходимое направление на учебу, а райжилотдел предоставил нам с мамой девятиметровую комнату в коммунальной квартире на улице Рубинштейна, 18, рядом с Малым драматическим театром, во втором дворе-колодце. Там мы прожили до 1956 г., в этих условиях я написал обе свои кандидатские диссертации.

Я спал на диване, а мама – на раскладушке. Уединиться было негде, зато когда в комнатушку набивалось по четверо-пятеро друзей, оторваться от компании никто не мог. Улучшить жилищные условия удалось только в 1957 году, когда мы получили две смежные комнаты (та, в которой я спал и работал, была 6 метров в длину и 1,8 метра в ширину, а мамина, проходная, – на 40 сантиметров шире) в коммунальной квартире (Лиговка, 58) с невыносимо скандальными соседями.

Рассказывать об этой жизни не хочется. Отдельную

двухкомнатную квартиру, 30 квадратных метров на улице Типанова, 5, мы получили лишь в 1961 году, когда мне было тридцать три года и я уже три года был доктором наук. Когда позже я писал, что самым страшным фактором советской сексуальности было отсутствие места, я знал это не понаслышке.

Герценовский институт в 1944 г. был довольно неприглядным местом. В неотапливавшихся все годы войны аудиториях стоял собачий холод, студенты сидели в пальто и валенках, чернила замерзали, профессора читали лекции в пальто. Тем не менее было весело. Между прочим, после каждого институтского вечера в знаменитом белоколонном актовом зале уборщицы выметали на хорах кучи использованных презервативов (это – к вопросу о нравственности).

Как и раньше, я был круглым отличником, занимался в основном самостоятельно, много читал. Хотя, в отличие от Марпосада, в Ленинграде по карточкам давали не только хлеб, но и другие продукты, жизнь была голодная. Отличникам давали дополнительные талоны на обед, так называемое усиленное диетическое питание (УДП). Студенты расшифровывали эту аббревиатуру: «Умрешь днем позже». После того как я получил Сталинскую стипендию (780 рублей, это были большие деньги, решение утверждал Совмин РСФСР), жить стало легче.

Впрочем, бедность тогда не была такой тяжелой проблемой, как позже, потому что почти все были бедны. Конечно, когда ты влюблен, а твои единственные парусиновые туфли продрались и дырку приходится замазывать чернилами, это невесело. Но в те годы даже самые кокетливые парни могли ходить на институтские вечера в лыжном костюме, и это нисколько не мешало успеху у девушек. У меня даже выработались некоторые принципы, сохранившиеся на всю жизнь.

Летом 1946 г. я отдыхал в доме отдыха «Подгорное», между Ленинградом и Москвой. Смена состояла из студентов и старшеклассников, практически моих ровесников. Среди них был десятиклассник по имени Лева, во всех отношениях милый и приятный мальчик, на котором был уникальный по тем временам, красивый, явно сшитый на заказ, костюм. Леве никто по этому поводу не завидовал, но поскольку эта примета была самой яркой, за глаза его все называли «костюмный Лева». Я задумался и решил, что вот этого я не хочу. Я готов соперничать с другими ребятами, но не с собственными вещами. Вещи не должны быть ярче хозяина. Позже, когда у меня появились деньги, я избегал слишком дорогих вещей. Красивый сервиз – это прекрасно, но если разбитая чашка становится драмой, лучше иметь посуду попроще. И зачем нужна полированная мебель, если из-за нее

ваши дети не смеют пригласить в дом своих приятелей? Такая установка сохранилась у меня по сей день. Впрочем, это можно объяснить и иначе. Может быть, я просто лодырь и неряха, которому лень заботиться о своих вещах, а глубокая философия на мелком месте дает этому благовидное обоснование. Уверен, что так оно и есть. Тем не менее «костюмного Леву» и свои размышления на его счет я помню совершенно отчетливо.

Еще одна психологическая особенность – сколько себя помню, никогда не стремился быть оригинальным. Когда занялся наукой, это стало сознательным принципом. Главное – сделать дело хорошо, на пределе своих возможностей, а окажется ли твой труд оригинальным (для кого и по каким критериям?) – от тебя не зависит. Эйнштейна однажды спросили, как он записывает новые мысли. Он ответил, что не выработал такого метода: единственный раз, когда ему пришла новая мысль, он записал ее в виде теории относительности, а с тех ничего нового в голову не приходило. По этому критерию, мы все должны замолчать, и это было бы неправильно.

Все мои однокурсники были значительно старше меня, многие вернулись из армии, так что интимной дружбы с ними, в которой нуждается юность, быть не могло. Но во время педпрактики, а затем – благодаря комсомольской работе я восстановил контакты с ровесниками и нашел близких друзей, отношения с которыми сохранились до конца жизни. Первая серьезная любовь возникла во время педпрактики в 216-й женской школе. Похоже, что я сам узнал о своей влюбленности последним, все девочки в 10-м классе и их приятели из 206-й мужской школы заметили это раньше. Это был серьезный удар по самолюбию. Не зная, что с мальчиками так бывает часто, я расстроился и решил впредь стать непрозрачным, в дальнейшем о моих чувствах, как правило, знали только те, кого я в них посвящал. Впрочем, став взрослым, я понял, что это была очередная глупость: нужно было учиться не скрывать свои чувства, а просто не обращать внимания на окружающих.

Институтские преподаватели казались мне хорошими. Слушать и, тем более, записывать лекции я не умел и не любил, предпочитая одалживать конспекты у девочек, зато разговаривать с преподавателями было интересно. Курс новой истории живо и занимательно читал Владимир Карпович Добрер. Всеобщий любимец, профессор университета С. Б. Окунь красочно показывал в лицах, как заговорщики душили Павла I.

Преподавал у нас и многолетний легендарный декан истфака ЛГУ Владимир Васильевич Мавродин. Хотя на нашем курсе он не читал, я часто разговаривал с ним. Однажды он поразил меня

утверждением, что среди ученых процент дураков значительно выше среднего. «Почему?» – спросил я. «Потому что природная ограниченность интеллекта усугубляется узостью научной специализации». В другой раз, когда речь зашла о какой-то несправедливости, Мавродин сказал: «Знаете, Игорь, в науку люди идут разными путями. Одни пробивают себе дорогу головой, у других она слабая, но природа компенсировала это крепкими локтями. Как показывает опыт, этот путь даже более эффективный, хоть и не самый приятный для окружающих». Запомнились и слова академика В. В. Струве, сказанные по поводу «дискуссии» вокруг работы Сталина «Марксизм и вопросы языкознания»: «Дерзай, но не дерзи!» Много дало личное общение с заведующим кафедрой истории СССР Виктором Николаевичем Бернадским, у которого я бывал дома. Это был очень образованный, глубокий и тонкий человек.

Как ни странно, существенное влияние на меня оказали некоторые непрофильные, заведомо «ненужные» курсы, например педагогика. Я не собирался работать в школе и к педагогике относился скептически (среди студентов было популярно ироническое высказывание профессора Десницкого: «педагогика **как** наука»), но лекции Леонида Евгеньевича Раскина прослушал целиком, они были захватывающе умны и интересны. Когда в аспирантские годы мне пришлось проводить в школах диспуты о смысле жизни, дружбе и любви, я обратился за советом именно к нему. Кстати, даже нескромные молодые люди, а я был именно таким, подчас недооценивают интерес, который к ним питают старшие. Узнав домашний телефон Раскина, я позвонил ему и сказал: «Это говорит ваш бывший студент с истфака». – «А кто именно?» – «Да вы меня не помните». – «Ну, а все-таки?» – «Кон». – «Как же, Игорь, я вас прекрасно помню». Я был страшно польщен, а когда повзрослел, понял, что это было вполне естественно: я был самым младшим на курсе, к тому же сталинским стипендиатом, как же было профессорам меня не помнить?

Большинство исторических курсов давали добротные факты, но думать не учили. А вот совершенно ненужный мне курс методики преподавания истории, который читала Наталья Владимировна Андреевская, делал именно это. Формально она преподавала методику: как рассказать детям о конкретном историческом событии, например о 18-м брюмера. На самом же деле это был глубокий анализ исторического факта, выяснение скрытых возможностей исторического события, которое могло бы произойти и иначе. Когда я стал заниматься философией и методологией истории, мне это очень пригодилось. Не

исключено, что даже интерес к понятию факта возник из этой лекции, я ведь не писал, а думал.

Очень плодотворным было общение с заведующим кафедрой философии доцентом Сергеем Степановичем Киселевым. До его лекций я вообще не подозревал о существовании философии, думал, что это одно из преодоленных марксизмом буржуазных заблуждений. Оказалось – нет. Неформальные беседы с Киселевым были для меня уроками мудрости. Подведя свои личные итоги по окончании института, я поделился с ним, что вот, дескать, вроде бы хорошо учился, а все равно ничего не знаю. «Так и должно быть, – сказал С. С. – Единственное, что дает вуз, – умение самостоятельно черпать знания. А девятнадцать лет – вообще петушиный возраст, все только начинается».

Забавные воспоминания сохранились о курсе политэкономии. Политэкономию капитализма мы изучали всерьез, по «Капиталу», но когда пришла очередь социализма, стало ясно, что никакой науки там и в помине нет. Свой психологический шок от знакомства с политэкономией социализма хорошо описывает в своих воспоминаниях моя ровесница Т. И. Заславская[2]. Но для меня и моих приятелей (об остальных судить не могу) этот предмет не был профилирующим, «совершенствовать» его мы не собирались и просто повторяли на экзаменах выученный вздор, не придавая ему ни малейшего значения.

Так же было и с историей партии. Как говорил (о богословии) гетевский Мефистофель («Фауста» я читал и многое знал наизусть еще до поступления в институт),

> Наука эта – лес дремучий,
> Не видно ничего вблизи.
> Исход единственный и лучший:
> Профессору смотрите в рот
> И повторяйте, что он врет.
> Спасительная голословность
> Избавит вас от всех невзгод,
> Поможет обойти неровность
> И в храм бесспорности введет.

Никаких теоретических споров и последующих идеологических разборок с однокурсниками, подобных тем, о которых рассказывает Заславская, у нас не было. Не столько потому, что для историков этот предмет был второстепенным, или потому, что мои однокурсники были старше и циничнее юной Тани Карповой, сколько потому, что интеллектуальный уровень герценовских студентов 1946/47 годов был значительно

ниже, чем студентов МГУ 1948–1950 годов. Это делало нашу жизнь более безопасной, но менее интеллектуально напряженной.

Впрочем, несерьезность экономической теории социализма понимали и преподаватели. На консультации перед экзаменом неглупый майор из какой-то военной академии сказал нам: «Ребята, вы сдаете политэкономию социализма. Обычно студенты по любому вопросу сначала рассказывают, как обстоит дело при капитализме, а потом говорят: “А при социализме все наоборот!” Так вот, для экономии времени, про капитализм вы расскажите молча, про себя, а мне сразу же говорите “наоборот”». Действительно, про социализм было известно только, что здесь все не так: товар – не товар, деньги – не деньги, закон стоимости не действует или действует как-то иначе. И самое интересное, хотя мы об этом не задумывались, это была чистейшая правда, в СССР на самом деле все было «не так». Иногда мы развлекались, задавая преподавателю заведомо глупые провокационные вопросы, например: почему на улицах много нищих?

Видимость научной строгости в гуманитарных предметах создавалась исключительно жесткими формальными определениями и классификациями, без которых все рассыпалось. Многие формулы были священными. До XIX съезда партии «основщики» (преподаватели основ марксизма) задавали, например, такой вопрос: «Как стоґит Советская власть?» Единственно правильным ответом было: «Как утес» (так сказал на каком-то съезде Сталин). А после XIX съезда такой ответ означал бы твердую двойку, потому что «утес» превратился в мировую социалистическую систему. Моему другу А. Давидсону, круглому отличнику, на госэкзамене в 1953 г. попался вопрос «Три источника силы и могущества нашей партии по докладу Маленкова на XIX съезде партии». Он отболтал все как надо, но получил тройку, потому что важна была именно священная троица. В это время я был связан с «Вопросами философии» и спросил кого-то из тех, кто этот доклад сочинял, – естественно, они тоже этого не знали.

Задумываться о священных формулах было опасно. Один мой коллега-философ, устав от долгого экзамена и услышав в ответ на вопрос о причинах превращения человека в обезьяну, что обезьяна встала на задние ноги и кругозор ее расширился, спросил: «А как насчет жирафа? У него кругозор должен быть еще шире?» Студент задумался, а преподавателя прошиб холодный пот: он вспомнил, что это чуть ли не дословная цитата из ранней работы Сталина «Анархизм или социализм». Такие шуточки могли кончиться плохо. Не дав студенту опомниться, он поставил ему пятерку и отпустил. Все обошлось.

На младших курсах я интересовался всеми предметами. Но уже в начале третьего курса первоклассный специалист по истории английской революции доцент Генрих Рувимович Левин дал мне тему: общественно-политические взгляды Джона Мильтона. Эта работа превратилась затем в кандидатскую диссертацию. Я сомневался, смогу ли читать английские тексты XVII века, если даже современный английский знаю плохо, но Левин заверил меня, что языковые навыки совершенствуются в процессе работы. Он был прав. Сначала действительно было трудно, я смотрел в словаре каждое второе слово. Сказывалась и низкая общеисторическая культура. Например, я не мог понять, что значит «Mosaic law», – никакого «мозаичного закона» в словаре не было. Потом до меня дошло, что речь идет о законе Моисея, историю религии мы вовсе не изучали.

Молодость преодолевает все. Я с увлечением штудировал политические памфлеты XVII века. Между прочим, оказалось, что мильтонова «Ареопагитика» («Речь о свободе печати») была в 1789 г. издана во Франции, но кто ее перевел – было неизвестно. Я рискнул спросить наезжавшего в Ленинград академика Тарле. Евгений Викторович любезно обещал навести справки в Москве и в следующий свой приезд сообщил мне, что перевод принадлежит Мирабо. Я был потрясен: старый академик не забыл и не поленился выполнить просьбу постороннего мальчишки-студента! В следующем поколении ученых-гуманитариев такая обязательность стала крайне редкой. Да и многих ли академиков того времени можно было вообще спросить о чем-либо конкретном?

К сожалению, ни источниковедению, ни культуре научной работы нас не учили. Дело доходило до абсурда. Вместо того чтобы цитировать сочинения Мильтона и его современников по новейшим современным изданиям, я делал это по первым изданиям XVII в. И никто мне не объяснил, что так делать нельзя! В общем, несмотря на отличные отметки, в основном и главном я был самоучкой.

Наивность моей «методологии» помог осознать случай. На общеинститутской конференции студентов-отличников я на полном серьезе поделился своим «творческим опытом»: если начинать с углубленного изучения специальной литературы, будет трудно освободиться из-под ее влияния, поэтому я начинаю с чтения первоисточников, а уже потом смотрю литературу. Руководивший конференцией знаменитый старый литературовед Василий Алексеевич Десницкий тактично, не задевая мальчишеского самолюбия, сказал, что в таком подходе, конечно, есть свой резон, но при наивном чтении первоисточников ты

воспринимаешь только самый поверхностный срез, который наверняка уже исследовали твои предшественники. Поэтому разумнее все же начинать с изучения специальной литературы и из столкновения разных точек зрения выводить собственные вопросы и гипотезы. Старый профессор был прав. Кстати, когда потом в разговоре с ним я упомянул, что работаю преимущественно в «Публичке», он заметил, что Публичную библиотеку так называть не стоит (самому мне «неприличные» ассоциации в голову не приходили). Прошло много лет, язык стал гораздо более вольным, но совета Десницкого я не нарушаю.

Впрочем, любовь к старинным фолиантам имела и свою положительную сторону. В студенческие годы я сначала работал в студенческом зале Публичной библиотеки; учитывая мой юный возраст, даже это было привилегией. Но так как я постоянно выписывал из фонда горы иностранной литературы, меня нередко вызывали работать в научный зал. Однажды я выписал первое издание педагогического трактата Яна Амоса Коменского, которое, как мне было известно, существует в мире только в двух экземплярах (у нас и в Британском музее), и, к моему изумлению, мне его прислали. А сборник стихов Есенина нужно было читать в Круглом зале, под присмотром (он не был запретным, но не поощрялся и давно не переиздавался, а читатели выдирали страницы). Когда я рассказал это заведующей залом, та оценила мою эрудицию и добилась, чтобы мне выписали пропуск в научный зал. Вообще, библиотекари мне всю жизнь помогали, я глубоко уважаю людей этой профессии.

Супруги Люблинские

Страсти к старинным книгам я обязан знакомством и дружбой с Владимиром Сергеевичем (1903–1968) и Александрой Дмитриевной (1902–1980) Люблинскими. Каталоги Публичной библиотеки никогда не отличались единообразием, старые книги приходилось искать в разных отделах. Узнав, что в ГПБ хранится библиотека Вольтера, я подумал, что надо бы заглянуть и туда: вдруг там найдется что-то интересное, например пометки Вольтера на книгах моего героя? Услышав, зачем я пришел, заведовавший отделом редкой книги Владимир Сергеевич улыбнулся, сказал, что такой метод поиска книг несколько провинциален, но, в конце концов, раз уж вы пришли… Владимир Сергеевич показал мне библиотеку Вольтера, познакомил с ее хранителями Львом Семеновичем Гордоном и Натальей Васильевной Варбанец и пригласил заходить, что я стал охотно

делать. Через некоторое время он представил меня Александре Дмитриевне, работы которой мне были известны. Так началось наше знакомство, которое со временем, несмотря на большую разницу в возрасте, переросло в дружбу.

Общих профессиональных интересов в узком смысле этого слова у нас не было. Когда я окончил институт, Владимир Сергеевич приглашал меня поступить к нему в аспирантуру по истории книги, но я предпочел остаться на своей кафедре. Однако Люблинским нравилась моя одержимость наукой, а мне было интересно с ними. Это были довольно разные люди (Александра Дмитриевна была скорее жесткой, а Владимир Сергеевич удивительно душевным и мягким), но оба поражали меня своей эрудицией. Иногда это даже вызывало чувство неполноценности, я чувствовал, что никогда не стану столь же образованным. Но когда Александра Дмитриевна рассказывала о своих учителях, особенно об О. А. Добиаш-Рождественской, я улавливал в ее рассказе сходные нотки, и это меня утешало. Со временем я понял, что люди разных поколений различаются не столько объемом своей эрудиции, сколько ее содержанием: необходимые новые знания вытесняют часть старых, которые отчасти утрачивают свое былое значение, становясь достоянием специалистов, но почтение к учителям от этого не уменьшается.

Особенно пригодились мне знания Люблинских, когда я начал заниматься историографией и философией истории. Люблинские живо интересовались этими вопросами, мы много говорили на эти темы. В 1955 г. мы даже написали с Александрой Дмитриевной совместную статью о Марке Блоке, где впервые за долгие годы в Советском Союзе были сказаны добрые слова о «буржуазном историке».

Но главным в наших отношениях была человеческая сторона. В доме Люблинских можно было говорить обо всем, тебя внимательно выслушивали и тактично поправляли. Как-то раз я сказал, что одна плохая опубликованная статья лучше трех хороших в портфеле. Люблинские не стали осуждать мой мальчишеский карьеризм, но сказали, что это неправильно по существу. Плохая, недобросовестная работа легко становится привычкой, от которой человек уже не может избавиться. Хорошо работать надо не столько ради результата, сколько ради собственного интеллектуального и морального самосохранения.

Исключительно внимательно и доброжелательно Люблинские относились к молодым людям. Александра Дмитриевна всегда любовно рассказывала о своих учениках и ученицах, заботилась об их судьбах. Однажды она показала мне письмо своей ученицы, преподававшей не то в Витебске, не то в Харькове. Та писала, что

не знает, что делать с талантливым второкурсником, который перерос уровень провинциального вуза и в придачу вызывает к себе опасную неприязнь острым и непочтительным языком, и просила Александру Дмитриевну прочитать его курсовые работы о Данте и Макиавелли. Александра Дмитриевна предложила мне прочитать эти рукописи, и мне они тоже показались талантливыми. Вскоре их автор, Леня Баткин, приехал на несколько дней в Ленинград, и Александра Дмитриевна нас познакомила. Насколько я знаю, она и в дальнейшем помогала ему, чем могла, хотя стили их научного мышления были очень разными. Позже Л. М. Баткин стал выдающимся ученым, крупнейшим специалистом по итальянскому Возрождению, а в период перестройки – и общественным деятелем.

До последних своих дней Владимир Сергеевич и Александра Дмитриевна сохраняли свежесть восприятия жизни, в них не было ни тени консерватизма. Оказавшись во Франции во время студенческой революции 1968 г., Люблинская была целиком на стороне студентов, не правительства. Мы даже слегка поспорили об этом.

К сожалению, смерть Александры Дмитриевны была, возможно, ускорена недоброжелательным отношением администрации Ленинградского отделения Института истории. Получив возможность ездить за границу лишь в конце жизни, Люблинская этим, естественно, очень дорожила. Но когда она в последний раз собралась по частному приглашению (за казенный счет ездили другие, не столь ученые люди) в Англию, администрация ЛОИИ под разными предлогами (возраст, плохое здоровье, хотя А. Д. два года перед этим ни разу не бюллетенила) отказывала ей в характеристике, без которой нельзя было получить разрешение на выезд. Когда же Александра Дмитриевна категорически потребовала – благоразумные люди этого никогда не делали, чтобы не восстановить против себя всю партийно-кагебешную систему, вы могли просить, но не жаловаться, – выдать ей какую угодно характеристику, ей выдали абсолютно положительный текст, заканчивавшийся словами, что к поездке ее не рекомендуют ввиду преклонного возраста. В ОВИРе очень удивились такой беспрецедентной бумаге, но сказали, что состояние здоровья путешественника их не касается, и выдали Александре Дмитриевне заграничный паспорт. Это доказывает, что дирекция ЛОИИ действовала в данном случае не по подсказке КГБ, а в порядке самодеятельности, так же как в Москве руководство Института истории до перестройки никуда не выпускало А. Я. Гуревича.

Эта оскорбительная волокита стоила Люблинской много

нервов. Когда перед самым вылетом, уже после таможенного контроля, у нее вдруг неожиданно забрали «на проверку» паспорт (через полчаса его вернули, позже Александра Дмитриевна «вычислила», что дело было в плохой фотографии), она подумала, что ее таки достали. В самолете у нее произошел тяжелый сердечный приступ, от которого она в Англии с трудом оправилась. По возвращении она рассказывала об этом с горьким юмором.

Впрочем, отсидеться за старыми фолиантами в пору социальных бурь было невозможно. К концу моего аспирантского срока началась кампания против космополитизма, в институте пошли разговоры: «Зачем поднимать какого-то англичанина?» Перетрусившие члены кафедры стали критиковать меня за идеализацию Мильтона, дескать, «революционность его была относительна, а буржуазная ограниченность – абсолютна» (дословная цитата одной очень умной женщины). Я, конечно, понимал, что это чушь. Тем не менее пришлось с серьезным видом доказывать, что Мильтон, при всем его величии, «не дозрел» до идеи диктатуры пролетариата и до исторического материализма, а для характеристики «реакционной буржуазной историографии» заимствовать слова из энгельсовского «Анти-Дюринга»; что-что, а браниться основоположники умели…

Конец моей аспирантуры совпал во времени с кадровым разгромом Герценовского института (слабые отголоски «ленинградского дела»). Многолетнего директора и заведующего нашей кафедрой, в высшей степени порядочного человека, Ф. Ф. Головачева сняли, назначив на это место какого-то «основщика», который перед защитой поручил прочитать мою диссертацию кому-то из своих коллег. Дело было не во мне: в период борьбы с космополитизмом любая «западная» тема выглядела подозрительно. Что написал этот человек – не знаю, видимо, ничего плохого. Новый директор лично присутствовал на защите, уйдя ради этого с какого-то важного совещания, тем не менее защита прошла благополучно, все проголосовали за.

Впрочем, диссертация не занимала меня целиком. Меня тянуло к более общим, философским вопросам. Не сказав никому ни слова, я сдал на юридическом факультете ЛГУ второй кандидатский минимум – по теории государства и права и истории политических учений. Когда об этом узнали на кафедре, меня осудили, хотя никаких претензий к моей основной работе не было. Я не стал спорить, но тут же сдал на кафедре Киселева третий минимум, по философии, а затем представил вторую кандидатскую диссертацию – об этических воззрениях Н. Г.

Чернышевского.

Если работа о Мильтоне была исключительно книжной, то философская диссертация выросла из комсомольской работы. В студенческие и аспирантские годы я был внештатным инструктором по школам Куйбышевского райкома комсомола Ленинграда. Это дало мне возможность восстановить отношения со сверстниками, которые еще были школьниками. Мои ближайшие друзья Аполлон Борисович Давидсон (в дальнейшем – крупнейший историк-африканист) и Изяслав Петрович Лапин (в дальнейшем – выдающийся психофармаколог) оба учились в 206-й школе.

Комсомольской карьеры я делать не собирался, с моей фамилией это было бы невозможно. Но человеческая обстановка в райкоме была приятной и веселой, всем старались помочь, чем могли. Даром что мой однокурсник Александр Филиппов, который, собственно, и привел меня в райком, где был сначала вторым, а затем первым секретарем, позже стал самым страшным секретарем ленинградского обкома партии по пропаганде за весь послевоенный период.

Между прочим, благодаря комсомольской работе я познакомился с Хореографическим училищем. В райком пришла анонимка, что в училище детей обворовывают, а А. Г. Ваганова бьет своих учениц до синяков. Мне поручили это тактично расследовать. Агриппина Яковлевна и ее уроки произвели на меня сильное впечатление. Ей было, по моим тогдашним меркам, уже много лет, но когда мы вместе поднимались по лестнице на третий этаж, одышки у нее, в отличие от девятнадцатилетнего меня, не было. В классе у девочек ноги дрожали, а когда Ваганова, показывая им очередное па, приподымала свое длинное черное платье, ее нога на высоком каблуке стояла как железная. Разговоры о битье оказались вздором. Когда Ваганова, показывая что-то ученице, хватала ее за руку или за ногу, ее сильные пальцы иногда действительно оставляли синяки, но никто из учениц не считал это проявлением злости. Ваганова заботилась о своих ученицах. Помню, однажды она мне жаловалась, что в Кировский театр берут Ольгу Моисееву, но не хотят брать Нинель Кургапкину. «Она не менее талантлива, а что у нее другая фигура, так ведь и вкусы у людей разные!» В конце концов Ваганова настояла на своем, и обе балерины стали гордостью Кировского балета.

После этого я часто бывал в училище, в том числе на вечерах. На одном выпускном вечере после обильного банкета художественный руководитель училища в начале быстрого вальса, танцевать который я не умел, «вручил» меня одной из

выпускниц, кажется Алле Осипенко. У меня хватило ума попросить девушку, если мы до того не свалимся, по окончании танца подвести меня к стенке. Все прошло благополучно, я ухватился за поручень, и еще несколько минут репетиционный зал кувыркался у меня в глазах. С тех пор я быстрого вальса не танцевал.

Сложные проблемы возникали у ребят не только с учебой, но и с поклонниками. У девочек поклонники были постарше и административных проблем им не создавали, а мальчишкам девицы писали любовные послания на только что отремонтированной стене. Комендант возмущался и требовал прекратить безобразие. «Так ведь это не я пишу, а мне пишут!» – «Но мне же не пишут! Тебе пишут, ты и отвечай».

Кстати, именно в училище я впервые столкнулся с тем, как важно для подростков сексуальное образование. Один мальчик под страшным секретом рассказал мне, как он обнаружил под крайней плотью воспаление, испугался, заглянул в энциклопедию и нашел у себя чуть не все венерические заболевания. Занести их он мог только руками, но чем черт не шутит? В общежитии такое никому не расскажешь. Парень уже выбирал способ самоубийства, но все-таки сходил в вендиспансер. Доктор засмеялся, сказал, что нужно как следует мыться, промыл марганцовкой, присыпал стрептоцидом (им тогда лечили все воспаления), и все сифилисы у мальчишки прошли. А могло быть и иначе.

Важнейшим результатом моего знакомства с Хореографическим училищем стал интерес к балету. Благодаря директору Р. Б. Хаскиной мне посчастливилось увидеть Уланову в «Жизели», и не с галерки, а вблизи, из директорской ложи. Обычно балет для меня – прежде всего красивое зрелище, а тут красота и техника не замечались, это была настоящая драма. С тех пор я по-настоящему полюбил балет, и с возрастом это чувство лишь усиливалось (в отличие от оперы, которую я в молодости любил сильнее).

Комсомольская работа повлияла и на мои научные интересы. Пытаясь преодолеть официальную казенщину, я проводил с ребятами диспуты на интересовавшие их моральные темы (о любви, дружбе, смысле жизни и т. п.), и на одном из них возник вопрос, как относиться к теории разумного эгоизма Чернышевского. Я заинтересовался, стал читать. К тому времени о Чернышевском было защищено уже около шестисот диссертаций, но о его этике публикаций почему-то не было. Так у меня появилась вторая кандидатская диссертация и первая статья в «Вопросах философии» (1950).

Защита в одном и том же ученом совете, с интервалом в три

летних месяца (первая состоялась в июне, а вторая – в сентябре), двух кандидатских диссертаций по разным наукам была делом абсолютно неслыханным. На факультете ко мне хорошо относились, у меня были очень уважаемые оппоненты.

По исторической диссертации это была Инна Ивановна Любименко (1879–1959), доктор Сорбонны, известный архивист. Дочь академика и вдова академика, помимо чисто исторических сведений, она рассказала мне замечательные вещи о дореволюционной жизни, как все тогда ездили отдыхать за границу, где все было неизмеримо лучше и дешевле, чем в России (например, в Крыму). А второй оппонент, декан истфака Пединститута имени Покровского Моисей Александрович Коган (1907–1982), удивительно красивый и остроумный человек (кстати, родной отец Юрия Левады), вообще был кладезем премудрости. Его позднейшие студенты, уже в Герценовском институте, вспоминают: «Мы никак не могли понять, в какой области истории он специализируется. Казалось, Моисей Александрович знает все: латынь, греческий, средневековый английский, немецкий, французский… На первом курсе он читал лекции по истории древнего Востока и античности. Вел интересный спецкурс по истории культуры средневековой Франции. И каково было наше удивление, когда он защищал докторскую диссертацию по истории Скандинавии нового времени» (herzentsn.ru/hystory/60.shtml).

По философской диссертации моим первым оппонентом был бывший декан философского факультета ЛГУ, самый старый и образованный историк философии, профессор Михаил Васильевич Серебряков (1879–1959). Докторов наук по философии в то время было очень мало, я шел к нему на прием с трепетом. Шикарная профессорская квартира на Литейном этот трепет еще больше усилила. Плюс длинные седые усы, которые некоторые даже принимали за бороду. Серебряков принял меня любезно, но, прежде чем дать согласие, стал просматривать рукопись, причем начал с библиографии. Видимо, у меня на лице выразилось изумление, и Михаил Васильевич мне объяснил, почему начинать нужно именно с литературы. «Понимаете, – сказал он, – диссертация может быть творческой или нетворческой, но степень ее профессиональности проще всего узнать по библиографии. Из того, что человек читал и как он составил библиографию, видна его общенаучная культура». Моя работа в этом плане сомнений у Серебрякова не вызвала, а сам я с того раза неизменно поступаю так же – просматриваю библиографию. Правда, теперь молодые люди научились составлять списки нечитаной литературы, но это легко заметить.

По второй диссертации у меня была также опубликована статья в «Вопросах философии», что было весьма престижно, так что факультетский совет в обоих случаях единогласно проголосовал «за».

Зато на «большом», общеинститутском совете произошел скандал. Стали говорить, что защита двух кандидатских диссертаций, когда нормальный аспирант не справляется в срок с одной, напоминает рекордсменство и может подорвать идею присуждения ученых степеней. Один из самых уважаемых в институте профессоров геолог А. С. Гинзберг выступил в мою защиту, сказав, что нужно разграничить два вопроса. Разумеется, писать две диссертации нецелесообразно, молодой человек мог бы применить свои способности более рационально, но коль скоро диссертация уже представлена, оценивать ее нужно только по ее качеству. Идею присуждения ученых степеней подрывает плохое качество диссертаций, а в данном случае никто сомнений не высказывал. Тем не менее восемь членов совета проголосовали против (при 24 «за»). Усвоив этот урок, третью, юридическую диссертацию, о правосознании, я заканчивать не стал, ограничившись статьей в «Вопросах философии» (и хорошо сделал, работа была очень плохая).

Хотя тройные кандидатские экзамены способствовали расширению моего общенаучного кругозора, писание параллельно нескольких диссертаций было, конечно, проявлением незрелости и мальчишеской дерзости. Никаких практических выгод это не приносило, а в науке важно не количество, а качество. Но мне было только двадцать два года.

Вологодский пединститут

…По моему мнению, если начальник не делает нам зла, это уже большое благо.

Пьер Огюстен Бомарше

Когда я окончил аспирантуру, Киселев, который был тогда деканом истфака, пытался оставить меня в институте, но из этого, естественно, ничего не вышло («неарийская» фамилия была значительно важнее двух диссертаций и статьи в «Вопросах философии»), и меня распределили на кафедру всеобщей истории Вологодского пединститута, что по тем временам было не так уж плохо. Герценовская кафедра новой истории подверглась частичному кадровому разгрому по национальному признаку. Мой шеф Г. Р. Левин уцелел, а самого приятного человека на кафедре, доцента Григория Семеновича Ульмана, уволили; заслуженный человек, ветеран войны, лишь через год с трудом нашел себе место в Калининграде.

В Вологде я читал параллельно шесть разных лекционных курсов плюс множество лекций в системе партийного просвещения. Недельная нагрузка доходила до сорока (!) часов. Преподавательскую работу я всегда любил, хотя некоторые курсы, например новая и новейшая история стран Востока, были мне, мягко говоря, слабо знакомы, а времени на подготовку не хватало, так что мне самому было интересно, что в этой истории произойдет в моей следующей лекции (учебник заканчивался задолго до современности). Впрочем, особых интеллектуальных трудностей не возникало: кругом были сплошные враги СССР. Помню, как я разоблачал приспешника американского империализма иранского премьера Мосаддыка (позже «выяснилось», что это был прогрессивный деятель, пытавшийся национализировать иранскую нефть). Однако мое горло такой нагрузки не выдержало, дело закончилось тяжелым хроническим ларинго-фарингитом, который мучил меня всю остальную жизнь.

Жизнь в преподавательском общежитии отличалась от домашней. Первое, что меня поразило, были сплетни. Самая страшная история произошла с моим предшественником. Одна дама, член ВКП(б) с 1917 г., нашла в уборной на этаже разорванную газету (туалетной бумаги в те годы не существовало) с портретом тов. Сталина, на которой был указан номер комнаты подписчика. Поскольку этого человека она за что-

то ненавидела, то отнесла газету в партком как свидетельство политической неблагонадежности тов. Х. Проигнорировать столь серьезное заявление секретарь парткома не мог, а стоило дать делу ход, как остановить его было бы уже невозможно. Неуважение к портрету Вождя и Учителя было чревато потерей не только работы, но, возможно, свободы и самой жизни. К счастью, партсекретарь оказался на редкость порядочным и умным человеком. Он полностью разделил негодование коммунистки Ю., но спросил, видела ли она своими глазами, что товарищ Х. сам принес и использовал священную газету в грязных целях, ведь это могли сделать его дети? Товарищ Ю., как честная женщина, призналась, что этого она не видела. В таком случае, сказал секретарь, мы не будем открывать персонального дела, а ограничимся строгим личным внушением. Тов. Ю. не возражала, а вызванный в партком тов. Х. обещал быть более внимательным. Таким образом, инцидент был исчерпан, а коллеги впредь предупреждали новых жильцов, что в уборной надо опасаться не только того, что тебя могут увидеть без штанов.

Лично у меня подобных проблем не возникало, но однажды мне рассказали, что жившая в комнате напротив преподавательница истории КПСС (она постоянно ссорилась с мужем, майором КГБ, споры часто переносились в коридор, но пьяный майор сильно уступал жене в искусстве неизящной словесности, а потому всегда заканчивал словами: «Баба, ты и есть баба!») распространяет слухи, будто моя мама раскладывает пасьянсы. Это была наглая клевета! Моя мама сроду не раскладывала пасьянсов, карт в нашем доме не было, да и сами пасьянсы, в отличие от азартных игр, вовсе не считались предосудительными. В первый момент я возмутился и хотел призвать сплетницу к ответу, но моя умная мама рассудила иначе. Отсмеявшись, она сказала, что это хорошая идея, купила карты, научилась раскладывать пасьянсы и занималась этим до конца жизни. В старости, когда у нее развился тяжелый полиартрит, это стало для нее не только развлечением, но и полезным упражнением для пальцев.

Вологодский быт также сильно отличался от ленинградского. Люди были исключительно честными, никто и нигде, даже официантки в столовой и почтальоны, не брал чаевых, но жили трудно. Знаменитое вологодское масло я привозил из Ленинграда. Весной мяса и рыбы не было ни в магазинах, ни на рынке, ни в общепите. Студенты в общежитии, не дотягивая до стипендии, иногда голодали, но стеснялись попросить помощи.

Что касается преподавателей, среди них оказалось немало интересных и перспективных людей. Одним из них был молодой

психолог Артур Владимирович Петровский; с ним и его очаровательной женой Иветтой Сергеевной у нас завязалась дружба, продолжавшаяся до самой его смерти.

Артур Владимирович Петровский (1924–2006)

Диапазон научных интересов Петровского был исключительно широк. Начав с изучения истории русской психологии (его кандидатская диссертация была посвящена Радищеву, а в последние годы жизни он много писал о соотношении психологии и политики), он стал в дальнейшем крупнейшим специалистом в области социальной психологии (теория коллектива) и психологии личности, удачно сочетая оригинальный теоретический подход с эмпирическими исследованиями. В конце жизни он продуктивно занимался общими проблемами теоретической психологии.

Труды Артура Владимировича хорошо знают не только психологи, но и учителя. В 1970-х годах он инициировал издание и был автором и редактором целой серии учебников и учебных пособий по общей, возрастной и педагогической психологии, по которым учились студенты педвузов. Именно Петровский побудил меня заняться психологией юношеского возраста и написать сначала главу в его учебник, а затем и самостоятельное учебное пособие по этому предмету. Как никто другой, он много сделал для подготовки энциклопедических словарей и справочников по психологии, а это очень тяжелая и неблагодарная работа.

Петровский был не только ученым, но и талантливым популяризатором науки. Его книги для родителей вошли в золотой фонд отечественной психологии, а его статьями в массовой печати, например в «Литературной газете», читатели одинаково зачитывались и в начале 1960-х (знаменитая статья «Педагогическое табу»), и в 2006 году. Он обладал настоящим литературным талантом и искрометным чувством юмора. При его участии было выпущено несколько отличных научно-популярных фильмов по психологии. Он был также консультантом замечательного фильма Ролана Быкова «Чучело», в котором впервые была поставлена проблема, которую сегодня в мире называют буллингом.

Очень велика была роль Петровского как организатора науки. В трудные 1990-е годы он много способствовал обновлению Академии педагогических наук СССР, стараясь превратить ее из оплота консервативной партийно-чиновничьей ортодоксии в

подлинный штаб современной педагогической науки. Деятельность Петровского на посту первого президента Российской академии образования еще ждет своего исследователя. Артур Владимирович был исключительно трудолюбив. Будучи уже зрелым человеком и к тому же высокопоставленным научным чиновником, имевшим в своем распоряжении помощников и референтов, он не поленился овладеть английским языком настолько, что смог читать не только специальные статьи, но и детективные романы. Его последние годы были поистине героическими. Тяжело больной слепой ученый умудрялся не только на слух оценивать и редактировать чужие тексты, но и продолжал писать собственные книги. Последняя его книга «Психология и время» закончена буквально накануне смерти!

Петровский был не только ярким ученым, преподавателем и публицистом, но и замечательным семьянином, мужем, отцом и дедом. Другого такого большого семейного клана среди моих знакомых, пожалуй, нет. Хотя младшие поколения и здесь живут не совсем так, как старшие. Сильной стороной Артура Владимировича было то, что он, насколько я знаю, не пытался этому противостоять. Терпимость – необходимое условие мирного сосуществования с детьми и внуками.

Очень интересным человеком был профессор зоологии Павел Викторович Терентьев (1903–1970). До того он заведовал кафедрой в Ленинградском университете, но как бывший зэк, а также за морганизм-вейсманизм и увлечение математическими методами в 1949 г. был отовсюду изгнан и нашел убежище в Вологде (через несколько лет он благополучно вернулся в Ленинград). Это был разносторонне образованный человек. Вечерами, когда мы с ним прогуливались по заснеженной Вологде, обсуждая нашу невеселую жизнь, Павел Викторович развивал своеобразную теорию биологического оптимизма, основанную на опыте ледникового периода.

Когда-то давно, говорил он, на землю пришло оледенение, противостоять ему было невозможно, все земные твари погибали, но в некоторых местах остались ниши, в которых какие-то животные случайно уцелели. Им было плохо и холодно, однако затем ледник постепенно начал таять, а сохранившиеся существа выжили и заселили Землю. Может быть, для нас Вологда – именно такая ниша? Никаких других оснований для оптимизма в 1950—52 годах не было.

Но для молодого человека ледниковый оптимизм – философия не совсем подходящая. Я не только работал, но и

позволял себе довольно рискованные поступки. С одного из них, собственно, и началось наше знакомство с Терентьевым. В то время всюду, а тем более – в провинции, всем командовал обком партии. Первый секретарь Вологодского обкома был человек приличный и честный, у меня учился его сын, отличный парень, которому отец никаких вольностей не позволял. Зато секретарь по пропаганде К., кандидат философских наук из Академии общественных наук при ЦК КПСС, отличался фантастическим невежеством и хамством.

Однажды на ученом совете института он позволил себе особенно наглое выступление. «Вот, – сказал он, – я посетил один час лекции профессора Терентьева. Конечно, профессор дело знает, не испугался, когда я пришел, тем не менее в лекции были недостатки: лектор целый час говорил о колючеперых рыбах, а вот о треске, которую мы все любим, не сказал ни слова». Главный же удар был нанесен по завкафедрой психологии Р. Л. Гинзбург, которая посмела в начале своей лекции высказать критические замечания по поводу официально утвержденного учебника психологии. «Да кто она такая, чтобы критиковать учебник, написанный столичными профессорами и академиками?! Никакой революции в психологии за последние три года я не знаю!»

Выпады эти имели антисемитский подтекст – Раису Лазаревну хотели снять с работы. Члены совета сидели как оплеванные, опустив головы, но возражать высокому начальству никто не рискнул. А я не выдержал. «Во-первых, – сказал я, – как можно оценить лекцию, прослушав только один час? Я не знаю, относится ли треска к колючеперым (и сейчас этого не знаю), но может быть, профессор Терентьев говорил о ней в другой лекции? А то, что товарищ К. не знает “революции в психологии”, мне даже странно: после Павловской сессии Академии наук (это было жуткое погромное действо, когда теорию Павлова стали «внедрять» куда надо и куда не надо) учить студентов по старому учебнику психологии действительно нельзя». Моя демагогия сработала. К. сидел красный, а затем, сказавшись больным, молча ушел с заседания. После этого в глазах большинства преподавателей я стал героем, но на самом деле это было просто мальчишество: связываться с секретарем обкома было опасно.

Второй хулиганский поступок я допустил во время обкомовской проверки нашей кафедры. «Копали» не под меня, а под моего завкафедрой, с которым у меня никаких особых отношений не было. Тем не менее я испортил им все дело. У меня застенографировали лекцию, посвященную современной Югославии, которая была тогда под властью «фашистской клики

Тито». Обычно я лекций по бумажке не читаю, но в данном случае прочел ее целиком по газете «Правда», где был напечатан соответствующий документ. Комиссия изучила стенограмму, признала лекцию в целом удовлетворительной, а в качестве недостатка отметила «недостаточное использование» этого самого материала. На предварительной встрече я ничего не сказал, а когда все собрались официально, заявил, что главным недостатком своей лекции считаю то, что она была недостаточно творческой и состояла из одной сплошной цитаты. «Если бы товарищи знали этот важный партийный документ, они бы это заметили. Конечно, может быть, нужно было заменить одни куски другими, я готов это обсуждать, но больше в двухчасовую лекцию физически не помещается». Товарищи покраснели, помолчали, и больше комиссия не собиралась, моего зава оставили в покое.

Как такая выходка сошла мне с рук – до сих пор не понимаю. То ли К. уж очень перебирал по части хамства (на следующей партконференции его забаллотировали, что случалось крайне редко), то ли вологодское начальство ценило, что меня уважали в столице, то ли вообще оно не было злым, просто время было не самое лучшее.

Философский факультет ЛГУ

Действительные и титулярные философы.

Георг Кристоф Лихтенберг

Хотя по своим анкетным данным я никоим образом не подходил на роль «идеологического резерва», некоторые философы старшего поколения, прежде всего – Федор Васильевич Константинов (1901–1991), относились ко мне очень доброжелательно (положение изменилось после зарождения в стране социологии, которую эти люди никак не могли принять).

В 1952 году мне даже предложили работу в редакции «Вопросов философии», но осуществить это переводом не удалось. Меня категорически не хотел отпускать Вологодский обком, первый секретарь даже угрожал, что пожалуется Маленкову. А когда я ушел по собственному желанию, на основании решения врачебной комиссии, которая временно запретила мне педагогическую работу (все думали, что справка липовая, но мое горло в самом деле было в плачевном состоянии, потребовалось долгое лечение), в журнале «не нашлось» штатной единицы. Замначальника управления кадров Академии наук задал мне один-единственный вопрос – о национальности моего отца, фамилия которого вообще не фигурировала в моих документах. В этом не было ничего личного: конец 1952 – начало 1953-го – период максимального разгула государственного антисемитизма (дело «врачей-убийц» и т. п.).

Вернувшись в Ленинград, несмотря на острую нужду города в философских кадрах и мою профессиональную известность, я девять месяцев оставался безработным – совместный результат «неарийской» фамилии и беспартийности (в те годы преподаватели общественных наук входили в номенклатуру партийных органов и даже официально утверждались бюро горкома партии. Позже это стали делать на бюро райкомов; каждого преподавателя лично вызывали, задавали глупые и порой унизительные вопросы, но приходилось это терпеть).

Хотя мне нужно было всего полставки – с полной нагрузкой я физически не мог работать из-за больного горла, – Ленинградский горком надо мной просто издевался, посылая из одного вуза в другой, где мне отказывали то из-за молодости, то из-за беспартийности, то из-за «несоответствия профилю вуза». Не помог даже звонок из ЦК от Д. И. Чеснокова. Желаемые полставки

на кафедре марксизма-ленинизма Химико-фармацевтического института я получил лишь в мае 1953 года, после смерти Сталина и отбоя по делу «врачей-убийц». Делать мне там было особенно нечего – философия занимала лишь двадцать часов в курсе истории партии, но относились ко мне хорошо и даже приняли в ряды КПСС (без этого преподавать философию было невозможно).

Там я пережил и доклад Хрущева с разоблачением культа Сталина. Это выглядело довольно страшно, потому что не было никакой психологической подготовки. Просто собрали коллектив, пришел представитель райкома и зачитал доклад Хрущева. Никаких вопросов задавать было нельзя, да и бесполезно, потому что человек, читавший доклад, знал только то, что там было написано. Между тем с некоторыми людьми делалась истерика, кому-то казалось, что это клевета на Сталина. В Ленинграде все происходило гораздо спокойнее, чем в других местах, потому что Ленинград был город пострадавший (дело Кирова и многое другое). Обком партии, во главе которого стоял стопроцентный сталинист Ф. Р. Козлов, был растерян. Где-то люди взяли инициативу в свои руки и стали снимать портреты, но указаний сверху на сей счет не поступало. А кто-то не снимал, потому что не хотел или боялся. Некоторые вещи выглядели комично. В фойе Большого зала консерватории стояла популярная скульптура «Ленин и Сталин на скамейке в Горках», пришли какие-то люди и без всяких указаний сверху, прямо при публике, ее разбили. Ленина, естественно, тоже, чтобы не имел порочащих идейных связей…

Первым человеком, который пытался людям что-то объяснить, была Анна Михайловна Панкратова (1897–1957). Она была академиком, автором школьного учебника истории, честным человеком, но, по-видимому, не очень далеким. Когда у нее репрессировали мужа, она все приняла, была вполне ортодоксальна, получила все чины, премии и так далее. В 1950-х она была членом ЦК, и ее прислали в Ленинград с докладом о вреде культа личности – вроде как на разведку. Я был с ней знаком, поскольку печатался в «Вопросах истории», меня позвали на ее лекцию. Мне было ее по-человечески жалко. На лекции в Центральном лектории, аудитория была настроена крайне враждебно. Объяснить Панкратова ничего не могла. К тому же она не понимала некоторых нюансов речи. Когда она сказала: «Я старый человек, поэтому у меня больше опыта, мне много раз приходилось перестраиваться», раздался громовой недружественный хохот. Она получила несколько сот вопросов. Вопросы злые. Потом я встретил ее в гостинице, она вернулась из Дома учителя в совершенно невменяемом состоянии, я видел, как

она рыдала. Учителя, которых тоже можно понять, устроили ей бог знает что. Учителя ей кричали: «Вас Сталин сделал академиком, а вы теперь говорите, что все было неверно. Кто фальсифицировал эту историю? Вы ее фальсифицировали. Вам-то что, на все наши вопросы вы отвечаете: “Я не знаю, надо подумать”, а нам завтра идти в классы – что мы скажем детям?» То есть на Панкратову, которая взяла на себя эту неблагодарную миссию, видимо, не совсем понимая, что она делает, вылилось… А партийные руководители – ни секретари обкомов, ни более высокопоставленные чины – с народом не встречались. Каждый, в меру своей испорченности, понимал, что происходит, но с самого начала было ясно, что если ты зайдешь чуточку дальше, чем положено, ты сильно рискуешь. Тем более что доклад Хрущева не был опубликован, ссылаться на него было нельзя.

В Химфарминституте я спокойно проработал два года, писал докторскую диссертацию и ни на что не жаловался. В отделе науки ЦК такое положение считали ненормальным и настаивали, чтобы я перешел на философский факультет ЛГУ. Но когда в 1955 году по личному приглашению декана В. П. Тугаринова я подал на конкурс, меня провалили большинством 10:1. На Ученом совете ЛГУ это вызвало удивление. В мою защиту выступили незнакомые мне ректор А. Д. Александров, знаменитый матлогик член-корр. А. А. Марков и заведующий кафедрой дарвинизма К. М. Завадский, с которым мы встречались в Академии наук. Было публично сказано, что на философском факультете просто боятся и не хотят сильных работников. Чтобы оправдать беспринципное голосование совета факультета, декан вынужден был озвучить вздорные сплетни на мой счет, что якобы я плохо работал в Вологде, но когда партбюро Химико-фармацевтического института потребовало у парткома ЛГУ разобраться в этом деле, все сплетни рассыпались. Передо мной извинились и предложили вторично подать на конкурс в следующем году. Я не хотел этого делать, но в ЦК сказали «надо, Федя, надо!» В 1956 г. на факультете меня снова провалили, но на сей раз Тугаринов отмежевался от своего совета, «большой» совет меня избрал, и до 1968 года я работал в ЛГУ.

По правде говоря, это было мое настоящее место и призвание, я любил студентов и преподавательскую работу. Сначала я читал курс истмата на историческом факультете и спецкурс по истории западной философии истории у философов. Потом мне поручили читать на философском факультете весь курс истмата (диамат ведущие профессора читали по частям), который я постепенно превратил в курс общей социологии. Затем к этому присоединился курс истории западной социологии. В 1959 году я

защитил на философском факультете (с тремя московскими оппонентами) докторскую диссертацию на тему «Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли». В иные годы по просьбе коллег и для собственного развлечения – было интересно посмотреть на студентов других факультетов – я читал также курсы у математиков и у физиков. Мои книги «Позитивизм в социологии», «Социология личности» и «Дружба» – фактически выросли из лекционных курсов.

Я имел возможность брать хороших аспирантов (М. А. Киссель, С. Н. Иконникова, Э. В. Беляев, И. А. Голосенко, С. И. Голод, Р. П. Шпакова, П. Н. Хмылев, В. Н. Орлов и др.), многие из них стали в дальнейшем известными учеными.

Михаил Антонович Киссель, который писал у меня диссертацию о Коллингвуде, – один из самых глубоких в стране историков философии, почти во всех воспоминаниях о философском факультете 1960—70-х годов (я просмотрел Интернет) о его лекциях говорят с восхищением.

Светлана Николаевна Иконникова создала собственную научную школу и лучшую в стране кафедру культурологии, где работали такие замечательные философы, тоже бывшие аспиранты философского факультета, как Эльмар Владимирович Соколов и Сергей Николаевич Артановский. Среди ее любимых учеников – ректор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов Александр Сергеевич Запесоцкий (он был аспирантом Артановского). Руководить творческими мужчинами так, чтобы они не срывали занятий, не ссорились и не обижались, да еще ограждать их от нападок до стороны партийного начальства – не легче, чем управлять группой дрессированных львов или балетной труппой. У Светланы это получается…

Сергей Исаевич Голод – родоначальник, в буквальном смысле этого слова, советской социологии сексуального поведения и автор широко известных работ по социологии брака и семьи. В моих книгах по этим сюжетам – он самый цитируемый автор.

А вот экзамены я принимал плохо. На философском факультете требовательность была крайне низкой, в ученом совете ЛГУ даже иронизировали по поводу нашей рекордно высокой успеваемости, на этом фоне я сильно выделялся и даже перебирал. Однажды студенты устроили по этому поводу отличный розыгрыш. На банкете во время выпускного вечера кто-то предложил тост «за самого строгого экзаменатора Виктора Александровича Штоффа». От неожиданности Штофф спросил: «Как? А Игорь Семенович?» На что сразу же был дан заранее заготовленный ответ: «Игорь Семенович вне конкурса». Что

формальный устный экзамен проверяет только свойства памяти, которые не так уж важны, я понял позже.

Философский факультет ЛГУ конца 1950 – начала 1960-х годов был одним из лучших философских учреждений страны. Хотя таких блестящих молодых философов, как Зиновьев и Ильенков, в Ленинграде не было, уровень преподавания по тем временам был неплохим. Василий Петрович Тугаринов (1898–1978) обладал природным философским мышлением, сам мыслил нестандартно и ценил это в других. Хотя его взгляды не всегда отличались постоянством (он мог сначала обругать работу, а потом вдруг расхвалить ее, так было с Ядовым и с Каганом), он первым в стране инициировал разработку ряда философских категорий и теории ценностей, которую тогда считали буржуазной[3]. Многие профессора и доценты также разрабатывали новые проблемы. В. И. Свидерский (1910–1997) обладал непререкаемым авторитетом в вопросах философии естествознания и вырастил целую плеяду талантливых учеников вроде В. П. Бранского. Л. О. Резников (1905–1970) был крупнейшим специалистом в области теории познания и философии языка. В. А. Штофф стал одним из родоначальников отечественной философии науки. М. С. Каган заслуженно считался самым выдающимся советским эстетиком (недаром его постоянно «прорабатывали»). Ленинградская кафедра этики и эстетики, которой заведовал Владимир Георгиевич Иванов (Кагана не могли назначить из-за национальности), считалась сильнейшей в стране. Очень сильной была история русской философии, находившаяся в те годы почти под запретом. На факультете успешно развивалась математическая логика (И. Н. Бродский, О. Ф. Серебрянников). На психологическом отделении, которое возглавлял Б. Г. Ананьев (1907–1972) (в дальнейшем оно отпочковалось в самостоятельный факультет), трудились такие выдающееся ученые, как В. Н. Мясищев (1893–1973) и Л. М. Веккер (1918–2001). С некоторыми из этих людей у меня сложились дружеские отношения.

Виктор Александрович Штофф (1915–1984)

[4]

Наше знакомство с Виктором Александровичем началось в 1953—55 годах, когда мы оба работали по совместительству на кафедре философии Академии наук. После моего перехода на философский факультет наше общение стало постоянным и скоро переросло в прочную дружбу, хотя, как это нередко бывает у вузовских преподавателей, мы с ним так и не перешли на ты и

называли друг друга по имени-отчеству.

Если брать сугубо научные интересы, то они у нас были разными. Я в те годы занимался преимущественно истматом, философией истории и историей социологии, а Виктор Александрович – главным образом, теорией познания, с опорой на естественные науки. Этот раздел философии в те годы был представлен на факультете очень хорошо, пожалуй, лучше, чем в большинстве философских учреждений. Достаточно вспомнить В. И. Свидерского и Л. О. Резникова. Их ученики и ученики Штоффа в дальнейшем заняли заметные места в отечественной философии. Теоретические интересы Штоффа были весьма широкими, его докторская диссертация и книга «Роль моделей в познании» (1963) явились во многом новаторскими, причем его идеи были применимы также к общественным и гуманитарным наукам, где подобные проблемы в конце 1950 – начале 1960-х годов только-только начинали обсуждаться, прежде всего в контексте теории ценностей и веберовских идеальных типов. Хорошая историко-философская подготовка и знание естественно-научной конкретики позволяли Виктору Александровичу ставить вопросы глубже и профессиональнее, чем это делали более традиционные авторы.

Очень важным для меня было личное общение с Виктором Александровичем. Штофф был по самой сути своей глубоко интеллигентным человеком, в котором нравственная порядочность и принципиальность органически сочетались с человеческой мягкостью и доброжелательностью. Положение еврея-философа, которому разрешали работать на идеологическом факультете в условиях жесткого государственного антисемитизма, было чрезвычайно деликатным и уязвимым. При малейшей провинности, которую русскому преподавателю простили бы, он мог лишиться партбилета и работы. Не говоря уже о постоянной дискриминации в том, что касалось заграничных поездок. Страх потерять положение и место заставлял некоторых ученых-евреев симулировать гораздо большую ортодоксальность, чем это было им свойственно или объективно необходимо. Но кто может оценить обоснованность чужих страхов? У нас с Виктором Александровичем был один хороший общий знакомый, даже друг, чрезвычайно способный и образованный философ, который настолько поднаторел по части идеологического угождения начальству, что не только не реализовал свой, в самом деле значительный, интеллектуальный потенциал, но и стал вызывать к себе ироническое отношение коллег и собственных студентов. Виктор Александрович никогда не позволял себе малодушия и беспринципности.

Особенно ярко это проявилось в деле Асеева. Юрий Алексеевич Асеев (1928–1995) был доцентом философского факультета, очень способным и знающим человеком, которому эти положительные качества не мешали входить в официальную партийную обойму, одно время он даже был замсекретаря парткома ЛГУ. В 1963 г. его послали на годичную стажировку в Гарвард, и там он, к всеобщему изумлению, внезапно попросил политического убежища, потом передумал, попал в больницу, пытался покончить с собой, а как только оправился – вернулся на родину. В этой истории многое так и осталось непонятным. По-видимому, у человека просто сдали нервы. Ректор А. Д. Александров рассказывал мне, что каждый, получавший в те годы длительную загранкомандировку, одновременно получал какое-то задание от КГБ. Выполнение этого задания могло быть не особенно сложным, это не был настоящий шпионаж. Но командировка Асеева пришлась на весьма драматическое время (убийство Кеннеди), Юра чего-то сильно испугался, что и вызвало его странные и непоследовательные действия. Просить убежища ему было незачем, но возвращаться после этого на родину для идеологического работника было явным безумием, советская власть таких вещей не прощала.

Поскольку никаких антисоветских заявлений Асеев не делал и сразу же вернулся домой, уголовных обвинений ему не предъявляли, но начались разборки по партийной линии. Психиатрическая экспертиза, проведенная в Институте им. Бехтерева под руководством В. Н. Мясищева, пришла к заключению, что Асеев болен шизофренией и попросил убежище в США, находясь в состоянии невменяемости. Экспертиза, проведенная КГБ, согласилась с тем, что Асеев сейчас действительно болен, но сочла, что заболел он уже после того, как попросил убежища, и поэтому должен быть исключен из партии. Друзья и коллеги Асеева по философскому факультету, которые хорошо знали его лично, приняли первую версию (я и сейчас убежден, что она была правильной), но обком партии потребовал, чтобы партбюро его исключило. Спорить с обкомом в то время никто не смел. Тем не менее наше партбюро, секретарем которого был удивительно смелый и порядочный человек Владимир Георгиевич Иванов, а одним из членов – В. А. Штофф, отказалось выполнить указание. Это был очень необычный и смелый акт.

Конечно, Смольный все равно убрал Асеева с факультета, и преподавать философию он уже до самой смерти не мог. Спустя какое-то время, благодаря Ларисе Ивановне Новожиловой, он нашел убежище в Русском музее, где создал уникальный по тем

временам информационный центр. Кроме того, он был отличным переводчиком, перевел весь мой сборник «Философия и методология истории» (1977), «Идею истории» Коллигвуда (1980) и книгу «Культура и мир детства» Маргарет Мид (1988). Но чего стоило каждый раз «пробивать» его кандидатуру! А в 1964 году ситуация была гораздо труднее, люди, не поддавшиеся выкручиванию рук, проявили настоящее гражданское мужество. Штофф рассказывал мне, что в момент решающего голосования он вспомнил мою лекцию об экзистенциализме в курсе социологии личности на физическом факультете, на которой он присутствовал и где речь шла о личной ответственности, и это подкрепило его в принятии рискованного решения. Для философа рефлексия всегда имеет личностный смысл. Этот рассказ Виктора Александровича был для меня исключительно ценен.

В числе многих других вещей, которыми я обязан Штофу, – горный туризм. Самого Виктора Александровича горы буквально спасли от смерти. После войны у него развился тяжелый туберкулез, ничто не помогало (это затормозило и его профессиональную карьеру), и кто-то посоветовал ему лечиться горным воздухом. Превозмогая болезнь и слабость, Виктор Александрович стал каждое лето ездить в горы, в результате чего полностью выздоровел, а потом втянул в это дело и меня. Несколько раз мы вместе с его друзьями-физиками (Л. А. Слив, Л. С. Кватер) ходили в горные походы, это одно из самых приятных воспоминаний моей жизни.

Дружеские отношения с Виктором Александровичем сохранились у меня и после ухода из ЛГУ. Иногда я советовался с ним по теоретическим вопросам. Но главное – это был исключительно умный, надежный и порядочный человек, который оставил по себе добрую память и способных учеников (один из них – профессор Ю. М. Шилков).

Моисей Самойлович Каган (1921–2006)

Другой замечательный человек, которого я встретил на философском факультете, – Моисей Самойлович Каган. Это был удивительно цельный и творческий человек. Вся его жизнь была связана с Ленинградским университетом. Он поступил туда в 1938 году семнадцатилетним первокурсником, оттуда ушел на фронт, туда же вернулся после тяжелого ранения и до последнего дня оставался почетным профессором. Свое последнее интервью «Альтернатива сего дня: духовное самоуничтожение нашего общества или развитие интеллигентности» умирающий ученый

дал корреспонденту журнала «Санкт-Петербургский университет» в январе 2006 г.

Рассказывать о жизни и работе Кагана можно долго. Выдающийся философ, искусствовед и культуролог лучше всего это сделал сам[5]. Его научные интересы были исключительно широки и включали эстетику, историю и теорию искусства, проблемы человека и личности в самом широком смысле этих слов. В настоящее время выходит семитомное собрание его сочинений. В профессиональной среде его труды хорошо известны, а широкому читателю я бы в первую очередь порекомендовал книгу «Град Петров в истории русской культуры» (2004) и уникальную по замыслу и материалу монографию «Се человек… Жизнь, смерть и бессмертие в “волшебном зеркале” изобразительного искусства» (2003). На мой взгляд, эти книги интересны каждому.

Мы познакомились и подружились с Микой, как его называли друзья, в годы совместной работы на философском факультете, и эти отношения сохранились навсегда. У нас было много общих научных интересов, в частности теория личности и общения (наши книги на эти темы печатались в одной и той же политиздатовской серии «Философы спорят»), общие друзья, а отчасти и общие враги. Каган всегда был и считал себя марксистом, даже тогда, когда это стало немодно. Но его марксизм был не догматическим, а творческим, поэтому почти все его книги в советское время подвергались нападкам и идеологическим проработкам.

Этому способствовали жуткие нравы, царившие в советской эстетике. В ней было больше свободы мысли, чем в других отраслях философии, там работали такие талантливые люди, как Л. Н. Столович, Ю. Н. Давыдов, Ю. Б. Борев, зато и борьба была более жесткой и часто велась без правил. Несколько раз Каган буквально чудом избегал увольнения с работы. Тем не менее он никогда не шел на идейные компромиссы, смело отстаивал свои взгляды и не жаловался на жизнь. Эти качества ему удалось передать и некоторым своим ученикам, которых у него было значительно больше, чем у всех остальных моих знакомых.

Мика был очень жизнелюбивым и веселым человеком. О его остроумии рассказывали легенды. Он бывал тамадой даже за грузинским столом, о наших застольях и говорить нечего. Когда праздновали защиту кандидатской диссертации Светланы Иконниковой, он сказал: «Ну чего вы, дураки, радуетесь, плакать надо! Кем Света была вчера? Аспиранткой. Какой при этом слове возникает образ? Очаровательной молодой девушки, что вполне соответствует реальности. А кем она станет завтра? Кандидатом

философских наук, КФН. Какой это вызывает образ? Старой недоброжелательной грымзы, от которой лучше держаться подальше. Тут надо не поздравлять, а сочувствовать!»

Когда в 1986 году Кагана хотели уволить, отправить на пенсию по старости, он предложил секретарю парткома ЛГУ, который был вдвое его моложе, соревнование по четырем позициям: кто лучше прочтет лекцию студентам, быстрее пробежит дистанцию на лыжах, выпьет больше водки и сексуально удовлетворит женщину. Партсекретарь от соревнования отказался, а Кагану разрешили еще раз участвовать в конкурсе. В самые трудные времена он был для других источником оптимизма.

Не могу не рассказать одну связанную с Каганом смешную историю. В конце 1980-х годов, будучи в командировке в Париже, я случайно встретил там Кагана с женой Юлией Освальдовной, выдающимся искусствоведом, заведующей отделом камей в Эрмитаже. При советской власти Кагана за границу почти не выпускали, а теперь супруги получили частное приглашение от своего швейцарского кузена и заодно решили съездить на неделю в Париж. Моисей Самойлович свободно владел французским, однако внимательно прочитать, что написано в его визе, не удосужился. Мы все тогда думали, что единственная трудность – выехать из СССР, а на Западе – свободный мир и безусловный здравый смысл, какие там могут быть проблемы?! Между тем бюрократия имеет свои выраженные национальные особенности (первым их исследовал еще в 1960-х годах французский социолог Мишель Крозье), порою абсолютно абсурдные. Это касалось и визовых документов. Немцы задавали понятные и разумные вопросы: где и на какие деньги ты будешь жить, нет ли у тебя опасных болезней и т. п. Для французов же и итальянцев главным почему-то было место пересечения границы, причем изменить «место встречи» было нельзя.

В паспортах Каганов был указан Парижский аэропорт, а они решили проехаться из Берна поездом. Все шло отлично, проходили контроли, никто ничего не говорил, а в полутора часах езды до Парижа появились вооруженные полицейские, сняли Мику и Юлю с поезда, составили акт о нарушении ими государственной границы, посадили, как в детективных фильмах, в машину с вооруженной охраной и вывезли обратно в Швейцарию. Для 99,9 % советских людей путешествие на этом бы закончилось, но Каганам очень хотелось все-таки побывать в Париже, а швейцарский кузен дал им достаточно денег. Поэтому они не стали долго раздумывать, купили билет на самолет и прибыли куда положено (это было еще до компьютерной эры, так

что отметок о совершенном ими серьезном правонарушении нигде не зафиксировали, и в Париж их впустили беспрепятственно).

Зато теперь началась вторая серия фильма. Мы все знали, что визы имеют определенную длительность, но разницы между одно– и многоразовыми визами не знали. Кагановская швейцарская виза была, естественно, одноразовой. Когда им сказали, что с этим могут возникнуть проблемы, они пошли в швейцарское консульство, где им любезно объяснили, что их виза истекла, вернуться в Швейцарию они не могут, поезжайте обратно в Ленинград и оформляйте новую визу. «В крайнем случае, – сказал консул, – я могу оформить вам однодневную полицейскую визу, но для этого вы должны предъявить мне ваши обратные билеты Берн – Ленинград». Но билеты остались в чемодане в Берне… Каган попытался, пока суд да дело, продлить французскую визу, но в этом ему тоже отказали.

В итоге двое пожилых интеллигентных людей, непричастных ни к какой преступной деятельности, оказались в положении Фернанделя из знаменитого фильма «Закон есть закон»: они не могут ни вернуться в Берн, ни остаться в Париже, ни вернуться в Ленинград.

В тот вечер Дом наук о человеке организовал для меня обед с помощником французского министра иностранных дел. Я думал, что, когда я расскажу эту историю, все посмеются и вопрос будет решен. Но дипломат даже не улыбнулся. «Конечно, – сказал он, – это выглядит нелепо, но таков закон. Швейцарский консул не может дать им новую визу самостоятельно, без документов». – «Ну, а продлить французскую визу вы не можете?» – «Вообще-то, это не по моей части, но вот мой приватный телефон, если вопрос не разрешится иначе, я постараюсь это уладить».

Вопрос решился иначе. Микин швейцарский кузен был адвокатом и знал порядки. Он позвонил в свой МИД, там подняли документы и по телефону разрешили своему парижскому консулу выдать Каганам новую визу. Но какая нервотрепка! С тех пор я очень внимательно читаю все визовые документы. И правильно делаю, однажды во французском консульстве в Москве мне поставили подряд четыре (!) неправильные визы.

Помимо многих других человеческих достоинств, Моисей Самойлович был замечательным семьянином, особенно отцом. Для своих детей он был не только опорой и защитой, но в буквальном смысле другом и наставником. Такое сочетание требовательной заботы и терпимости встречается крайне редко. Если бы не дружба и интеллектуальное общение с Каганом, хотя их взгляды не всегда совпадали, его пасынок Александр Эткинд

вряд ли стал бы тем знаменитым культурологом, которого все знают.

Моисей Самойлович умирал трудно. Рак легких обнаружили на той стадии, когда уже ничего нельзя было сделать, кроме как снимать боль. Каково болеть, лечиться и умирать в российских условиях – все знают. Юлия Освальдовна совершила подвиг, на который способна только любящая женщина. Находить нужных врачей и недоступные лекарства, принимать решения и поддерживать жизненный тонус и моральный дух слабеющего, но все еще сильного, с ясным умом человека, было невероятно трудно. И все это нужно было делать, невзирая на собственный возраст, болезни и серьезную научную работу. Достойно проявили себя и дети. Последние месяцы жизни Моисея Самойловича – пример мужества и нравственного служения, субъектом которого была вся их семья.

Сменивший Тугаринова на посту декана Василий Павлович Рожин (1908–1986) не был столь яркой личностью, но последовательно поддерживал развитие новых направлений в философии и смежных науках. Исключительно усилиями Рожина на факультете была создана первая в СССР социологическая лаборатория, возглавивший ее В. А. Ядов, который в дальнейшем стал одним из самых выдающихся советских социологов, взялся за это дело по настоянию и под нажимом декана.

Владимир Александрович Ядов – мое самое ценное приобретение на философском факультете, его имя будет появляться в этой книге часто. Началось наше знакомство крайне неприятно. В одном из первых своих выступлений на партсобрании философского факультета я, между прочим, упомянул, что в юности увлекался комсомольской работой. И вдруг поднимается аспирант, он же – секретарь Василеостровского райкома комсомола, и заявляет, что выступление товарища Кона идейно ошибочно, комсомольская работа – серьезное дело, относиться к нему как к «увлечению» непозволительно. Мне сразу стало ясно, что комсомольский функционер глуп, фанатичен и недоброжелателен и к тому же является орудием людей, пытавшихся воспрепятствовать моему приходу на факультет, так что нужно держаться от него подальше. Вскоре этот наглый парень попросил меня прочитать его диссертацию (или это сделал его руководитель Тугаринов, точно не помню), но в деловых вопросах я абсолютно безличен. Работа оказалась (по тем временам) превосходной, умной и самостоятельной, на таком уровне понятие идеологии у нас никто не анализировал. Я не только дал положительный отзыв, но мы

стали серьезно разговаривать. Выяснилось, что Ядов – очень интересный, творческий и порядочный человек, с развитым чувством социальной справедливости, на его комсомольские закидоны просто не следует обращать внимания. Его импульсивность вредит ему самому. Вскоре мы стали близкими друзьями и единомышленниками. Когда у меня были проблемы с жильем, Ядов старался мне помочь, идеологически мы тоже были близки.

Поскольку Володя плохо разбирался в людях, его истинным ангелом-хранителем была его жена Л. Н. Лесохина (Люка), бдительно охранявшая их семейный очаг от всякой шушеры, которую Ядов туда опрометчиво допускал. Позже, когда у него появились ученики и сотрудники, он общался с ними на равных, посторонние этого не понимали (у физиков резкие споры всегда считались нормой, а гуманитары, у которых оценочные критерии более размыты, любят чинопочитание и обид не прощают). Когда Ядова перевели в Москву на должность директора-организатора Института социологии, ко мне началось форменное паломничество обиженных им, притом вполне приличных людей. Одного он публично, на Ученом совете, назвал дураком, точнее, сказал, что его проект – глупость, другому еще что-то в том же роде. Я им объяснял: «Ребята, не обращайте внимания, если не согласны – отвечайте ему в том же тоне, он не обидится, для него важно дело, а не форма». Тем не менее он нажил немало лишних врагов. Зато сотрудники его обычно любили.

Прямота и отсутствие необходимой дипломатичности – главные факторы, которые помогли врагам и завистникам намертво заблокировать Ядову возможность избрания в Академию наук. Впрочем, там нет и большинства других родоначальников советской социологии. Татьяну Ивановну Заславскую избрали экономисты по Сибирскому отделению, а в отделении философии, социологии и права не было ни Ю. А. Левады, ни Б. А. Грушина, ни В. Н. Шубкина.

Активную помощь оказал Рожин и возрождению отечественной социальной психологии, как в психологическом (Е. С. Кузьмин), так и в социологическом варианте. Это благоприятствовало развитию междисциплинарных связей. Кроме того, на факультете часто бывали ведущие философы из других вузов и научных учреждений (И. А. Майзель, А. И. Новиков, А. С. Кармин и др.).

Важную роль в становлении ленинградской социологической школы сыграл Анатолий Георгиевич Харчев (1921–1987), который возродил отечественную социологию брака и семьи и создал на

базе кафедры философии Академии наук исследовательский социологический центр. Если мне не изменяет память, я был одним из официальных оппонентов по его докторской диссертации и, это уж точно, рецензировал его книгу «Брак и семья в СССР». По всем принципиальным вопросам мы с ним обычно выступали единым фронтом. Очень важной была и его роль как главного редактора журнала «Социологические исследования». Вообще, ленинградская социологическая школа (А. Г. Здравомыслов, О. И. Шкаратан, А. С. Кугель и другие) 1960—70-х годов была сильной и достаточно сплоченной.

Новую исследовательскую проблематику всемерно поддерживал ректор университета, выдающийся математик Александр Данилович Александров.

Александр Данилович Александров (1912–1999)

Александров – исключительно яркий и необычный человек. Он был не только великим геометром, но и мастером спорта по альпинизму. Вероятно, последнее имело для формирования его демократизма не менее важное значение, чем хорошее дворянское воспитание. Когда висишь с кем-то на одной веревке, не будешь считаться степенями и званиями. Как его угораздило стать ректором ЛГУ в самое мрачное время послевоенной истории, мне непонятно. Мы познакомились уже в период оттепели, в 1956 году. Могу засвидетельствовать, что он делал все возможное для оздоровления обстановки в университете.

Студенты и вообще молодежь его любили, хотя некоторые его поступки выглядели пижонскими. На матмехе о нем ходила частушка:

Служил Данилыч на матмехе,
Вставал он рано поутру.
Читал Данилыч для потехи
Студентам всякую муру.

Рассказывали, что однажды, еще до своего ректорства, Данилыч на пари взялся прокатиться на трамвайной колбасе по Невскому. У Казанского собора его снял милиционер: «Гражданин, что вы делаете? Предъявите документы». А. Д. предъявил служебное удостоверение и ответил: «Ставлю научный эксперимент». Милиционер сказал: «Товарищ профессор, можете продолжать свой эксперимент». Данилыч сел на следующую колбасу и поехал дальше. Я спрашивал Александрова, правда ли

это, он ответил: «Нет, но характер схвачен правильно».

Иногда его выходки были не спонтанными, а разыгрывались умышленно. Однажды на общеуниверситетской партконференции Александров начал кричать на собравшихся, в результате чего его не избрали в состав парткома – это был серьезный афронт. При встрече я спросил его, как такое могло случиться. «Понимаете, – сказал Александр Данилович, – у меня не было выбора. На собрании некоторые ораторы начали критиковать общество значительно резче, чем это допустимо. Две недели назад я был на приеме у Молотова и знаю, что в ЦК кое-кто только и мечтает о том, чтобы найти повод для репрессий против интеллигенции. Объяснить это публично я не мог, но когда я стал кричать, люди на меня рассердились, зато тон их выступлений стал мягче. Я просто спас университет от возможных неприятностей. Ну, а прожить год, не будучи членом парткома, не так уж трудно».

Иногда он позволял себе и довольно рискованную фронду. Например, он рассказывал мне, что, будучи депутатом Верховного Совета РСФСР, однажды при голосовании какого-то не слишком серьезного вопроса воздержался, однако этого никто не заметил и было сказано, как всегда, что решение принято единогласно. Когда после заседания Данилыч сказал председателю, что он воздержался, тот просто онемел от удивления. Непосредственных неприятностей это не вызвало, но отношений с начальством не улучшало. Советская власть требовала безоговорочной лояльности.

Пижонские манеры, не соответствовавшие статусу ректора, не мешали Александрову оперативно решать конкретные вопросы. В каком-то году на нашем факультете был удачный выпуск, и я хотел взять в аспирантуру сразу троих студентов. Реальных мест было меньше, декан обещал, что постарается найти дополнительные места, но уверенности в этом не было. Случайно встретив на улице А. Д., я без всякой задней мысли рассказал ему об этом. Данилыч отступил на шаг, встал в позу и сказал: «Профессор, о чем вы говорите? Все знают, что аспиранты – товар штучный, сегодня есть трое способных парней, а потом два года может не быть ни одного. Если вы хотите взять троих аспирантов, вы просто должны сказать об этом ректору, и если тот не сумеет найти для них мест, такого ректора нужно гнать поганой метлой!» «Хорошо, – сказал я. – Считайте, что я такое заявление сделал». Через день в отделе аспирантуры мне сказали, что проблем с местами нет, все трое ребят поступили.

Как подлинный русский интеллигент, Александров ненавидел антисемитов. Как-то раз он раздумчиво сказал: «В каком-то смысле все мы евреи». А однажды, когда зашла речь о

заграничных поездках, он рассказал мне, что они неофициально обсуждали эту тему у себя в отделении и пришли к выводу о неизбежном отставании советской математики. Мне это показалось странным. Наша математика занимала ведущие позиции в мире, академиков за границу периодически выпускали, да и что вообще нужно математику, кроме собственной головы, карандаша и листа бумаги? «Ошибаетесь, – сказал А. Д. – По сравнению с вами, я действительно много езжу, то на всемирные конгрессы, то на разные ректорские совещания, но к моей науке это никакого отношения не имеет. Чем дальше продвинулся ученый, тем уже круг его профессионального общения, порой его понимают два-три человека в мире, и обсудить с ними проблему иногда остро необходимо. А возможности поехать туда, куда тебе нужно, без долговременного предварительного планирования и оформления, у нас не имеет никто. Современная наука, даже такая абстрактная, как математика, с нашими условиями работы органически несовместима».

Ленинградские партийные власти независимого ректора, естественно, ненавидели. Даже своих «позвоночников» (абитуриенты, которых зачисляли по телефонным звонкам) им приходилось устраивать в обход ректора (впрочем, для этого были другие люди). В конце концов ему пришлось уйти и переехать в Новосибирск, где его избрали академиком. У него были планы возглавить Новосибирский университет, превратив его в вуз нового типа, но это не осуществилось. Кстати, он мне рассказывал, как ему удалось не подписать коллективное письмо с осуждением Солженицына. Многие известные люди подписывали верноподданнические письма исключительно из страха – член КПСС на руководящей должности не мог открыто выступить против ЦК. Когда Александр Данилович отказался присоединиться к общему хору, его вызвал первый секретарь обкома и спросил: «Что это значит? Вы не согласны с линией партии?» – «Что вы! Но как я могу высказываться о книге, которой не читал? Я ученый, и меня просят высказаться не о линии партии, а о конкретной книге». Секретарь обкома опешил, но не мог не признать основательность довода. «А если мы дадим вам ознакомиться с книгой?» – «Тогда будет другой разговор». Секретарь тут же велел принести запретную книгу, но оказалось, что даже в обкоме ее нет, все осуждали ее не читая. А так как «подписная компания» была срочной, пришлось им обойтись без подписи Александрова.

Интерес к философии был таким же постоянным свойством Александрова, как альпинизм, он указан даже в энциклопедических статьях о нем. Он говорил, что не знает ни

одного великого естествоиспытателя, который не был бы в той или иной степени философом. Великий ученый, в отличие от просто выдающегося, неизбежно покушается на базовые основы мировоззрения, а это и есть философия. По его инициативе сложилось нечто вроде неформального философского семинара, участники которого (А. Д. Александров, Ю. А. Асеев, М. С. Козлова, В. А. Ядов, В. Г. Иванов, С. Н. Иконникова и я) собирались по очереди друг у друга дома и обсуждали какие-то философские темы, новые книги и т. п. Ничего политического в этих разговорах, разумеется, не было. Впрочем, нередко темперамент Данилыча подводил. Прочитав первые три страницы книги, он думал, что все дальнейшее ему уже ясно. Может быть, в геометрии оно и так, но в философии важны нюансы. Из-за этого мы с ним, собственно, и разошлись.

Когда в «Вопросах философии» появилась статья Бориса Грушина о массовом сознании, Александров счел ее антимарксистской и написал в журнал ругательную статью. Там ее отклонили. Александров рассердился и послал статью в другой журнал. Вся наша питерская философская команда дружно объясняла ему, что он неправ, что о социологической теории нельзя так самоуверенно судить со стороны, что он должен хотя бы прислушаться к нашему мнению. «Если бы мне что-то не понравилось в математике, например абсурдное понятие “иррациональных чисел”, но вы сказали бы, что я неправ, я бы не полез в публичную полемику. Кроме того, – говорил я, – есть старое мальчишеское правило: если кого-то бьют стаей, даже за дело, порядочный парень не станет в этом участвовать, а Грушина бьют именно стаей, причем заведомые подлецы». Никакие аргументы не действовали. Тогда мы сказали: «Если вы напечатаете этот текст, наше общение прекратится». Так оно, к нашей общей скорби, и произошло.

Кроме интеллектуальной ценности, общение с Александровым, как и со Штоффом, способствовало моему приобщению к горам. По его протекции я побывал в замечательном лагере Алибек и познакомился там с новыми интересными людьми. Среди советских альпинистов было много выдающихся ученых. Сейчас, когда в связи с проблемами маскулинности меня заинтересовала психология экстремального спорта, старые воспоминания мне пригодились. А такого ректора, как Александр Данилович, я больше никогда не встречал. Думаю, что это в принципе невозможно.

Работавшие на факультете талантливые преподаватели (М. С. Козлова, Н. В. Рыбакова, Л. И. Новожилова, Д. А. Гущин и другие)

заражали своим энтузиазмом даже студентов других факультетов. Однажды ко мне на кафедру пришел студент физического факультета и спросил, что можно прочитать по какому-то довольно сложному вопросу. Я сказал, что по этой теме на русском языке ничего нет, могу предложить английскую статью. Молодой человек поежился, но согласился ее читать. «А зачем вам, собственно, это нужно?» – спросил я. Оказалось, что для выступления на семинаре у Тамары Витальевны Холостовой, которая вела у них курс философии. Каким же огромным интеллектуальным и моральным авторитетом нужно было обладать, чтобы для выступления на обычном учебном семинаре по философии студент-физик стал разыскивать специальную литературу на стороне! Впрочем, это был исключительный случай. Тогдашние студенты читали больше сегодняшних, но лишней информацией свои умные головы особо не забивали, а думают нынешние ребята значительно самостоятельнее прежних.

В этой книге я сознательно вспоминаю преимущественно хорошее, в целом же моральная атмосфера на философском факультете была скорее плохой. Наряду с блестящими учеными и порядочными людьми существовала мощная камарилья догматиков и интриганов, рассматривавших все новые проблемы и веяния как идеологически подрывные. Это имело и антисемитский подтекст. Мне ставили палки в колеса где только могли. Хотя я был всего лишь шестым доктором философских наук в Ленинграде и читал на факультете основной курс, профессорское звание я получил лишь после того, как подал заявление об уходе и в дело вмешался секретарь горкома партии Ю. А. Лавриков (один из немногих приличных людей на этой должности). Все время приходилось опасаться подвохов и провокаций. Популярность моих лекций не только усиливала зависть некоторых коллег, но и вызывала подозрения партийного начальства, которое не верило, что студенты могут ходить на лекции по философии добровольно. Мои «новомирские» статьи, которые читала вся тогдашняя интеллигенция, также вызывали раздражение. Курс социологии личности обошелся без особых неприятностей только потому, что кроме явных и тайных надсмотрщиков его посещали многие уважаемые профессора с разных факультетов, а книга готовилась к печати Политиздатом.

Впрочем, «съесть» меня было не так просто. Почти все мои книги печатались не в Ленинграде, а в центральных издательствах. Мои профессиональные контакты также не ограничивались городом. Весной 1956 г., когда Константинов готовил (несостоявшийся) пленум ЦК КПСС по идеологическим вопросам, меня неожиданно вызвали в Москву и включили сразу

в две рабочие группы: по философии (во главе с П. Н. Федосеевым, которого я тогда увидел впервые) и по пропаганде на зарубеж (во главе с Ю. П. Францевым). Для человека моего возраста там было много удивительного.

Прежде всего, меня поразил готовивший пленум секретарь ЦК по пропаганде, будущий «и примкнувший к ним» Д. Т. Шепилов. Два часа он отличным русским языком, без бумажки, говорил приглашенным (почти все они были видными партийными учеными), что партии нужен совет, как снять сталинистские «наслоения», и закончил призывом к смелости и искренности. Мне это очень понравилось. В рабочих группах атмосфера тоже была раскованной, но уже другой. В комиссии Францева было сообщено, что наши партийные документы на Западе не печатают не только по идеологическим мотивам, но и потому, что они слишком длинны и написаны ужасным языком. «Так давайте скажем об этом!» – предложил я. «Что вы! Дмитрий Трофимович взбесится!» – «Так он же сам просил сказать правду?» – «Эх, молодо-зелено! От него это не зависит. Документы составляются так, как у нас принято, и сказать, что наш стиль документов неправильный, невозможно. Это выходит за пределы компетенции Шепилова. Поэтому вне зависимости от того, какие слова он говорит, этого мы писать не будем», – улыбнулся Францев.

В философской комиссии, куда входили вполне приличные, по тогдашним меркам, люди, атмосфера оказалась еще консервативнее. После того как мы записали в решение, что философия должна быть творческой, а не просто комментировать решения ЦК и т. д., Федосеев с усмешкой заметил: «А ведь без ссылки на очередной пленум мы все равно ничего печатать не будем». И все дружно сказали: «Конечно нет!» Я искренне удивился: «Почему?! Ведь нас только что призывали к творчеству!» На что последовал дружный смех и серия реплик. Федосеев: «Вы человек молодой, а нам уж лучше быть в догматизме, чем в ревизионизме». М. Д. Каммари: «В известной работе “Марксизм и вопросы языкознания” нас тоже призывали к творчеству, а мы помним, что из этого вышло!» М. М. Розенталь: «Кедров после XX съезда сказал в Академии общественных наук, что он думает, и чем это кончилось?»

Это был известный эпизод. Кедров выступил после доклада Шепилова в Академии общественных наук с очень смелой речью, после чего его долго прорабатывали. Кстати, Шепилов тогда прекрасно ответил на чей-то вопрос из зала: «Если этого нельзя, того нельзя, к чему вы нас призываете? Какая разница между тем, что происходит сегодня, и тем, что было раньше?» Шепилов

ответил: «Разница есть. Она заключается в том, что после этого заседания вы вернетесь домой и будете спокойно спать. Если ночью к вам в дверь позвонят, вы поймете, что принесли телеграмму. А раньше после такого выступления вам бы уже спать не пришлось. Я думаю, что разница существенная». С ним все согласились. Тем не менее у Кедрова были неприятности.

Короче говоря, в окончательном тексте от смелых идей почти ничего не осталось. Эта история была для меня очень воспитательной. Я считал себя ужасно умным и думал, что «они» просто не понимают, что надо делать. Когда выяснилось, что «они» прекрасно все понимают, но не хотят или боятся, я вспомнил слова Монтеня, что самая большая наивность – думать, будто можно перепрыгнуть через пропасть в два прыжка. А когда вскоре начался откат партии от позиций XX съезда, оказалось, что «они» не просто трусливы и реакционны, но по-своему мудры.

Более положительный опыт я приобрел в связи с участием в подготовке учебника «Основы марксизма-ленинизма» под редакцией О. В. Куусинена. Эту книгу много лет писали профессора Академии общественных наук, но когда Куусинен стал секретарем ЦК и членом Политбюро, он решил «отредактировать», а точнее – заново переписать бездарный текст, поручив это Юрию (Георгию Александровичу) Арбатову, который привлек к делу своих знакомых, включая и меня (мы были знакомы по «Вопросам философии»). Там я познакомился с Федором Бурлацким и Александром Бовиным. Работал над книгой и старый, беспартийный, всю жизнь травимый Валентин Фердинандович Асмус (1894–1975).

Хотя я занимался абсолютно не своим делом, это было очень интересно. Мудрый старик Куусинен был исключительно демократичен и добивался от нас преодоления догматизма. Формально речь шла о стилистике: «Напишите так, чтобы это было понятно и интересно английскому рабочему!» На самом же деле требовалась серьезная умственная перестройка. Атмосфера в коллективе, несмотря на нелицеприятную взаимную критику (чего стоила такая «переходная формула» после обсуждения очередного варианта чьей-то главы: «Уже мажется, но еще пахнет»!), была очень откровенной. Я никогда до того не видел и даже представить себе не мог, чтобы профессиональные и достаточно успешные люди, не связанные узами личной дружбы, так смело высказывались по теоретическим и политическим вопросам, в которых отклонение от официальной линии партии чревато потерей работы, а то и хуже. В «Основах марксизма-ленинизма» впервые похоронили знаменитую формулу об «абсолютном обнищании рабочего класса» и т. д. За высказывание

на студенческой конференции крамольной мысли, что такого феномена не существует, второкурсника Бориса Миронова выгнали с экономического факультета ЛГУ (позже он стал крупнейшим специалистом по социальной истории России), а по поводу моей аналогичной реплики на философском семинаре Ленинградского отделения Института истории долго ходили мутные волны в горкоме партии.

Работа над учебником выявила полное банкротство научной специализации. Лучшие экономисты и философы страны не могли написать элементарных вещей по своей специальности, где над ними довлели заскорузлые догмы и привычные формулировки (мы называли этот жаргон «истмат-хинезиш», по образцу Partei-chinesisch – «партийно-китайский» германских социал-демократов начала XX века), зато обнаруживали хороший творческий потенциал в освещении смежных вопросов. Оказалось, что многие священные формулы просто невозможно пересказать другими словами. С тех пор я на всю жизнь усвоил и передавал своим студентам правило: обязательно пересказывайте любую новую мысль или привычную формулу другими словами. Если это не получается, значит, либо вы не понимаете смысла этой формулы, либо его вообще нет, а есть лишь привычное словосочетание. Это касается любой теории. И еще очень полезно привлекать в качестве критиков неспециалистов, глаза которых не зашорены деталями и условностями. Это очень пригодилось мне при подготовке «Введения в сексологию».

Некоторые члены этого авторского коллектива стали потом работать ответственными консультантами ЦК и т. д. Радикальным критикам советской власти, особенно после ее крушения, всякая аппаратная работа казалась социально бессмысленной и чисто карьерной. Лично меня она тоже не устраивала, хотя бы потому, что имела крайне низкий кпд. Все партийные документы готовились многоступенчато. Их готовили разные люди, потом в отделе ЦК все сводилось, а затем высокий начальник сам решал, что он будет говорить, и, как правило, текст становился хуже, чем был первоначально.

Типичным примером этого для меня стало Всесоюзное совещание историков (1964), его готовил отдел науки ЦК, меня вызвали в Москву для участия в подготовке основного доклада, с которым выступал секретарь ЦК Б. Н. Пономарев. Не помню, что именно я там писал, но общими усилиями был подготовлен достаточно приличный документ. Однако инструктора Отдела науки, которые этим занимались, перед отъездом мне сказали: «Не радуйтесь, никому не известно, что от всего этого останется. С документом еще будут работать». Когда на совещании я

услышал доклад Пономарева, он был совершенно не похож на подготовленный текст. То, что он говорил, было бы уместно в докладе замминистра высшего образования по кадрам, все общие, теоретические проблемы ушли. В кулуарах я встретил инструктора, спрашиваю: «Как же так?» – «А вот так. Люди думают, что во всем виноваты чиновники, плохо работают, плохой аппарат. Но решает начальство. Вы свидетель, вы знаете, что мы подготовили, но мы только исполнители. Нам поручили, мы сделали, а дальше…»

Хотя мне такая работа была неинтересна, признать ее вообще бесполезной я не могу. Я неаппаратный человек, от меня ничего не зависело, мои справки – случайные, незначительные факты моей биографии, которые не имели никакого отношения к биографии советской власти. Но для того, чтобы появился Горбачев, нужны были целые поколения аппаратных работников, которые что-то делали, меняли слова и так далее. Огромную роль в подготовке перестройки сыграли Юрий Арбатов и Н. Н. Иноземцев. Имея дело не с маленькими помощниками, а с членами Политбюро и генсеком, они приучили их к тому, чтобы получать записки с неприятными цифрами. Вся информация, которая шла наверх по разным каналам, фильтровалась на каждом этапе. Начальство привыкло получать то, что оно хотело слышать, хотя внизу все знали, что это вранье. Безотносительно к уровню маразма начальства, оно не имело объективной информации. Арбатов с Иноземцевым, имея в своем распоряжении солидные институты, эту практику изменили. В 1990-е годы стало модно ругать Арбатова, говорить, что он такой-сякой, между тем Арбатов был советским аналогом – ну, поменьше, поскольку условия не те, – Генри Киссинджера. Брежневскую разрядку с нашей стороны инициировал Арбатов. И то, что тот детант сорвался, – вина не Арбатова.

Дело не ограничивалась внешней политикой. Помню, как вскоре после создания Института США мои приятели в международном отделе качали головами и говорили: «Юрка сделал очень рискованный шаг, чреватый большими неприятностями. Он подал докладную Брежневу, минуя отделы ЦК. Это грубое нарушение аппаратных правил. Арбатов – человек аппаратный, он прекрасно знает правила. Почему он это сделал, понятно: через отделы никакая серьезная информация не пройдет, ее всю просеют. А он передал материал об отставании страны по сравнению с Америкой на самый верх. Непосредственная опасность состоит в том, что информация не понравится и тебя сразу снимут с работы. В данном случае это исключено, Брежнев прекрасно относится к Арбатову, даже если

он будет недоволен, с Арбатовым ничего не произойдет. Но вне зависимости от его эмоциональной реакции, высшее начальство ничего не сделает, потому что не может сделать. А отделы Арбатову этого никогда не простят, за каждым его шагом будут следить. Это очень рискованный шаг…»

На философском факультете так свободно, как в цековских кабинетах, рассуждать было нельзя. Преподаватель общественных наук косвенно отвечал не только за себя, а и за своих студентов. За университетом следили особенно пристально. Участие в либеральных клубах и диспутах могло дорого обойтись доверчивым студентам. Детей своих друзей и знакомых я предупреждал об этом заранее, но не всем это помогало.

В конце 1950-х годов философский факультет потрясло «дело» М. Молоствова и Л. Гаранина. Они учились на пятом курсе. Михаил Михайлович Молоствов (1934–2002) отличался блестящим интеллектом, а Леонтий Гаранин (фронтовик, вся грудь в орденах) – безоглядной прямотой и смелостью. Это был мой первый курс, где я читал, и у меня сложились с ним хорошие отношения. Когда начались венгерские события, студенчество забурлило. По изменившемуся тону наших газет я за несколько дней понял, что грядет вооруженная интервенция, и пытался намекнуть студентам, что нужно быть осторожнее в высказываниях, но прямо сказать об этом не мог, а намеков ребята не понимали. Однажды после занятий меня пригласили на собрание пятого курса: студенты решили обсудить и осудить глупую антивенгерскую статью в факультетской стенгазете своего однокурсника, комсомольского секретаря. Речи ораторов звучали жестко. По поводу всеобщей забастовки Молоствов сказал: «Контрреволюция может стрелять, но не может бастовать». Чтобы уберечь ребят от репрессий, я старался успокоить их и спустить все на тормозах, в какой-то степени это удалось. К тому времени, как на собрание пришел вызванный кем-то замсекретаря парткома ЛГУ, зажигательные речи уже отзвучали, а стенгазету вернули на место. Партийному начальству я сказал, что был на собрании с самого начала, было много эмоций, но ничего особенного. На сей раз все обошлось. Правда, потом был скандал на факультетском собрании, ребятам дали окончить университет, но продолжали за ними следить, а через несколько месяцев посадили за создание антисоветской организации, которой, разумеется, не было[6]. В качестве «доказательства» цитировалась открытка одного из них, где говорилось, что им нужно создать «союз единомышленников» (шутливый намек на устав партии). При Горбачеве их реабилитировали, Молоствов был даже депутатом Верховного Совета, но, как и положено такому

человеку, во власти не прижился. К факультету же после этого дела стали проявлять повышенное внимание.

За свои лекции я не боялся, там все зависело от меня самого. Другое дело – семинары. Чтобы разговорить студентов, нужно было ставить интересные, острые вопросы, но, если дело заходило слишком далеко, как-то свести концы с концами. Когда уважаемый преподаватель вдруг начинал уходить от вопросов или тупо повторять казенные формулы, студенты чувствовали, что тут есть что-то опасное, и переставали спорить. Так называемые «провокационные» вопросы задавали только глупым и нелюбимым профессорам. Но были и такие спорщики, на которых ничто не действовало (например, А. И. Маилов). Тогда мне становилось за них страшно, моя интеллектуальная провокация могла стать провокацией политической. Я ведь знал, что в группе сидит неизвестный мне стукач, сообщение которого может сломать молодому человеку карьеру и жизнь. Чтобы избежать этого, я перестал вести семинары.

На мои лекции нередко приходили студенты с других факультетов, мне было с ними интересно. Дважды по доброй воле, заменяя коллег, я прочитал курс истмата у физиков и математиков. У физиков это было сплошное удовольствие. Ребята хорошо слушали, задавали вопросы, а на экзаменах (я принял полторы группы) обнаруживали чувство юмора: если парень шел сдавать нашармака, он это сознавал и, вместо того чтобы канючить, как делали философы, сразу же по-деловому просил о пересдаче. Зато с математиками сначала вышла накладка.

С группой студентов матмеха я познакомился летом, когда инкогнито, под видом аспиранта, отдыхал в университетском лагере в Коктебеле. Ребята мне понравились, и, когда коллега, читавший у них курс философии, попросил подменить его на один семестр, я охотно согласился. Пятый курс, большая аудитория. На первой лекции наличие или отсутствие контакта не всегда бывает ясно, а на второй чувствую – что-то не то. По какому признаку ты это определяешь, непонятно – сидят тихо, слушают, записывают, но чего-то не хватает, ошибиться опытный преподаватель тут не может. Спрашиваю: «Ребята, что-то не так?» Молчат. Потом встает девушка и говорит: «Нельзя ли читать помедленнее и попонятнее?» «Ну, – думаю, – дела. Читаю я в нормальном темпе, а что такого непонятного в истмате для математиков – вообще странно». Конец этого часа я читал совсем медленно и скучно. В перерыве пробегавший мимо юноша попросил: «А нельзя ли все-таки читать побыстрее?»

После перерыва я сказал: «Ребята, поскольку пожелания взаимоисключающие, я буду читать, как мне нравится, а вам

придется ко мне приспосабливаться. Записывать лекции вообще не обязательно. Экзамены будет принимать Сергей Григорьевич, так что можете сдавать по учебнику, лекции вам не понадобятся». Конец лекции я прочитал бодро и весело, а на следующей неделе ожидал увидеть половину курса, зато лучшую. Ничего подобного. Аудитория как была полна, так и осталось, а те, кого я по глазам или выражению лица считал лучшими, как и положено лучшим, иногда ходили, а иногда нет. Позже ребята мне сказали, что вначале трудности были у некоторых девушек. Они привыкли, что общественные науки обычно читают так: «Марксизм-ленинизм учит, что…», затем следует тезис, иллюстрируемый примерами, которые надо принимать за доказательства. А тут предлагают думать…

За это я им отомстил. Курс истмата (фактически это была общая социология) по сути своей эклектичен, и я нарочно читал лекции в разной манере. Демографические проблемы начинал с данных статистики, что-то другое – с общих положений, третье – с лирических стихов. Приспособиться к этому было невозможно. Встретив на улице ректора, рассказал ему, как издеваюсь над его студентами, тот сказал: «Так им и надо, они не уважают общественные науки, а культуры теоретического мышления у многих математиков, в отличие от физиков, нет». Все прошло отлично. К удивлению деканата – как-никак последний курс, – они попросили меня даже организовать у них маленький философский кружок, а потом пригласили на свой выпускной вечер. Матмеховский гимн я до сих пор помню. Все громко говорят: «Скромность украшает добродетель» (тихонько добавляя: «если ей больше нечем украситься»), а потом поют:

Мы соль земли, мы украшенье мира,
Мы полубоги, это – постулат,
Пусть в нашу честь бряцает громче лира,
Литавры звонкие пускай гремят!

Все дальше, и дальше, и дальше
Другие от нас отстают,
И физики, младшие братья,
Нам громкую славу поют.

И так далее, все в том же духе. Отличный гимн!

Встречи с молодежными проблемами случались не только в университете. Однажды я получил письмо от молодого человека по имени Алексей Пуртов, который писал, что за его критическое

отношение к действительности КГБ приклеивает ему психиатрический диагноз, и просил о встрече. Это в равной мере могло быть и правдой, и провокацией. Я назначил юноше встречу на улице у Казанского собора. Он показался мне нормальным, но наивным, просил у меня адрес А. Д. Сахарова, чтобы включиться в правозащитную деятельность. Допуская возможность звукозаписи, я не стал обсуждать с ним политические проблемы, а адреса Сахарова у меня и правда не было. Кроме того, я сказал парню, что он многим рискует: если его уже предупреждали, то на следующем этапе он может оказаться в психушке или в лагере. Через несколько месяцев или через год я получил от него открытку, отправленную из какого-то казахстанского лагеря, с несколькими словами: «Игорь Семенович, вы были правы». Больше я о нем ничего не слышал. По сегодняшним меркам мое поведение выглядит трусливым. Но тогда все было иначе. Имели место, конечно, соображения личной безопасности, но, помимо того, я не считал возможным подвергать молодых людей риску, на который сам не отваживался.

Самые трудные нравственные экзамены жизнь устраивает неожиданно. Осенью 1967 года или весной 1968-го (точно не помню) нескольким уважаемым профессорам, С. И. Тюльпанову, Б. А. Чагину, А. Г. Харчеву, М. И. Шахновичу и мне, позвонили из обкома и поручили приехать в КГБ, «помочь разобраться в теоретических вопросах». Отказаться было невозможно. Собираясь на Литейный, я дал себе слово, что ничего сомнительного не подпишу. Но ничего сомнительного не было. Сначала усталый следователь, а потом начальник следственной части полковник Сыщиков (видимо, в их семье эта профессия была наследственной) сказали нам, что органы практически случайно (сведения у них были, но они не придавали им значения) раскрыли тщательно законспирированную антисоветскую организацию «Социал-христианский союз», состоявшую в основном из студентов ЛГУ, и мы должны дать идеологическую экспертизу ее программы и устава.

Что было делать? Если бы я был один, можно было бы попробовать отговориться, что это не моя специальность и т. д. Но тут действовала круговая порука. Моим коллегам это поручение было так же отвратительно, как и мне. Сами документы были достаточно определенными. В них давалась сокрушительная критика коммунистической идеологии, говорилось, что нужно готовить вооруженное свержение Советской власти и содержались многочисленные ссылки на Народно-трудовой союз (НТС). Позитивная часть программы была значительно слабее критической, содержала явно

националистические идеи, предусматривала, что треть мест в будущем законодательным органе будет отдана иерархам Русской Православной церкви и т. п. Антикоммунистический и антисоветский характер организации был очевиден, от нас требовалось только подтвердить это, что мы и сделали.

Это был самый позорный поступок в моей жизни, в котором я раскаивался многие годы. Мы не сказали КГБ ничего такого, чего бы там уже не знали, этих людей осудили бы и без нашей справки, да и лжи в ней было гораздо меньше, чем в резолюции любого партсобрания, одобрявшего заведомо дурацкие решения ЦК. Но моя подпись стояла под документом, который был использован для того, чтобы отправить за решетку группу ни в чем не повинных молодых людей, – они ведь ничего не успели сделать, только мечтали о свержении действительно прогнившего режима! Этого я простить себе не мог. Как писал Сент-Экзюпери, «чтобы быть, нужно сначала принять на себя ответственность».

В конце 1960-х годов общая идеологическая обстановка в стране, и особенно в Ленинграде, стала быстро ухудшаться, а философский факультет серел на глазах. Не желая тратить время и силы на внутренние баталии, я ушел в Академию наук. Чуть позже моему примеру последовал В. А. Ядов, а затем были вынуждены уйти и многие другие ведущие профессора. Обстановка на философском факультете кардинально изменилась к лучшему лишь в конце 1980-х, когда дышать стало свободней и произошла смена поколений.

ИКСИ и ИОН

Свиньи ежедневно кладут много сил на составление малопонятных штуковин, которые называются «данные», «отчеты», «протоколы» и «докладные». Это были большие листы бумаги. Они убористо исписывались, после чего отправлялись в топку.

Джордж Оруэлл

В 1968 году я с радостью принял приглашение Г. В. Осипова перейти на работу во вновь организуемый Институт конкретных социальных исследований (ИКСИ) АН СССР, где были собраны едва ли не все ведущие социологи страны. Одновременно таким путем удалось «вывести» из ЛГУ созданную Ядовым социологическую лабораторию, которая подвергалась систематической травле.

В ИКСИ я сначала заведовал сектором социологии личности и участвовал в выработке программы исследования «Личность и ценностные ориентации», а затем, после того как эту работу возглавил Ядов, который все время оставался ее душой и мозгом, создал отдел истории социологии. Наш маленький, но высококвалифицированный коллектив работал очень продуктивно. Был написан первый том большой книги по истории западной социологии, опубликована программа по этому курсу для аспирантов, намечен обширный план переводов классиков социологии. Однако институт с самого начала жил в обстановке враждебности и блокады со стороны догматических «служителей культа» из числа старых философов, «научных коммунистов» и реакционной части партаппарата.

Советская социология или, как ее тогда называли, во избежание конфронтации с истматом, «конкретные социальные исследования», возникла на волне хрущевских реформ и имела своей официально провозглашенной функцией их информационное обеспечение. Однако даже в таком узком, подчас технократическом понимании социология несла в себе мощное социально-критическое начало. Она предполагала изучение действительности, которое неизбежно, каким бы робким конформистом ни был сам исследователь – а среди первых советских социологов таковых было немного, в большинстве

своем это были смелые, мужественные люди, – демонстрировало несостоятельность господствующей идеологии. И эту опасность безошибочно чувствовали партийные бонзы.

Пока в стране шло какое-то обновление, социология была начальству нужна. Но в силу неповоротливости бюрократического аппарата ее институционализация затянулась, и ИКСИ был создан только по инерции, когда никакой нужды в нем у партии уже не было. Общественные науки могут развиваться только в свободной обстановке, изучая реальные социальные проблемы, между тем «зрелый социализм» принципиально утверждал собственную беспроблемность. Советское общество достигло такой стадии зрелости, когда сущность и явление совпали, сделав науку излишней.

Люди, стоявшие у истоков советской социологии, не имели на этот счет иллюзий. На всем протяжении организации, а затем распада ИКСИ мы поднимали один и тот же тост – «за успех нашего безнадежного дела». Тем не менее мы делали все, что могли. Я счастлив, что судьба свела меня с такими замечательными людьми, как Ю. А. Левада, В. Н. Шубкин, Б. А. Грушин, Л. А. Гордон, Н. И. Лапин, В. Э. Шляпентох, А. А. Галкин и другие. Напряженность между двумя заместителями директора Г. В. Осиповым и Ф. М. Бурлацким наших взаимоотношений друг с другом не портила, мы были профессионально и идеологически едины. Теплые дружеские отношения существовали у меня и со многими видными социологами, работавшими в других местах: Т. И. Заславской, Г. М. Андреевой, В. Ж. Келле, Ю. А. Замошкиным, Э. А. Араб-оглы и другими. Каждый занимался своим делом, ревности к чужой работе не возникало, у нас были общие враги и общие неприятности. Этот этап развития советской социологии достаточно хорошо описан[7], поэтому не буду повторяться.

Новая советская социология была интеллектуально и идеологически неоднородна. Философы больше тяготели к общетеоретическим вопросам, а экономисты, к которым в дальнейшем присоединились технари, – к эмпирическим исследованиям. Однако все мы были самоучками. Поскольку мы занимались разными вещами и всех нас одинаково притесняли, конкуренции между ведущими учеными не было, но и особого интереса друг к другу – тоже. Командный дух состоял лишь в том, что мы хотели не хвалить или ругать, а реально познавать свое общество. В какой-то степени мы недооценивали друг друга. Например, высокие интеллектуальные и моральные качества Н. И. Лапина я по достоинству оценил лишь позже. О своем секторе каждый знал, что работа идет, но рассказам о том, какой бардак в соседнем отделе, зачастую верили. О том, как много мы все

сделали, мы узнали только после разгрома института, когда стали подводить итоги.

Уже заканчивая эту книгу, я случайно попал на форум Фонда «Общественное мнение», где обсуждалась книга Б. З. Докторова, и кто-то спросил его, почему все старики говорят только о процессе институционализации советской социологии, а где же ее реальные результаты, что она сделала? Почему в серьезных западных работах на нее нет ссылок? На семиотиков ссылаются, а на социологов – нет.

Ребята, побойтесь Бога!

Эмпирическая социология возникла в начале, если не в середине 1960-х, все время отбивалась от нападок, а уже в 1972 году пришел Руткевич. Где вы видели, чтобы за такой срок на пустом месте создавались научные школы?

Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский имели отличное филологическое образование и четко вписывались в близкие им по духу западные школы. Советские социологи, все до единого, были самоучками, западной социологии они почти не знали (а те, кто знал больше, не вели эмпирических исследований), кроме того, они были обязаны отличаться от нее и притом доказывать, что они самые лучшие в мире (некоторые, к сожалению, сами в это верили).

Тартускую школу травили только потому, что некоторые ее идеи казались непонятными, политикой она не занималась, это была чисто академическая школа, сознательно отсекавшая непосвященных особым языком. Социология занималась реальными проблемами советской жизни, где контроль был неизмеримо строже, каждый начальник мнил себя экспертом[8], и она должна была ежедневно доказывать свою политическую лояльность и практическую эффективность.

Семиотики знали иностранные языки, кроме того, их переводили западные коллеги. «Новой советской социологией» интересовались только советологи, и интерес этот был преимущественно идеологическим. Наши доклады, представляемые на международные конгрессы, были значительно хуже тех, что печатались дома. Во-первых, нельзя было сообщать никаких новых фактов, чтобы не раскрыть государственную тайну (а тайной было все). Во-вторых, был страшный идеологический контроль: не отступает ли автор от марксистской теории?

Западным ученым читать это было просто неинтересно. Разница между ними состояла лишь в том, что одни верили, что из «этого» может в дальнейшем что-то развиться, а другие считали «это» очередным фокусом советской пропаганды. И те и другие были правы, потому что «это» было неоднородно.

Кстати, так обстояло дело не только в социологии, но и в смежных дисциплинах. Своим студентам на философском факультете я открытым текстом говорил, что они живут в сказочное время, когда можно ни на чем стать основоположником новой науки. Надо только уловить нужный момент и сказать, что, конечно, буржуазная социология, социальная психология и т. д. (подставьте любое нужное слово) безнадежно плоха, но там есть реальные проблемы, для изучения которых предлагается создать абсолютно новую, другую, нашу, марксистско-ленинскую социологию, социальную психологию и т. д. (подставьте любое нужное слово). Дальше, в зависимости от степени вашей образованности, вы либо своими словами пересказываете нечто из чужих учебников, либо сами, из чистого разума, определяете предмет и методы новой дисциплины. Теперь вы стали основоположником, надо лишь защищать свою территорию от претендующих на нее самозванцев. Поскольку правильная (то есть отечественная) теория может быть лишь одна, а вы первым сказали «а», это дает вам ощутимое идеологическое конкурентное преимущество: те, кто критикует вас, покушаются на национальное достояние. Даже если утвердить свою монополию вам не удастся и какие-то нахалы, которые займутся реальными исследованиями, а не спорами о предмете «новой» науки, вас опередят, почетное место в истории науки вам все равно обеспечено: вы первый сказали «а», причем вы не закрывали новую отрасль знания, как делалось в 1930-х годах, а открывали ее. Благодарные потомки этого не забудут. Главное – уловить подходящий момент и найти нужные слова!

Но, кроме пенкоснимателей, были люди, которые реально работали. Я снимаю шляпу перед своими бывшими коллегами не потому, что они открыли что-то фундаментально теоретически новое, а потому, что они первыми попытались исследовать абсолютно закрытое общество, которым надлежало лишь восхищаться. Десакрализация общества снимала с него магическую пелену и делала власть уязвимой. Король оказывался если не вовсе голым, то хотя бы не полностью одетым и к тому же некрасивым. Это была революция не столько в науке, сколько в общественном сознании. И для того, чтобы начать ее, нужно было не только мужество, но и высокий интеллект, даже если львиная доля усилий уходила на то, чтобы пролезть сквозь игольное ушко и проплыть между Сциллой и Харибдой.

Как я привез из Вены методики

Между прочим, о методах. Расскажу одно поучительную историю. Коронной темой советской социологии было изучение стимулов к труду и критериев удовлетворенности им. Помимо теоретиков, этим занималась целая армия заводских социологов. В 1968 году, когда я был с лекциями в Австрии, меня пригласил, в числе других учреждений, и Институт прикладных социальных исследований, прямо-таки аналог ИКСИ. В отличие от большинства подобных учреждений, работавших по заказам капиталистических корпораций и, следовательно, идеологически нам чуждых, этот институт принадлежал австрийским профсоюзам, был социально-критическим и в то же время успешно работал, а его директор доктор Карл Блеха был политически влиятельным человеком, встречу с ним приветствовали организаторы моей поездки. Лекция моя прошла хорошо, потом меня, как водится, пригласили в ресторан для долгой профессиональной беседы, в ходе которой я узнал две важные, даже сенсационные для меня новости.

Хотя институт принадлежал профсоюзам, он выполнял коммерческие заказы крупных фирм, изучал их узкие места и т. п. За это ему платили большие деньги. «А какие вы даете рекомендации, как оценивается эффективность вашей работы?» – спросил я. Для советской индустриальной социологии это был больной вопрос, от социологов всегда требовали конкретных рекомендаций, что и как делать. Австрийцы искренне удивились: «Никаких рекомендаций мы не даем, и никто их у нас не спрашивает. Во-первых, ни одна солидная фирма не позволит диктовать ей технико-экономическую и социальную политику. Во-вторых, чтобы сделать это, исследование пришлось бы проводить не неделями и месяцами, а годами, это стоило бы слишком дорого. Мы только показываем менеджерам, где у них узкие места, а что и как они будут делать – нас не касается».

Вторая ценная информация состояла в том, что этот институт имел собственную, годами отработанную методику определения удовлетворенности трудом. Это была главная, коронная тема чуть ли не всей советской социологии! «А не могли бы вы подарить мне эту методику?» – спросил я. «Конечно, с удовольствием, мы пришлем ее вам в отель». – «Но без всякой взаимности, нашими методиками мы с вами поделиться не сможем». – «Ничего страшного, мы рады помочь просто так».

До моего отъезда из Вены, несмотря на два напоминания, ничего не прислали. Я попросил товарищей из Австрийско-советского общества дружбы не забывать об этом деле. Несколько недель, если не месяцев, они с немецкой методичностью напоминали доктору Блеха о его обещании профессору Кону.

Наконец огромная картонка с набором всех методик пришла. Как переслать ее в Ленинград? Почте я резонно не доверял, решили подождать оказии. Первой такой оказией оказалась группа писателей, в которой был Булат Окуджава. Вероятно проклиная все на свете, но не в силах отказать гостеприимным хозяевам, они привезли этот пакет в Москву. Передать его в ИКСИ я не решился, зная, что там все украдут или потеряют. Пакет бережно хранил у себя под кроватью секретарь Союза писателей по иностранным делам (простой писатель не посмел бы везти с собой неизвестные бумаги). Приехав в Москву, я забрал его, самолично привез в Ленинградское отделение Социологической ассоциации, на заседании публично рассказал, насколько это ценно (австрийцы с помощью этих методик зарабатывают реальные деньги!), просил не растаскивать, а перевести с немецкого и попробовать использовать. Через несколько месяцев поинтересовался – пакет так никто и не открыл. Люди хотели работать, но методики им должны были преподнести на блюдечке с голубой каемочкой…

Социально-психологически ИКСИ был довольно забавной конторой. Созданный на базе осиповского отдела, он долгое время ютился в убогом подвале, где просто физически негде было работать. Когда социологов упрекали, что они видят только негативные стороны действительности, я отвечал: «А каким еще может быть взгляд из подвала? Вот дадут дворец, и исследования сразу же станут оптимистичнее». Дворец, однако, только обещали. Раз даже состоялось решение не то Политбюро, не то Секретариата ЦК о передаче нам хорошего здания школы, но его тут же забрал себе Московский горком партии. Администрация серьезно думала, как бы дать взятку чиновникам из Моссовета, чтобы они не саботировали партийных решений (наличных денег для этого не было, но можно было фиктивно зачислить чиновника на полставки). На этом примере я понял, что даже решение Политбюро ничего не стоит, если оно не подкреплено личной заинтересованностью чиновников.

Живя в Ленинграде, а в Москву приезжая раз в месяц, я смотрел на многое как бы со стороны. Кадровые дела института – царствующий, но не управляющий директор, два враждующих между собою зама, удельные княжества в виде отделов и секторов и полная внешняя блокада, не позволяющая реализовать сделанное, – тоже наводили на социологические размышления. Однажды я сказал курировавшему нас инструктору ЦК Г. Г. Квасову, что вместо трудоемких анкетных исследований проще было бы в качестве модели советского общества описать историю создания и механизмы функционирования ИКСИ. «Не надо этого

делать, – сказал Квасов. – Это будет очень антисоветское исследование».

При всей этой балаганности, институт реально работал, обучал аспирантов, проводил семинары и оставил о себе добрую память. Не могу не вспомнить о некоторых своих ушедших московских друзьях.

Эдвард Артурович Араб-оглы (1925–2001)

Мы познакомились с Эдвардом Артуровичем в «Вопросах философии» приблизительно в 1953 году и с тех пор периодически встречались то там, то в «Проблемах мира и социализма», то в «Коммунисте». Поскольку мы жили в разных городах, наши отношения не были по-домашнему близкими, но оставались неизменно теплыми и дружественными с обеих сторон. Насколько я знаю, он вообще пользовался всеобщей любовью и отличался надежностью в дружбе, что в наше время высоко ценилось.

Он сыграл важную роль в становлении не только отечественной социологии, и демографии[9]. Не будучи карьеристом ни в политике, ни в науке, Араб-оглы доктором наук стал одним из последних в нашем поколении, что совершенно не соответствовало его реальному положению. Отчасти это было следствием органической нелюбви к суете и халтуре. Помимо порядочности в нем всегда чувствовался эстетизм. По характеру своего интеллекта Эдик был одновременно теоретиком и популяризатором науки. Последнее было в 1950—60-х годах очень важно, потому что в массовых изданиях, вроде «Литературной газеты» и некоторых толстых журналов, можно было напечатать много такого, чего в философский журнал (социологические издания появились много позже) никто бы не пропустил. Социологическая публицистика была одновременно новым словом в журналистике и в отечественном обществоведении. Дисциплинарные рамки при этом также размывались, поскольку необходимый понятийный аппарат иногда лежал в одной науке, чаще всего в социологии, а эмпирические данные – в другой или в других. У любознательных людей это способствовало расширению общенаучного кругозора.

У Эдварда Артуровича было три главных круга тесно связанных между собой междисциплинарных интересов.

Во-первых, его всегда волновала история и судьба социальных утопий и связанная с ними научно-фантастическая проблематика. Политическая подоплека этого интереса

ощущалась, но не выражалась явно.

Во-вторых, он лучше остальных советских социологов понимал значение демографии и смежных дисциплин. Он хорошо знал и высоко ценил французскую школу geographie humaine, первым среди наших обществоведов познакомился с работами Альфреда Сови и близких к нему ученых и сделал их достоянием советского обществоведения.

В-третьих, его серьезно интересовали глобальные проблемы общественного развития, связанные с научно-технической революцией. В частности, ему принадлежит важная, до сих пор не всеми усвоенная мысль об изменении соотношения процессов обновления материально-вещественных и субъектно-личностных компонентов производительных сил и соответственно поколений техники и поколений работников. Из этого факта вытекают серьезные социально-педагогические следствия.

Судя по готовому продукту, Эдвард Артурович писал легко и ясно, но работал медленно и основательно. Каждая его статья или книжка, даже брошюра общества «Знание» становилась интеллектуальным событием. Причем его считали своим не только философы и социологи, но и демографы и географы. Помимо собственных научных работ, он умел интеллектуально (административную деятельность он, мягко говоря, не любил) организовать вокруг себя и своей тематики других творческих людей. Громадной заслугой Араб-оглы стала организация нескольких круглых столов в Руайомоне (Франция), посвященных общественному прогрессу, научно-технической революции и другим темам. Опубликованные по итогам этих конференций сборники немало способствовали обновлению марксистской теоретической мысли не только в СССР, но и во всем мире.

Далеко не все творческие замыслы Эдварда Артуровича были реализованы. Если мне не изменяет память, в 1950-х годах он вместе с Ю. А. Арбатовым, юристом по образованию, сделал попытку создать в СССР социологию или социальную психологию преступности. Местные власти в Горьком пошли молодым ученым навстречу, предоставили даже возможность посетить тюрьму и поговорить с приговоренными к смерти преступниками. Однако эта проблематика показалась кому-то слишком рискованной, и разработка ее отодвинулась.

Араб-оглы был не только ученым, но и замечательным редактором. Это очень редкий талант, требующий терпения и интеллектуальной щедрости. Эдик не любил работать с серостью и посредственностью и никогда не переписывал чужих рукописей, зато если у автора было что-то за душой, он щедро делился с ним своими мыслями, помогая довести текст до максимально

возможного уровня. Иметь его редактором было настоящим удовольствием. Недаром, когда И. Т. Фролов начал превращение догматического, сугубо официального «Коммуниста» в один из самых смелых и творческих журналов периода перестройки, он первым делом «переманил» к себе Араб-оглы.

Эдвард Артурович оказал значительное влияние на многих своих сверстников и представителей младшего поколения российских социологов.

Юрий Александрович Левада (1930–2006)

«Большая Левада», как его иногда называли друзья, по моему глубокому убеждению, был самым теоретически образованным и талантливым человеком в нашей когорте. По складу мышления, его интересовали преимущественно глобальные проблемы, но обсуждать их он хотел не спекулятивно, а на конкретном материале. Делать это в советское время было сложно. Живя в Ленинграде, я не бывал на его семинаре, но знаю, что атмосфера там была исключительно творческой и демократической. Именно это позволило ему создать собственную интеллектуальную школу, сохранившуюся вопреки всем злоключениям и превратностям судьбы.

Интеллектуальная терпимость не делала его всеядным, иногда он мог быть даже жестким. Помню, как на одном из семинаров в Кяярику он резко оборвал рассуждения Г. П. Щедровицкого. Я в тот раз видел Щедровицкого впервые, он мне понравился, и я спросил Леваду: «Чего ты так на него окрысился?» «В малых дозах это действительно интересно, но в больших дозах несовместимо с предметным исследованием, а мы это слушаем постоянно», – ответил он. Хотя со Щедровицким у них были хорошие личные отношения, тот к любой критике относился спокойно и готов был объяснять непонятное много раз. Что же касается подонков и неучей, то с ними Левада спорить не любил и говорить о них – тоже. Ему это было просто неинтересно.

В случае каких-то теоретических расхождений Юра не скрывал своих взглядов и возражений. В свое время мы оба были дружны с Ю. Н. Давыдовым, вместе бывали в их (с Пиамой Павловной Гайденко) доме. Именно там я получил возможность прочитать только что опубликованные «Зияющие высоты» Александра Зиновьева. Первые разногласия с Давыдовым наметились у нас на каком-то семинаре по поводу оценки студенческой революции на Западе, которую Юрий Николаевич оценил однозначно отрицательно, тогда как мы с Левадой видели

в ней важный стимул к социокультурному обновлению общества. Помню, одну из своих книг Юрий Николаевич даже подарил Леваде с надписью: «Несогласному Юре». Однако на личных отношениях теоретические расхождения, если они не становились политическими, не сказывались. Такой всесторонней атомизации общества, как в 1990-х, в советское время не было; возможно, потому, что реальные политические цели детально не обсуждались и казались одинаково утопическими, так что ссориться из-за теоретических расхождений было незачем.

Точного времени и обстоятельств нашего знакомства с Левадой я не помню, но наши встречи всегда бывали сердечными. Кстати, я хорошо знал его отца, на которого Юра был очень похож. Интеллектуально нас сближали общие теоретические интересы, в том числе – к западной социологии. Большинство наших коллег-социологов читали преимущественно то, что относилось к сфере их узких профессиональных занятий. Леваду же интересовали общие, в том числе междисциплинарные, тенденции. Кажется, он был единственным московским социологом, который регулярно посещал выставку новых поступлений в ИНИОН. Это способствовало формированию соответствующего стиля работы и мышления и у его учеников.

По складу характера он принадлежал к редкому типу мягких мужчин, у которых мягкость является проявлением не слабости, а спокойной, свободной от агрессивности и показухи силы. Это особенно ярко проявилось, когда его начали организованно травить. Поведение в критических ситуациях, когда тебя надолго подвергают остракизму, – очень трудное психологическое испытание. Некоторые люди при этом ломаются, чувствуют себя и выглядят пришибленными. Другие принимают героическую позу, требуя от окружающих поклонения и восхищения. Третьи вживаются в роль мученика, которому все должны сочувствовать. Все это создает психологический дискомфорт для окружающих, независимо от того, как они на самом деле относятся к этому человеку. Ты чувствуешь себя в чем-то перед ним виноватым, а это неприятно. У Левады ничего похожего не было. Думаю, это произошло не потому, что он прилагал какие-то специальные усилия, а потому, что интеллектуальные интересы были для него важнее собственной персоны. Собственная сделанная работа уже не казалась ему достойной разговора не из скромности, а потому что это был уже пройденный этап. Он был для многих образцом и учителем, но без малейшей примеси мессианства.

Наши отношения с Левадой были достаточно доверительными, мы могли говорить обо всем. Он всегда был в курсе самиздата и, видимо, поддерживал личные отношения с

диссидентами. В 1968-м вместе с другими ведущими социологами мы участвовали в социологической конференции в Улан-Удэ. В это время разыгрывался большой всесоюзный скандал вокруг журнала «Байкал», который напечатал в двух номерах запрещенную в Москве повесть братьев Стругацких и потрясающую статью Аркадия Белинкова, который в придачу стал невозвращенцем. Купить этот журнал в Москве было невозможно, но в книжном киоске в Улан-Уде один экземпляр первого номера нашелся, и Левада великодушно уступил его мне. Второго номера не было нигде. Секретарь обкома партии по пропаганде дал мне его на вечер почитать (все было испещрено его критическими пометками, его едва не сняли за этот журнал с работы, скандал начался в Москве, на уровне Демичева), но подарить не мог – этот единственный номер он бранил во всех своих докладах.

Однако мудрый Левада нашел выход. После конференции я, как всегда, когда ездил в дальние края, остался в Забайкалье на отдых (не летать же на край света ради одной конференции!), так что время у меня было. Юра мне сказал: «Все очень просто. Не проси ничего у обкомовских чиновников. Просто скажи кому-то из нормальных местных интеллигентов, что тебя интересует этот журнал. Они скажут это в редакции, где тебя, конечно, знают. Журнал наверняка редактирует какой-нибудь бурятский классик, который сам ничего не читает, всем занимается молодой зам. со столичным образованием, он к тебе придет и принесет требуемый номер».

Так оно и случилось. Буквально на следующий день ко мне в гостиницу пришел очаровательный молодой человек, недавний выпускник не то филфака, не то философского факультета МГУ, который и заварил всю эту кашу, подарил номер журнала, сказал, что экземпляр действительно последний, и рассказал о превратностях местной жизни. Поскольку с кадрами в Улан-Удэ было трудно, с работы его все-таки не уволили. Эти два зачитанных (в Ленинграде их читали по очереди все мои друзья) номера «Байкала» я храню до сих пор. Позже я спросил Леваду:

– Ты что, знал этого парня и как там все происходило?

– Нет, – поклялся Юра, – я это теоретически вычислил. В нашей стране все происходит по одному и тому же шаблону, с минимумом вариаций.

Я ему поверил.

Левада был исключительно обязательным и доброжелательным человеком. Когда он руководил ВЦИОМом, я часто обращался к нему за материалами, и не было случая, чтобы он просьбу забыл или не выполнил.

Само появление Левады во ВЦИОМе оказалось

неожиданным[10]. По складу своего мышления и направленности интересов он был, прежде всего, теоретиком. Если бы кто-то до перестройки сказал, что ему предстоит руководить центром по изучению общественного мнения, он, вероятно, засмеялся бы. Но в эпоху быстрых социальных трансформаций классические социологические модели оказались неприменимыми. Структурный функционализм лучше приспособлен к анализу стабильных структур и ретроспективному объяснению долгосрочных процессов, а интеракционизм и феноменология для подобной тематики слишком камерны. К тому же на науку не было ни времени, ни денег. Едва ли не единственным доступным (и финансируемым) источником социальной информации стали массовые опросы. Сами по себе оперативные опросы вряд ли были Леваде особенно интересны, да и количественными методами исследования он, в отличие от Бориса Грушина и Бориса Фирсова, раньше не занимался. Однако за текущей информацией политического характера он пытался нащупать общие тенденции социального развития, динамику ценностных ориентаций «простого советского человека», и сделал это блестяще. В этой историко-теоретической ориентации заключается главное отличие работы Левада-центра от аналогичных зарубежных исследований.

Извлечение глубинного смысла из, прямо скажем, не очень богатых эмпирических данных требует развитого социологического воображения, которым обладают далеко не все. Но я уверен, что в дальнейшем, когда наша жизнь станет историей, опросы Левада-Центра останутся ценным историческим источником, как и исследования Бориса Грушина. А если кто-нибудь применит к их анализу современный математический аппарат, он, возможно, извлечет из них и нечто такое, чего мы еще не знаем.

У Юры давно было плохо со здоровьем. Однажды, когда мы были на какой-то конференции в Сан-Франциско, перед самым отлетом ему внезапно стало очень плохо, но он сказал, что все пройдет, вызывать врача не надо. С помощью моего друга психолога Филиппа Зимбардо я с трудом посадил его в машину, потом в аэропорту мы всей командой везли грузного Леваду на багажной тележке, а он нас уговаривал не волноваться. Между прочим, в это время он был не только всемирно известным ученым, но и членом Президентского совета… Он не любил ни жаловаться, ни качать права, ни обременять других своими заботами, хотя сам на чужие беды всегда откликался.

Жизнь Юрия Левады – не только интеллектуальный, но и нравственный пример. Ученые нашего поколения не могли

активно сопротивляться власти, все находилось в руках государства, несогласный мог только уйти, в крайнем случае – хлопнув дверью. У Юры такой опыт был. Когда в 2003 году власть начала зачистку информационного поля, этот опыт ему пригодился. Левада не стал ни писать слезных писем президенту, ни устраивать шумные митинги протеста, все и так было ясно. Но он ушел не один, а со всем своим творческим коллективом. Другого такого опыта я не знаю. Я горжусь тем, что этот нравственный почин в очередное тяжелое время осуществили мои коллеги-социологи, ученики и сотрудники Левады.

Борис Андреевич Грушин (1929–2007)

Подобно Юрию Леваде, Борис Грушин и по складу мышления, и по образованию был философом-теоретиком (его первой книгой были «Очерки логики исторического исследования», 1961), но главным делом его жизни стало изучение общественного мнения[11]. Когда он начал заниматься этими сюжетами, мы дружески смеялись, что Борис изучает несуществующий в СССР предмет, но его деятельность способствовала материализации этой виртуальной реальности.

Его незаконченная тетралогия «Четыре жизни России» навсегда останется ценным историческим источником по эволюции установок и ценностей советских людей. Когда мне недавно понадобилась информация о том, что сегодня называют гендерными ролями, я первым делом открыл том Грушина – и нашел в нем то, что искал. Кстати, Борис провел и первый советский массовый опрос об отношении молодежи к половой морали, из которого явствовало, что люди жаждут сексуального просвещения.

Не буду говорить о научных заслугах Бориса, они общеизвестны. Хочу подчеркнуть, что он был исключительно прямым, смелым и надежным человеком. Практически все его работы в советское время встречались в штыки, а созданные им коллективы разгонялись. Тем не менее ему всегда удавалось сохранить главные результаты. Однажды ему пришлось ради этого буквально украсть из ИКСИ свой научный архив. Когда в Академии общественных наук «прорабатывали» Леваду, самым смелым и рискованным выступлением в его защиту стала речь Грушина.

Его смелость была не только гражданской, но и интеллектуальной. В 1990-е годы, когда люди стали делать карьеру и деньги на политическом пиаре, «объясняя» и

«прогнозируя» все, что угодно, Грушин публично заявил и много раз повторял, что не понимает того, что происходит в России. Несмотря на безоговорочную преданность демократическим ценностям, научная достоверность была для него важнее политкорректности.

В жизни Борис был веселым и общительным человеком, причем его личные увлечения также обретали черты профессионализма. Свою любовь к пиву он реализовал в книге, поразившей даже чехов, а в вопросах киноискусства разбирался лучше профессиональных киноведов. Грушин был очень разборчив в интеллектуальных и личных связях. Разносных статей в свой адрес он просто не читал (когда в разгар кампании против его теории массового сознания академик А. Д. Александров, не разобравшись в деле, опубликовал резкую антигрушинскую статью, Борис сказал, что прочитает ее через двадцать лет, и слово свое сдержал), а непорядочным людям высказывал свое мнение в лицо, так что они его избегали.

Из моих ушедших выдающихся современников Борис Грушин громче всех говорил о горечи социальной невостребованности. Однако при всех трудностях и издержках ему удалось сделать поразительно много, а все его книги, даже если в них преобладают статистические таблицы, удивительно личностны.

Александр Евгеньевич Бовин (1930–2004)

Одним из самых интересных и знаменитых моих московских друзей был Александр Бовин. Мы познакомились с ним в 1958 году во время работы над учебником «Основы марксизма-ленинизма». Позже, вероятно по рекомендации Куусинена, Ю. В. Андропов создал у себя в отделе группу научных консультантов, умных людей высокой научной квалификации, которые не занимались никакой организационной работой, но вырабатывали политическую стратегию. Одной из ключевых фигур в ней, после Юрия Арбатова и Федора Бурлацкого, стал Бовин[12].

По образованию он был юристом, но занимался преимущественно теорией политики. В советское время многие интеллигенты довольно смело разговаривали у себя на кухне, но как только человек получал «кремлевку» (высокое положение и продуктовый паек, стоивший больше зарплаты), тональность его разговоров, не говоря уже о публичных выступлениях, как правило, резко менялась. Привилегии всегда делают человека более осмотрительным, а «двоемыслие» не терпит политической откровенности. Бовин же всегда оставался самим собой.

Однажды, когда он рассказал мне что-то абсолютно запретное, я спросил его: «Саша, а ты не боишься? Ведь теперь ты для меня не только приятель, но и важный источник информации. Ты, конечно, знаешь, что я не стукач, но вдруг я без злого умысла перескажу это кому не следует?» «Я допускаю такую возможность, хотя надеюсь, что с тобой этого не произойдет, – ответил Бовин. – Но у меня нет выбора. Для полной страховки я не должен говорить ни с кем, кроме равных мне по рангу. А тогда через короткое время я практически перестану от них отличаться, чего мне очень не хочется. Так что приходится рисковать».

Не говорить остро он просто не мог. Как-то я пришел к нему в гости, когда его жена была в отъезде, и он в несколько минут соорудил сказочный бифштекс. Я никогда не любил и не умел стряпать, но тут не удержался от вопроса о рецепте. «Бесполезно, Игорь. Дело не в способе приготовления, а в том, что это мясо – партийное. Ты, как ревизионист и сионист, такого мяса нигде не достанешь».

В другой раз, когда было принято какое-то идиотское внешнеполитическое решение, я спросил: «Саша, как такое возможно? Ведь даже плохой шахматист думает на два хода вперед». – «Люди, которые принимают у нас политические решения, играют не в шахматы, а в бильярд. А там на один ход вперед не думает никто. Просто бьют по шару, а дальше видно будет». Это был не просто юмор, но и констатация факта. В доме отдыха ЦК, где человек начинался с замзавотделом, я своими глазами видел, что высокие партийные чиновники играли преимущественно в бильярд и в домино.

Бовин смело говорил не только дома. Перед советским вторжением в Чехословакию он передал Брежневу секретное письмо (он показывал мне его), в котором на понятном адресату языке обсуждал возможные плюсы и минусы такой акции и категорически советовал этого не делать. Он поступил так, заведомо зная, что никто его не поддержит и что это может повредить его карьере. После оккупации Чехословакии он поддерживал связи с чешскими диссидентами. Разумеется, на него писали доносы, но Брежнев и Андропов на них не реагировали.

К своему начальству он относился лояльно, но критически. В брежневскую эпоху интеллигенция значительно лучше относилась к А. Н. Косыгину, который казался нам деловым технократом и даже неудавшимся реформатором, чем к недалекому и комичному генсеку. Бовин сказал мне, что Брежнев не глупее, а в человеческом плане даже лучше премьера. «Но тогда почему ты и твои коллеги ему не скажете, что культ

личности и бесконечные побрякушки только подрывают его авторитет, делая всеобщим посмешищем?» – «Вначале мы пытались это делать, но это бесполезно. Если я скажу ему что-либо подобное, он подумает только, что я на него за что-то обижен. Другой логики он не понимает».

Не были безоблачными и его отношения с Андроповым. Характерно, что когда тот возглавил КГБ, ни один из его ближайших консультантов за ним не последовал, хотя такие предложения делались. В то же время разговаривали они достаточно откровенно. Не помню уже, по какому поводу Бовин сказал своему шефу: «Если у нас произойдет революция, нас с вами, несмотря на разницу в статусе, повесят на одном дереве!» «Очень рад, что вы это понимаете», – сказал Андропов. «Но я не хочу быть повешенным из-за ваших ошибок», – парировал Бовин.

Каковы были реальные результаты аппаратной работы Бовина, знают только его коллеги, со стороны об этом судить трудно. После выхода моей «новомирской» статьи «Размышления об американской интеллигенции» (1968), в которой говорилось и об интеллигентах, пошедших во власть, Саша рассказывал мне, что его коллеги обсуждали и примеряли ее положения к себе. Подробно мы это не обговаривали. Я никогда не придерживался популярной среди либеральной интеллигенции идеи, что интеллигент всегда должен находиться в оппозиции к власти. Реальная жизнь складывается из компромиссов, весь вопрос в условиях и результатах. Если бы в партаппарате не было некоторого числа порядочных и разумных людей, наша общая жизнь была бы значительно хуже. Перед лицом вечности всякая индивидуальная деятельность бесполезна, наши цели никогда не осуществляются полностью, а их достижение сопровождается какими-то непредвиденными и нежелательными последствиями. Но так же верно и то, что никакая деятельность не пропадает бесследно, она всегда приносит какие-то плоды. Смирение избавляет от самомнения, но приносит утешение.

По своему характеру Бовин был не аппаратным, а публичным человеком, и когда его чиновничья карьера подошла к концу, он полностью реализовался в журналистике. Статьи в «Известиях» и выступления на ТВ сделали его в буквальном смысле любимцем публики. Дело было не только в его уме и профессиональных качествах. В СССР работало немало талантливых и хорошо образованных журналистов-международников, некоторые из них профессионально и интеллектуально ни в чем не уступали Бовину, а возможно, даже превосходили его. Однако идеологический контроль в этой сфере деятельности был очень жестким. Видный журналист мог позволить себе по-своему

аранжировать тот и иной сюжет, встретиться с необычным собеседником, поставить новую тему, написать прекрасную книгу о национальном характере чужого народа, среди которого он жил и который сумел понять и полюбить. В меру своей смелости и образованности эти люди доносили до народа не только политическую, но и культурную информацию, от которой нас старательно ограждали. Однако главные политические оценки обсуждению не подлежали, их формулировало высшее партийное руководство, журналисты только доводили их до публики, и чем абсурднее была политика, тем меньше оставалось возможностей для маневра. Люди, причастные к миру идеологии и политики, это хорошо знали. Поэтому моральному осуждению, да и то молчаливому, подвергались только те журналисты, которые усердствовали сверх меры и делали на этом карьеру.

Бовин все запреты постоянно нарушал. Вероятно, он был единственным журналистом такого класса, который не только имел собственные политические взгляды, но и открыто, хотя и в разной степени, выражал их публично. Когда во время Фолклендской войны вся советская пресса радостно предсказывала неминуемое поражение Англии, Бовин на телевидении сказал, что а) правовая сторона этого конфликта совсем неоднозначна и б) победа Аргентины весьма сомнительна. Я тогда тоже желал победы Англии, не из симпатии к миссис Тэтчер, а из симпатии к аргентинскому народу, которому поражение собственной фашистской хунты (маленькие победоносные войны происходят преимущественно в воображении лидеров прогнивших авторитарных режимов) могло принести политическое освобождение. Но я мог поделиться своим мнением только со своими студентами, а Бовин заставлял думать зрителей Центрального телевидения. Он первым публично назвал террористами борцов за освобождение Палестины и т. д. и т. п. За независимость суждений его не раз «отлучали» от эфира, она же помешала ему сделать собственную политическую карьеру. «Осторожные» люди приписывали смелость Бовина то его дружбе с Андроповым (дескать, ему нечего бояться), то тому, что он просто слишком болтлив. Но Саша в любых условиях оставался самим собой, и возможность высказывать собственное мнение была для него дороже карьеры.

В перестроечные годы Бовин снова оказался не ко двору. Он не спекулировал на огульном поношении советского прошлого и не подлаживался под вкусы новых кремлевских хозяев. Вспоминается ироническое определение времен сталинского разгрома биологической науки: «Биолог-мичуринец – ученый, живущий в постоянном единстве с меняющейся средой». С

комплекцией Бовина было трудно иметь гибкий позвоночник.

Его назначение послом в Израиль казалось мне своего рода политической рокировкой. Однако необычный посол оказался таким же успешным дипломатом, как раньше – журналистом. А когда он вернулся в Москву, его политические суждения остались такими же меткими, как раньше. После начала американской интервенции в Ираке ведущие российские политологи дружно осуждали американский империализм и пророчили поражение США. Когда на каком-то приеме спросили мнение Бовина, он сказал: «Ну что же. Есть две новости, одна плохая, другая – хорошая. Плохая – что началась война, а хорошая – что одним преступным режимом в мире станет меньше». И это было правильно.

В последние годы мы редко встречались, но всегда оставались единомышленниками. Когда в 2001 году православные фашисты подложили мне под дверь муляж взрывного устройства и угрожали убийством, Бовин был единственным известным журналистом, который позвонил мне, выразил свою солидарность и сказал: «Ну, если тебя все-таки в ближайшее время не убьют, давай как-нибудь встретимся!» К сожалению, мы так и не собрались это сделать и общались только по телефону, о его смерти я узнал из телевизионных новостей…

Важную роль в развитии социологии и смежных с нею наук играли издатели и редакторы. Особенно тесные связи были у нас (не только у меня лично, а у всех ведущих социологов) с заведующим философской редакцией БСЭ Наумом Моисеевичем Ландой (1928–1998). Публикация приличной статьи в БСЭ или в «Философской энциклопедии» имела важное общественное значение, легитимируя новое понятие или проблему. Делать это было трудно. Во-первых, нужно было решить, что такое понятие нужно, и включить его в словник. Во-вторых, найти подходящего автора. В-третьих, убедить его написать статью (энциклопедические статьи очень трудоемки, а оплачиваются неважно). В-четвертых, суметь опубликовать ее без купюр и потерь. Наша пятитомная «Философская энциклопедия» – уникальный случай, когда уровень справочного пособия оказался значительно выше уровня базовой дисциплины. Многие понятия и термины появлялись здесь впервые, и писали эти статьи хорошие авторы.

Никогда не забуду, как проходила моя статья «Личность». Большие междисциплинарные статьи всегда в какой-то степени компромиссны, а тут еще идеологические споры. А. Г. Спиркин (зам. главного редактора Философской энциклопедии) и Ланда

сказали мне, что Константинов отказывается подписать мою статью, а что конкретно ему не нравится – понять невозможно. Приехали втроем к нему домой. Сразу начался крик, что статья немарксистская.

– А что неверно?

– Социальные роли и тезис, что личность – субъект общественных отношений.

– Федор Васильевич, выбирайте одно из двух: если вам не нравятся роли, должен нравиться субъект, а если вы против субъектности, то должны принять понятие роли.

Сплошной крик, никаких аргументов. Я заявляю, что ничего менять не буду и снимаю статью. Спиркин и Ланда дергают меня сзади за пиджак и шепчут: «Молчи, все образуется», а начальству говорят: «Не волнуйтесь, мы все исправим».

Когда мы вышли из дома, я им говорю:

– Ребята, ищите другого автора, я ничего менять не буду.

– И не надо, он все подпишет.

– Как подпишет, когда он кругом против?!

– Очень просто. Непосредственно перед сдачей тома, когда времени уже нет, мы пошлем ему целую кучу статей, заведомо слепые копии, где ничего разобрать нельзя, и он все подпишет.

Так оно и случилось.

Когда в ИКСИ воцарился Руткевич, он прислал в БСЭ официальное письмо, что положение в социологии изменилось и нужно привлекать тех авторов, которых поддерживает он. Руководство БСЭ письмо обсудило, но отвечать на него не стало. За пять лет директорства Руткевичу заказали одну-единственную статью – «Руткевич М. Н.».

До того, как Руткевич приступил к работе, уходить никто не собирался, все хотели сохранить институт. О самом Руткевиче было известно, что он реакционер, но человек неглупый и к социологии отношение имеет. Единственный правильный прогноз дал хорошо его знавший Андрей Сергеевич Ковальчук. На вопрос, как можно работать с Руткевичем, он сказал, что на это способен только м.н.с. без степени, готовый на любые замечания отвечать: «Слушаюсь, Михаил Николаевич! Глубоко замечено, Михаил Николаевич!» По поводу того, что Руткевич уволит всех евреев и диссидентов, Ковальчук сказал, что, наоборот, только они и останутся, потому что им уходить некуда.

Лично я за заведование отделом не держался и был бы вполне удовлетворен местом старшего научного сотрудника в ленинградских секторах. Но когда Руткевич издал приказ о преобразовании моего отдела, даже не поговорив со мной, я сразу же решил уйти. Это было не так просто, потому что

академическим институтам запрещалось принимать людей из ИКСИ, кроме того, Руткевич пользовался поддержкой отдела науки ЦК и Ленинградского обкома партии. Однако в Москве, в отличие от провинции, система была однопартийной, но многоподъездной (имеются в виду разные подъезды и отделы ЦК). Институт общественных наук, где Замошкин заведовал кафедрой философии, находился в ведении международного отдела ЦК, перед которым Руткевич был бессилен. Вслед за мной из ИКСИ вскоре ушли В. Н. Шубкин, Б. А. Грушин, Ю. А. Левада, Н. И. Лапин, В. С. Семенов и многие другие. Через пять лет Руткевича сняли, но после него остался уже другой институт.

Юрий Александрович Замошкин (1927–1993)

Среди тех, кто инициировал советскую социологию, были разные люди. Одни пришли из экономики, другие – из философии, а третьи, причем их было немало, занялись социальной философией через международные отношения. Как правило, это были выпускники МГИМО, элитарного вуза, дававшего, наряду с хорошим общим гуманитарным образованием, отличное знание иностранных языков, что в советское время было редкостью. Большинство выпускников МГИМО шли на дипломатическую работу (хотя высшие посты обычно занимали не профессиональные карьерные дипломаты, а партийные выдвиженцы или, наоборот, задвиженцы – неугодного секретаря обкома, в порядке ссылки или просто, чтобы убрать с глаз долой, нередко назначали куда-нибудь послом) или получали какие-то другие хлебные чиновничьи места. Некоторым интеллигентным ребятам это не нравилось, они шли в аспирантуру по философии и благодаря знанию иностранных языков легко становились ведущими специалистами в сфере критики буржуазной философии и социологии. В случае сохранения каких-то связей с МИДом они имели также определенные преимущества относительно заграничных поездок. Некоторые люди, которые этому завидовали (а завидовали все), говорили, что все эти поездки шли по линии КГБ и были связаны с разведывательной деятельностью, но я думаю, что это сильное преувеличение.

Юрий Замошкин был, наверное, самым ярким и талантливым из этой плеяды[13]. Сын крупнейшего искусствоведа и музейщика, получивший в детстве прекрасное воспитание, живой, остроумный, любознательный, он серьезно интересовался проблемами социальной философии и имел развитое

социологическое воображение. Много лет он преподавал в МГИМО, затем заведовал кафедрой философии в Институте общественных наук при ЦК КПСС, а с 1975 г. заведовал отделом Института США и Канады, чем немало способствовал его социологизации. Очень активную и положительную роль Замошкин играл в качестве члена редколлегий журналов «Вопросы философии» и «США. Экономика. Политика. Идеология». В круг его профессиональных интересов входили: история и современное состояние социологии; философско-социологические проблемы индивидуализма и личности; бюрократия и личность; общественное мнение, его структура, динамика и принципы изучения; частный интерес и частная собственность. В Институте США и Канады под руководством Замошкина проводились интересные исследования молодежного и студенческого движения (отличная книга М. И. Новинской), девиантного поведения и т. д., причем от американских проблем тянулись нити к нашим отечественным реалиям, о которых не всегда можно было писать открыто.

Для меня самыми интересными были работы Замошкина по проблемам личности, материализованные в двух книгах – «Кризис индивидуализма и личность» (1966) и «Личность в современной Америке» (1980). До Замошкина наши работы по истории и критике «буржуазной социологии» имели преимущественно историко-теоретический характер, это была история идей или школ. Замошкин предложил иной, проблемный подход. Вместо того чтобы прослеживать историю той или иной идеи, причем главное внимание неизбежно (без этого книга не могла бы выйти) уделялось ее совместимости или несовместимости с марксизмом, он брал поставленную американскими социологами реальную социальную проблему, например индивидуализма или массового общества, обсуждал ее экономические и социально-психологические корреляты, формулируя при этом собственные концептуальные идеи, вроде разграничения ориентации массового сознания на «нормы-цели» и «нормы-рамки». Сплошь и рядом это было конструктивнее абстрактно-идеологической критики.

В Московском философско-социологическом сообществе Юра был мне, пожалуй, самым близким человеком. Кроме общности проблематики (личность, молодежь) и подхода (не эмпирические исследования, а теоретическая рефлексия), меня притягивали его благожелательность, отзывчивость и верность в дружбе. Их маленькая квартирка (вторая жена Замошкина, Нели Васильевна Мотрошилова, наряду с Пиамой Гайденко, – одна из самых выдающихся российских философов нашего времени, ее курс

истории философии принадлежит к числу самых востребованных) была не салоном, а настоящим оазисом интеллектуального общения, в лучших русских традициях. Здесь собирались такие замечательные люди, как Борис Грушин, Мераб Мамардашвили, Александр Зиновьев, Эрих Соловьев. Помню, однажды Грушин, который отличался феноменальным аппетитом, после того как гости до отказа насытились разнообразными закусками, заглянул на кухню и доложил: «Ребята, а ведь от нас еще утаили цыплят табака!» Потрясенная Нели всплеснула руками: иногда забывали подать десерт, но забыть главное блюдо… Но люди не просто пили и ели, а оживленно разговаривали о серьезных вещах.

Мне повезло быть свидетелем романа Юры и Нели. Юношеская влюбленность трогательна, но влюбленность взрослых людей еще трогательнее, они оба просто сияли от счастья. Однажды они приехали в Ленинград втроем: Юра, Нели и Ира Балакина – и поехали в Павловск и Пушкин. Замошкин был человек не бедный, да и дамы были не студентками, но тут у них разгулялся аппетит, и, как назло, кончились деньги. Замошкин мог угостить своих девушек чаем с пирожком, на пирожные, которые настойчиво рекомендовал буфетчик, денег уже не было. Они ввалились к нам с хохотом и спросили чего-нибудь поесть. Моя мама обожала голодных и нестеснительных гостей, с тех пор эта троица пользовалась ее неизменной благосклонностью. К сожалению, Замошкин много курил, причем не сигареты, а трубку, и это способствовало его преждевременной кончине.

Когда Замошкин узнал, что я решил уйти из ИКСИ, он сразу же предложил свою помощь. Институт общественных наук, или Международная ленинская школа, был самым закрытым из партийных учебных заведений, здесь готовили кадры для зарубежных компартий. То, что меня туда взяли, было довольно удивительно, да и самое место выглядело непривычно. Здесь придавали большое значение качеству работы, на которое в других местах внимания не обращали.

Замошкин собрал у себя на кафедре философии исключительно сильный состав преподавателей, включая таких ярких людей, как известный политолог и специалист по утопиям Эдуард Яковлевич Баталов, молодой (в то время) латиноамериканист Алексей Викторович Шестопал (ныне завкафедрой философии МГИМО) и др. Это позволяло индивидуализировать процесс преподавания с учетом интересов слушателей. Преподавание велось на разных иностранных языках, для меня это была хорошая языковая практика. Ректор Ф. Д. Рыженко (1913–1987) сочетал жесткую авторитарность с незаурядным умом и заинтересованностью в результатах работы.

Слушатели тоже были требовательны, обычные пропагандистские лекции, с которыми выступали высокопоставленные партийные чиновники, в ИОНе с треском проваливались. Моя социологическая подготовка и, особенно, интерес к социальным проблемам молодежи, в которых было заинтересовано международное коммунистическое движение, здесь оказались реально востребованы. «Под меня» хотели даже развернуть исследовательскую работу. Казалось, что мне удастся реализовать и свои международные научные контакты, тем более что директора нескольких ведущих гуманитарных институтов Академии наук наперебой приглашали меня совмещать у них.

В бытовом отношении все также было хорошо. Сначала я жил в общежитии, затем мне предложили хорошую квартиру в центре города. Но ленинградские корни пересилили. Врачи сказали, что переезд в Москву вызовет у моей мамы тяжелую депрессию, которая отравит жизнь нам обоим. Я решил не рисковать и вернулся в родной город, где никого никогда не ценили.

Институт этнографии

Ты, верно, знаешь, что в Китае все жители китайцы и сам император китаец.

Ханс Кристиан Андерсен

Вернувшись в Ленинград, я сначала работал в созданных А. Г. Харчевым секторах Института философии. Там была нормальная деловая обстановка и, наряду с моими старыми друзьями-сверстниками Ядовым и Фирсовым, трудились такие яркие люди, как тонкий методолог Валерий Борисович Голофаст (1941–2004), блестящий культуролог Эльмар Владимирович Соколов (1932–2003), мой бывший аспирант Игорь Голосенко, знаток истории русской общественной мысли В. М. Зверев и др. Но в 1975 году начальство решило нас укрупнить, создав на основе нескольких мелких секторов Институт социально-экономических проблем (ИСЭП), который должен был заниматься изучением советского образа жизни. Директором его назначили вполне приличного человека экономиста Г. Н. Черкасова (1928–1988). Поначалу казалось, что атмосфера там будет нормальной, Ядов и Фирсов уговаривали меня не покидать нашу «могучую кучку». Но я считал, что исходить надо не из личных отношений, а из особенностей социальной системы. Если уж в Москве социологию развалили, то под властью Ленинградского обкома ничего хорошего подавно не будет. Поэтому я решил перейти в ленинградское отделение Института этнографии, подчинявшееся разумной московской дирекции во главе с Ю. В. Бромлеем.

Чтобы не делать резких телодвижений и не обижать Черкасова, я нашел благовидное объяснение, сказав, что у меня нет наработок в изучении советского образа жизни, вот если бы создали сектор образа смерти… Историческая социология и антропология смерти меня действительно интересовали, я хорошо знал исследования Филиппа Арьеса, но утвердить такую мрачную тему никто бы не посмел, тем более что «советский образ смерти» был предельно разоблачительным, так что меня без скандала отпустили. К сожалению, мой печальный прогноз оказался правильным, моим друзьям в ИСЭПе не поздоровилось, а я проработал в ленинградской части Института этнографии десять плодотворных лет.

Академик Юлиан Владимирович Бромлей (1921–1990), который превратил Институт этнографии в крупный центр

изучения национальных отношений в широком смысле слова и привлек к этому делу таких видных ученых, как Ю. В. Арутюнян и О. И. Шкаратан, первоначально хотел, чтобы я занялся актуальными проблемами национального характера и этнической психологии, поставленными в моих «новомирских» статьях. Но я знал, что серьезная, честная работа по этой тематике в СССР нереальна, и предпочел взять сугубо академическую тему – этнографию детства. Уход в историко-этнографическую проблематику был осознанной внутренней эмиграцией, бегством от советской действительности. Я не собирался полностью свертывать прежнюю работу по социологии личности, молодежи, сексуальности, если бы ее удалось продолжить, но моя главная тематика должна была обращаться не к мертвому настоящему, а к живому историческому прошлому. Сравнительно-историческое изучение процессов социализации, возрастного символизма, народной педагогики как нельзя лучше отвечало этим требованиям. Эта тематика была всем интересна, не связана ни с какой политической конъюнктурой и к тому же органически вытекала из моих прошлых занятий.

Уход в этнографию избавил меня от многих бед и унижений, которые пришлось пережить в 1970—80-х годах моим друзьям-социологам. Я переменил область занятий, но продолжал работу. В стране был застой, но лично у меня простоя не было.

Когда друзья предупреждали меня, что обстановка в ленинградской части института довольно склочная, я спросил: «Ну, а как они ругаются? Обзывают друг друга позитивистами, кантианцами, или как?» – «Что ты, они таких слов не знают». – «Тогда не страшно. Если мне скажут, что я путаю малайцев с нанайцами, по моей философской шкале ценностей это просто фактическая ошибка, я искренне поблагодарю и исправлюсь».

На самом деле все получилось отлично. В ленинградской части Института этнографии меня окружали интеллигентные люди, которых не раздражали даже мои «посторонние» занятия, что в научной среде бывает довольно редко. Будучи сами родителями, коллеги видели, что мои книги по юношеской психологии и т. п. облегчают им понимание собственных детей, а я, со своей стороны, рад был почерпнуть недостающие антропологические знания. Грех было бы ничему не научиться у таких выдающихся ученых, как К. В. Чистов, Б. Н. Путилов, Д. А. Ольдерогге или, из более молодой когорты, А. К. Байбурин. А с некоторыми ведущими московскими этнографами (С. А. Арутюновым и А. М. Хазановым) у меня и раньше сложились дружеские отношения.

Кстати, в Институте этнографии была и мощная

этносоциология. Не могу не назвать в этой связи Галину Васильевну Старовойтову, которая часто называла себя моей ученицей, но на самом деле была совершенно самостоятельным ученым. Ее кандидатская диссертация, выполненная под руководством К. В. Чистова, была превосходным исследованием татарской диаспоры в Петербурге. Позже она занималась полевыми исследованиями на Кавказе, ее (совместно с И. И. Луниным) исследование родительских полоролевых установок в разных этнических средах (1991) непосредственно связано с этнографией детства. Наши добрые отношения сохранились и после переезда в Москву.

Что же касается неизбежных в любом учреждении внутренних распрей, то они меня не касались. Как-то одна ученая дама, поймав меня между книжными шкафами, сказала, что многих коллег раздражает пассивность и инерционность тогдашней замдиректорши, не поддержу ли я ее свержение (в институте думали, что я могу повлиять на Бромлея)? Но у меня уже был жизненный опыт, я точно знал, что надо всячески беречь и лелеять любое плохое начальство, потому что новое будет еще хуже. Поэтому я сказал: «Нет, не поддержу и вам не советую! Помните басню, как лягушки царя просили? Здесь будет то же самое. Пассивное начальство – это благо. Если вам что-то очень нужно, начальственную пассивность все-таки можно преодолеть, а вот остановить начальственную энергию никто не сумеет». Так оно и случилось. По прошествии времени Бромлей сменил старую замдиректоршу на более квалифицированного и энергичного человека, и тот всех замучил неосуществимыми проектами. Если ты живешь в трясине, крылышками надо махать с осторожностью.

Ценнейшим приобретением Института этнографии, осуществленным при моем непосредственном участии, был Борис Максимович Фирсов. Наше с ним знакомство относится к 1953 году, когда он был секретарем Петроградского райкома комсомола, а я руководил у них философским семинаром или чем-то в этом роде. Позже мы встречались с ним у Ядова, с которым они дружили. Инженер по образованию, Фирсов был сначала успешным комсомольским работником, затем первым секретарем Дзержинского райкома партии, а после этого – директором Ленинградской студии телевидения. Блестящий организатор и глубоко порядочный человек, он всюду пользовался любовью, но всегда имел неприятности с начальством. Его партийная карьера оборвалась после того, как он отказался от повышения и работы с моим институтским однокурсником А. Филипповым и от перехода в аппарат ЦК КПСС[14]. С телевидения его сняли после того, как там прошла

передача о необходимости восстановления некоторых старых русских названий, со ссылками на запрещенного и неназываемого Солженицына; Борис был тут ни при чем, но требовался козел отпущения. После этого Фирсов отказался от продолжения административной карьеры и предпочел поступить в аспирантуру к Ядову на философский факультет. Тут, как нигде, проявился его поразительный такт. В очерке о Леваде я говорил, каким трудным испытанием является для человека крушение карьеры. Я никогда не забуду первого появления Бориса на философском факультете. Еще недавно он был равным, и даже начальником, а теперь – начинающий аспирант, однако он не создавал никакой неловкости, предлагая разыгрывать ситуацию собеседнику. Поскольку в прошлой жизни он ни перед кем не задавался, в новой роли все тоже обошлось без проблем. Вскоре он получил командировку в Англию, очаровал Би-би-си, а затем и самого Джорджа Гэллапа, отказался от предложенного высокого административного поста в Москве и стал одним из ведущих специалистов страны по массовым коммуникациям.

В ИСЭПе, куда я благоразумно не пошел, Борису опять не повезло. По заданию обкома партии, он проводил важные опросы общественного мнения, но по чистому недоразумению его заподозрили в том, что он разгласил городские тайны – кому бы вы думали? ЦК КПСС! – после чего его отлучили от обкома, а затем, в результате другой фантастической подставы, обвинили в передаче секретных материалов и чуть ли не шпионаже в пользу ЦРУ. Оставаться в ИСЭПе он больше не мог, даже из партии его не исключили только «по доброте души» тогдашнего первого секретаря обкома Л. Н. Зайкова, проголосовавшего против. К счастью, Борис когда-то давно был в приятельских отношениях с нашим директором Рудольфом Итсом, который отличался верностью в дружбе. Сам Борис никого ни о чем не просил, но когда я рассказал эту историю Итсу, тот решил, что обязан помочь, да и кадры такие на улице не валяются. Но как это сделать? Свободных ставок у нас нет, никакого отношения к этнографии Фирсов не имеет, а брать на работу человека, которого ненавидит обком, ни один руководитель не посмеет. Но Итс был человек умный. Он сказал: «Я возьму Фирсова так, что все его враги будут думать, что я делаю им одолжение». Директор ИСЭПа хотел избавиться от Фирсова любой ценой, а выставить доктора наук просто на улицу не мог, поэтому он отдал его вместе со ставкой. Обкому важнее всего было закрыть дело. Итс представил его так, будто он берет Фирсова на перевоспитание, в порядке одолжения партийному руководству. В итоге институт приобрел ценнейшего работника за чужой счет. А внутренняя

оппозиция (люди боятся чужаков) легко развеялась, сомневающимся я келейно объяснил: «Меня вы тоже вначале опасались, а Фирсов будет гораздо лучше». Так оно и получилось.

Я думал, что Борис продолжит в этнографии начатую им в ИСЭПе совместную с эстонцами работу по формированию экологического сознания. Это была уникальная работа. Обсуждать реальные экологические проблемы в СССР было нельзя – то, как мы калечили природу, было страшной государственной тайной, а вот о том, как формировать у людей правильное отношение к природе, писать разрешалось, и это имело практические выходы. Но Фирсов предпочел уйти в историю и занялся публикацией тенишевского архива. Эти ценнейшие документы по истории русского крестьянства лежали в архиве института без малого сто лет, отдельные историки их использовали, но до публикации руки ни у кого не доходили. Фирсов вместе со своей сотрудницей И. Г. Киселевой впервые опубликовали и сделали общедоступной важную часть этого архива (фонд Владимирской губернии). Конечно, это бред: чтобы опубликовать важный исторический источник, должен был оказаться без работы инженер-электрофизик, бывший партработник, а потом социолог! Но мы живем в России, а это поле чудес оскудеть не может.

После перестройки Фирсов возглавил Ленинградское отделение Института социологии, превратил его в самостоятельный институт, а затем основал Европейский университет в Санкт-Петербурге. Когда он прислал мне свой первый проект по созданию такого учреждения (кажется, я был в это время в США), я подумал, что Борис сошел с ума. В это время многие люди вынашивали абсолютно нереальные планы, но Борис никогда не был утопистом. Тем не менее, несмотря на множество препятствий, у него все получилось. Сегодня это один из лучших гуманитарных вузов страны. А сам Фирсов, оставив ректорский пост, успешно занимается историей советской социологии и другими интеллектуальными проектами.

Удивительный человек, сочетающий редкий административный талант с высокой человеческой терпимостью! В трудные годы работы в ИСЭПе у него и Ядова в подчинении были два необычных сотрудника. Андрей Николаевич Алексеев занимался уникальным изучением рабочего класса, что страшно раздражало КГБ. Куаныш Муздыбаев политикой не занимался, писал прекрасные работы по социальной психологии (его первую книжку я даже рецензировал в «Новом мире»), но заставить его делать что-то другое, коллективное, было невозможно, он только обижался. Между тем работа сектора оценивается, прежде всего,

по коллективным показателям. В другом месте от этих людей постарались бы избавиться – ничего личного, просто слишком много с ними хлопот. Но от Ядова и Фирсова я никогда не слышал даже намека на желание таким образом облегчить свою жизнь. Все-таки мне повезло с друзьями…

Более здорового образа жизни, чем между 1975 и 1985 годами, у меня никогда не было. Никакими посторонними делами меня не загружали, «в службу» я не ходил и занимался лишь тем, что мне было интересно. Сняв комнату в Павловске, я четыре дня в неделю жил и работал за городом, в двух минутах ходьбы от красивейшего парка, где гулял и ходил на лыжах. С 22 апреля до середины мая отдыхал и работал в Крыму; номер со всеми удобствами в гостинице «Ялта» стоил три рубля. Правда, получить его можно было только по протекции горкома партии, но тот не требовал взамен ничего, кроме пары лекций для партактива. С 20 августа до 15 сентября жил в Артеке, купался, загорал и общался с ребятами. Летом обязательно проводил неделю-другую в спортлагере Ленинградского оптико-механического института на Карельском перешейке – палатки под соснами на берегу изумительного озера, со сказочными закатами и обилием ягод под ногами. План научной работы выполнять было легко, тем более что она доставляла мне удовольствие.

В театры, на концерты и выставки меня приглашали. Ленинградская филармония была для меня родным домом, постоянные посетители даже здоровались друг с другом. Я был хорошо знаком с Г. А. Товстоноговым и Р. С. Агамирзяном, регулярно бывал у З. Я. Корогодского в ТЮЗе. Динара Асанова показывала мне свои киносценарии, а потом приглашала на неофициальный просмотр своих фильмов до того, как их кастрировали. Мои лекции и доклады входили в малый джентльменский набор симпозиумов и конференций едва ли не по всем наукам и искусствам. На закрытых семинарах Союза кинематографистов в Репино можно было посмотреть краденые копии новых иностранных фильмов (правда, техника кражи оставляла желать лучшего, это были черно-белые копии цветных фильмов, но я мог бы поклясться, что цвет отдельных сцен «Забриски пойнт» Антониони я чувствую). По просьбе Ролана Быкова я участвовал в работе детской комиссии Союза кинематографистов. За какие-то прочитанные лекции мне сделали постоянный пропуск в Дом кино (сначала я там машинально раскланивался со знакомыми лицами и лишь потом вспоминал, что видел их только на экране). Казалось бы, живи и радуйся.

Единственная моя личная претензия к советской власти

состояла в том, что та поощряла бездельников и не любила умных и работающих людей, я же был неисправимым трудоголиком, да еще хотел, чтобы мой труд был востребован, что было абсолютно невозможно. Отсюда – новые конфликты.

Где находится Мекка?

Можно благоговеть перед людьми, веровавшими в Россию, но не перед предметом их верования.

Василий Ключевский

Важным фактором духовной жизни 1970—1980-х стала еврейская эмиграция. Люди бежали из страны по разным причинам. Одних пугал растущий антисемитизм. Тогда шутили, что советские евреи делятся на смелых и отчаянных: первые уезжают, вторые остаются. Другие искали материального благополучия, причем многие наивно считали, что Запад будет им платить по фальшивым советским векселям. Третьи не желали мириться с тотальной несвободой. Четвертые мечтали о творческой самореализации.

Отношение к эмиграции также было неоднозначным. Всех уезжавших обязательно надо было публично осуждать, причем формальное социальное осуждение подогревалось шкурными мотивами: отъезд или бегство одного означали серьезные неприятности для оставшихся. Утечка мозгов также искренне огорчала, потому что на месте уехавших значительных людей оставались зияющие черные дыры, а на их новой родине эти люди материально не страдали, но, за редкими исключениями, всерьез востребованы не были, во всяком случае, это требовало долгого времени. Вместе с тем нельзя было не признать право человека на свободу выбора, тем более что советское будущее казалось абсолютно бесперспективным.

Все эти проблемы не были исключительно еврейскими. Эмиграция – постоянная тема русской культуры. Деспотическая крепостная Россия никогда не была удобным местом для жизни, особенно для человека с развитым чувством собственного достоинства. Уже австрийский дипломат барон Сигизмунд фон Герберштейн, который совершил два путешествия ко двору Василия III, в своих знаменитых «Записках о московитских делах» (1549), отмечал, что «властью над своими подданными московский правитель превосходит всех монархов мира», и спрашивал себя: «То ли народ по своей грубости нуждается в государе-тиране, то ли от тирании государя сам народ становится таким грубым, бесчувственным и жестоким»[15].

В Средние века социальный мир простого человека всюду был пространственно ограничен, человек редко покидал пределы

своей деревни. В России эта изоляция очень долго поддерживалась искусственно. В XVIII–XIX веках дворянин уезжал служить в уезд, губернию или столицу, лечиться – в Баден-Баден, а развлекаться – в Париж, тогда как его крепостные должны были всю жизнь оставаться там, где они родились, и их уверяли, что это хорошо и правильно. Тем не менее мужики бежали: одни – от жестокого помещика, другие – от религиозного гнета (старообрядцы), третьи – в поисках приключений и лучшей жизни. Но бегство было сопряжено со смертельным риском и требовало немалого личного мужества.

Растущая социальная мобильность подрывала вынужденную изоляцию, побуждая образованных людей к поиску свободы, которая ассоциировалась, прежде всего, с Европой. Это изменяло и содержание понятия патриотизма. Русские хотели гордиться не только военными достижениями Империи, но и чем-то еще. И сразу же возникла проблема: люди, составляющие предмет нашей национальной гордости, любили Россию странною любовью, а она отвечала им такой же странной взаимностью – она любила их мертвыми. Трагическая судьба Пушкина. Декабристы, кончившие жизнь на виселице. Объявленный сумасшедшим Чаадаев. Лермонтов, искавший убежища от всевидящего глаза и всеслышащих ушей за хребтом Кавказа. Пожизненный эмигрант Герцен. Осужденный церковью Толстой. Прошедший через каторгу Достоевский. Продолжать этот мартиролог можно долго.

Русские аристократы, а вслед за ними и интеллигенты ездили в Европу не только отдыхать, учиться и лечиться, но и ради глотка свободы, а когда они возвращались домой, им часто становилось грустно:

> Наконец из Кенигсберга
> Я приблизился к стране,
> Где не любят Гутенберга…

И возвращались они не только из любви к родным березкам и великому и могучему, но и потому, что имели в России собственность, в том числе крещеную, которая давала им средства к существованию. Тем не менее многие серьезно думали, не остаться ли на Западе навсегда. Николай I смертельно боялся западной «заразы». В 1831-м он запретил выезд за границу в целях обучения молодым людям младше восемнадцати лет, в 1834-м дворянам было запрещено пребывать за границей больше пяти лет, в 1851 году этот срок был уменьшен до трех лет. Стоимость заграничного паспорта равнялась годовому жалованью среднего чиновника. Позже эти ограничения смягчились или

вовсе отпали. Тем не менее сравнения с Западной Европой, даже при самом критическом к ней отношении, часто были не в пользу России:

«…А в храмах скульптура и живопись, какие нам и во сне не снились… Русскому человеку, бедному и приниженному, здесь, в мире красоты, богатства и свободы не трудно сойти с ума. Хочется здесь навеки остаться, а когда стоишь в церкви и слушаешь орган, хочется принять католичество… Здесь великих художников хоронят, как королей, в церквах; здесь не презирают искусства, как у нас: церкви дают приют статуям и картинам, как бы голы они ни были»[16].

«Несчастны мы все, что наша родная земля приготовила нам такую почву – для злобы и ссоры друг с другом. Все живем за китайскими стенами, полупрезирая друг друга, а единственный общий враг наш – российская государственность, церковность, кабаки, казна и чиновники – не показывают своего лица, а натравляют нас друг на друга.

Изо всех сил постараюсь я забыть начистоту всякую русскую “политику”, всю российскую бездарность, все болота, чтобы стать человеком, а не машиной для приготовления злобы и ненависти. Или надо совсем не жить в России, плюнуть в ее пьяную харю, или – изолироваться от *унижения*– политики, да и “общественности” (партийности. – *И. К.*)»[17].

О том же говорит и знаменитое стихотворение Блока:

> Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?
> Царь, да Сибирь, да Ермак, да тюрьма!
> Эх, не пора ль разлучиться, раскаяться…
> Вольному сердцу на что твоя тьма?

Советская власть, превратившая весь народ в рабов тоталитарного государства, многократно усилила это чувство несвободы. У заключенного нет никаких моральных обязательств перед тюремщиками, он может бежать при первой возможности. Но побежит ли?

Каждый народ имеет то правительство, которое он заслуживает, но каждый индивид, который считает, что достоин лучшего, имеет моральное право выбирать местожительство без оглядки на односельчан и соплеменников. Если тебе неуютно в родной деревне, городе или стране и изменить их к лучшему ты не в силах, почему не попытать счастья в другом месте? Разумеется, односельчане обвинят тебя в предательстве, но у тебя лишь одна жизнь, а дорогу осилит только идущий. Если ты состоишься в большом мире, будь то Москва, Париж или Лондон,

твоя деревня будет тобой гордиться. А если нет – чем больше мир, тем серьезнее конкуренция, – ты, по крайней мере, будешь знать, что попробовал свои силы, а не спасовал на старте, предпочтя большой воде родное болото. Милая патриархальная философия, согласно которой человек обязан жить там, где родился, на самом деле тесно связана с крепостным правом, а самыми горячими ее защитниками были помещики, урядники и их присные.

Говорят, что в России, чтобы нечто реализовать, нужно жить долго. Но есть другая формула: чтобы реализоваться в России, нужно вовремя из нее уехать. Новизну и индивидуальность здесь никогда – ни до, ни при, ни после советской власти – не ценили. Интересно было бы подсчитать, сколько наших выдающихся соотечественников – артистов, художников и ученых (писателям сложнее из-за языкового барьера) – получили признание не дома, а за границей и почему?

В позднесоветские годы из страны чаще всего убегали молодые кагэбэшники, которые лучше других понимали ее бесперспективность и к тому же имели, что продать. Иногда на рискованный прыжок, в прямом и переносном смысле слова, отваживались балетные артисты и музыканты. Советские социологи лучше многих других понимали тупиковость советского режима и не слишком привечались властями, однако лишь немногие из них покинули страну, да и то скорее по личным (дискриминация евреев), чем по социально-политическим мотивам. Единственный социолог из первой десятки – Владимир Эммануилович Шляпентох – эмигрировал прежде всего ради своих детей, которые не могли поступить в приличный вуз; в США он в считанные годы приобрел «статус полноправного социального исследователя, пожизненное профессорское место, уважение коллег, внимание властей и, наконец, условия для реализации своих разнообразных и богатых потенций»[18].

Одни объясняют готовность не покидать страну ни при каких, даже самых безобразных условиях патриотизмом, другие – политической лояльностью, третьи – традиционным рабским сознанием, четвертые – боязнью риска. Для многих, включая и меня, очень важным фактором был интерес к своему делу. Иногда, в особенно темные времена, хотелось послать все к черту и сбежать, я точно знал, что с голоду не умру, но личные привязанности, моральные обязательства перед товарищами (не перед государством, а перед конкретными людьми) и особенно – нежелание бросать начатое дело неизменно перевешивали. Как выразился один мой знаменитый и всеми уважаемый коллега-

гуманитар, «я слишком много вложил в эту страну, чтобы ее бросить» (впрочем, умер он все-таки за границей, где после перестройки получил хорошую работу по специальности).

Тем важнее для советской интеллигенции были заграничные поездки. Во-первых, это был глоток свободы, возможность хоть на миг приобщиться к другой, запретной жизни. Во-вторых, люди привозили из-за границы отсутствовавшие в СССР вещи. В-третьих, для ученых это была единственная возможность профессиональных контактов с коллегами. В-четвертых, статус «выездного» позволял чувствовать принадлежность к элите, подтверждал, что ты идеологически «в порядке».

Даже если никаких грехов за человеком не числилось, заграничная командировка была не правом, а привилегией, «качать права» в этом вопросе было грубым покушением на прерогативы власти, которое не могло остаться безнаказанным. Э. Араб-оглы, работавший в журнале «Проблемы мира и социализма», регулярно ездил в разные страны, но однажды его вдруг куда-то не пустили. «Почему, Эдик?» – спросил я. «Чтобы не зазнавался. Заграничная поездка – это как божья благодать, которая бывает одноразовой и не освобождает от первородного греха. Человек, которому благодать дается часто, зазнается и начинает считать ее своим правом. И тогда ему напоминают о его рабском и зависимом статусе».

Меня очень долго никуда не пускали. Первый раз я поехал в обычную турпоездку в Болгарию в 1960 г. Затем был несколько раз в Чехословакии, сначала с группой студентов, потом, когда там перевели мою книгу по философии истории, – с лекциями. В нашем министерстве, когда пришло приглашение чешской Академии наук, очень удивлялись, говорили, что наших ученых туда давно уже не приглашают, «вот если бы вам еще удалось пробиться к студентам, но это маловероятно». Пробиваться никуда не пришлось, в Праге мне объяснили, что советских философов перестали приглашать потому, что кого бы чехи ни пригласили, из Москвы присылают М. Т. Иовчука, которого там все ненавидят; почему они должны платить деньги за наших плохих пропагандистов, которые усиливают у чешских студентов антисоветские настроения? Стало ясно, что в антисоветских настроениях виноваты мы сами.

Кстати, когда мою толстую книгу перевели в Берлине и Праге, я счел немецкий перевод для себя значительно более лестным, – они ведь всю классику читают в оригинале! – нежели чешский. Все оказалось наоборот. В ГДР знание немецкого языка не исключало кромешного догматизма, на фоне которого даже мои примитивные мысли выглядели творческими, а в Праге

сохранились образованные старые философы (например, феноменолог Иржи Паточка, показавший мне малоизвестные районы Старого города), по сравнению с которыми я был просто безграмотным щенком, да и вообще уровень философской культуры был весьма высоким, там было с кем и о чем поговорить. Близкая дружба сложилась у меня с экономистом Вашеком Мюллером и его женой Ириной, племянницей Б. Г. Ананьева. После Пражской весны и советской оккупации Вашек остался без работы и так и умер, не дождавшись освобождения, а Ира, как советская гражданка, до сих пор преподает в Карловом университете историю русской философии, хотя на чешскую пенсию, в отличие от нашей, прожить можно. Благодаря Ире, которая была мастером синхронного перевода, я посмотрел замечательные чешские фильмы и, самое главное, – «Земляничную поляну» Бергмана, которая произвела на меня неизгладимое впечатление. Зато попытка самостоятельно посмотреть итальянский фильм «Новый Декамерон» провалилась: мой итальянский язык оказался совершенно неадекватным.

В ГДР, несмотря на многочисленные приглашения, меня почему-то долго не пускали. Первый раз я попал туда лишь в 1965 или 1966 г., вместе со своим коллегой по философскому факультету профессором В. И. Свидерским. Мы приехали, кажется, в январе. На вокзале нас встретили товарищи из международного отдела их министерства образования, начальник коего оказался моим бывшим студентом-историком, и сказали: «Мы вас обоих очень долго приглашали и счастливы вас видеть, но в ближайшие три недели (весь срок нашей командировки!) у нас каникулы, так что никаких профессиональных контактов мы организовать не можем, но потом мы продлим ваше пребывание на неделю, и вы сможете поработать». Свидерский расстроился, а я решил, что свободная поездка по стране еще лучше лекций. На следующий день, когда немцы спросили, что мы хотим делать, я составил роскошную программу, включавшую посещение и осмотр Берлина, Дрездена, Лейпцига, Йены, Галле, Веймара и бог знает чего еще, и все это было реализовано.

Как можно было запланировать нашу поездку с лекциями на заведомо каникулярное время, так и осталось непонятным. Мы были убеждены, что это дело рук нашего министерства, а немецкие коллеги говорили, что их штатссекретариат тоже на такое способен. Но я своим патриотическим убеждениям не изменил.

В остальном все было отлично. Владимир Иосифович Свидерский по-немецки не говорил вовсе, а мой язык был лишь пассивным. В качестве сопровождающего и переводчика нам дали

веселого молодого человека, который ни слова не говорил по-русски, зато имел прекрасное немецкое произношение. Для меня это оказалось отличной языковой практикой. Разумеется, не обходилось без анекдотов. Первые дни в Берлине в отеле «Беролина» нас поселили со Свидерским в одном номере, потом в какой-то компании меня спросили, как я к этому отношусь. Я хотел сказать, что спокойно, благо Свидерский не храпит, но спутал глаголы schnarchen и schnurren. Когда я сказал, что Свидерский «не мурлычет», все долго смеялись.

Забавным было первое знакомство с Веймаром. Мы заехали туда на машине, по очень скользкой дороге, времени на осмотр города не было, разве что вместо обеда. Свидерский выбрал обед, я предпочел город. Наш проводник и шофер уверяли, что никакого замка или дворца в городе нет (гэдээровская молодежь истории не знала совершенно), но я им не поверил и без труда самостоятельно нашел и Гердеровскую церковь, и герцогский дворец. Музей был закрыт, но мне его показали. В то время он был сильно запущен, меня поразило, что по наборному паркету приходилось топать в грязной обуви, но одно только собрание Кранаха явно стоило потерянного обеда. Немецкий рассказ смотрителя я понимал, трудность представляла только какая-то «мариябаловна», но я догадался, что речь шла о Марии Павловне, на деньги которой дворец был восстановлен после пожара. Позже я бывал в Веймаре неоднократно, это одно из моих любимейших мест в Германии (наряду с Дрезденом, Тюбингеном, Вартбургом и Кведлинбургом).

Позже у меня появились в ГДР настоящие друзья, Вальтер Фридрих и Курт Штарке из лейпцигского Центрального института молодежных исследований, проводившие превосходные исследования сексуального поведения молодежи, они перевели на немецкий язык мое «Введение в сексологию» (1985), и Гельмут Штайнер. К числу своих немецких друзей я могу причислить также одного из ведущих западногерманских сексологов Гунтера Шмидта, без знания работ которого обсуждать динамику подростковой и юношеской сексуальности в Европе практически невозможно. К сожалению, моим гэдээровским коллегам не повезло. Воссоединение Германии обернулось идеологической чисткой, жертвами которой, наряду с бесплодными коммунистическими пропагандистами, стали и вполне профессиональные творческие исследователи.

Тесные отношения связывали меня с Венгрией, которую называли самым веселым бараком социалистического лагеря. Здесь переводились абсолютно все мои книги, причем они издавались там либо раньше, чем по-русски («Дружба», «Введение

в сексологию»), либо в расширенном и улучшенном варианте («Психология юношеского возраста»). И не только издавались, но и читались. Я смеялся, что могу считать себя венгерским писателем, только без знания языка. Когда в 1999 году я провел полгода в Центрально-Европейском университете, оказалась, что старые читатели все еще помнили меня, хотя у молодежи интересы, конечно, были другими. Среди моих венгерских коллег и друзей социолог Пал Тамаш и психологи Ференц Патаки и Ласло Гараи.

В первую капиталистическую страну – Нидерланды – я попал в 1965 г., по пути на Кубу. Групповую поездку по линии Союза обществ дружбы омрачало то, что нам так и не дали мексиканской визы, но для меня это было не так уж важно. Руководителем нашей группы был второй секретарь Ленинградского горкома партии, который ведал городским строительством, очень приличный человек Ю. И. Заварухин. Вечером, когда мы с ним вдвоем бродили по Роттердаму, я сказал ему, что для меня главное в этой поездке то, что я могу сейчас с ним проститься и попросить политического убежища в первом же полицейском участке, но поскольку я этого делать не собираюсь, может быть, я получу наконец необходимые мне профессиональные командировки. Увы, от Заварухина это не зависело…

Очень веселили отчеты о заграничных командировках. Они все время усложнялись и увеличивались в объеме. В один прекрасный день появилась форма, где требовалось перечислить всех людей, с которыми ты встречался во время командировки, и рассказать об их работе, а главное – об их отношении к советской власти. Потом в план любой, даже краткосрочной, поездки, потребовали включать какое-нибудь мероприятие по пропаганде советских достижений, причем отдельным пунктом. Разумеется, все прекрасно знали, что никаких внесекционных докладов, тем более пропагандистских, на международном научном конгрессе быть не может, тем не менее – планировали и отчитывались. Все эти планы и отчеты предназначались для КГБ, но фактически их никто не читал. В Академии наук рассказывали о каком-то физике, который в середине толстого отчета написал: «Если кто-нибудь дочитает до этой страницы, пусть позвонит по такому-то телефону и получит бутылку лучшего коньяка». Коньяк остался невостребованным.

Сам я после встречи сексологов социалистических стран в Лейпциге (1981) написал, что в предыдущем отчете я указывал, что СССР отстает от всех западных стран (положено было рассказывать только о наших достижениях), на сей раз могу

сказать то же самое о социалистических странах; правда, представитель Эфиопии все время молчал, но если в следующий раз он заговорит, возможно, выяснится, что даже у них делается больше. Никаких неприятностей по этому поводу у меня не было.

Заграничные поездки имели для советских людей прямо-таки мистический смысл. Однажды в Ялте я встретил известного ленинградского психиатра профессора Т. Я. Хвиливицкого, и весь вечер в ресторане мы проговорили исключительно о своих немногочисленных заграничных поездках. Потом я задумался: неужели двоим успешным, состоявшимся интеллигентам не о чем поговорить, кроме как о десяти днях, проведенных в Италии? Что это, хвастовство? Нет. Деликатные люди не хвастались своими поездками перед теми, кто был их лишен. Когда Араб-оглы, впервые оказавшись под Новый год в Париже, прислал мне оттуда поздравительную открытку, я оценил этот знак внимания, но одновременно он напомнил мне, что сам я – невыездной.

Психологический смысл одержимости заграничными поездками лежал глубже. Они были настолько бесценны, что человек не мог поверить собственному счастью. Оказавшись первый раз на несколько дней один в Париже, я то и дело говорил себе: это сон, этого не может быть!.. Когда по возвращении домой я рассказывал о поездке друзьям, мне то и дело казалось, что я вру, на самом деле этого не было. Так что разговор с Хвиливицким был, прежде всего, средством убедить себя, что событие действительно имело место. Тем более что возможность повторить его от тебя не зависела.

К тряпкам и прочим материальным благам я всегда был довольно равнодушен, но международные научные связи мне были жизненно необходимы по характеру моей работы. Никаких денег на это не требовалось. В Стэнфордский центр высших исследований был дикий международный конкурс, Роберт Мертон прислал мне персональное приглашение, но до меня доходили только копии его писем и тех отказов, которые Академия наук посылала от моего имени. То же самое произошло, когда аналогичная школа открылась в Вассенааре (Голландия): я получил оттуда приглашение, а чиновники управления внешних сношений от моего имени отказались, даже не поставив меня в известность. Так поступали не только со мною, хамили всем, это была одна из причин растущей ненависти ученых к КПСС и советской власти.

Если бы не помощь зарубежных коллег, посылавших мне книги и журналы, я вообще ничего не мог бы сделать – проблемы, которыми я занимался, для нашей страны были новыми и не всегда понятными. Редкие, краткосрочные и случайные

заграничные поездки по линии Союза обществ дружбы с зарубежными странами, за которые я бесконечно признателен Тамаре Николаевне Сокольщук (серьезных профессиональных командировок, несмотря на многочисленные солидные и полностью оплаченные приглашения, мне никогда не давали), я использовал для получения библиографической информации, а проще говоря – выпрашивания необходимых книг.

Впрочем, эти поездки тоже бывали интересными. Например, в 1967 г. меня послали с лекциями в Италию, на советскую неделю в Турине, где по просьбе итальянских коммунистов я должен был сделать доклад о категории отчуждения. У нас в то время это понятие было почти запретным, а итальянские коммунисты его широко обсуждали. Поскольку решение Ленинградского обкома, как всегда, состоялось в последнюю минуту, я прибыл в Турин перед самым началом недели. В Москве мне передали для секретаря нашего посольства Л. М. Каполета баночку соленых огурцов. В Турине страшная суета, сижу жду, когда появится незнакомый Каполет. Приходит русскоговорящий мужчина. Спрашиваю: «Вы Лев Михайлович?» – «Да». – «Ваша теща просила передать вам огурцы». – «Но моя теща живет в Москве». – «Ну да, там мне их и передали». Оказалось, что это был не Каполет, а Иннокентий Михайлович Смоктуновский. Сто раз видел его в БДТ и в кино, а тут не узнал, потом долго смеялись. Там же познакомился с Андреем Вознесенским, мы с ним не только вместе выступали, но и сбежали с какого-то заседания, чтобы посмотреть недоступный в СССР фильм «Доктор Живаго».

Еще интереснее было на лекции. Аудитория набита битком, идет радиотрансляция еще в два зала, потом, как водится, многочисленные вопросы. Среди них такой: «Почему ваше правительство купило не технические документы ФИАТа, а целиком завод, перенеся таким образом в СССР эту эксплуататорскую структуру?» Никакого подвоха я не заметил и ответил сугубо теоретически: «Почему наши власти купили завод, а не техническую документацию, я не знаю, вероятно, решили, что так выгоднее. Что же касается социальной структуры, то отдельно взятое предприятие самостоятельной социальной структурой не обладает, вписываясь в систему отношений, господствующих в данном обществе. Никакой проблемы я тут не вижу». Все закончилось отлично, а потом ко мне подошел советник-посланник Медведовский, дал пощупать свою мокрую спину и сказал: «Когда вам задали этот вопрос, меня прошиб холодный пот, я подумал, что сейчас наша неделя провалится. Мы забыли вас предупредить, здешней обстановки вы не знаете. Нашу неделю курируют две антагонистические силы: компартия

и концерн ФИАТ. В зале сидят журналисты его газеты «Стампа». Если бы вы поддержали тему об «эксплуататорской структуре», сразу же посыпались бы вопросы о советских политических процессах, на которые приличных ответов не существует. А стоило сказать доброе слово о ФИАТе, как возмутились бы итальянские коммунисты. Они, конечно, не стали бы устраивать публичный скандал, но атмосфера была бы безнадежно испорчена. Поразительно, как вы выпутались из этого положения». А я не выпутывался, ответил наивно, как думал.

Кстати, после этой поездки у меня сложились хорошие отношения как с некоторыми теоретиками итальянской компартии, так и с ведущими итальянскими социологами, например с Франко Феррарotти. Результатом этих контактов, а также знакомства с Питером Бергером и Томасом Лукманом стала статья «Понятие отчуждения в современной социологии» в журнале «Social Research» (1967); меня интересовало, как философское понятие трансформируется в социологии и обладает ли оно приписываемой ему эвристической ценностью. Мой ответ был довольно скептическим: «Хотел бы в единое слово я слить свою грусть и печаль». Если ты хочешь выразить свое недовольство миром в одном слове и бросить его на ветер, чтобы тот унес его вдаль, слово «отчуждение» подходит идеально, но если тебя интересуют реальные проблемы свободы, труда и бюрократии, нужна более сложная и разветвленная система понятий. Когда я высказал эту мысль в одной из своих «новомирских» статей, некоторые наши романтически настроенные философы сочли ее обидной, но я и сегодня думаю точно так же. Итальянские данные широко использованы и в моей книге о студенческом и молодежном движении протеста (Милан, 1975).

Однако научные связи нужно поддерживать. Между тем в конце 1970-х годов Ленинградский обком партии, превративший город мирового культурного значения в захолустье, перекрыл мне возможность поездок даже по линии Союза обществ дружбы. Дышать стало абсолютно нечем. Поездку на конференцию в Болонью в 1981 г. мне сорвали в тот самый момент, когда я заканчивал новую книгу по юношеской психологии для издательства «Педагогика». Часть текста была уже написана, теперь всякая работа остановилась, я ничего не мог делать. Я пытался объясняться, протестовать, но это было только лишнее унижение. И тогда я сказал: хватит!

У меня произошел такой разговор со знакомым психотерапевтом.

– Почему вы так болезненно реагируете? Вы же знаете, что

эта тупая и безличная машина не может к вам хорошо относиться, на нее нельзя обижаться. Мы все живем в таких условиях, лично я вообще никуда не ездил – и ничего, живу.

– Но они срывают мою работу!

– А вы обязаны ее делать?

– Нет.

– Она хорошо оплачивается?

– Нет, очень плохо[19].

– Вам когда-нибудь сказали за нее спасибо?

– Еще чего!

– Так бросьте это дело. Вы все равно не сможете его завершить. Работать в таком бешеном ритме вообще можно только на положительных эмоциях, в других условиях это смертельно.

Совет врача не открыл мне ничего нового. Еще в хрущевскую эпоху развернутого строительства коммунизма я сочинил теорию отмирания труда и замены его фиктивной бюрократической деятельностью. Однажды, сидя на заседании партбюро философского факультета, я открыл закон, что при капитализме человеческое время делится на две части: рабочее время, когда индивид приносит пользу обществу и опосредованно – в виде зарплаты и морального удовлетворения – себе, и свободное время, когда человек приносит пользу себе и опосредованно – в виде укрепления своего здоровья и повышения культурного уровня – обществу. При социализме появляется третья часть, когда человек просто суетится, не принося пользы ни себе, ни обществу. Это называется общественной работой, и по мере приближения к коммунизму оно неуклонно поглощает обе предыдущие части. Задача в том, чтобы выяснить, до каких пределов это объективно может продолжаться.

Поскольку любой мой досужий интерес, как правило, превращался в профессиональный, я не мог претворить собственную теорию в практику, однако эмоциональный кризис имел свои последствия. После разговора в обкоме партии я поклялся никогда больше не переступать порог Смольного, сложил весь свой двадцатилетний научный архив по юношеской психологии – рукописи, оттиски зарубежных статей, документы – в большую картонку, надписал на ней: «Париж» и убрал на полку в уборную. Надпись означала, что эту картонку я открою, только вернувшись из Парижа. После этого я оформил документы на поездку по Францию по частному приглашению и получил, как и ожидал, грубый немотивированный отказ. Тем самым возможность работы над темами, имеющими какое бы то ни было практическое значение, которые правящая партократия могла бы

использовать для укрепления своей власти, была для меня полностью закрыта.

А через несколько месяцев у нас прорвало водопроводную трубу, и картонка оказалась слегка подмочена. Я снял ее с полки и не знал, что делать дальше. Распечатать – значит нарушить данное себе слово и заново переживать, что такие ценные материалы пропадают. Не открывать – бумага начнет гнить. Возможно, я так и умер бы с голоду, сидя перед подмоченной картонкой, но неожиданно в квартиру позвонили. Я открыл дверь и увидел пионеров, собирающих макулатуру. Я понял, что это – знамение свыше, и отдал детям их светлое будущее в их собственные руки.

И на душе у меня стало легко и спокойно: этих забот в моей жизни уже нет и никогда больше не будет! Неэффективность советской системы – средство ее саморазрушения, пытаться улучшать ее педагогику – значит помогать собственным тюремщикам. Пусть все идет своим путем. Надо завершить ранее начатое, а потом постараться уменьшить контакты с советской действительностью, ограничив их ее неизбежными и отвратительными бытовыми реалиями, в коих и состоит ее подлинная сущность.

Это решение не было следствием минутного раздражения. Я прекрасно понимал, что мои обиды – ничто по сравнению с тем, что переживали многие другие, не говоря уже о диссидентах, которые высказывали вслух то, о чем я думал про себя. И работал я не ради горкомовских чиновников, а чтобы хоть как-то облегчить жизнь наших замордованных подростков. Но выше головы не прыгнешь. Мой поступок был не жестом протеста, – партии было плевать и на меня, и на мою работу! – а актом социального бессилия и психологического самосохранения. Просто я больше не мог!

Эту ситуацию я отрефлексировал в юмореске «Что такое сизифов труд и как с ним бороться?» (написано в 1984 году, опубликовано в журнале «Химия и жизнь» в 1988-м).

Что такое сизифов труд и как с ним бороться?

Что такое сизифов труд…

Сизифов труд – всякая потенциально полезная трудовая деятельность, актуальные результаты которой не могут быть реализованы в рамках существующего общества. Вследствие чего затрачиваемые на нее усилия

становятся бесплодными, а сама работа – бесконечной.

Социальные причины этого могут быть как объективными (технико-экономическая отсталость), так и субъективными (непонимание, идеологическая косность и т. п.).

Поскольку никакое общество, за исключением карательной системы, специально рассчитанной на уничтожение личности, не заинтересовано в том, чтобы люди занимались бесполезной, с его точки зрения, работой, сизифов труд является, по определению, добровольной и свободной деятельностью. Он возникает по личной инициативе субъекта и становится проклятием, только когда тот сознает, что его труд дает желаемые результаты, однако кто-то более могущественный, чем он сам, пускает их под откос.

Психологически сизифова ситуация – результат конфликта между высокой оценкой субъектом результативности и общественной значимости своего труда и низкой оценкой возможностей его реализации.

Сизифова ситуация тем драматичнее, чем тривиальнее и самоочевиднее ее начальные условия. Доказывать полезность и необходимость таблицы умножения гораздо мучительнее, чем обосновывать новую парадоксальную научную теорию.

Затяжная сизифова ситуация выключает личность из продуктивной общественной деятельности, портит ее здоровье и характер и ведет к преждевременной гибели.

Теоретически сизифова ситуация может быть разрешена следующими путями: а) общество в конце концов принимает предлагаемые ему результаты; б) Сизиф бросает работу; в) Сизиф погибает, надорвавшись; г) конфликт теряет значение в связи с изменением условий. Но поскольку варианты «а» и «г» не зависят от воли Сизифа, практически он должен выбирать между «б» и «в», надеясь на «а».

…И как с ним бороться?

1. Если вам показалось (абсолютную уверенность дает только паранойя, а относительную – общественное признание), что вы создали нечто социально значимое, сделайте все возможное для его реализации, с какими бы материальными и моральными издержками это ни было сопряжено.

2. Если это не удалось и вы оказались в сизифовой ситуации, установите достаточно долгий, но жесткий

контрольный срок для прекращения работы, независимо от достигнутых практических результатов.

3. По истечении этого срока уничтожьте вами же созданный камень – опубликуйте рукопись, где только сумеете, подарите ее друзьям, сдайте в архив, а если она никого не интересует – в макулатуру (обязательно даром, так как обменивать собственное нереализованное творчество на предмет повышенного массового спроса неэстетично).

4. Какой бы болезненной ни была эта операция, никогда не сожалейте о ней. Вы не вырезаете у себя фунт мяса, а избавляетесь от раковой опухоли. Потомки, если до них вообще дойдет эта история, вас наверняка оправдают, а современники, не оказавшие вам поддержки, права голоса в этом вопросе не имеют.

5. Если ваше здоровье уже подорвано серией сизифовых ситуаций, постарайтесь впредь избегать социально-значимых тем и, во всяком случае, не доводите работу до стадии возможного внедрения, когда неизбежно возникает конфликт. Смотрите на свой труд как на игру, дающую удовольствие безотносительно к результату.

Если вы не можете выполнить советов 2–5, не огорчайтесь и продолжайте действовать по правилу 1. Вы либо параноик, либо гений, либо «толкач», которому пробивание идеи доставляет больше удовольствия, чем ее разработка. В любом случае следуйте законам собственной природы.

Не воспринимайте разрешение сизифовой ситуации в моральных категориях как подвиг или капитуляцию. В силу ее абсурдности, сизифова ситуация лежит вне сферы морали. В пересчете на бесконечность, любой поступок приносит какие-то плоды и вместе с тем – абсолютно бесплоден. А способность бросить безнадежное дело так же похвальна, как настойчивость в отстаивании своей правоты.

Я собирался уничтожить и свой сексологический архив, но немецкое издание «Введения в сексологию» затянулось до 1985 года, а потом я переехал в Москву, где жить было чуточку полегче.

В Москву, в Москву…

Москва… как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!

Александр Пушкин

Вопрос о переезде в Москву возникал и раньше. Хотя, как большинство ленинградцев, я не особенно люблю столицу, в ней было больше интеллектуальной свободы, да и потенциальный круг философского общения значительно шире. И меня туда постоянно звали.

В 1968 г. я совсем было решился переехать, даже получил разрешение на вступление в жилищный кооператив. Но случилось так, что в октябре 1968 г., через месяц после советского вторжения в Чехословакию, которое я переживал крайне болезненно, меня послали с лекциями в Австрию. Лекции мои не были пропагандистскими, в Австрии меня многие знали, и никто не задавал мне, во всяком случае публично, «неудобных» вопросов. Тем более что в качестве переводчицы со мной ездила дочь основателя австрийской компартии Йоганна Копленига Лиза Маркштейн, которая до смерти отца не выходила из партии, но о ее критическом отношении к СССР и о том, что Лиза кого попало переводить не станет, все знали. Тем не менее моя чувствительность была обострена до предела. В этом тревожном и болезненном состоянии сразу же по возвращении в Москву я попал на банкет по случаю защиты докторской диссертации Э. В. Ильенковым и встретил там и в последующие несколько дней буквально всех представителей философской элиты, личного общения с которыми мне недоставало. Все это были достойные и уважаемые люди, на некоторых я смотрел снизу вверх. И ни один из них не сказал доброго слова ни о ком другом, только плохое! Я решил, что лучше жить без такого общения, и остался в Ленинграде. Не прижился я и в Институте общественных наук.

В 1985 г., с болью в сердце, зная, что у меня никогда уже не будет чувства дома, я переехал в Москву окончательно. При переезде я заодно ликвидировал часть своей библиотеки, твердо решив сконцентрироваться исключительно на исторических сюжетах и мечтая, хотя и знал, что это недостижимо, когда-нибудь, вслед за Пастернаком, крикнуть детворе: «Какое, милые, у нас тысячелетье на дворе?»

Свою программу завершения всего ранее начатого я выполнил к 1987 году. Но тут пришла перестройка, и все

началось заново. Я снова стал читать советские газеты (раньше слушал только «вражьи голоса») и даже писать политические статьи. В 1989-м меня избрали действительным членом Академии педагогических наук (ныне – Российская академия образования, РАО) по отделению психологии. Но вместе со свободой пришло некоторое чувство растерянности.

Раньше главным критерием оценки публикаций была смелость, то, насколько тебе удалось поднять планку дозволенного. Теперь на первый план, по крайней мере для меня, стала выходить глубина мысли, ее конструктивность и ответственность за результаты возможной реализации твоих идей. Как и большинство моих сверстников, я не был готов ко многим новым вопросам, тем более что они требовали не общих рассуждений, а однозначных, практических решений. Я с удовольствием читал разоблачительные антисталинистские статьи, считал и считаю их чрезвычайно важными и полезными, но лично для меня в них было не так уж много нового.

В 1963 году в Чехословакии мне подарили большую тяжелую вазу литого стекла. Она казалась монолитно-несокрушимой, но меня предупредили, что если она упадет, то разобьется буквально вдребезги, склеить ее будет невозможно. Эта ваза до сих пор цела, с 1968 г. я видел в ней зримый символ несокрушимой советской империи и был твердо уверен, что когда на смену маразматическим кремлевским старцам придут более молодые и энергичные руководители, которые попытаются что-то исправить, результат окажется катастрофическим – общество, цементировавшееся только грубой силой, распадется на мельчайшие атомы. Я считал этот исход неизбежным и исторически справедливым. Лучше ужасный конец, чем ужас без конца.

В начале 1990-х моя уверенность стала оправдываться, но радости это не приносило, а смерть многих тысяч невинных людей под развалинами «империи зла» уже не казалась актом исторической справедливости. Как и все мои друзья и коллеги-социологи, я относился к М. С. Горбачеву в высшей степени положительно, но было очевидно, что продуманной программы действий у горбачевской команды нет и реального масштаба трудностей она не представляет. Впрочем, у нас, социологов, такой программы тоже не было. Выступая с докладом на собрании Советской социологической ассоциации, Ядов сказал по поводу лозунга «перестройка и ускорение»: «Вообще-то при перестройке обычно не ускоряют, а притормаживают, но что делать – нам нужно все делать быстро!»

Когда некоторые лучшие представители гуманитарной

интеллигенции пошли в политику, молодые коллеги из окружения Старовойтовой предлагали мне тоже выдвинуться в депутаты Первого съезда народных депутатов, какие-то шансы на это, возможно, были. Однако я сразу решил, что политика – не моя работа. Прежде всего, у меня не было ясных идей, что надо делать. Я прекрасно понимал, что советская система принципиально нереформируема и должна быть разрушена, но боялся революционных методов. В экономике я не разбирался вовсе, а призывать людей идти туда, не знаю куда, не мог.

Наше мировоззрение и тип жизнедеятельности не являются полностью продуктом свободного выбора, но имеют свои личностные предпосылки. Если внимательно на протяжении длительного времени проследить, как разные люди выходят из конфликтных и стрессовых ситуаций, то можно заметить три главные стратегии:

1) преодоление (coping), индивид преодолевает препятствие, изменяет окружающий мир; 2) приспособление, адаптация, индивид изменяет себя, приспосабливаясь к окружающей среде; и 3) уход (withdrawal), выключение из травматической, конфликтной среды или ситуации. Эти психологические стратегии этически нейтральны, их нельзя оценивать как плохие или хорошие, причем один и тот же человек может в разных ситуациях применять все три стратегии. Но если взять наиболее важные для него сферы деятельности, его личностная доминанта так или иначе непременно проявится. Лично для меня доминантой является уход: если я не могу изменить неприятную ситуацию, я предпочту приспособлению уход в другую сферу деятельности, среду и т. п.

С этим связан и стиль мышления. Я недаром считаю себя прежде всего социологом. В отличие от философии, в которой принципиально возможны любые, самые невероятные допущения, классическая социология придерживается принципа реализма, ее важнейшая категория – категория возможности. Социологи значительно чаще бывают либералами или умеренными консерваторами, чем революционерами или крайними реакционерами. Мне может политически или этически очень импонировать некая идея, но если я не вижу, как ее можно реализовать, мое отношение к ней останется сдержанным. Радикальные перемены инициируют лишь те, кто готов добиваться невозможного, это свойство юности, а мне в 1988 г. исполнилось шестьдесят.

Наконец, особенности темперамента. Я хорошо чувствую себя за письменным столом или в студенческой аудитории. На любых демонстрациях и митингах мне неуютно, у меня слабый голос,

когда люди кричат, я предпочитаю молчать. К тому же, как историк, я боюсь «профессиональных революционеров», какие бы слова они ни говорили. Некоторые наши антикоммунисты начала 1990-х казались мне стопроцентными большевиками, у них тот же стереотип мышления: одни хотели начать заново всю всемирную историю, другие пытались зачеркнуть ее последние 70 лет. Мне часто вспоминались слова Гейне:

Andre Zeiten – andre Voegel!
Andre Voegel – andre Lieder!
Sie gefielen mir vielleicht,
wenn ich andre Ohren hatte

(«Другие времена – другие птицы. Другие птицы – другие песни. Они, может быть, нравились бы мне, если бы у меня были другие уши»).

В своих публицистических статьях конца 1980-х я поддерживал идеи перестройки, но одновременно предупреждал о силе социальной инерции и об опасности типичного для русской интеллигенции «подросткового синдрома», – представления, будто история начинается с нас и можно начать завтрашний день с нуля или с позавчерашнего, минуя вчера и сегодня. Психологию социальной инерции я специально анализировал в одноименной статье в журнале «Коммунист» (1988. № 1), она вошла и в мой сборник «Социологическая психология» (1999).

«Ученые-обществоведы, как правило, гораздо сильнее в своих негативных рекомендациях – чего не следует делать, чем в выработке положительных программ. А политики ждать не могут, им нужно принимать решения сегодня. В периоды революций политическую карьеру чаще всего делают наименее нравственные и социально ответственные деятели, всегда готовые сказать: “Есть такая партия!”

Большевизм – не столько идеология, сколько стиль мышления, стержень которого составляет то, что я когда-то назвал подростковым синдромом: все начинается с нас, все возможно, все должно быть сделано сразу, немедленно. В этом смысле многие наши антикоммунисты являются на самом деле стопроцентными большевиками, какими никогда не были трусливые брежневские партаппаратчики. Но будущее принадлежит не тем, кто поверит этой фразеологии, а тем, кто под шумок “приватизирует” государственную и иную плохо лежащую собственность.

На мой взгляд, нынешняя антисоветская революция является

демократической постольку, поскольку она направлена против авторитарной власти. Но по своим задачам она консервативна, стремясь восстановить то, что было раньше. Когда именно раньше – до 1917 г., до Петра I или до взятия Казани – вопрос открытый. Однако история назад не ходит. Стремление строить завтрашний день на основе позавчерашнего, минуя вчера и сегодня, движение к неизвестному, воображаемому прошлому – очередная опасная утопия. Что из всего этого вырастет – Бог весть. Ученые-гуманитарии не могут предложить обществу ничего, кроме своих знаний и основанного на них реализма и умеренности. Обладаем ли мы этими качествами и достаточно ли их для нашего собственного выживания? Если иметь в виду мое поколение, я в этом сильно сомневаюсь. Наш жизненный опыт и адаптивные механизмы рассчитаны на совершенно другие условия»[20].

Так что политиком я не стал. Я аккуратно ходил на все демократические митинги и некоторые теоретические дискуссии «Московской трибуны», но порою чувствовал себя там в обществе пикейных жилетов, таких же категоричных и нетерпимых друг к другу, как окружающий мир.

Во время путча 1991 г. я находился в Сан-Франциско на съезде Американской психологической ассоциации, о перевороте в Москве мне сказала за завтраком соседка-англичанка. Было страшно, но скоро стало казаться, что путчисты просчитались. На второй день, когда мне пришлось выступать на многолюдном заседании АПА, куда многие ведущие американские психологи пришли не ради наших докладов, а чтобы выразить симпатию к России, я сказал, что, конечно, могу ошибиться, но думаю и даже уверен, что на этот раз путч практически уже провалился: если такие вещи не побеждают в первый день, у них нет шансов. В те дни, впервые после войны и полета Гагарина, я гордился своим народом.

Вернувшись в Москву осенью 1993 г., я снова пошел на демократический митинг. Когда Егор Гайдар призвал москвичей прийти к Моссовету, я подумал: какой отчаянный парень, чтобы перестрелять безоружную толпу, достаточно одного пулемета, но, вероятно, ему нужно показать колеблющейся армии, что есть люди, которые не боятся. Я знал, что пользы от меня никакой, даже если раздадут оружие, стрелять я не умею, к тому же в тот вечер у меня страшно болели колени. Однако я понимал, что если прямо сейчас не пойду к Моссовету, то никогда не смогу убедить себя, что поступил так не из трусости. Ту ночь я провел перед Моссоветом, переходя от одной группы людей к другой. Эти люди и их мотивы были очень разными, но нас связывала некая незримая общность.

Тем не менее ни в какие политические партии я вступать не стал, решив, что обществу будет гораздо больше пользы, если вместо занятий политикой, где я наверняка стану пешкой в чужих руках, я продолжу профессиональную работу в тех областях знания, где у меня был наибольший задел и которые, как мне казалось, должны быть социально востребованы. Таких областей было две: западное обществоведение и проблемы сексуальной культуры. То и другое требовало контактов с западным миром.

Свой среди чужих

Я – коренной, неисправимый западник, и нисколько этого не скрывал и не скрываю.

Иван Тургенев

Переезд в Москву и перестройка открыли передо мною мир. В конце 1980-х – в 1990-х я побывал с лекциями и для научной работы во многих университетах и научных центрах Западной Европы и Америки. Интерес к СССР был в то время очень велик.

Во Франции неоценимую помощь оказал мне директор Дома наук о человеке Клеменс Элер, с которым я был знаком с 1969 года. Личное знакомство с ведущими французскими социологами (Пьер Бурдье, Ален Турэн, Мишель Крозье) и социальными психологами (Жан Стетзель, Серж Московиси) старшего поколения, а также регулярное чтение французской исторической литературы было хорошим противоядием против модного в то время американоцентризма, хотя европейская критика американской социологии подчас казалась мне упрощенной.

Мои добрые отношения с Элером имели и полезный социальный эффект. Во время одной из моих парижских командировок Элер сказал мне, что скоро ожидается официальный визит в Париж Горбачева и французские власти думают, что нашей стране подарить. Есть два варианта: построить в Москве Дом наук о человеке, по образцу парижского, или учредить хорошую стипендию для советских ученых. Обычно я предпочитаю говорить в сослагательном наклонении, но в данном случае мой совет был категоричен – только стипендия! Если советское правительство захочет построить в Москве Дом наук о человеке, оно вполне может это сделать само (страна еще не развалилась), если Франция даст на это деньги, московский дом все равно будет не такой, как французский. А вот стипендия Дидро – это замечательно! Но только при двух условиях. Во-первых, необходим жесткий возрастной ценз, иначе вместо молодых ученых из Москвы будут приезжать исключительно начальники, чиновники и их родственники. Во-вторых, по той же причине, надо сделать так, чтобы кандидатов предлагала Москва, но решения принимались в Париже. С первыми соображениями Элер согласился сразу, но последний пункт вызвал у него возражения: «Вы представляете себе московскую бюрократию, но французская бюрократия может оказаться не лучше. Если принять

вашу модель, придется создавать комиссию, где будут представлены все цвета французского политического спектра, это будет сложно, дорого и неэффективно». В конце концов Элер придумал следующий вариант: кандидатов представляет Россия, деньги дает Дом наук о человеке, но для получения стипендии кандидат должен иметь предварительный контакт с профильным французским научным центром, который согласится его опекать. Это важно не только в целях контроля, чтобы уменьшить число непрофессиональных людей, но и по существу: без какой-то опеки даже способный молодой человек в Париже потеряется, его просто никто не примет. Предложенный Элером вариант был реализован и оказался весьма успешным, дав возможность поработать во Франции многим нашим молодым ученым. Позже была создана версия стипендии Дидро и для старших, уже состоявшихся ученых. К сожалению, сам я по возрасту уже не мог попасть даже в эту группу.

Смерть мамы

С моим пребыванием во Франции в мае 1989 г. совпала смерть мамы. Она много лет мучилась тяжелым полиартритом, у нее были изуродованы руки и ноги, она не могла выходить из дома, кроме того, часто падала на ровном месте, но, будучи маленькой и легкой, обходилась без травм. Когда я уезжал, ее опекали мои московские друзья. Тем не менее неизбежное случилось. Я был в командировке в Париже, уехал оттуда на три дня для выступления с лекцией в Тюбингене, вдруг приходит телеграмма: «Свяжитесь с Москвой, с вашей мамой несчастный случай, она сломала ногу». Дозвониться из Тюбингена в Москву в то время было почти невозможно, когда это удалось, моя приятельница М. Я. Устинова рассказала, что мама упала и сломала шейку бедра. Мучиться одной ей не пришлось, в это время как раз пришла старушка, убиравшая нашу квартиру, затем две мои приятельницы, они вызвали врача и отвезли маму не то в Первую, не то во Вторую градскую больницу (точно не помню). Там сразу определили перелом шейки бедра. Одна из моих приятельниц, опытная в подобных вопросах, попросила врача поставить сетку, чтобы мама не упала с кровати. Сетки в больнице, в отличие от всего остального, были, но врач сказал, что он сам знает, что делать. Сетку не поставили, на следующий день мама упала с кровати, ударилась головой, и произошло кровоизлияние, которое, как показало вскрытие, было единственной причиной смерти. Ее перевели в академическую

больницу, но сделать уже ничего было нельзя. 19 мая мама умерла во сне.

Когда я говорил с Москвой, мама была еще жива. Я отменил тюбингенскую лекцию, вернулся в Париж (вылететь в Москву из Германии было невозможно, все документы, включая билет, оставались в Париже), мои французские друзья и сотрудники Дома наук о человеке стали закупать болеутоляющие и перевязочные материалы (в Москве тогда ничего не было), но вскоре позвонили из Москвы и сказали, что я успею лишь на похороны. Ознакомление с документами показало, что в городской больнице не только не приняли необходимых мер предосторожности, но и фальсифицировали историю болезни (это показало вскрытие). Подавать в суд я не стал. Я подумал, что если у виновного врача есть совесть, он сам извлечет из этой истории урок, а если нет – все равно наше здравоохранение лучше не станет. Оперировать шейку бедра 89-летнему человеку у нас бы все равно не стали (на Западе такие операции делали), а чем мучиться – лучше умереть сразу. Мама, как и я сам, не стала бы колебаться в выборе.

Зато похоронили маму хорошо. Она всегда мечтала лежать на Шуваловском кладбище, рядом с которым у них до революции была дача. К тому же там очень красивая церковь, которую я в детстве очень любил. На этом кладбище давно уже не хоронят, но у покойной старой маминой подруги, с дочерью которой, Ниной Советовой, у меня сохранились дружеские отношения, там есть семейная могила. Получить разрешение подхоронить урну с прахом оказалось несложно. Маму кремировали и отпели в Москве, я отвез урну в Ленинград, и мама упокоилась там, где ей хотелось. У нее была трудная жизнь, но хотя бы это ее желание удалось исполнить.

В 1991 г. я проработал месяц в Англии, в университете Сэррей; вместе с известным славистом и специалистом по проблемам спорта и молодежи Джеймсом Риорданом мы подготовили и опубликовали сборник статей «Секс и российское общество» (1993). Позже университет присвоил мне степень доктора honoris causa, что британские университеты делают нечасто. Заодно я старался посмотреть страну, история которой меня всегда интересовала. Незабываемое впечатление произвел Кембридж, в котором учился герой моей первой диссертации Джон Мильтон и где я побывал по приглашению Эрнеста Геллнера, с которым мы были хорошо знакомы. Впервые удалось побывать в Швейцарии, Западной Германии и в Канаде.

Важной жизненной вехой стала первая поездка в США в

августе – ноябре 1988 г. В эту страну меня регулярно приглашали с 1966-го, но только теперь это осуществилось. Годичное собрание Американской социологической ассоциации в Атланте было посвящено американской социологии, в качестве докладчиков на сессию «Неамериканские взгляды на американскую социологию» были приглашены Ален Турэн (Франция), Николас Луман (Германия) и я. Я получил возможность лично встретиться со многими учеными, которых знал по статьям и переписке. После моей встречи с бывшими президентами АСА один из них сказал: «Никогда в жизни не встречал человека с золотыми зубами (в США коронки и протезы белые. – *И. К.*) и с таким знанием американской социологии».

Не менее интересной была сессия Международной академии сексологических исследований в Миннеаполисе и поездка с лекциями по нескольким университетам. Впечатлений, как профессиональных, так и бытовых, было много. Мне особенно понравилась повседневная, непоказная забота американцев о детях и инвалидах. В знаменитом католическом университете Нотр-Дейм пришлось не только выступать перед студентами, но и прочитать публичную лекцию в городе Саут-Бенд. Руководители университета предупредили меня, что сами не знают, чем это кончится: в городе много антисоветски настроенных иммигрантов из Восточной Европы. Но я говорил о серьезных, реальных проблемах. В аудитории встал пожилой венгр и сказал: «В Будапеште советские танки убили мою семью, я всегда выступал против любых контактов с советскими, но такие лекции я готов слушать». После этого мэр вручил мне символический ключ от города.

Очень продуктивным было пребывание в Миннеаполисе, вместе с группой московских социологов семьи. Результатом совместной работы с американцами стал коллективный труд «Семьи до и после перестройки. Российская и американская перспективы» (1994), в котором мне, в соавторстве с видным американским сексологом и замечательным человеком Джеймсом Мэддоком, принадлежит глава «Сексуальность и семейная жизнь».

Первая американская поездка показала мне, что США – действительно страна неограниченных возможностей. Моей давней мечтой было посетить Калифорнию, особенно Сан-Франциско. Известный советолог Гейл Лапидус обещала прислать мне приглашение, но на сессии АСА в Атланте ни ее, ни письма не оказалось (потом выяснилось, что она заболела). Я был в отчаянии, но случайно в лифте меня познакомили с профессором Стэнли Дорнбушем, работы которого я хорошо знал, и он тут же

пригласил меня на междисциплинарный семинар в Стэнфорд, оплатив половину стоимости перелета. Вторую половину билета оплатил Центр глобальных исследований в Сан-Диего. А на полпути между Сан-Диего и Сан-Франциско лежит сказочная Санта-Барбара, где студенты ездят не на машинах, а на велосипедах и чуть ли не весь год ходят в шортах. И там меня тоже ждали. А потом снова были Нью-Йорк, Чикаго и т. д.

Юрий Бронфенбреннер настаивал, чтобы я обязательно выступил также в Корнеллском университете, находящемся на севере штата Нью-Йорк. С большим трудом удалось выкроить одни сутки, но при пересадке в аэропорту Сиракьюз меня по ошибке посадили на самолет, летящий в Торонто (вот когда я оценил дотошность советского паспортного контроля!). Услышав об этом, я в последний момент, чуть не на ходу, выскочил из самолета (к счастью, летел без багажа), однако тем временем последний самолет на Итаку уже улетел. Я думал, все пропало, но девушки, по вине которых это произошло, взяли мне за счет фирмы такси, и через три часа я все-таки прибыл в Итаку. Мои лекции состоялись, и в следующем году Корнелл присвоил мне свой самый высокий и престижный титул – Andrew D. White Professor at Large.

Все это не могло не понравиться, хотя наряду с положительными впечатлениями были и разочарования. Профессиональный уровень американского обществоведения, не говоря уже о сексологии, неизмеримо выше советского, однако средний уровень массовой научной продукции оказался ниже лучших, выдающихся образцов, с которыми у меня ассоциировалась американская наука. Американская наука, как и общество, оказалась крайне разобщенной. Европейских исследований и языков американские аспиранты, как правило, не знают, плохо обстоит дело и с междисциплинарными связями.

Осваиваясь в огромном Миннесотском университете, я обнаружил, что хотя разные кафедры и научные центры сплошь и рядом занимаются близкими темами, они не контактируют и даже не знают друг о друге. Сначала меня это удивило, я шутил, что университет должен платить мне три профессорские зарплаты только за то, чтобы я ходил из лаборатории в лабораторию и рассказывал коллегам, чем они занимаются. Потом я понял, что дело не в недостатке времени или любознательности, а в жестких законах конкуренции. Чтобы быть в США кем-то, нужно уверить остальных, и прежде всего себя, что ты – лучший в мире. Большинство людей может добиться этого, только игнорируя чужую работу. Конечно, это лучше, чем советская суперцентрализация, но все равно нехорошо.

В 1990—91 гг. я снова побывал с лекциями в нескольких крупных американских университетах. Особенно плодотворной была годичная стажировка в Русском центре Гарвардского университета (1991–1992).

В сущности, этим грантом я обязан Дмитрию Шалину. После его эмиграции, несмотря на трудности, мы поддерживали с ним постоянный контакт. В мою первую американскую поездку (1988) я провел несколько прекрасных дней в Карбондейле, в Университете Южного Иллинойса, где он тогда преподавал. В 1990 г., когда Дима был приглашенным ученым в Гарварде, он организовал мне приглашение туда.

Самым интересным событием в ту поездку стала для меня публичная лекция в Массачусетском Технологическом Институте (МТИ). Как всегда в США, моя лекция, посвященная национальным проблемам в СССР, была запланирована задолго, собралась большая аудитория (мои статьи по этим проблемам в США знали не только иммигранты). А буквально за несколько дней до нее (дело было в начале мая) в американской прессе появились тревожные, даже панические сообщения о том, что общество «Память» готовит в Москве еврейские погромы. Такие слухи ходили и в Москве. Естественно, меня спросили, что я об этом думаю. Я сказал, что это тот редкий случай, когда я могу говорить уверенно, причем, если я ошибусь, в назначенные дни я еще буду здесь и вы сможете призвать меня к ответу: никаких погромов ни в эти дни, ни на следующей неделе в Москве не будет, паника создается искусственно! Почему я так уверен? Потому что я точно знаю, что все экстремистские организации в Москве находятся под контролем МВД и КГБ и делают только то, что им разрешают, никаких беспорядков власти не допустят. Это – хорошая новость. А плохая новость состоит в том, что я так же твердо уверен, что если власть Горбачева ослабеет или если какие-то властные структуры сочтут, что им выгодно разыграть антисемитскую карту, погром может произойти. Конечно, власти его немедленно пресекут, но цепная реакция может оказаться непредсказуемой. Аудитория мой ответ приняла к сведению, а панические слухи действительно не оправдались.

Когда мы с Шалиным вернулись к нему домой, ему позвонил редактор «Лос-Анджелес Таймс» и попросил прокомментировать эти самые слухи. Я сказал: «Дима, дело твое, но я бы в это дело не ввязывался. У американцев политическая память нулевая, вчерашних политических прогнозов уже на следующий день никто не помнит, все политики и комментаторы уверяют, что они всегда были правы. Но здесь – случай особый. Если ты поддержишь эти слухи, это будет нехорошо. Но если ты скажешь,

что это – чепуха, еврейская община это запомнит, и если кого-то изобьют даже через полгода, виноватым окажешься ты». Как поступил Шалин, я не знаю.

Мой доклад в Русском центре прошел хорошо, после чего Шалин, с ведома руководства, предложил мне подать туда заявку на грант (практически Дима все за меня сделал, я такие бумаги писать не умел, да и сейчас не умею). Насколько это замечательно, я не понимал, попросил грант всего на один семестр, вернулся в Москву и обо всем забыл, тем более что ответ задержался. И вот сижу я дома и обсуждаю с канадским коллегой программу моей лекции в Торонто в январе 1992 г. Раздается телефонный звонок: «Говорит Маршал Голдман, замдиректора Русского центра, вы получили наше письмо?» – «Какое письмо?» – «Мы вам дали годичный грант». Никакого письма я не получал. Ну, думаю, хороши же эти советологи, если думают, что в Москву можно посылать простые письма. «Спасибо, но я просил один семестр». – «Это ваше дело, сократить срок несложно, но вы подумайте, так никто не делает, год – лучше, чем полгода». Когда я рассказал об этом знакомым, все сказали, что я идиот, и я поехал в США на год.

Летом 1991 г. в стране уже полным ходом шел развал, билет я смог купить только в Сан-Франциско, причем с пересадкой в Хабаровске. Но в Сан-Франциско в это время проходил конгресс Американской психологической ассоциации, куда меня приглашали, а расходы по пребыванию оплатила международная антиспидовская программа, знакомство с которой мне было крайне полезно. После месяца увлекательной жизни в Сан-Франциско, воспользовавшись почти дармовым билетом одного из наших эмигрантов (как в дорогой Америке можно многое получать практически бесплатно, я так и не усвоил), я в надлежащие сроки прибыл в Гарвард.

Огромный и разнообразный Гарвард поначалу ошеломляет. Там каждый день происходит что-то новое, необычное и страшно интересное. Постепенно становится понятно, что нужно выбирать: либо ты всюду ходишь, смотришь и слушаешь, но собственного дела не делаешь, либо занимаешься своей работой, а остальное – как получится. Я, как всегда, выбрал работу. В колоссальной гарвардской библиотеке можно найти почти все. Заодно с новой научной литературой я прочитал все основные английские «школьные» романы XIX – начала XX в., интересовавшие меня в контексте истории детства. Позже это пригодилось и в связи с историей сексуальности.

Жил я довольно замкнуто, проводя большую часть времени в библиотеке или дома за компьютером. В бытовом отношении мне

очень помогли наши эмигранты, особенно писатель и музыковед, ныне покойный Феликс Розинер. Он помог мне снять недорогую квартиру у бывшей ростовчанки, ученицы Романа Якобсона, Бояры Манусевич, которая трогательно обо мне заботилась и познакомила с несколькими интересными людьми. Содержательным было и профессиональное общение. Прежде всего это были, конечно, сотрудники и руководители Русского центра, которые отлично разбирались в советских делах, хотя развал Советского Союза оказался для них таким же сюрпризом, как и для нас. Однако меня интересовали также ученые других специальностей. Было приятно лично познакомиться с Дэвидом Рисмэном, с которым я до того лишь переписывался. Дэниэл Белл пригласил меня не только в гости, но и на торжественный банкет в Американской Академии наук и искусств.

Очень сердечным было общение с крупнейшим историком социологии Льюисом Козером, с которым я познакомился в 1978 г. на Всемирном социологическом конгрессе в Упсале (мы сотрудничали в рамках Исследовательского комитета по истории социологии Всемирной социологической ассоциации), и его женой Роуз, тоже первоклассным социологом. А узнал он обо мне благодаря моей «новомирской» статье «Размышления об американской интеллигенции», где цитировалась его книга «Men of Ideas». Мысли К˚зера понравились А. Д. Сахарову, который процитировал их, сославшись на меня, в своей первой «диссидентской» книжке. Козеру это рассказали, после чего он прочитал мою статью и переведенные на немецкий язык социологические книги.

Во время моего пребывания в Гарварде меня охотно приглашали с лекциями и другие американские университеты. В Гарварде мне по такому случаю каждый раз выдавали официальную бумагу, гласившую, что я имею право прочитать там-то лекцию и получить за нее гонорар не свыше тысячи долларов. В университете Джонса Гопкинса над этой бумагой долго смеялись: «Разумеется, ваша лекция стоит даже гораздо больше, но мы, к сожалению, можем предложить только триста». Сэкономленные деньги (не ожидая дома ничего хорошего, я берег буквально каждый цент) реально помогли мне выжить в Москве после возвращения из США. Кроме того, зимой 1991/92 г., когда в России было буквально нечего есть, я, по примеру американцев (Бояра Манусевич посылала такие посылки просто незнакомым пожилым людям), несколько раз отправлял своим ленинградским друзьям продуктовые посылки. Это было очень просто – посылаешь чек на 70 долларов, а в России на эти деньги адресату прямо на дом доставляют дефицитные продукты. Мои друзья

рассказывали потом, что это было в самом деле важно, потому что многих продуктов в то время не продавали даже по карточкам. Вообще, американская благотворительность – дело вполне реальное, хотя, по моим впечатлениям, небогатые люди занимаются ею чаще, чем богачи (впрочем, знакомых миллиардеров у меня нет).

Забавным оказалось знакомство с американской налоговой системой. В Гарварде нам сказали, что в силу межгосударственного соглашения ни федеральных, ни штатных налогов мы платить не должны, но налоговые декларации заполнить необходимо. Внимательно прочитав соответствующие формы (никто из соотечественников, находившихся в это время в Русском центре, этого делать не стал), я обнаружил, что понять их невозможно, что-то в них не так. В Гарварде ни один юрист разобраться в этом тоже не смог, а дозвониться в федеральное налоговое ведомство во время налоговой кампании немыслимо. Я применил старую советскую хитрость: позвонить в офис за несколько минут до начала рабочего времени и оказаться на проводе первым. Метод сработал. В отличие от советских учреждений, где тебе хамят все время и прерывают разговор не дослушав, американский чиновник, если уж ты его уловил, выслушает до конца и ответит, какими бы глупыми ни казались твои вопросы. В данном случае вежливый мужчина объяснил мне, в какую графу что вписать, заодно сказал, что гарвардская бухгалтерия что-то оформляет неверно, но он ей указывать не может (я – подавно). В общем, федеральный налоговый отчет я написал, но когда взял декларацию штата Массачусетс, то себя в ней вовсе не нашел, а говорили, что заполнять ее обязательно. Применив уже опробованный метод, дозвонился и в эту инспекцию. Там меня долго не могли понять, а потом объяснили, что ничего заполнять не надо: вот если бы с вас незаконно удержали налоги, то мы бы их вам вернули, а так – живите спокойно.

Поездки по разным университетам были интересны не только туристически, но и с точки зрения профессиональных контактов. В Нью-Йорке я обычно останавливался у выдающегося социолога, крупнейшего специалиста по социологии сексуальности Джона Гэньона. Джон и его жена Кэти, тоже видный социолог и мастер документальной фотографии, стали моими близкими друзьями, не в расплывчатом американском, а в более строгом русском значении этого слова. Всегда находил для меня время и Роберт Мертон, который когда-то тщетно пытался пригласить меня в Стэнфордский центр высших исследований.

В Вашингтоне меня принимал другой выдающийся социолог,

мой однофамилец Мелвин Кон, с которым нас связывал общий интерес к социологии личности. Когда Мел занялся сравнительным исследованием отношения к труду и структуры личности в США, Польше и на Украине, мы с Ядовым порекомендовали ему в качестве соавторов блестящих киевских социологов Валерия Хмелько и Владимира Паниотто. Общими усилиями они осуществили прекрасное международное исследование. По рекомендации К°на, по окончании своего пребывания в Гарварде я получил месячный грант в Кеннановском институте в Вашингтоне (несколько лет спустя я побывал там вторично). Это один из лучших научно-исследовательских центров США, а отношения между сотрудниками и стажерами там значительно теплее, чем в любом американском университете. Во многом это заслуга его директора Блэра Рубла, который, кстати, некогда стажировался в Ленинградском университете.

В Стэнфорде я подружился с одним из лучших американских социальных психологов Филиппом Зимбардо, с которым был знаком с 1978 г.; о его знаменитом «тюремном эксперименте» я подробно рассказывал в своих статьях и книгах. Позже я инициировал русский перевод его книги о застенчивости, которую очень рекомендую всем, кого волнует эта мучительная проблема. Да и вся стэнфордская психология производила сильное впечатление.

Главным результатом моей работы в Русском центре стала книга «The Sexual Revolution in Russia. From the Age of the Czars to Today» (1995).

По окончании гарвардского срока, после проведенного в Москве летнего отпуска, я преподавал в женском Уэллсли-колледже, замещая на время его отпуска молодого социолога Томаса Кушмана, автора отличной книги «Записки из подполья: контркультура музыкального рока в России» (1995). Кафедра социологии в Уэллсли была очень сильной, я читал курс современных социальных теорий и непривычный для США курс «Дружба в исторической и культурной перспективе». Жизнь в этом сказочно красивом кампусе и преподавание в женском колледже дали новый социальный и интеллектуальный опыт, приобщив к реалиям американской жизни. В частности, я впервые увидел провербиальное невежество американцев в истории и географии. Хотя уровень гуманитарной культуры в Уэллсли много выше среднего, объяснить студенткам, что античные Греция и Рим – две разные цивилизации, я так и не сумел. Зато научился придумывать темы для эссе. В качестве одной из тем семестрового эссе я предложил «Образ и понятие дружбы в

Библии», рассчитывая получить социологический анализ института героической дружбы, по образцу древней Греции, которой посвятил специальную лекцию, но вместо этого получил простой пересказ библейских текстов. Понял, что сам виноват. Зато когда дал тему, о которой сам ничего не знал, «Образ бой-френда в американской девичьей субкультуре», получил несколько совершенно разных и очень умных сочинений.

Не обходилось и без комичных историй. Зная о различии российской и американской молодежной культуры, я спросил своих студенток, кто из них выручил бы друга, подсказав ему/ей на экзамене. «Да» ответили две студентки из тридцати восьми. Я сказал им, что в России дружбу ценят выше соблюдения правил, и объяснил почему. Это их заинтересовало, несколько девушек позже рассказали мне, что обсуждали тему со своими бой-френдами из МТИ (эти вузы дружат) и те сказали, что в юношеской среде процент готовых помочь другу все-таки был бы выше. На следующей лекции у меня даже появились двое чьих-то бой-френдов, заинтересовавшихся непривычной темой.

Очень плодотворными были контакты с американскими сексологами. Директор Нью-йоркского центра по изучению и профилактике СПИДа Анке Эрхард и ее сотрудники (я посещал этот центр каждый свой приезд в Нью-Йорк) помогли мне понять социальные факторы страшной эпидемии и методы борьбы с нею. По их рекомендации я посетил учреждение с трудно переводимым названием – Gay Men Health Crisis («Кризис здоровья мужчин-геев»).

Беседа с главным психологом началась с недоразумения. Когда я сказал: «проблема гомосексуальности», он прервал меня словами: «гомосексуальность – не проблема». Я понял смысл его реплики: проблема есть нечто, подлежащее решению и, возможно, устранению, а гомосексуальность, в отличие от ВИЧ, – явление постоянное. Но как же выразить свою озабоченность этим явлением? Подумав, собеседник сказал: «Ну, может быть «issue (вопрос, предмет обсуждения) of homosexuality». Я усвоил, что слова имеют значение, но главное – мне помогли понять стратегию профилактики СПИДа изнутри. Вернувшись в Москву, я пытался донести эту информацию до российских коллег, но у многих она вызывала только раздражение и воспринималась как покушение на их профессиональную монополию (и деньги).

Короче говоря, я благодарен Америке и американцам. Старых, еще по Ленинграду, знакомых у меня теперь в Бостоне, пожалуй, больше, чем осталось в Москве и Петербурге, и ни один из них не сожалеет об эмиграции. Но меня все-таки тянуло домой. Как позже написал мой друг Виктор Каган, «в России мне

говорили, что я “западный” человек, здесь вижу, что вполне “российский”». Нечто вроде кошки, которая, конечно, «гуляет сама по себе», но нуждается в том, чтобы иногда было о кого потереться». Хотя почти все здесь было лучше, чем дома, я чувствовал себя посторонним. Мне нужна была не столько абстрактная Родина, сколько мой старый письменный стол и чувство, что я кому-то нужен.

Чужой среди своих

Человек благородный – везде отщепенец
Для своих соплеменников и соплеменниц.

Абу-ль-Ала аль Маарри (973—1057)

Иллюзий о ближайшем будущем России я не питал. Когда после распада Советского Союза группа гарвардских иммигрантов попросила меня частным образом поделиться мыслями на этот счет, я сказал, что с всемирно-исторической точки зрения крушение «империи зла», возможно, и является благом, но для ныне живущего и следующих двух-трех поколений это – величайшая историческая катастрофа. Беда не в том, что рухнула нежизнеспособная империя, а в том, что очень долго все в ней будет только разваливаться, причем в республиках, за исключением Прибалтики, жизнь будет значительно хуже, чем в России. Молодежь с этим как-то справится, а пожилые люди в новой жизни себя так и не найдут.

Вернувшись домой, я нашел свой письменный стол, хотя и поврежденный постоянными протечками сверху, на месте. Зато все остальное стало чужим. Оказалось, что ни мои знания, ни моя работа, ни я сам никому не нужны. То, что снаружи выглядело как экономические реформы, изнутри напоминало самое большое, и притом публичное, ограбление в мировой истории. Гайдар и Чубайс, за которых я голосовал и без которых, я в этом абсолютно уверен, всем нам было бы еще хуже, воспрепятствовать этому не могли. А как только благодаря высоким ценам на нефть экономическое положение страны слегка стабилизировалось, начался новый передел собственности и власти.

Заниматься наукой в 1990-х годах было, мягко говоря, трудно. Зарплата главного научного сотрудника РАН в 1993 г. была ниже прожиточного минимума (на нее впервые стало можно прожить лишь в 2007 г.). Набор сборника моих избранных сочинений, подготовленный в издательстве «Педагогика», был рассыпан. Издавать новые книги было не на что. Работа по этнографии детства прекратилась. Добывать гранты я не умел.

В экспертной комиссии фонда Сороса мою заявку на составление практически готовой хрестоматии переводов «Стереотипы и предубеждения» (речь шла о социальной

психологии фашизма, антисемитизма и других не менее актуальных вещах) мой старый друг и его заместитель, тоже очень хороший человек, дважды (!) потеряли, а меня полтора года уверяли, что решение вот-вот состоится. Я узнал об обмане от посторонних людей. Тут не было злого умысла: у моего друга и коллеги были собственные трудности, в том числе со здоровьем, так что наши личные отношения от этого не пострадали. В конечном счете это даже пошло мне на пользу, заставив понять, что нужно рассчитывать лишь на собственные силы. Но погибла важная работа, а такой жизненный опыт стоил двух тяжелых депрессий, из которых меня вывели французские антидепрессанты. Одно разочарование сменялось другим, порождая апатию и отвратительное чувство жалости к себе. Подобно многим моим ровесникам, в славном новом мире дикого первоначального накопления я чувствую себя посторонним и беспомощным.

Но если продолжать работу, – а ничего другого я не умею, – что-нибудь все равно получится. В 1990-е годы я пытался организовать большую серию переводов новейшей западной научной литературы. Идею поддержал вице-президент Академии Наук В. Н. Кудрявцев, но ее не удалось осуществить из-за неповоротливости издательств и отсутствия денег, так что все мои усилия были потрачены впустую. В дальнейшем эта работа пошла без моего участия, с помощью западных правительств и фондов. К сожалению, многие публикуемые переводы – плохого качества и не сопровождаются необходимыми научными комментариями, но все-таки западные исследования, и не только классика, стали людям доступны.

Несмотря на катастрофическое обнищание интеллигенции и отсутствие денег на научные исследования, идеологическая свобода способствовала оживлению духовной жизни. Во всех областях знания, с которыми я более или менее знаком, появилось множество талантливых молодых (по моим меркам) авторов, публикуется огромное количество интересных книг, журналов и т. д. К сожалению, эти издания зачастую невозможно достать (библиотеки комплектуются безобразно) или некому читать. Кроме того, проблематичными стали профессиональные критерии качества. В советское время «научность» часто отождествлялась с идеологической «правильностью». Когда этот критерий рухнул, плюрализм мнений сплошь и рядом оборачивается интеллектуальным беспределом. Тем не менее 1990-е годы сыграли в развитии отечественного обществоведения и наук о человеке определенно положительную роль, а современные попытки вернуться к административным методам

контроля – это шаг назад. На первый план снова выходят не интеллектуальные, а идеологические, причем весьма примитивные, критерии. «Самое холодное из всех холодных чудовищ», как называл государство Фридрих Ницше, не нуждается в критическом обществоведении, ему нужна лишь пропаганда и техника манипулирования людьми. Ничего, кроме неприятностей, общество от этого не получит.

Главной моей научной работой в 1990-х годах стало эмпирическое исследование сексуального поведения подростков, без знания которого невозможно выработать стратегию их образования. При моем участии было проведено три крупных опроса подростков и юношей.

Опрос 1993 г. (руководители В. Д. Шапиро и В. В. Червяков) охватил 1 615 учащихся седьмых – одиннадцатых классов, в возрасте от 12 до 17 лет, из шестнадцати средних школ и восьми профессионально-технических училищ Москвы и Санкт-Петербурга. Это был первый в истории России сексологический опрос школьников такого возраста.

Опрос 1995 года (руководитель проекта – В. В. Червяков) охватил 2 871 16–19-летних не состоящих в браке юношей и девушек в Москве, Новгороде, Борисоглебске и Ельце. Анкета содержала вопросы об обстоятельствах сексуального дебюта, первом и последнем сексуальном партнере, общем числе партнеров, опыте мастурбации и т. д. Деньги на осуществление проекта дал фонд Макартуров – в результате героических усилий американского профессора Генри Дэвида, на которого произвела впечатление моя грустная лекция в Национальном институте здоровья в Вашингтоне в 1992 г. Генри настойчиво доказывал американским фондам, что сексуальное поведение юных россиян – социально важный вопрос. Фонды Форда и Рокфеллера отказали, а фонд Макартуров помог.

Третий опрос под руководством В. В. Червякова (я консультировал его по составлению анкеты) был проведен в начале 1997 г. как часть социологического мониторинга в рамках проекта сексуального просвещения российских школьников под эгидой ЮНЕСКО. Опрашивались школьники седьмых – девятых классов, их родители и учителя (шестнадцать школ из восьми регионов). Для компьютерной обработки было отобрано 4 000 опросников, заполненных школьниками, 1300 – родителями и 400 – учителями. Результаты этих опросов опубликованы в серии статей и обобщены в моей книге «Подростковая сексуальность на пороге XXI века», написанной и изданной по гранту Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ).

Параллельно научной работе я занимался популяризацией

сексологических знаний, опубликовав множество статей, несколько популярных книг – «Вкус запретного плода» (1992 и 1997), лекции «Введение в сексологию» (1999) – и учебное пособие для вузов «Сексология» (2004). К сожалению, до массового читателя серьезные книги практически не доходят, так что ни реальных денег, ни морального удовлетворения, не говоря уже о практических результатах, эта работа не дает.

Политически я также оказался в изоляции. Политики демократического и либерального направления сексологическую проблематику не понимали и даже боялись ее. Егор Яковлев, с которым у меня были издавна прекрасные личные отношения, став главным редактором «Московских новостей», первым делом снял из номера мою уже набранную статью по проблемам сексуальной культуры: «Для Кона это слишком мелко!» Они охотно печатали мои статьи и интервью по вопросам политики, но не по вопросам пола. Хотя, на мой взгляд, эти сюжеты отнюдь не были камерными. В 1991 г. «Московские новости» не напечатали специально для них написанную статью с анализом предоставленных мне Юрием Левадой свежих данных опроса общественного мнения, которые свидетельствовали о провале начатой КПСС антисексуальной истерии. Я смог напечатать этот материал только шесть лет спустя в книге «Сексуальная культура в России». В 1994 г. «Известия» не опубликовали заказанную и принятую редакцией статью «Секс как зеркало русской революции»: редакция почему-то сочла, что статья с таким названием предназначена для раздела «Частная жизнь» (!), который был перегружен. Между тем тогда обсуждение этих вопросов было своевременным, а в декабре 1997 г., когда те же «Известия», но уже с другим редактором, напечатали мою статью «Не говорите потом, что вы этого не знали. Подростки и сексуальная контрреволюция», это было уже махание кулаками после драки.

Короче говоря, людям, которые политически являлись моими единомышленниками, моя тематика казалась мелкой, второстепенной и одновременно – опасной. Когда в конце 1996 г. в стране начался антисексуальный крестовый поход, мне стало ясно, что социально (то есть практически) эта работа в России востребована не будет, тратить время и силы на то, чтобы из болота тащить бегемота, бессмысленно.

Лично для меня в этом не было ничего неожиданного, этюд «Сизифов труд» я написал в 1984 г. А так как мои научные интересы никогда не ограничивались сексуальностью, достаточно было изменить приоритеты. С 1999 г. центром моей работы стал глобальный проект «Мужчина в меняющемся мире», на

выполнение которого я получил индивидуальный грант от фонда Макартуров (1999–2000), а затем два гранта от РГНФ. Об этой работе я расскажу немного позже.

Но «закрыть» тему, в которой заинтересована добрая половина населения страны, не так легко, это не рукопись, которую можно просто сдать в макулатуру. Поскольку мое имя постоянно упоминалось в связи с сексуальным образованием, оно стало чем-то вроде интеллектуального секс-символа, и поляризация массового сознания в этом вопросе стала проявляться и по отношению ко мне лично, причем ни для любви, ни для ненависти людям вовсе не требовалось меня читать или слушать.

Первые публичные нападки на меня начались в связи со скандалом вокруг проекта школьного сексуального просвещения (его история подробно описана в моих книгах), руководство которым мне приписали (на самом деле я имел отношение только к социологическому мониторингу). Я стоял перед выбором: 1) сотрудничать с людьми, которые заведомо ничего позитивного делать не будут, 2) молча отойти в сторону, 3) громко хлопнуть дверью. Мне было ясно, что без сексуального образования Россия не справится с последствиями сексуальной революции, поэтому и занял жесткую принципиальную позицию.

При обсуждении этих вопросов на круглом столе и Президиуме РАО весной 1997 г. выступления большинства академиков были не более конструктивными, чем речи священников. Академики заменили ссылки на моральный кодекс строителя коммунизма апелляцией к православной морали и «национальным нравственно-этическим представлениям и традициям народов России», но их нежелание и неспособность смотреть фактам в глаза остались прежними. Указав на недостатки так называемого проекта ЮНЕСКО и предложив министерству приостановить его реализацию, Президиум РАО поставил задачу «выявления оптимальных форм и методов нравственного воспитания школьников, включающего элементы полового воспитания» (оппортунистическая формулировка начала 1960-х годов, в 80-е уже вводили курс этики и психологии семейной жизни). Правда, тогдашний президент РАО А. В. Петровский недвусмысленно отмежевался от попыток клерикализации российской школы и возвращения к бесполой педагогике недавнего прошлого, но общий тон обсуждения был, безусловно, охранительным. Люди говорили, чего не надо делать, не предлагая ничего конструктивного.

Просидев и выступив на трех посвященных этой теме заседаниях РАО, я понял, что реального дела там не будет, его

заменят пустые споры о соотношении «полового воспитания» и «сексуального просвещения». Попусту тратить время или идти на беспринципные компромиссы, вроде предложенной академиком Д. В. Колесовым замены права подростков на получение сексуальной информации «правом на незнание», нелепо. Разговоры, идущие у нас на эти темы с 1962 г., я считаю, грубо говоря, словоблудием, которым взрослому человеку и ученому заниматься невместно. В письме, переданном В. В. Давыдову 12 апреля 1997 г., я поставил точки над i и откровенно сказал коллегам, что думаю (на заседаниях я выражался более резко):

Вице-президенту Российской Академии Образования
В. В. Давыдову

Уважаемый Василий Васильевич,

ознакомившись с постановлением Президиума РАО от 28 марта 1997 г., в котором задача сексуального просвещения школьников подменяется их нравственным воспитанием с «элементами полового воспитания», сообщаю Вам, что я не согласен с этим решением и не могу участвовать в созданных на его основе Проблемном совете и рабочей группе. Я не являюсь специалистом «по выявлению оптимальных форм и методов нравственного воспитания школьников», а формулировка об «элементах полового воспитания» отбрасывает нас к началу 1960-х годов.

Свою принципиальную позицию по этим вопросам я неоднократно высказывал как в РАО, так и в средствах массовой информации.

Почти все мои многолетние исследования в области сексологии, гендерных проблем, психологии, социологии, антропологии и истории сексуального поведения и сексуальной культуры осуществлялись вопреки официальной советской идеологии и вне государственных структур. Похоже, что в этой области мало что изменилось.

Если какие-либо государственные или общественные структуры наконец поймут, что этим нужно заниматься всерьез, на уровне XXI, а не XIX века, и востребуют мои профессиональные знания, я готов помогать им в качестве независимого эксперта.

Академик РАО, действительный член Международной Академии сексологических

исследований

И. С. Кон

Москва, 11 апреля 1997 года

С тех пор ни РАО, ни Минобразования по этим вопросам ко мне не обращались, хотя официальный научно-теоретический журнал РАО «Педагогика» в 2003 г. опубликовал мою острокритическую статью о состоянии нашей сексуальной культуры. Свою позицию я подробно изложил в ряде газетных статей, включая вышеупомянутую статью в «Известиях».

Время подтвердило мою правоту. В последних программных документах РАО, даже специально посвященных здоровью подростков, сексуальное просвещение вообще не упоминается. В условиях эпидемии ВИЧ и заболеваний, передаваемых половым путем (ЗППП), это молчание выглядит, мягко говоря, странно, но клерикализация российской науки и образования делает его вполне понятным.

Естественно, моя позиция вызвала эскалацию нападок. 30 января 2001 г. у меня была открытая публичная лекция в лектории МГУ на тему «Мужчина в меняющемся мире». Несмотря на студенческие каникулы, в зале собралось много людей, в том числе профессуры. Лекцию открыл ректор МГУ академик В. А. Садовничий. Сразу же после ее начала в разных концах аудитории поднялись 20–30 молодых людей бандитского вида, которые развернули плакаты типа «Вон Коня из МГУ» и лозунги гомофобного характера. Поднятый с помощью специальных инструментов шум не позволял говорить. Затем стали взрывать петарды, зал наполнился дымом, кто-то бросил в меня кусок торта. Все это снимали приглашенные хулиганами фотографы и операторы. «Нормальных» журналистов в зале не оказалось, скандала никто не ожидал, да и лекция была не о гомо– или какой-либо другой сексуальности, а о социальных проблемах маскулинности.

Это была откровенно заказная, проплаченная акция, участники которой не имели никакого отношения к МГУ. Сорвать лекцию им не удалось. Ни меня, ни аудиторию хулиганы не испугали. Все восприняли это как обыкновенный фашизм, который мы до сих пор видели только в кино, а теперь увидели воочию. После того как ректор вызвал милицию, одного из хулиганов задержали, остальные сбежали, а лекция была продолжена и спокойно завершена.

31 января информация об этом событии появилась в российском и международном Интернете. Экстренный выпуск

№ 19 социологического бюллетеня *http://www.isn.ru/sociology/bulletin/19.rtf* поместил обращение: «Уважаемые коллеги! То, что произошло с 30 января 2001 года на лекции профессора Игоря Кона в Московском Государственном Университете, случай беспрецедентный. Мы уверены – случившееся должно стать известным не только людям, лично знающим и уважающим И. Кона, но и более широкой социологической общественности России и других стран, в которых распространяется наш Бюллетень».

На этом история не закончилась. 8 февраля, когда я спокойно работал дома, мне позвонил снизу, от вахтерши, начальник районного угрозыска и сказал, что им сообщили о предстоящем взрыве и что под моей дверью действительно лежит подозрительный сверток, поэтому до приезда розыскной собаки я не должен подходить к дверям. Кинологи установили, что это лишь муляж взрывного устройства. Кроме того, на моей двери была намалевана звезда Давида, а на стене – «дьявольское» число 666. Милиция обещала начать расследование. Тем временем засветился и заказчик акции: фундаменталистская православная газета «Жизнь» опубликовала статью о скандале в МГУ, как негодующие студенты устроили бойкот нехорошему человеку, с двумя фотографиями. Спрашивается, откуда они их взяли, если «нормальной» прессы там не было? Милицию это не заинтересовало.

9 февраля мне позвонил анонимный «доброжелатель», который был полностью в курсе того, чем и как сделаны надписи на стене, и сказал, что, если я хоть что-нибудь напечатаю об этой истории, меня неотвратимо ждет жестокое убийство, приговор уже вынесен и будет приведен в исполнение автоматически. Подобные звонки повторялись несколько раз. Милиция эту информацию проигнорировала, но она появилась в Интернете, «Московском комсомольце» и петербургском «Часе пик». Заметка в «МК» называлась «Тортом по сексу. Фашиствующие отморозки решили “лечить” нашу мораль», а питерский еженедельник вынес на первую полосу лозунг «Бей академиков, спасай Россию!» Снимки моей разукрашенной стены появились на экране ТВ (программа «Времечко»), а затем и на страницах нескольких крупных европейских газет. Стали звонить встревоженные друзья и коллеги (преимущественно социологи, остальные Интернетом не пользовались, причем соотечественники старались поддержать мое гражданское мужество, а западные коллеги, с присущим им индивидуализмом, который у нас ассоциируется с равнодушием, просто советовали беречься).

Так как человеческая жизнь в Москве ничего не стоит, – в тот

год беспричинно убили нескольких видных ученых, и ни одного преступника так и не нашли, – ни тревожиться, ни беречься я не стал, а спокойно продолжал работать. Цифры 666 при ремонте лестницы закрасили, а звезда Давида красуется на дверях по сей день, напоминая мне и моим гостям, в какой замечательной стране мы живем.

На этом травля не закончилась. В мае 2002 г. на одном из православных сайтов, а затем и в печати появилось объемистое (74 страницы, тираж 5 000 экз.) «Заключение по содержанию, направленности и фактическому значению публикаций академика И. С. Кона», подписанное неизвестными мне профессорами: юристом М. Н. Кузнецовым, филологом В. Ю. Троицким и генетиком А. А. Прозоровым. (Позже я узнал из Википедии, что все трое известны радикальными выступлениями в духе ультрапатриотизма и православного фундаментализма.) В этом заключении утверждалось, что все работы означенного академика никакого отношения к науке не имеют, а сам он просто коммунистический пропагандист, «этнокультурный содомит» и враг всего, а не только прогрессивного, как сказали бы в советские времена, человечества: «В целом, публичную деятельность И. С. Кона, по существу, можно считать активно ведущейся информационно-психологической войной, преступной деятельностью, направленной против детей и молодежи, против традиционных духовных ценностей России, против общественной морали и важнейших социальных институтов в российском обществе»[21]. Эту брошюру мне купили за тридцать рублей в моем собственном институте, она продолжает тиражироваться на разных Интернет-сайтах.

На общем собрании РАО распространялась листовка «Их разыскивает милиция» с моим портретом как человека, который является руководителем подрывного проекта сексуального просвещения (читай: развращения) российских школьников и т. п. А после того как, поддержав введение законов, запрещающих производство и распространение детской порнографии, я одновременно высказался против повышения легального возраста согласия, считая, что это не повысит сексуальную безопасность подростков и будет способствовать росту коррупции правоохранительных органов, меня стали заодно называть педофилом или защитником педофилов (между прочим, так писала «Новая газета»). В общем, все по рассказу Марка Твена «Как я баллотировался в губернаторы».

Впрочем, я оказался в очень хорошем обществе. В опусе И. Медведевой и Т. Шишовой «Оргия гуманизма» (2004) к числу врагов народа причислен Нобелевский лауреат по физике

академик В. Л. Гинзбург, который выступает против клерикализации российского образования и вдобавок подписал «Гуманистический манифест 2000», созданный инициативной группой выдающихся людей мира, «полагающих, что подлинный гуманизм может быть развит только на научной основе, исключающей мистику и религию». Анафеме предается и бессменный ведущий телепередачи «Очевидное—невероятное» С. П. Капица, осмелившийся пригласить меня для обсуждения проблем сексуальной революции XX в. и поддержавший необходимость сексуального образования школьников, а также другие российские «подписанты», включая нескольких академиков и нобелевских лауреатов.

Когда меня спрашивают, почему я не реагирую на нападки, даже когда меня объявляют платным агентом ЦРУ, я отвечаю, что отношусь к ним по-французски, в духе известного анекдота:

– Какая разница между русским и французом?

– Француз никогда не скажет: «Понюхайте, как это воняет!»

Эти тексты могут быть любопытны с точки зрения истории болезни авторов, но нюхать их не стоит, а доносы, адресованные ФСБ, там и должны рассматриваться. Кроме того, я разделяю сформулированный Огюстом Контом принцип церебральной гигиены, который можно также передать словами А. С. Грибоедова: «Я глупостей не чтец, а пуще – образцовых».

Тем не менее угрозы и нападки показали мне, что, несмотря на сдвиг моих научных интересов, совсем бросать сексологическую проблематику не следует. Важным аспектом моей работы стал Интернет.

Я и мой компьютер

Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало.

Я никогда не любил технику. Подаренный мне в детстве конструктор сразу же обменял на книгу о животных. Когда у меня появились деньги, стал покупать проигрыватели и магнитофоны. Свой первый «Днепр» я купил для того, чтобы активизировать английский: вот запишу передачу Би-би-си, прокручу ее несколько раз и начну все понимать. Не понадобилось: стоило начать внимательно слушать, как все и без записи стало понятно. В Риме в 1968 г. на сэкономленные деньги купил дорогущий стерео «Грюндиг», но на нашем радио стереопрограмм не было. Через несколько дней к моим добрым знакомым приехал Александр Галич, я взял с собой «Грюндиг» и решил, что теперь у меня появится хорошая запись. Включил – ничего не пишет. Компания, состоявшая из таких же гуманитарных идиотов, помочь ничем не смогла. Расстроился. Все говорили, что западные магнитофоны работают безотказно, а тут с первого раза… И что теперь делать? В нашей мастерской его только раскурочат. Пришел мой старый друг, инженер Генин, посмотрел и сказал: «Ну и дураки вы все. Для записи с микрофона у него особая кнопка, тут все написано, а ты пытался писать, как с приемника». Кажется, этот «Грюндиг» у меня до сих пор где-то стоит.

Для научной работы тоже нужна техника, хотя бы пишущая машинка. В 1949 г. у меня появилась первая, откровенно дурацкая, рецензия в «Вопросах истории». В ожидании гонорара (я думал, будет рублей двести) мы с мамой обсуждали, что купить, очень нужно было одеяло. Перевод пришел на тысячу сто рублей, таких денег мы никогда в руках не держали. Мама сказала: «Бог с ним, с одеялом, купим пишущую машинку!» Мать моего друга Аполлона Тамара Александровна, которая сама печатала, присмотрела в комиссионке отличную трофейную «Эрику» (ту самую, которая берет четыре копии). Потом у меня было еще несколько машинок, но толком печатать так и не научился, даже по методике Шахиджаняна.

О персональном компьютере я впервые услышал от Джона Гэньона и его жены Кэти. Рассказ звучал, как волшебная сказка: машина, на которой можно писать на разных языках, все запоминает, текст можно стирать и менять местами, а когда напишешь статью или книгу – вставишь пачку бумаги, нажмешь

кнопку и через несколько часов получишь готовый текст. Стоит дорого, но можно списать с налогов. Джон и Кэти сначала купили одну машину, потом вторую, затем пришлось покупать третью, потому что дети на ней играют и с этим ничего не поделаешь. Я подумал, что что-то неладно с моим английским, но молодой человек, который был у Джона в Принстоне, подтвердил, что видел все это своими глазами. Впрочем, это происходило совсем в другом мире.

После переезда в Москву я столкнулся с тем, что такой замечательной машинистки, как Нина Давыдовна, здесь нет. Мои каракули никто не разбирает, машинописные работы становятся все дороже, а бумага – все дефицитнее. Раньше Академия наук печатала труды сотрудников за казенный счет, теперь с этим стало трудно. Я смеялся, что дефицит бумаги и машинисток скоро приведет к радикальному изменению советской культуры. Вместо того чтобы писать никому не нужные тексты, ученые будут докладывать их устно, кто не захочет, чтобы коллеги при этом засыпали, будет аккомпанировать себе на гитаре или еще на чем-то, в конце концов возникнет новый эпос и всеобщее благолепие.

Но проблема решилась иначе. В 1988 г., собираясь в свою первую поездку в США, я захватил с собой всю валюту, лежавшую на моем счете в Агентстве по авторским правам, а бывший «орленок» Марк Дубсон написал мне инструкцию, что именно я должен купить. Коллеги из Миннесотского университета помогли подобрать все необходимое, разумеется, это был самый простой PC 286. Но как перевезти громоздкие вещи? Сдать в багаж – будет перевес, да и как бы не украли по дороге. Ходили слухи, что компания «ПанАм», которой я летел, принимает такие вещи в качестве ручной клади. Миннесотские друзья-американцы сняли фабричную упаковку и обернули все в пленку с воздушными пузырьками. Размер и вес уменьшились, но и безопасность тоже. А тут еще по ТВ показали документальный фильм про талантливого американского юношу-математика, который разбился, катаясь на лыжах, повредил головной мозг, у него исчезла оперативная память, как бывает, если уронить компьютер: машина продолжает работать, но ничего не помнит. После этого мне стали регулярно сниться кошмары, как я привез в Москву сумасшедший компьютер за две с половиной тысячи долларов. Громоздкий монитор согласился взять с собой Михаил Мацковский, каким-то чудом умолил бортпроводниц разрешить взять его с собой в салон самолета и благополучно довез до Москвы. У меня это не получилось. До Нью-Йорка все кое-как довез. В аэропорту имени Кеннеди стояла дикая неразбериха. При

оформлении багажа взять в салон две большие и тяжелые сумки вроде бы разрешили, но перед самой посадкой в самолет американцы наши пакеты (все пассажиры везли проигрыватели и видеомагнитофоны) отобрали и сложили в большой контейнер, заверив, что повезут в кабине и ничто не пострадает.

– А что будет в Шереметьеве?

– Получите свои вещи прямо у трапа.

Ничего похожего, конечно, не было, все пошло в общий багаж. В ожидании своего багажа я с ужасом смотрел, как грузчики специально бросали на хрупкие плохо упакованные видики тяжелые кованые сундуки. Мой багаж не был раскурочен, но пока Марик его не опробовал, я был уверен, что привез с собой металлолом. Однако все обошлось. Марик поставил мне «Лексикон» и научил с ним работать. Разумеется, у меня ничего не получалось. Марик, вообще-то, крутой и резкий парень, моя мама называла его «ураганом», я не успевал даже уследить за его руками. Но он проявил ангельское терпение. Он работал в трех конторах, но когда я ему звонил, он терпеливо объяснял, что надо нажимать (больше одной команды я запомнить не мог), а если что-то не получалось – вечером приезжал и все налаживал. И при этом ни разу не сказал не то что грубого, но хотя бы неласкового слова (если бы сказал, я никогда не попросил бы вторично). С его помощью я перебирался от программы к программе, дойдя до современного «Ворда».

Когда Марк эмигрировал в Канаду, мне стал помогать Валерий Червяков. По его подсказке я купил себе в Лос-Анджелесе новый ноутбук. Вначале ничего, естественно, не получалось, Валерий писал: «Ну что вы расстраиваетесь? Ну не любит вас эта железяка, так ведь это взаимно! А работать мы ее все равно заставим!»

Кстати, я с тех не люблю Билла Гейтса. Всюду говорилось, что его программы user friendly, но едва я включил новенький ноутбук, как он мне заявил, что произошла «фатальная ошибка». Что значит «фатальная»? Все кончено, надо покупать новый компьютер? Ничего подобного, после перезагрузки работает как миленький. Кроме фатальных ошибок, каждые несколько минут он мне сообщал, что я совершил «незаконное действие», как будто я пытался ограбить банк. Как можно так обращаться с потребителем?! Какой уж тут fool proof…

А бесконечные недоделанные программы… Делаешь все правильно, по инструкции, а потом эта адская машина тебе говорит: теперь нажмите вот это, вероятно, у вас ничего не получится, тогда позвоните по такому-то телефону и вам пришлют программу № X. Оказывается, они сами знают, что

программа недоделана. А каково мне объясняться по телефону с автоматом или техником, если я этих аббревиатур не то что по-английски, но и по-русски не могу произнести?

Если бы Билл Гейтс оплатил мне моральный ущерб, я мог бы безбедно прожить еще восемьдесят лет. Или хотя бы подарил, в порядке благотворительности, набор лицензированных программ…

К счастью, мне помогала канадская профессорша Холли Девор, которая жила этажом выше. Затем появился выпускник нашего Физтеха, блестящий молодой физик, аспирант Калифорнийского политехнического института Митя Коссаковский. Собственно, меня нашла по Интернету его жена Ольга, по образованию психолог, а потом привезла ко мне в гости мужа с маленьким сыном Федей. Мы с ними всерьез подружились, Митя либо привозил меня к себе в Пасадину, либо приезжал сам и разбирался в моей «Тошибе». Должен сказать, что у американцев, при всем их дружелюбии, такой взаимовыручки не бывает. В общем-то, в ней и нет нужды, все делают специалисты, но как быть, если ты бедный, безлошадный и в придачу глупый?

С тех пор я сменил не один компьютер, но особой любви к нему не испытываю, мне все время кажется, что он мне говорит, что я дурак, любой мальчишка справляется с ним лучше. Тем не менее обойтись без него я уже не могу. Впрочем, сравнивая себя со своими российскими ровесниками, я вижу, что я не так уж плох и даже ого-го какой!

После того как Червяков уехал в Нью-Йорк, мне стал помогать внук моих старых друзей Артемий Пушкарев. Первый раз я попросил его в чем-то помочь, когда ему было двенадцать лет. Он тогда сказал, что это для него слишком сложно, и я сразу его зауважал: двенадцатилетние мальчики обычно все легко разбирают, только потом у часов остаются какие-то лишние детали. В дальнейшем Тема стал настоящим гением по компьютерной части. Теперь он вырос и занят своими делами, но мир не без добрых людей. Вообще-то, компьютер – единственная вещь, с которой я не могу справиться без посторонней помощи, все остальное научился делать сам.

В августе 1998 г. по просьбе доктора Сергея Ивановича Фомичева я даже открыл собственный вебсайт – *http://www.neuro.net.ru/sexology* или *http://sexology.narod.ru*, который вскоре стал одним из самых посещаемых сайтов российского научного Интернета. Без всякой рекламы, спонсоров и раскрутки за девять лет сайт имел свыше 1 300 000 посещений (хитов) и свыше полумиллиона посетителей. Ежедневно его посещают 500–

600 человек. По сравнению с карликовыми тиражами научных журналов, это немало. Здесь размещены все мои новые статьи, частично – и книги, периодически дается информация о новых зарубежных публикациях, заметки о книгах и событиях и т. д. К сожалению, кто и зачем посещает мой сайт, я не знаю. Сначала были даже вопросы и ответы, но этот раздел пришлось закрыть, потому что люди, особенно подростки, стали использовать его как сексологическую консультацию, что мне не по силам, да и не по специальности.

Лишняя бесплатная работа мне, конечно, не нужна. Но сегодня в России научные книги и журналы читают преимущественно люди старших возрастов, для молодежи единственным источником информации является Интернет. Мне это объяснили подростки. Когда какой-то шестнадцатилетний мальчик задал вопрос и я ответил, что проще купить книгу, он мне написал, что это не так: «Моя мама и бабушка постоянно роются в моем письменном столе, если они найдут книгу по сексологии – будут неприятности, а Интернет они контролировать не могут». И другой его ровесник тут же подтвердил эти слова. Пришлось с ними согласиться. В любом цивилизованном обществе для подростков есть специальные сайты, где на любые их вопросы серьезно отвечают специалисты, но в России ничего похожего нет. На сайтах большинства людей, называющих себе сексологами или сексопатологами, нет ничего, кроме рекламы оказываемых ими платных услуг, порой весьма сомнительного качества.

Электронная почта и Интернет помогли мне не просто понять, но почувствовать, как изменился мир. Несколько лет назад прислал отчаянное письмо восемнадцатилетний студент из Киева. Он влюбился в девушку старше себя, она его сначала приветила, а потом сказала, что не может с ним сблизиться, потому что ее грубо изнасиловали и теперь секс вызывает у нее отвращение. Кто и как может ей помочь? Особого доверия рассказ девушки у меня не вызвал, но чувства мальчика были подлинными. В прошлой жизни я знал всех ведущих украинских сексологов, но с тех пор телефоны изменились, это другая страна, что я могу сделать? Написал в Харьковский центр гендерных исследований, нашел киевские телефоны, переслал их рыжему мальчику (что он рыжий и в детстве из-за этого сильно страдал, выяснилось из переписки). Тем временем его девушка исчезла, потом появилась снова, оказалось, что изнасилования не было, но юноше было трудно, о таких вещах ни ребятам, ни маме не расскажешь, а выговориться нужно. В общем, переписка шла почти год, пока у парня все не наладилось.

Совсем другого типа SOS был из Барнаула: «Я еще очень молод, поэтому практически ничего не знаю… Дело в том, что я очень сильно хочу решить свою проблему. Я хочу, чтобы у меня была красивая, здоровая, умная жена, обязательно дети и долгая счастливая жизнь, а не беспорядочные гомосексуальные связи, редкие сожители и полное отсутствие перспектив… Я хочу избавиться от возбуждения, которое во мне вызывают лица мужского пола, и добиться стабильной или, вообще, любой, эрекции в интимных контактах с девушками, в общем, поменять ориентацию на правильную… Я на данный момент возбуждаюсь исключительно от мужских фотографий, гей-рассказов и т. д. В моих фантазиях также присутствуют лишь мужчины… Напишите подробнее, к какому врачу нужно пойти и в какое учреждение (центр СПИД, местную поликлинику, частному специалисту). Для меня важна полная конфиденциальность (будут ли пометки о лечении в моей медицинской карте), а также цена, я не смогу собрать больше 500–1000 рублей в месяц (я студент)…»

Заочно обсуждать с перепуганным мальчиком его сексуальную ориентацию бессмысленно, все специалисты, которым он писал, сказали, что ничем помочь не могут, но в таком состоянии парень может наделать глупостей. Я вспомнил, что Сергей Ушакин родом из Барнаула, и спросил, не может ли он найти там приличного психолога, который не был бы ни геем, ни гомофобом, а просто и, по возможности, бесплатно помог парню снять напряжение и разобраться в себе спокойно. Через некоторое время Ушакин прислал мне нужный телефон, я переслал его своему корреспонденту, но тот не ответил. Что делать – помочь не всегда удается. Важно другое: у человека возникла проблема в Барнауле, он может написать в Москву и оттуда через Нью-Йорк ему находят желанный местный адрес… В мое время это было невозможно.

К сожалению, сделать свой сайт интерактивным я не могу, он служит только информационным целям, кто и зачем его посещает – мне неизвестно. Насколько я могу судить, никто из моих именитых и популярных зарубежных коллег бесплатным сексуальным просвещением в Интернете не занимается, этого не позволяет закон стоимости.

Пишу я не только о сексуальности. Когда в Совете Федерации раздались голоса за возвращение РПЦ церковных земель, я горячо поддержал эту инициативу, предложив заодно восстановить крепостное право, чтобы обремененные земельной собственностью монахи и священники имели все-таки время для спасения душ (01.08.2002):

Вперед, к феодализму!

Говорят, что Совет Федерации готов вернуть Церкви конфискованные у нее в 1917 г. земли. Правда, не все 3 миллиона га, а только их часть.

Я горячо приветствую это предложение, но нужно идти до конца. Земли должны быть возвращены полностью, причем не только РПЦ, но и всем бывшим помещикам. Чем дворянство хуже духовенства?

Что же касается Церкви, то тут вопросов вообще нет. РПЦ не только сохранит возвращенные земли от иностранцев и инородцев, но и сумеет извлечь из них максимальную прибыль. Помните, как хорошо она использовала для богоугодных целей доходы от беспошлинной торговли табаком и водкой? Ну, а если что-то прилипнет к рукам иерархов, то кто из нас без греха? Это ведь только Иисус Христос презирал богатство и изгонял из храма ростовщиков. За что его и распяли.

Но необходимо еще одно дополнение. Монахи и священники, при всем желании, не смогут своими руками обработать полученные земли, они должны заниматься спасением душ. Поэтому вместе с реституцией земли нужно восстановить и крепостное право. Ведь при нем было так хорошо! Крестьяне не зависели от изменчивой рыночной конъюнктуры, не бежали в безнравственные города, не бросали на произвол судьбы детей, а о планировании семьи и женском равноправии никто даже не слышал. Все материальные и духовные нужды крепостных удовлетворяли помещики. А какая была дисциплина! Телесные наказания – лучшее средство спасения души. Если с чем не справлялись помещик с урядником, на помощь им приходила сельская община. Сплошная соборность! Работали, правда, плохо, но разве потом стало лучше? Недаром мы все так ненавидим кулаков-мироедов.

Все неприятности России пошли именно с отмены крепостного права. Эта роковая ошибка сблизила Россию с растленным Западом и присущими ему пороками. Иногда мне даже кажется, что убийство Александра II, хотя я осуждаю всякий террор, было актом исторической справедливости. Недаром же Царя-освободителя до сих пор не причислили к лику святых. Или я ошибаюсь?

В общем, господа законодатели, не ограничивайтесь полумерами. Полный назад!

Я часто весьма нелицеприятно высказывался о сексуальной политике Джорджа Буша. Так, запоздалое знакомство с прозой Вуди Аллена (я думал, что он только режиссер и актер) вызвало такие ассоциации (11.11.2003):

Вуди Аллен о Джордже Буше-младшем

Объясняя подписанный им закон, запрещающий аборты, даже если роды угрожают жизни матери, президент Буш сказал, что в данном случае он действует по прямому поручению Бога.

Вот как интерпретирует аналогичный случай Вуди Аллен[22]:

«И проснулся Авраам среди ночи и обратился к сыну своему, единственному своему, Исааку, говоря:

– Был мне во сне голос Господа нашего, который сказал, что я должен принести во всесожжение сына своего единственного, так что надевай штаны и пошли.

И задрожал Исаак и спросил:

– А что ты ответил, отец?

– А что я мог ответить? – сказал Авраам. – Два часа ночи, я стою в одних кальсонах перед творцом неба и земли и всего, что на них. Я что, буду спорить?

– Хорошо, но он хоть объяснил, зачем надо мной жертвовать? – спросил Исаак отца своего, но Авраам оборвал его, говоря:

– Кто верит, не спрашивает. Всё, сынок, пошли скорей, у меня завтра тяжелый день.

И Сарра, слышав их разговор, расстроилась и говорила мужу, и сказала:

– Как тебе знать, был ли то истинно Господь, Бог наш, а не просто шутник, который хотел разыграть тебя? <…>

И отвечал Авраам жене своей Сарре:

– Я знаю, что со мной говорил Он. Это был глубокий, хорошо поставленный голос с сильной реверберацией. Кто еще станет так шуметь по ночам в пустыне? <…>

И привел Авраам Исаака на место, и развел костер всесожжения, и приготовился принести сына своего в

жертву, но в последнее мгновенье остановил Всевышний руку его и сказал Аврааму, говоря:

– Что ты делаешь, Авраам? Как тебе не стыдно?

И отвечал Ему Авраам:

– Но Ты же сам сказал, Господи…

– Какая разница, что я сказал? Ты что, веришь всякой ерунде, которую тебе скажут во сне?

И устыдился Авраам, и отвечал:

– Ну… вообще-то нет.

– Я просто посмеялся, – сказал Господь, – я в шутку предложил тебе пожертвовать Исааком, а ты сразу бежишь разводить огонь.

И упал Авраам на колени и сказал:

– Боже мой, откуда мне знать, когда Ты шутишь!

И возгремел Господь:

– Поразительно! Никакого чувства юмора!

– Но разве не говорит это, Господи, о моей любви к Тебе, что я готов принести в жертву сына, единственного моего, по единому капризу Твоему?

И отвечал ему Господь:

– Это говорит о том, что есть на свете люди, которые готовы исполнить самое идиотское приказание, если оно произнесено хорошо поставленным голосом с сильной реверберацией».

Бойтесь людей, лишенных чувства юмора, особенно, если они говорят от имени Бога! Тем более что в жертву они, как правило, приносят не своих, а чужих детей.

Российского друга и коллегу Буша я пространно процитировал, с кратким комментарием, лишь однажды (26.09.2006):

В. В. Путин о прошлом России

На официальном веб-портале Президента России опубликована стенограмма его беседы с участниками Третьей встречи Валдайского дискуссионного клуба (Ново-Огарево, 9 сентября 2006 г.), в которой есть и суждения исторического характера:

«Россия была всегда очень патриархальной страной, очень религиозной страной. Моя семья по линии отца жила недалеко от Москвы, это километров 120, по-моему, 130 от Москвы. И здесь коллеги архивы подняли,

посмотрели, проследили историю этой семьи с 1680 года, по-моему, где-то конец XVII века. Знаете, как они все это вычислили? По записям в церковных книгах, в основном по исповедальным записям так называемым. Когда люди приходят на исповедь каждую неделю.

Представляете, семья жила более 300 лет в одной деревне и каждую неделю ходила в церковь. Я как-то никогда даже над этим не задумывался раньше, насколько малоподвижным, но стабильным было общество в те времена вообще, и в России в частности. 300 лет в одной деревне и ходили в одну церковь.

Более того, вы знаете, что интересно для меня самого было. Записи в этих исповедальных листах. Там священник от руки составлял такой график, и прямо от руки написано, кто был на исповеди, и дальше перечисляет пофамильно. Дальше – кто отсутствовал на исповеди (в официальной английской стенограмме после этих слов написано: «Смех». – *И. К.*). Честное слово, да, вот удивительно. Но не это меня поразило, а следующая запись: «Причины отсутствия на исповеди» (в официальной английской стенограмме после этих слов написано: «Смех». – *И. К.*). Представляете? Удивительно просто.

И что такое исповедь, особенно для крестьянина в те времена? Надо было прийти и в конце недели священнику покаяться, честно ему рассказать, что ты натворил, какие грехи совершил. Так что за неделю, прежде чем совершить, надо подумать десять раз, потому что в воскресенье пойдешь, и священнику надо доложить об этом. Притом общество маленькое все-таки. Все в одной деревне, все друг друга знают.

Церковь всегда играла в России огромную роль. Она была государствообразующим институтом. Это была такая и моральная школа, и в известной степени даже административный фактор был существенным.

И поэтому я считаю, что мы в большом долгу, во всяком случае, перед нашими традиционными конфессиями, прежде всего перед ними. Большой урон был нанесен со стороны государства церкви вообще, и православной церкви, и иудаизму, и мусульманам, и сегодня еще это не восполнено. Я убежден, что государство должно поддерживать церковь.

Вместе с тем у нас светское государство, и оно будет таким оставаться. Государство отделено у нас от церкви,

а церковь от государства. И мы, конечно же, не собираемся менять такое положение. Мы считаем, что свобода вероисповедания – это одна из фундаментальных свобод, которая должна быть неуклонно гарантирована государством. Вот над этим мы будем трудиться».

В. Путину нравится патриархальная стабильность феодальной Руси. Но основой этой стабильности было крепостное право. До 1861 г. крестьянин, при всем желании, не мог уйти из родной деревни, и даже еженедельная исповедь для него не была добровольной. Так ли уж это хорошо? И возможно ли сочетание современных быстро меняющихся технологий и высокого ритма жизни с идеологией и формами социального контроля века XVI? Недаром кремлевские администраторы вычеркнули из русского текста стенограммы непосредственную эмоциональную реакцию – «смех!» – иностранных собеседников Путина.

Что же касается «административных» и «государствообразующих» функций церкви, то они явно противоречат конституционным принципам свободы совести (это понятие значительно шире свободы вероисповедания) и отделения церкви от государства и школы от церкви, которые в современной России часто нарушаются.

Не мог я обойти молчанием и некоторые думские задумки. В ответ на серию антипорнографических законопроектов, я предложил свой собственный, более радикальный вариант закона (20.05.2002):

Закон о защите нравственности и о запрещении секса

Преамбула

Вдохновленный законодательной инициативой депутатов Горячевой, Райкова, Митрофанова и иже с ними, я хочу продолжить их дело, предложив более радикальный и всеобъемлющий законопроект, опирающийся на древние народные традиции.

Текст законопроекта

Статья 1. Запретить гражданам России какую бы то ни было сексуальную активность иначе как в законном

браке, ради деторождения и только в предусмотренных настоящим законом формах.

Статья 2. Для осуществления этой цели, а также для защиты детей обязать всех россиян обоего пола до 18-летнего возраста постоянно носить специальные пояса добродетели (рисунок американского образца прилагается). Ответственность за соблюдение этой нормы возлагается на родителей и воспитателей.

Статья 3. Лица, достигшие 18-летнего возраста, могут обходиться без пояса добродетели, но только после вступления в законный брак. Поскольку женское целомудрие важнее, чем мужское, муж, уезжая в командировку, имеет право запирать пояс своей супруги на замок и увозить ключ с собой.

Статья 4. Нарушительниц супружеской верности подвергать публичной порке или, вымазав дегтем и вываляв в пуху и перьях, торжественно водить по улицам.

Прим. 1. Чтобы не нарушать правил целомудрия, в соответствии с древними народными обычаями, половые органы наказываемых должны быть при этом обязательно прикрыты.

Статья 5. Все формы сексуальной активности, от которых не рождаются дети (мастурбация, анальный и оральный секс и т. д.), равно как и однополая любовь, безусловно запрещаются. Виновные в нарушении этого запрета наказываются публичной поркой и тюремным заключением от 1 до 5 лет, а в случае повторного преступления – кастрацией.

Статья 6. Чтобы не вызывать у россиян полового возбуждения или его удовлетворения, признать человеческое тело как таковое порнографическим и запретить его обнажение не только публично, но и наедине с самим собой.

Прим. 1. Убрать зеркала в банях и ванных комнатах. Мыться люди обязаны впредь в нижнем белье. Бани, где это правило нарушается, подлежат закрытию.

Статья 7. В средствах массовой информации и в искусстве разрешается изображать и показывать человека только так, как это делалось на старинных иконах. Поскольку перечислять все запретные части тела слишком долго, перечислим то, что разрешено. У женских образов может быть открыто лицо, ступни и кисти рук. У мужчин ноги могут быть открыты до колен,

а руки – по локоть. Все лица должны быть строгими, без смеха и улыбок.

Прим. 1. В субъектах федерации с преобладающим мусульманским населением местные власти имеют право запретить женщинам появляться вне дома с открытыми лицами, а художникам – вообще изображать человеческие лица.

Прим. 2. Безнравственные произведения прошлых эпох (античные статуи, мадонны эпохи Возрождения, «Давид» Микеланджело, картины А. Иванова и К. Петрова-Водкина, садово-парковая скульптура, Аполлон на фронтоне Большого театра и т. п.) должны быть либо уничтожены, по примеру афганских талибов, либо помещены в отделы специального хранения, посещать которые могут только депутаты Государственной Думы, по специальному разрешению благочинного, заверенному вице-спикером и домуправом.

Статья 8. Запретить россиянам говорить о проблемах пола и сексуальности на любом языке, кроме исконного – матерного. Нарушение этого запрета приравнять к оскорблению государственного гимна и иных национальных святынь.

Бюджетные расходы по внедрению и осуществлению законопроекта

Подобно законопроектам Горячевой, Райкова и Митрофанова, принятие и реализация данного Закона, который подымет нравственный уровень нашего народа на недосягаемый уровень, не потребует ни копейки бюджетных денег. Более того. Благодаря этому Закону в стране полностью и навсегда исчезнет безработица. После принятия наших законов весь народ разделится на две части: молодые и сексуально активные будут сидеть в тюрьме, а остальные будут их сторожить. Кроме того, понадобится огромное количество следователей и дознавателей – вот уж кому будет на Руси жить хорошо! Впрочем, многие займутся этим на общественных началах. Если же работать станет вовсе некому и некогда, можно открыть свободный доступ в страну инородцам. Поскольку инородцы, особенно «черные», как и представители сексуальных меньшинств, – «нелюди», закон о защите нравственности на них не распространяется. Были бы сыты законодатели и правоохранители, а смерды всегда найдутся.

В отличие от законодателей, приглашающих на парламентские чтения преимущественно своих друзей и единомышленников, я помещаю свой законопроект для всенародного обсуждения в Интернете и разрешаю размножать его всем желающим.

Приложение. Фотография американских антимастурбационных приспособлений XIX в. для мальчиков. Поскольку авторские права на них утратили юридическую силу, их можно запатентовать и внедрить в производство немедленно. Для женщин есть отличные средневековые образцы. Их производство будет мощным стимулом для отечественных товаропроизводителей. Никакой иностранной конкуренции нет и не предвидится. Американцы сдохнут от зависти.

На «антиспидовскую» компанию Мосгордумы я откликнулся заметкой:

Не опоздайте на тот свет

Слышал, что в Москве появились плакаты «Безопасного секса не бывает!».

Советую расширить тематику наглядной агитации: «Чистого воздуха, воды и здоровой пищи не бывает! Единственное безопасное место – могила!»

Потом я долго тщетно искал европейскую страну, которая бы, как уверила своих коллег Л. В. Стебенкова, отказалась от идеи безопасного секса в пользу полового воздержания до брака. Написал заметки о состоянии дел в Германии и в Швеции и о том, как оценивают бушевскую политику сами американцы, а французский опыт изучил на месте, в Париже, о чем опубликовал большую статью на Полит. ру. Это не помешало госпоже Стебенковой, когда мы с ней пересеклись в программе Владимира Познера «Времена», утверждать, что французские показатели по ВИЧ значительно хуже российских. Что тут поделаешь? Давно известно, что Россия – родина слонов, а также наглых обезьян и прожорливых крокодилов. Если на клетке слона написано: «Буйвол», не верь глазам своим. А ушам – тем более.

Полемикой на своем сайте я не занимаюсь. Просто сообщаю информацию о том, что считаю интересным и заслуживающим доверия. Нужно это кому-то или нет – не моя забота.

Компьютер остается для меня пишущей машинкой повышенного уровня, многих других его возможностей я использовать не могу, а Интернет – источником библиографической информации. Ни чатов, ни форумов я не посещаю, виртуальный секс предпочитаю изучать из вторых рук. Тем не менее я сделал большие успехи. Сначала, стоило мне, в любом сочетании, набрать слово sex, как выскакивали порнографические рисунки, единственным средством остановить их поток была перезагрузка компьютера. Теперь я научился ставить более точные вопросы. Когда писал книгу о мужском теле, открыл для себя бесценные искусствоведческие сайты и музейные серверы.

При возникновении специальных биомедицинских вопросов, в которых я дилетант, очень помогает закрытый сексологический нетворк sexnet. Когда появилась «Виагра», российские СМИ устами нескольких профессоров-медиков захлебывались от восторга насчет того, как она поможет женщинам. Когда кто-то спросил об этом меня, я запросил двух крупнейших в мире сексофармакологов и получил ответ: «Не обращайте внимания ни на какие сенсации, подождите, когда проверку препарата закончит “Пфайзер”». Еще через два или три года ответ был дан: потратив на исследования десятки миллионов долларов, «Пфайзер» эту работу прекратил как бесперспективную. В своих статьях и книгах я объясняю, почему это случилось.

Читатель, который не поленится заглянуть в библиографию моей последней книги о мужчинах, удивится ее свежести, последние цитируемые статьи датированы ноябрем 2007 г. Как такое возможно? Это объяснено в предисловии:

«Искать новые иностранные книги и журналы в российских библиотеках практически бесполезно, у них ни на что нет денег, но в вашем распоряжении есть Интернет. Наберите интересующую вас проблему (лучше по-английски) или название нужного журнала, и Google.com охотно покажет вам оглавление и краткие резюме статей. Правда, за полный текст статьи журнал спросит 30–35 долларов, которых у нас с вами нет, – говорю это с уверенностью, потому что в России умные люди, у которых деньги есть, наукой не занимаются и книг, подобных этой, не читают. Но это не так страшно. Наберите в том же Гугле имя и фамилию автора или точное название статьи, и почти наверняка, хотя и не без труда, вы узнаете его электронный адрес, после чего останется только попросить его прислать вам свой бесценный труд. В восьми случаях из десяти ответ будет положительным (один автор из двадцати, подобно большинству наших соотечественников, на письма не отвечает, некоторые присылают

файлы, которые невозможно открыть, а иногда электронные письма, как и обычные, почему-то пропадают), и в статье вы найдете дополнительную библиографию».

Возможно, есть более совершенные методы поиска, но я старый человек и их не знаю, а многие молодые авторы предпочитают скачивать чужие сноски.

Разумеется, я понимаю, что в России нет спроса на науку, и давно уже считаю себя просто графоманом. Компьютер – мой главный собеседник. И каждый морнинг друг единственный в моем дисплее отражен…

Но что еще можно делать в восемьдесят лет, если твоя работа социально не востребована, а отдыхать и развлекаться ты не научился?

Жизнь, как и секс, это игра, в которой нужно получать удовольствие не столько от результата, сколько от процесса.

Часть вторая
Темы и проблемы

Истмат и философия истории

– А по-моему, нам надо взять правее, – тревожно сказал Пятачок. – А ты что думаешь, Пух?

Пух посмотрел на свои передние лапки. Он знал, что одна из них была правая; знал он, кроме того, что если он решит, какая из них правая, то остальная будет левая. Но он никак не мог вспомнить, с чего надо начинать.

Ален Александер Милн

Первой публикацией, принесшей мне всесоюзную профессиональную известность, стала статья «Наука как форма общественного сознания» (1951). Начало 1950-х было страшным временем. Никакой свободы мысли и в помине не было, оригинальные мысли мог высказывать только Сталин, даже комментировать их было опасно. Книга «Марксизм и вопросы языкознания» поставила много новых вопросов, которые по сути были схоластическими, но тогда казались очень серьезными. Одним из них был вопрос, можно ли считать надстройкой науку. Если бы я работал в Ленинграде, то прислушался бы к мнению старших и не стал влезать в рискованный спор, но в Вологде спорить было не с кем, и я нахально послал свою статью прямо в журнал «Коммунист». Статья была стопроцентно догматической (главным аргументом было толкование сталинских цитат), но одновременно – невероятно смелой, в ней утверждалась – подумать только! – ненадстроечность, неклассовость и беспартийность естественных (хотя, конечно, не общественных) наук. Для ученых-естественников, которых регулярно подвергали идеологическим проработкам, это был подарок.

Очень скоро пришел ответ: статья интересная, «написана с правильных позиций», но так как «Коммунист» уже заказал и получил статью на эту тему, мне рекомендуют связаться с «Вопросами философии», а если повернуть тему в сторону исторической науки – с «Вопросами истории». Вскоре обе редакции сами со мной связались. Такая забота о молодом человеке была не совсем бескорыстной. Как я потом узнал, в Москве одновременно оказались две статьи, написанные с близких теоретических позиций, – двух ведущих истматчиков

страны Ф. В. Константинова и М. Д. Каммари и моя. При нормальных условиях преимущество, конечно, получили бы старшие товарищи, но они не хотели рисковать – мало ли что скажет Сталин? – и пропустили вперед, в качестве кошки, юного беспартийного вологодского философа. Так что моя статья в «Вопросах философии», напечатанная в порядке обсуждения, вышла года на полтора раньше, чем статья Константинова и Каммари в «Коммунисте». Никакой дискуссии по ней, разумеется, не было, хотя мне показали в редакции две огромные папки откликов, часть которых была выдержана в классическом жанре политического доноса. Впрочем, других форм полемики в то время не знали, от личных качеств авторов это не зависело. Если все должно быть единственно правильным, марксистско-ленинским, то одна из двух точек зрения обязательно будет не только ошибочной, но и вредной. Естественно, каждый предпочитал, чтобы в этом положении оказался его оппонент. Поскольку из ЦК замечаний не последовало, моя точка зрения стала как бы официальной, а сам я – известным автором (в те годы философией обязаны были интересоваться все).

Параллельно началось мое сотрудничество в «Вопросах истории». Вкус к теоретическим проблемам у советских историков прочно отбили еще в 1930-е годы. В 1950-х годах, чтобы уяснить «для себя», как мы дошли до жизни такой, я просидел несколько недель в спецхране журнального зала Публичной библиотеки и просмотрел комплект журналов «Под знаменем марксизма» и «Пролетарская революция» 1920-х – 1930-х годов. Поскольку позже я к этим сюжетам не возвращался, память сохранила мои тогдашние впечатления. Они таковы.

Сначала по всем теоретическим вопросам шли дискуссии, они были интересными, но жестко идеологическими. Их участники клеймили друг друга последними словами. Больше всего попадало тем, кого считали не марксистами, а «попутчиками», буржуазными спецами, которых советская власть унаследовала от прошлого. Спецы слабо отбивались, иногда каялись, но серьезными противниками их не считали, главная полемика шла между разными «марксистами», только они могли претендовать на власть и влияние. Постепенно их взаимная критика становилась все более жесткой, напоминая скорее политический донос. Видимо, это пригодилось и ГПУ. В 1930-х годах почти все «теоретики», независимо от полярности их взглядов, исчезают, а дискуссии автоматически свертываются. Всем все становится ясно.

Из философской литературы на меня самое сильное впечатление произвел последний доклад А. М. Деборина, когда

он еще пытался защищаться. Кажется, это было в 1929 году. Он как в воду глядел, говоря, что «большевизировать» философию марксизма невозможно, что это приведет к вырождению теории и замене ее простым комментированием партийных решений и т. п. В 1950-е годы было ясно, что именно так все и случилось.

В исторической науке происходило чуточку иначе. После того как «марксисты» друг друга истребили, на авансцене оказались презренные «буржуазные попутчики», которые, худо ли, хорошо ли, собирали и описывали факты, но всякой новой теории справедливо опасались. Нас учили именно по их учебникам, а ревизионизмом стало покушение на их традиции. Вероятно, в разных отделах истории дело обстояло неодинаково, но о серьезном движении мысли речи просто быть не могло. В 1950-х теоретические споры пытались возродить, но на сугубо догматической базе комментирования общих положений истмата. Именно сюда меня и занесло.

Жанр своих тогдашних статей и брошюр о «законах истории» я сегодня определил бы как творческую схоластику. «Творческую» – потому что обсуждались действительно серьезные и отчасти новые проблемы, а «схоластику» – потому что в этих спорах и дискуссиях не учитывалась специфика реального исторического познания. По правде говоря, многие конкретные исторические исследования того периода интеллектуально были ничуть не лучше, но там отсутствие мысли пряталось за обилием фактов, а в теоретических статьях вульгарность и цитатничество выступали во всей своей неприглядной наготе. Перечитывать их сегодня невозможно, хотя какая-то мысль там гнездилась.

По мнению И. С. Филиппова, тщательно проанализировавшего дискуссию 1954 г. в «Вопросах истории», «И. С. Кон, похоже, вообще использовал дискуссию для того, чтобы выступить в печати с тезисом о способности господствующего класса использовать, в известных пределах, знание экономических законов в своих интересах, например при капитализме – для регулирования экономики и снижения социальной напряженности. Эта мысль была встречена с осуждением как крамольная, допускающая смягчение противоречий в классовом обществе»[23]. Насколько помню, я действительно имел в виду рузвельтовский New Deal, но никакого отношения к реальности все эти споры не имели. Повзрослев, я о них просто забыл.

Кроме истмата, меня занимала этика, недаром же я писал о Чернышевском. В 1950-е годы советская этика только начинала освобождаться из-под власти вульгарного социологизма предшествующих лет, собственного категориального аппарата в

ней практически не было. Поэтому моя статья о проблеме долга (1954) привлекла внимание не только у нас, но и во Франции. То, что на самом деле мои мысли примитивны, я понял лишь после знакомства с Олегом Григорьевичем Дробницким (1933–1973).

Началось оно весьма необычно. Я написал для «Философской энциклопедии» статью «Долг», и вдруг получаю на нее отрицательный, по сути, отзыв, по объему втрое больше самой статьи. Было понятно, что писал его очень молодой человек и что реализовать его пожелания в данном объеме статьи невозможно. Но меня поразил профессиональный уровень отзыва – стало ясно, что в стране появился некто, кто мог бы написать данную статью гораздо лучше, чем я. Именно это я и предложил сделать, без всякой обиды, философской редакции БСЭ. Однако редактор В. П. Шестаков перезаказывать статью категорически отказался, сказав, что только что окончивший МГУ и работающий корректором в «Лесной газете» молодой человек (отзыв на мою статью был его первой пробой пера в «Философской энциклопедии») с подобной задачей не справится. Будучи в Москве, я встретился с Олегом, мы с ним подружились и решили написать статью совместно. Несмотря на значительное увеличение объема статьи и появление у нас третьего соавтора, реализовать первоначальные пожелания Олега так и не удалось, но в его лице в нашу этику наконец-то пришел не моралист, а настоящий философ, и притом – порядочный человек.

В это время в Институте философии Е. Д. Модржинская как раз формировала сектор критики буржуазной философии, и я рекомендовал ей Дробницкого. Он опасался, что плохо знает английский, но я сказал ему, что это дело наживное. Скоро он стал ведущим в стране философом в области этики. В 1960-х годах он подготовил «Краткий словарь по этике». Из-за молодости и недостаточной «чиновности» Дробницкого утвердить его ответственным редактором Политиздат не мог, а сотрудничество с московскими этиками было невозможно. Чтобы укрепить позиции Дробницкого, меня попросили быть его соредактором, хотя ключевой фигурой был, конечно, Олег. Мы с ним выпустили три издания словаря, сыгравшего важную роль не только в популяризации, но и в прояснении внутренней логики этики как философской науки. После трагической гибели Олега в авиационной катастрофе мне пришлось взять ответственность на себя. В 1981 г. вышло 4-е, дополненное и переработанное издание словаря, но радикально менять его текст, несмотря на назревшую необходимость, Политиздат не хотел.

Это удалось сделать лишь в 6-м издании (1987) благодаря выдающемуся философу А. А. Гусейнову и созданной им научной

школе. Мой же интерес к этике остается прикладным и потребительским и касается преимущественно социальных аспектов сексуальной морали.

Занятия философией истории побудили меня обратиться к чтению иностранной литературы. После кампании против космополитизма (1949) этим мало кто занимался. Когда в начале 1950-х годов я поинтересовался в Публичной библиотеке иностранными философскими и социологическими журналами, они все лежали неразрезанными, а старые библиотекари приходили посмотреть на меня, как на редкую птицу, – философ, читающий иностранные журналы!

Плохое знание иностранных языков, которые я изучал в основном самостоятельно, а потом наращивал знания в процессе работы, было не единственной трудностью. Не имея, как и почти все мои сверстники, сколько-нибудь приличной историко-философской подготовки, я просиживал бесконечные часы в ленинградских и московских спецхранах, читая Дильтея, Кроче, Зиммеля и других классиков западной философии и историографии. Вследствие своей дремучей темноты долгое время я совершенно честно не воспринимал в этих книгах ничего, кроме отдельных положений, противоречащих марксизму-ленинизму и, следовательно, заведомо ложных. Но постепенно мои глаза стали раскрываться, появились недоуменные вопросы, а затем и зачатки собственной мысли. Однако все это было крайне незрелым.

Моя докторская диссертация «Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли» (1959), полностью опубликованная на немецком и чешском языках (русские издания моих «доперестроечных» книг значительно хуже иностранных, так как здесь был более жесткий редакторский контроль), в целом была весьма догматичной, особенно когда речь шла о таких острых вопросах, как соотношение партийности и объективности в историческом исследовании или критерии социального прогресса.

Между прочим, старая советская литература была еще менее доступной, чем иностранная. Моя диссертация была уже полностью готова, когда Ю. Н. Семенов случайно сказал мне, что в 1933 г. была опубликована книга В. Ф. Асмуса «Маркс и буржуазный историзм», но ее сразу же обругали в «Правде», и с тех пор ее никто не упоминал. Разыскав эту книгу, я нашел ее весьма интересной, сделал на нее соответствующие ссылки и тем самым вернул ее из небытия. Один недоброжелательный критик даже упрекал меня, что я следую не за Марксом и Лениным, а за Асмусом и Шаффом (известный польский философ, книга

которого о законах истории вышла незадолго до моей).

Для анализа философских концепций мне не хватало философской культуры, историография казалась проще, но тут меня подстерегала другая опасность. Пытаясь проследить влияние философских идей на историю, я апеллировал не столько к самой ткани исторического исследования, сколько к философским статьям и высказываниям историков, что, конечно, не одно и то же. Кроме того, моя книга и предшествовавшие ей статьи были насквозь идеологичны, реальные проблемы едва проступали за казенными клише. Когда я просматриваю – читать это невозможно – сегодня свой текст, то искренне удивляюсь: как можно было так много прочитать (я не передирал чужих сносок, а действительно читал) и так мало понять?

Главная беда состояла в плохой стартовой площадке, усугублявшейся общей идеологической атмосферой. При редактировании книга была еще больше ухудшена, а когда мне прислали верстку, я пришел в ужас: к каждому имени, о котором не было сказано, кто это такой, редактор добавил: «реакционный буржуазный социолог». Такая судьба постигла даже старого доктора Бартоло из «Севильского цирюльника»: я назвал его старым брюзгой, а редактор сделал «реакционным буржуазным социологом». Три дня я думал, что делать (тогда верстку еще можно было править). Я хотел сохранить редакторскую правку, чтобы в стране появился новый объект для критики (в те годы и даже много позже иностранную литературу читали немногие, все остальные повторяли расхожие цитаты[24]), но меня подвела несистематичность собственного мышления. Я подумал: а вдруг какой-нибудь читатель решит, что это я так обращаюсь с Бомарше, – и восстановил первоначальный текст. Хотя очевидно, что читатель, который слышал имя доктора Бартоло, никогда не подумает, что автор книги этого не знает.

Однако по тем временам работа выглядела прилично, в ней было много новых для нашего обществоведения имен, проблем и вопросов, над которыми следовало думать, и не обязательно в предложенной автором интерпретации. Диссертацию долго мариновали в Институте философии (главным препятствием был возраст – мне было меньше 30 лет), в конце концов я защитил ее в Ленинграде, оппонентами выступили В. Ф. Асмус, Ю. П. Францев, Г. Е. Глезерман и Б. А. Чагин, плюс отзывы всех крупнейших специалистов страны в области историографии. Лично для меня самым важным было мнение Асмуса, к которому я относился с величайшим почтением. Если бы его отзыв оказался кислым, я был внутренне готов отложить защиту, но Валентин Фердинандович проявил снисходительность. Он, конечно,

понимал ученический характер диссертации, но видел, что перед ним думающий человек. В длинном отзыве (в те годы оппоненты писали отзывы сами) он перечислил достоинства диссертации, а о недостатках сказал четко, но без нажима. Я критиковал так называемый презентизм (взгляд на историю как на опрокинутое в прошлое настоящее). Асмус не спорил, но привел аналогичную цитату из Писарева, и мне сразу же стало ясно, что то, что казалось мне порочным субъективизмом, на самом деле – проявление неустранимой субъектности познавательного процесса, которая в истории выражена значительно сильнее, чем в естественных науках, а политические выводы из этого могут быть разными.

Несмотря на ее крайнюю примитивность, книга была замечена на Западе, и не только марксистами. Рецензент «American Historical Review» отметил, что, вопреки пропагандистскому названию, это серьезная книга, «первая советская работа такого рода», достоинствами которой являются «широкая начитанность, обычно добросовестное изложение критикуемых идей и ясный стиль изложения»[25]. Расширенное двухтомное немецкое издание сделало книгу доступной более широкому кругу зарубежных читателей, включая крупных философов и историков, которые хорошо понимали ее слабости, но увидели в ней начало возможного диалога.

Ведущий эксперт по истории философии истории итальянский философ Пьетро Росси в обстоятельной рецензии с удовлетворением отметил, что «в книге Кона идеи “буржуазной” философии истории впервые стали не объектом поверхностного тотального ниспровержения, а предметом углубленного обсуждения со стороны советского марксизма. Конечно, это обсуждение еще ограничено полемическими намерениями. Однако остается фактом, что исторический материализм почувствовал потребность в серьезном сведении счетов с различными течениями современного историцизма и с новейшими тенденциями методологии истории. В этом состоит положительное значение книги Кона, означающей начало диалога, который, как мы надеемся, будет продолжен»[26].

Знаменитый английский историк Джеффри Барраклаф не только опубликовал на мою книгу большую и весьма критическую рецензию в журнале «History and Theory», но и пригласил меня участвовать в подготовке главы «История» для международного исследования «Главные тенденции развития общественных и гуманитарных наук» под эгидой ЮНЕСКО[27].

Неожиданным было внимание Раймона Арона. В философии истории XX в. он занимает почетное место, но из-за его открытого

антикоммунизма моя трактовка его концепции была, мягко говоря, далека от объективности и даже элементарной вежливости. Тем не менее Арон увидел в моей книге нечто заслуживающее внимания и пригласил меня на важный междисциплинарный симпозиум «Историк между этнологом и культурологом», куда меня, разумеется, не пустили. Французский социолог Виктор Каради рассказывал мне много лет спустя, что Арон очень сожалел об этом. Когда после симпозиума его спросили, доволен ли он его результатами, он сказал: «В общем, все прошло хорошо, но я огорчен тем, что не удалось встретиться с Коном, это была моя главная цель».

О пользе и вреде чтения

Люди, очень много читавшие,
редко делают большие открытия.

Георг Кристоф Лихтенберг

Докторская диссертация сделала меня одним из ведущих специалистов по так называемой «критике буржуазной философии и социологии». Это была весьма своеобразная, ни на что не похожая сфера деятельности. Если судить по названию, то стопроцентная идеология, часто так и было на самом деле. Вместе с тем под видом критики «чуждых теорий» открывалась возможность знакомить с ними советских читателей и обсуждать новые для них проблемы. «Критика» заменяла советской интеллигенции недоступные первоисточники, с нее начинали свою научную деятельность многие наиболее образованные и талантливые философы и социологи моего поколения – Галина Андреева, Пиама Гайденко, Олег Дробницкий, Юрий Замошкин, Нели Мотрошилова, Эрих Соловьев и другие.

На поверхностный взгляд, это был типичный мазохизм. Люди критиковали преимущественно то, чем втайне увлекались: философы, склонные к экзистенциализму, критиковали Хайдеггера и Сартра, потенциальные позитивисты «прорабатывали» Карла Поппера и т. д. На самом же деле это было не столько сведение личных интеллектуальных счетов, сколько закамуфлированное просветительство. В дальнейшем, по мере ослабления цензурных запретов, «критическая критика» превращалась в положительную разработку соответствующей проблематики либо в нормальную историю философии и науки.

Эта деятельность имела свои психологические издержки. Она способствовала выработке деструктивного стиля мышления и в какой-то мере ограничивала полет собственного творческого воображения. Кроме того, чтение хорошей литературы пагубно влияло на самоуважение. Когда я был молодым и всесторонне неразвитым, все, что приходило мне в голову, казалось новым и значительным. Теперь же, если появляется новая мысль, я всегда думаю: наверняка кто-нибудь ее уже высказал, просто мне не попалось на глаза.

Любовь к чтению вовлекала и в социальные конфликты. Во-первых, с коллегами, которые иностранной литературы не читали, а чужое чтение воспринимали как личное оскорбление. Во-вторых, что еще опаснее, с государственной цензурой и всем

тем, что за ней скрывается.

Первая стычка с цензурным ведомством произошла у меня вскоре по окончании аспирантуры. Приехав в Москву специально для того, чтобы читать спецхрановские книги (по межбиблиотечному абонементу они не высылались), я с удивлением узнал, что ни цитировать, ни ссылаться на них нельзя. По молодости лет я не понимал, что чем глупее инструкция, тем она эффективнее, и позвонил в ЦК (телефон отдела пропаганды мне дали в справочной). Грубоватый собеседник воспринял мой вопрос агрессивно.

– А вы что, всякую антисоветчину хотите тащить в печать?

– А вы думаете, я это читаю для удовольствия?! Мне это нужно для критики.

– Ну и критикуйте без цитат, в общем виде.

– А вы читали «Материализм и эмпириокритицизм», помните, сколько там цитат?

Аргумент сработал, собеседник дал мне телефон кого-то рангом повыше. Тот сразу все понял, согласился, что правила устарели, и пообещал их изменить, что и было вскоре сделано. Однако я не угомонился и продолжал «качать права».

Кто-то из знакомых принес мне копию сохранившегося в архиве ЦК КПСС моего большого письма М. А. Суслову от 24 февраля 1960 г., в котором я жаловался, что Главлит «закрывает» любые специальные книги вплоть до учебников логики, где есть какие-то антисоветские высказывания, и доказывал, что это и то, что ученым-гуманитариям не дают заграничных командировок, мешает нашей идеологической работе. На письме стоит резолюция Суслова: «тт. Ильичеву и Кириллину. Прошу обратить внимание, подготовить предложения». Главлит представил в ЦК справку на 34 страницах, где доказывал, что они все делают правильно, а предложения Кона вредны. В результате по предложению двух отделов ЦК – пропаганды и науки – комиссия в составе Суслова, Куусинена и кого-то третьего, чью подпись я не разобрал, признала возможным «несколько расширить список организаций, которым рассылается издаваемый Издательством иностранной литературы закрытый бюллетень» об иностранных книгах, включив туда библиотеки девяти крупнейших университетов, «обязав Главлит организовать надлежащий контроль за правильностью хранения и использования бюллетеня», а также предложить главным библиотекам страны «улучшить для научных работников условия ознакомления с зарубежными книгами и статьями». Предложение о расширении списка организаций, которым рассылаются переводы книг буржуазных авторов, оба отдела сочли «нецелесообразным». «Что

касается предложения т. Кона относительно ослабления цензурных требований, касающихся иностранных книг, содержащих антисоветские и антисоциалистические утверждения, то это предложение принимать нецелесообразно». Порядок загранкомандировок тем более менять не стали[28].

Короче говоря, письмо было внимательно рассмотрено и пожелания частично удовлетворены, но практический результат оказался ничтожным. В ЦК разные люди (и отделы) относились ко мне по-разному, зато Главлит и его «смежники» крепко меня невзлюбили и надолго сделали невыездным.

Даже на библиотеку заказывать некоторые книги было небезопасно. В относительно либеральные 1960-е, чтобы рационально и экономно тратить отпущенную ленинградским библиотекам дефицитную валюту, я консультировал их комплектование по философии, истории и социологии. Однажды, увидев в каталоге дешевую и, судя по аннотации, информативную книгу американского психиатра Фрэнка Каприо о половых преступлениях, я рекомендовал Публичной библиотеке ее выписать. Через год или больше мне звонит встревоженный цензор В. М. Тупицын, интеллигентный человек, с которым у меня были хорошие личные отношения:

– Игорь Семенович, вы заказывали книгу Каприо?

– Да, а что?

– Страшный скандал! Мне сейчас звонил из Москвы взбешенный начальник Главлита, говорит, что это порнография, ее нельзя держать даже в спецхране, они хотят книгу уничтожить и требуют вашей крови. Пишите объяснительную записку.

– Я книги не видел, но судя по аннотации – это не порнография.

– Хорошо, я попытаюсь их уговорить, чтобы книгу прислали сюда временно, на мою личную ответственность, посмотрим вместе.

Когда книга пришла – все стало ясно. Как и рекламировалось, это была популярная книжка, основанная на опыте судебно-медицинской экспертизы, но автор цитировал подследственных, которые говорили, естественно, не по-латыни, а живым разговорным языком. Какая-то дама в Главлите прочитала, пришла в ужас, доложила начальству, и пошла писать губерния. Мы написали объяснение, московское начальство успокоилось, а книжка осталась в спецхране Публичной библиотеки. Но если бы Тупицын позвонил не мне, а в обком партии, я имел бы серьезные неприятности.

Заодно Тупицын популярно мне объяснил, что жаловаться на их ведомство – то же, что плевать против ветра, а вот если

вежливо попросить, например, выдать нужную иностранную книгу, после того как цензура вырежет из нее несколько наиболее одиозных страниц, – то каких-то исключений из общих правил можно добиться. Так я в дальнейшем и делал. В зависимости от времени и обстоятельств иногда это срабатывало, иногда нет. «Учитывая враждебный характер помещенных в ней материалов», цензура конфисковала посланную мне книгу П. Сорокина «Пути проявления любви и сила ее воздействия» с дарственной надписью автора[29]. Выпущенный в Англии сборник русских переводов Фрейда, который коллеги посылали мне дважды, оба раза безнадежно оседал на спецхране, а 24-томное английское собрание его сочинений дошло беспрепятственно.

Некоторые вещи, считавшиеся запретными, на самом деле таковыми не были. Например, узнав, что физики, занятые действительно секретными делами, регулярно получают оттиски статей из иностранных журналов, я решил справиться в научном отделе ЛГУ. Мне сказали, что никаких запретов на сей счет нет, больше того, предложили готовые типографские открытки на английском языке с просьбой об оттиске, куда нужно лишь вписать адрес автора, название просимой статьи, собственную фамилию и факультет. «Почему же об этом никто не знает?» – «Просто гуманитары, в отличие от естественников, не интересуются иностранной литературой».

В меру своих сил и возможностей я не только излагал новейшие западные теории в собственных книгах, но и способствовал русским переводам лучших зарубежных книг. Еще больше, чем цензура, этому мешали безграмотные псевдоученые, которые справедливо опасались, что не выдержат конкуренции с переводными работами. В 1969 г. с помощью М. Я. Гефтера мне удалось выпустить под грифом Института всеобщей истории АН СССР большой (свыше 500 страниц) сборник переводных статей «Современные тенденции в буржуазной философии и методологии истории». Увы, только «для служебного пользования», тиражом 200 экземпляров.

В 1976 г. я повторил эту попытку в издательстве «Прогресс», обновив материалы сборника и включив в него, в частности, выдержки из классической книги Филиппа Арьеса по истории детства. Сборник «Философия и методология истории» идеологически был совершенно безобиден, его собирались издать большим тиражом. Но в самый последний момент психически больной антисемит, работавший в главной редакции «Прогресса», написал донос, что в книге пропагандируется буржуазная идеология и т. п. И хотя эта атака была мною жестко отбита, сборник «на всякий случай» выпустили с грифом «Для научных

библиотек», в свободной продаже он не появился.

В 2000 г. не лишенные чувства юмора мошенники полностью перепечатали эту книгу от имени «Благовещенского гуманитарного колледжа имени И. А. Бодуэна де Куртенэ». Разыскивать их через прокуратуру я не стал: в конце концов, они сделали полезное дело, подарив российскому читателю ценную книгу, которую советская власть от него утаила. Тем не менее свою роль этот сборник сыграл. Когда в 1998 г. новосибирский философ Н. С. Розов опубликовал большой труд по «исторической макросоциологии»[30], он представил его как продолжение этой работы, за что я ему искренне благодарен. В наше время такие ссылки редки, люди предпочитают изображать себя первооткрывателями.

В 1980 г. в серии «Памятники исторической мысли» мне удалось пробить издание «Идеи истории» Р. Дж. Коллингвуда с отличным предисловием моего бывшего аспиранта профессора М. А. Кисселя. Не меньшее значение (и огромный читательский успех) имела публикация в «Этнографической библиотеке» сборника избранных сочинений Маргарет Мид (1988).

Кстати, о вступительных статьях. Составитель сборника хороших переводных работ, естественно, заинтересован, чтобы его собственное предисловие не выглядело глупым. В СССР это зачастую было невозможно. Необходимым условием публикации ставилось жестко-идеологическое предисловие, оговаривающее все действительные и мнимые «ошибки» иноземных авторов. Так повелось еще с 1930-х годов. Кто-то из историков школы «Анналов» иронизировал, что в советских публикациях противоядие предшествует яду. Но если ты хотел, чтобы книга вышла, нужно было идти на издержки. Умный читатель понимал, что составитель не стал бы предлагать нечто такое, что самому ему не нравится, а на дурака можно было не обращать внимания. Это служило одним из главных стимулов для моих занятий историографией.

Интерес к истории семьи и детства побудил меня сблизиться с делавшей в то время первые шаги исторической демографией. В 1979 г. нам с А. Г. Вишневским, при моральной поддержке А. Г. Волкова, удалось издать важный сборник переводов «Брачность, рождаемость, семья за три века», благодаря которому наши обществоведы впервые узнали разницу между понятиями «семья» и «домохозяйство». С тех пор у меня существуют хорошие отношения с ведущими отечественными демографами. Методологический уровень их исследований в те годы, да и сейчас, был значительно выше, чем у делавшей свои первые шаги социологии. Эти связи сохранились и поныне. Я не раз принимал

участие в демографических конференциях. Работы А. Г. Вишневского, которого я считаю бесспорным классиком российского обществоведения, явились одной из отправных точек моих исследований русской сексуальной культуры. В последние годы, когда я вернулся к проблемам семьи, отцовства и т. п., Демоскоп. weekly стал для меня важнейшим источником информации по всем проблемам народонаселения. В своем учебнике «Сексология» я рекомендую его всем желающим.

История социологии

История науки… должна критически составляться каждым научным поколением, и не только потому, что меняются запасы наших знаний о прошлом, открываются новые документы или находятся новые приемы восстановления былого. Нет! Необходимо вновь научно перерабатывать историю науки, вновь исторически уходить в прошлое потому, что, благодаря развитию современного знания, в прошлом получает значение одно и теряет другое.

Владимир Вернадский

Занятия философией истории убедили меня, что профессором философии я быть могу, а философом – нет. Дело было не столько в недостатке философской культуры (знания – дело наживное), сколько в отсутствии философского склада мышления. Настоящий философ должен быть либо метафизиком, либо аналитиком. У меня не было вкуса ни к тому, ни к другому. Философские проблемы интересовали меня лишь в той мере, в какой их можно было заземлить и проверить на конкретном общественно-научном материале.

Кстати, вопрос о соотношении философии и науки мне пришлось однажды обсуждать с Ж. П. Сартром. В краткий период, когда у него были приличные отношения с советской властью (не помню точной даты), он посетил Ленинград, и, поскольку я считался в этой области специалистом, встречу с ним доверили мне. Разговор происходил в номере философа в гостинице «Астория» в присутствии Симоны де Бовуар, которая, к сожалению, была простужена и молча сидела у окна.

К моему удивлению (я тогда еще не знал, что французские интеллектуалы его поколения, как правило, не владели английским), говорить по-английски Сартр отказался, но мой плохой французский оказался достаточным, хотя не исключено, что не без помощи переводчика (просто не помню).

После разговора на общие темы Сартр спросил, как я представляю себе соотношение философии и науки. Я ответил,

что между философией и эмпирическим знанием существует вечное творческое противостояние. Подобно искусству и обыденному сознанию, философия охватывает действительность в целом. Широта и неопределенность философских категорий – не недостаток, а их имманентное свойство.

По мере прогресса эмпирической науки ученые пытаются преодолеть эту расплывчатость, переводя философские проблемы и термины в более определенные операциональные понятия. На этой стадии торжествует позитивистский взгляд, людям кажется, что философия себя исчерпала и мы наконец-то обрели положительное знание. Но на следующем этапе познания всегда оказывается, что вся система строгих научных понятий не исчерпывает первоначальной философской туманности, что специальные научные теории являются «недостаточно сумасшедшими», возникают новые вопросы, которые невозможно сформулировать в терминах существующей системы знания.

То есть философия – это критика существующего знания с точки зрения какой-то переживаемой, но еще не вполне четко сформулированной неясности, и эта диалектика является вечной. «Возможно, это мнение ошибочно, – заключил я, – но я думаю так».

«Это мнение наверняка ошибочно, – сказал Сартр, – потому что я думаю точно так же».

Осознание недостаточности философии истории неизбежно должно было привести меня к социологии. Этот переход имел двоякие истоки. С одной стороны, это было непосредственное продолжение работы по истории социальной философии и философии истории, из которых, собственно, и выросла социология XIX в. С другой стороны, он был связан с появлением в СССР эмпирических социальных исследований (это название появилось, чтобы не дразнить гусей возрождением «буржуазной лженауки» и не посягать на теоретическую монополию истмата и так называемого научного коммунизма).

Эмпирическими исследованиями как таковыми я заниматься не собирался, их инициировали не столько философы, сколько экономисты. Но на меня произвела сильное впечатление статья Г. А. Пруденского в «Коммунисте» о свободном времени. Я подумал, что чем-то в этом роде можно и нужно заниматься и у нас (политическую социологию я считал в СССР абсолютно невозможной), и посоветовал это сделать Ядову. Однако в то время Ядов был еще «чистым философом» и сказал, что эта тема и вообще любая эмпирия кажется ему мелковатой[31].

Я не спорил, но твердо знал, что в ближайшее время эмпирическая социология у нас все равно появится. Как доктор

наук, я имел право ежегодно выписывать себе через книжный отдел Академии наук несколько иностранных книг. Хотя валюты давали мало, а цены казались высокими, я использовал не только собственный лимит, но и лимиты еще нескольких профессоров, которые иностранных книг не читали и уступали мне свое право. В числе других книг я заказал учебник «Методы социального исследования» У. Гуда и П. Хатта, который казался мне наилучшим. Тем временем Рожин «пробил» создание на факультете социологической лаборатории, Ядов стал ее заведующим, и это изменило его интересы. Как раз к открытию их лаборатории я получил книгу Гуда и Хатта и сразу же отдал ее ядовской команде, которая начала ее осваивать. Андрей Здравомыслов ее перевел, и это существенно облегчило их собственный старт. Питерские социологи до сих пор благодарны мне за это, но никакой моей заслуги тут нет. Просто я понял необходимость эмпирической социологии, выписал хорошую книгу и отдал ее тем, кому она была нужнее. У меня сохранился оттиск первой коллективной статьи ядовской лаборатории (Вестник Ленинградского университета. 1961. № 23. Сер. «Экономика, философия и право») с дарственной надписью Ядова и Здравомыслова: «Игорю Семеновичу – покровителю конкретной социологии в ЛГУ».

Позже нечто похожее произошло и с социальной психологией. Я купил учебник Креча и Крачфилда[32] (лучшего учебника ни по одному предмету я в жизни не видел), освоил его сам, выучил по нему Диму Шалина, заказал (в это время нас уже снабжали книгами американцы[33]) второй экземпляр для Ядова, после чего мы ни с одним студентом всерьез не разговаривали, пока он не проработает эту книгу. Вообще, наши с Ядовым (а в Москве – Левадины) ребята были грамотнее многих других молодых социологов, которые учебников толком не читали, а искали интересующие их понятия по предметным указателям, не понимая, что термины могут быть разными.

В 1960-х социологией увлекалась преимущественно молодежь, которая ждала от нее абсолютно несбыточных вещей. Уже в 1970-х наступило отрезвление. Лично у меня иллюзий не было. Фильмы, повествующие, как на завод приходит социолог и все сразу начинает работать по-новому, я сравнивал с идеей, что если на телеге установить ракету, то она помчится с космической скоростью. Когда я первый раз собрал на квартире у Ядова свой новый сектор (фактически это была ядовская лаборатория), я им открыто сказал: «Ребята, настоящей социологии в СССР нет и не будет, но если поднатужиться, мы можем сделать неплохую социальную психологию». Психологизация советской социологии

была вынужденной, потому что всерьез заниматься социальной структурой и отношениями власти было невозможно. Это делали либо наивные люди, либо потенциальные революционеры, которые еще не осознали своего истинного призвания.

Никакая наука не может развиваться, не зная собственной истории, которой у нас, естественно, не было. Чтобы восполнить этот пробел, я написал книгу «Позитивизм в социологии» (1964), и она сразу же «фактически превратилась в учебное пособие по курсу истории социологии»[34]. Собственно, она так и была задумана. Философское название было нужно для того, чтобы не брать на себя непосильную обязанность рассматривать историю предметных областей социологии и методики исследований, а также тех разделов социологической теории, в которых я считал себя заведомо некомпетентным. Раздел о математических методах в социологии, которые были особенно важны для нашей собственной науки, написал мой аспирант Э. В. Беляев.

От немногочисленных предыдущих советских книг по истории социологии (как и от моего собственного «Кризиса буржуазной исторической мысли»), «Позитивизм в социологии» отличался, прежде всего, своими установками. Вместо того чтобы акцентировать внимание на «недостатках» классической социологии и доказывать, что все в ней плохо и неверно, я ставил своей задачей искать и показывать рациональное и приемлемое. Это стало возможно не только потому, что я стал умнее, а советское общество – терпимее, но и потому, что новая советская социология объективно формировала социальный заказ на такое знание.

Разумеется, здесь тоже были свои ограничения. Чтобы сказать доброе или хотя бы нейтральное слово о «буржуазной» теории, нужно было обнаружить в ней хоть какую-то совместимость с марксизмом. Кроме того, интерпретация лимитировалась уровнем собственного понимания самоучки-автора. Зато на эту информацию был реальный спрос. Несмотря на ничтожный по тем временам тираж – 2 000 экземпляров, «Позитивизм в социологии» широко читался. Как писал позже Владимир Шляпентох, «Галина Андреева и Игорь Кон оказали неоценимую помощь нашей науке, знакомя советских интеллигентов с западной социологией в своих работах, которые формально были посвящены критике западного обществоведения. С ясным пониманием своей миссии, они включали в свои книги и статьи важную информацию об исследовательской методологии»[35]. В 1967 г. книга была переведена на венгерский, а в 1979 г. – на финский язык. Два немецких издания, в ГДР (1968) и в Западном Берлине (1973), были сильно расширены (самостоятельные главы

посвящены Максу Веберу, возникновению эмпирической социологии в США, философским спорам между неопозитивистами и сторонниками понимающей социологии, структурному функционализму и американской «критической социологии»).

С этой книгой у меня связано еще одно воспоминание. В издательстве ЛГУ ее редактировала Галина Кирилловна Ламагина. Обычно редактор выполнял прежде всего цензорские функции: если с книгой возникали неприятности, наказывали, вплоть до увольнения, не автора, у которого могли быть завиральные идеи, а редактора, который недосмотрел. Кстати сказать, это действовало эффективно: автор мог пойти ради своих мыслей на какой-то риск, а редактору это было в чужом пиру похмелье. В данном случае произошло наоборот. У меня в книге было несколько (никаких излишеств!) обязательных для того времени дежурных цитат из Хрущева. И вдруг редакторша мне говорит: «А они тут необходимы? Ведь к делу они не относятся?» Отвечаю: «Ради Бога, я их вставил исключительно для вас, если вы можете без них обойтись, готов снять немедленно». Сняли.

На следующий день Ламагина говорит: «Игорь Семенович, вы не думайте, что у меня есть на этот счет какие-нибудь указания, это только мое личное мнение». – «Галина Кирилловна, про любые указания и про то, что можно и чего нельзя, я знаю гораздо лучше вас, просто есть привычная перестраховка, которую приходится уважать. Но если вы готовы без нее обойтись, то я – тем более».

В общем, убрали мы казенные цитаты, и оказалось – очень удачно. Перед самым выходом моей книги Хрущева сняли, так что если бы цитаты остались, цензура потребовала бы эти страницы набирать заново, а тут и не понадобилось. В дальнейшем я лишних цитат сам не приводил, ждал, что скажет редактор. Если настаивает – приходится считаться, а если нет – проживем и так. А Галину Кирилловну я запомнил на всю жизнь, с ее стороны это был поступок. И вообще была милая женщина…

В 1968 г. я основал сектор истории социологии в ИКСИ, а в 1970 г., во время Всемирного социологического конгресса в Варне, Исследовательский комитет по истории социологии Международной социологической ассоциации, в состав которого вошли крупнейшие социологи мира, начиная с Парсонса и Мертона. В течение двенадцати лет я был сначала его президентом, а затем вице-президентом; поскольку советские власти ни разу за эти годы не выпустили меня для участия в его работе, меня выбирали заочно. Я поддерживал личную переписку с ведущими западными социологами и имел репутацию

единственного советского социолога, который всегда отвечает на письма (это была лишняя работа и некоторая степень риска).

Особенно тесная дружеская переписка до самой его смерти была у меня с Питиримом Александровичем Сорокиным[36]. Начал я ее, когда дал диссертационную тему Игорю Голосенко, чтобы попросить Сорокина прислать отсутствовавшие у нас книги и помочь перевести некоторые его термины. Он сразу же выполнил мою просьбу (то, что некоторые книги осели на спецхране, было не страшно, у Игоря допуск туда был), а потом наша переписка стала постоянной. Письма он писал по-русски, от руки, разборчивым старческим почерком. Он отлично знал, что умирает, но относился к этому философски. Внимание на родине было ему приятно, к критическим замечаниям он относился спокойно и готов был обсуждать их всерьез, даже если они этого не заслуживали. В своей последней книге «Современные социологические теории» Сорокин положительно упоминает мой «Позитивизм в социологии». Он собирался выдвинуть мою книгу на соискание только что учрежденной Сорокинской премии, но не успел этого сделать. Высоко оценил он и работу Голосенко, который первым в СССР попытался оценить его концепцию непредвзято.

В работе нашего отдела истории социологии, кроме уже сложившихся ученых (Е. В. Осипова, И. И. Балакина) и молодых аспирантов и сотрудников (А. Б. Гофман, Л. Г. Ионин, А. Д. Ковалев, М. И. Ковалева), участвовала П. П. Гайденко, написавшая отличную главу о Максе Вебере. После моего ухода наша рукопись долго лежала без движения, но в конце концов Руткевичу пришлось попросить меня завершить эту работу, что и было сделано. Подготовленная нами «История буржуазной социологии XIX – начала XX в.» (1979) стала первым крупным отечественным историко-социологическим исследованием и учебным пособием по этому предмету, была переведена на китайский и чешский языки, в 1989 г. ее обновленное и дополненное издание вышло в английском и в испанском переводе. В 1999 г. некоторые ее главы, в том числе мои собственные, были без разрешения авторов и указания первоисточника перепечатаны в вузовском учебнике по истории социологии под редакцией Г. В. Осипова. Видимо, они были не так плохи, если их можно было перепечатать через двадцать лет.

Если бы не разгром ИКСИ, эта работа продолжилась бы. Мне было совершенно ясно, что история социологии не может строиться по историко-философской схеме как некая чистая филиация идей. Уже первый том нашей работы содержал данные об институционализации социологии и об эмпирических

исследованиях XIX века. Наши дальнейшие планы предусматривали выход в историю предметных отраслей социологии, эволюцию проблематики и методов социологического исследования, процесс накопления научного знания и расширения возможностей его применения. Для этого нужно было освободиться от идеологического диктата и понимания социологической теории как разновидности философской мысли. Моей любимой книгой, которую я всячески рекомендовал своим аспирантам, была книга Филиппа Хэммонда «Социологи за работой» (Sociologists at Work: Essays on the Craft of Social Research., by Phillip E. Hammond, 1964), в которой авторы нескольких выдающихся исследований рассказывали, как они работали и почему фактический ход исследования никогда не соответствовал его первоначальному замыслу. Этой работы мне, вероятно, хватило бы на всю жизнь. Но чего не случилось, того не случилось.

Больше всего я горжусь тем, что мои аспиранты и молодые сотрудники в этой области знания – Игорь Голосенко, Римма Шпакова, Александр Гофман, Леонид Ионин, Дмитрий Шалин и другие – стали солидными учеными с мировыми именами. К сожалению, некоторых из них среди нас уже нет.

Первым ушел Игорь Анатольевич Голосенко (1938–2001). Он пришел ко мне юным, красивым, увлекающимся, слегка легкомысленным второкурсником философского факультета ЛГУ, и с тех пор нас связывали не только отношения учителя и ученика, но и дружба. Я относился к нему как к сыну или младшему брату.

Игорь не всегда слушался моих добрых советов. Несмотря на долгие занудные приставания, мне не удалось заставить его бросить курить, хотя он уже тогда болел тяжелым диабетом, который в конце концов свел его в могилу. Второе непослушание также имело последствия. Я предупреждал всех своих ребят, что нельзя вступать в личные контакты с гидами американских выставок. Однажды они с Константином Султановым не послушались моего предостережения, что сделало Игоря, несмотря на безупречное «арийское» происхождение и наличие партбилета, до самого конца советской власти невыездным.

Зато в научном отношении Голосенко, безусловно, состоялся. Его первой интеллектуальной любовью был Питирим Сорокин, анализу работ которого он посвятил кандидатскую диссертацию и несколько превосходных печатных работ, получивших признание в научном мире. Затем его интересы распространились на всю историю русской социологии. В этом отношении ему очень помогла дружба с другим выпускником философского

факультета, поистине замечательным человеком Виктором Михайловичем Зверевым. Философы, даже хорошие, редко обладают настоящей исторической и библиографической культурой, история науки часто кажется им простой филиацией идей. Зверев, истинный ученый-подвижник, был начисто лишен этого недостатка и привил свою любовь к тексту и библиографии Игорю.

Несмотря на плохое здоровье, Голосенко много работал. Среди его научных публикаций – работы о методологии историко-социологической науки, теоретическом наследии О. Конта, исторические обзоры исследований маргинальных слоев населения, блестящие статьи о «русском пьянстве», нищенстве, книжка о проституции (в соавторстве с И. Голодом), которую они любезно посвятили мне. Книга И. А. Голосенко и В. В. Козловского «История русской социологии XIX–XX веков» (1995) – один из самых авторитетных учебников в данной области. Большую ценность представляет опубликованный Голосенко библиографический указатель «Социологическая литература России второй половины XIX – начала XX века», а также указатель «Сочинения зарубежных социологов в русской печати середины XIX – начала XX века» (совместно с А. С. Скороходовой).

Голосенко был отличным преподавателем, любимцем студентов, будь то технический вуз или социологический факультет университета. Он был исключительно цельным и порядочным человеком. Даже в самые трудные времена он не стремился к карьере и не шел ради достижения успеха на нравственные компромиссы, на него всегда и во всем можно было положиться. И, что довольно редко среди мужчин, он был теплым и отзывчивым. После моего переезда в Москву мы встречались нечасто, но наши отношения оставались такими же сердечными, как в первые годы знакомства.

Первоклассным специалистом по истории немецкой социологии стала Римма Павловна Шпакова (1939–2006), которая также пришла ко мне студенткой (между прочим, ее очень любила моя мама), а затем всю жизнь преподавала в Санкт-Петербургском университете, где стала почетным профессором. Ее глубокие и оригинальные исследования о Максе Вебере и Вернере Зомбарте, основанные, в том числе, на архивных документах, публиковавшиеся в «Журнале социологии и социальной антропологии» и в «Социологических исследованиях», хорошо известны в Австрии и в Германии. Очень ценен и изданный под ее редакцией в серии «Классика социологии» объемистый сборник «Немецкая социология» (2003).

Исключительно успешна научная деятельность Александра

Бенционовича Гофмана. Он учился на истфаке моей alma mater, Пединститута имени Герцена, ко мне его привел кто-то из его друзей, кроме того, о нем говорил его научный руководитель Б. Я. Рамм. Мальчик был явно талантлив и серьезно интересовался французской социологической школой, я назвал ему какую-то литературу, но больше ничем помочь не мог. Когда время подошло к окончанию вуза, мне позвонил их декан, мой бывший однокурсник, Александр Свиридов, сказал, какой это замечательный парень, но оставить его в аспирантуре в Герценовском институте невозможно по причине пятого пункта, не возьму ли я его к себе на философский факультет? «Саша, – сказал я, – неужели ты думаешь, что в ЛГУ антисемитизм слабее, чем у вас? Если ты, декан, не можешь оставить в аспирантуре собственного студента, что я могу сделать в университете, где его никто не знает, и даже образование у него непрофильное?» Но Гофману повезло, в это время в Москве как раз открылся ИКСИ, в котором кадрового антисемитизма не было, а конкурсные экзамены он легко преодолел.

Более серьезного и добросовестного человека, чем Гофман, я в жизни не встречал. Очень скоро он стал лучшим в стране специалистом не только по дюркгеймовской школе, но и по всей французской социологии. В «Этнографической библиотеке» опубликован его прекрасный перевод классической книги Марселя Мосса «Общества. Обмен. Личность» (1996), а в серии «Социологическое наследие» – новый перевод двух главных работ Дюркгейма (1991). Его «Семь лекций по истории социологии» выдержали с 1995 по 2006 г. восемь изданий, профессиональное социологическое сообщество и, что не менее важно, студенты, считают эту книгу одной из лучших, а то и лучшей книгой по истории социологии. Не менее успешной оказалась и его книга «Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения» (3-е издание – 2004). Очень интересен и объемистый (780 страниц) сборник его избранных сочинений «Классическое и современное: Этюды по истории и теории социологии» (2003). Я могу только восхищаться такой работой.

Заслуженной известностью среди социологов и культурологов пользуется профессор Высшей школы экономики Леонид Григорьевич Ионин, который не был моим аспирантом, но начинал свою научную карьеру в нашем секторе, с изучения Зиммеля и Тённиса. В дальнейшем он опубликовал несколько книг на эти темы и создал оригинальные курсы по философии и методологии эмпирической социологии и социологии культуры.

Не могу не вспомнить добрым словом Дмитрия Шалина. Он начал работать со мной еще второкурсником философского

факультета. Меня огорчало, что обычно студенты попадали ко мне лишь на последнем курсе, когда уже не оставались времени чему-нибудь их выучить, и я попросил М. С. Козлову прислать мне кого-то помладше. Так в моем поле зрения оказался Шалин, которого я попросил заняться изучением теории самости Джорджа Герберта Мида. Опыт оказался удачным, в 1969 г. у нас с Димой уже появилась совместная статья в «Вопросах философии» – «Дж. Г. Мид и проблема человеческого Я»; кажется, студенческая фамилия появилась в этом журнале впервые. Затем он был моим аспирантом в ИКСИ, потом работал в секторе Ядова, в 1975 г. эмигрировал в США и сейчас является профессором Невадского университета в Лас-Вегасе. Прочитать русскую диссертацию Шалина американцы, конечно, не могли, но его профессиональные познания их удивили. Символический интеракционизм считался исключительно американской теорией, а Шалин знал не только всю американскую литературу, но и немецкие романтические корни этой доктрины. После того как он опубликовал серию статей о романтических истоках социальной психологии Мида и о соотношении прагматизма и интеракционизма в самых солидных американских социологических журналах, его работа получила профессиональное признание. В авторитетной международной антологии Джорджа Ритцера «The Blackwell Companion to Major Social Theorists» (2000) глава о Миде написана Шалиным. По инициативе Шалина в Лас-Вегасе прошли несколько интересных конференций об исторических судьбах советской цивилизации, при участии видных российских и американских ученых; изданный им сборник статей о постсоветской русской культуре[37] по праву считается в США одним из лучших. Совместно с Борисом Докторовым, он создал также сервер автобиографических материалов советских социологов.

Короче говоря, молодыми людьми, начинавшими вместе со мной изучать историю социологии, я могу гордиться. Мне кажется, что история социологии (как, впрочем, и любой другой науки) – хорошая теоретико-методологическая стартовая площадка, облегчающая научную работу и по другой тематике. К сожалению, возможности подготовить себе смену в других областях знания, которыми я занимался и которые в России не менее дефицитны, судьба мне не предоставила.

«Новый мир». Социологическая публицистика

– Ну, уж это положительно интересно, – трясясь от хохота, проговорил профессор, – что же это у вас, чего ни хватишься, ничего нет!

Михаил Булгаков

Исключительно важное значение для моего интеллектуального и нравственного развития имело сотрудничество в «Новом мире» А. Т. Твардовского. То, что я писал до середины 1960-х годов, было более или менее профессионально, но безлично. «Новый мир» позволил в какой-то степени преодолеть эту отчужденность, выйти на темы, которые были для меня не только социально, но и личностно значимы.

Как и все мои друзья, я очень любил «Новый мир», читал его насквозь – сначала рецензии, затем публицистику, потом все остальное. Если что-то не нравилось или казалось неинтересным, все равно читал – уважение к журналу было настолько велико, что казалось невозможным, чтобы он что-то напечатал «просто так». Такого чувства я не испытывал ни к одному изданию. Сотрудничать в нем было одновременно легко и трудно. Впервые в жизни я имел дело с редакцией, которая не сглаживала острые высказывания, а старалась довести статью до максимального уровня с точки зрения как авторских возможностей, так и цензурных условий. Без купюр и подстраховки, разумеется, не обходилось, но обычной перестраховки не было. Я готов был, предвидя неприятности, рисковать ради идеи, но был бы очень огорчен, если бы поводом для скандала послужила небрежная, непродуманная формулировка. Кстати, потом, уже в других изданиях, если какая-то статья проходила без купюр, я не радовался, а считал это доказательством того, что статья написана ниже возможного уровня. Сотрудничество с «Новым миром» – настолько важная часть моей научно-литературной деятельности (я напечатал там шесть больших статей), что в первый сборник своих избранных сочинений «Социологическая психология» я включил несколько «новомирских» статей и ни одной – из научных журналов.

Публикация в «Новом мире» неизбежно осложняла жизнь автора, которого власти автоматически зачисляли в разряд если не реальных, то потенциальных диссидентов. Зато она

чрезвычайно повышала самоуважение: ты сумел написать хорошую статью («Новый мир» – это знак качества) и не побоялся ее напечатать! Переоценить это чувство невозможно.

Отклики на публикации были широкими и разными. Знакомые и коллеги звонили по телефону, поздравляли при встречах. Во многих библиотеках мои «новомирские» статьи из журналов были вырезаны (не цензурой, а читателями). Самым лестным откликом на «Размышления об американской интеллигенции» было то, что статью процитировал в своей первой политической книге Андрей Дмитриевич Сахаров.

С 1966 г. я регулярно печатался также в «Иностранной литературе». Разумеется, это был не «Новый мир», но нечто серьезное и общеинтересное там можно было сказать. Именно там я опубликовал свою первую статью о национальном характере (1968) и статью «Секс, общество, культура» (1970).

Оставляя в стороне содержательную сторону дела, сотрудничество ученых-обществоведов в прессе, особенно в толстых журналах (этим занимались в те годы многие), означало рождение нового жанра философско-социологической публицистики. Подцензурная печать порождала свою специфическую стилистику и эстетику соотношения текста и подтекста. Расшифровка эзопова языка создавала у автора и читателя чувство особой общности, приобщенности к некоторой тайне. Люди не надеялись на реальные социальные перемены, но сама возможность подумать создавала принципиально иной стиль жизни. Правда, иногда эта общность была иллюзорной, некоторые читатели, как и цензура, толковали «неконтролируемый подтекст» (официальная формула цензурного ведомства) произвольно.

Для современного читателя, не знающего ни подтекста, ни контекста ушедшей эпохи, эти ассоциации безнадежно утрачены. Да и кому какое дело, что на самом деле хотел сказать автор и как его воспринимали современники? Хотя для истории это существенно. Например, мои «Размышления об американской интеллигенции» были написаны под влиянием западной студенческой революции, но пока статья готовилась и печаталась (в «Новом мире» это происходило очень долго из-за цензурных задержек), подоспела Пражская весна, и продуманные авторские аллюзии стали звучать гораздо смелее и революционнее, чем замышлялось. В других случаях, наоборот, автор, в силу особенностей своей личной ситуации, рисковал значительно больше, чем казалось со стороны, и тем более – ретроспективно.

В массовой печати социальные проблемы рассматривались преимущественно в нравственном ключе. В этом была большая

доза наивности и даже лицемерия. Это значило, что практического решения социальных проблем автор не знает или не смеет прямо о них сказать. По мере того как противоречия советского общества становились все более острыми и очевидными, такой подход стал вызывать раздражение и неудовлетворенность. Один из источников популярности ранней советской социологии – то, что она старалась избежать морализирования.

Но на первом этапе в нем была сильная струя социального критицизма. Люди таким образом выражали неудовлетворенность жизнью и потребность в чем-то лучшем. Личные проблемы становились сначала нравственными, а только потом – социальными. Каждая более или менее свежая газетная или журнальная статья стимулировала следующую. Это был постепенный, но закономерный процесс, где за одним шагом неизбежно следовал другой, а зигзаги в политике партии, пытавшейся затормозить его и взять назад сделанные однажды уступки, только раздражали читателей.

Иногда в газете или литературном журнале можно было сказать больше, чем в профессиональном издании. Бдительные коллеги были страшнее редакторов. Большинство доносов шло именно с их стороны. Кроме того, в научных журналах наблюдался сильный профессиональный кретинизм, неодинаковый в разных областях знания. Массовые издания в тонкости не вникали, и иногда там удавалось опубликовать нечто такое, что в научном журнале отклонили бы уже на дальних подступах. Но там надо было писать по-человечески, чего большинство ученых-обществоведов не умело.

Степень либерализма разных печатных органов менялась в зависимости от общей идеологической обстановки и особенностей главного редактора. Какое-то время самым либеральным органом печати считалась «Литературная газета». Роль ее была двойственной: во внешнеполитической пропаганде она выступала как агрессивная шавка, за которую партия якобы не отвечала; за это во внутренних вопросах ей позволяли выступать более раскованно – поэтому ее и читала вся интеллигенция.

Степень риска всегда оставалась высокой, очень многое зависело от конкретного редактора. Я с благодарностью вспоминаю Валентину Филипповну Елисееву (позже она работала в «Новом мире»), опубликовавшую фрагмент из моей «Социологии личности», статью «Свобода личности и конформизм» («Литературная газета». 1967. № 17), которая вызвала недовольство некоторых психологов, боявшихся этой

проблемы. Очень много сделал для пропаганды социологии Анатолий Захарович Рубинов.

Все старые авторы «Литературки», думаю, благодарны первому заместителю главного редактора Виталию Александровичу Сырокомскому (1929–2006), при поддержке которого проходили все сколько-нибудь острые материалы. Образованный человек, окончивший МГИМО, в прошлом – партийный работник, он отличался не только смелостью, но и пониманием реальных проблем. В 1970 году, когда я начал эмпирическое исследование юношеской дружбы и негде было достать на него ничтожные по тем временам деньги (и ЦК ВЛКСМ, и министерство просвещения, к которым я обращался за помощью и которые, по идее, были заинтересованы в этой работе, отказали), выручил Сырокомский – за право газеты первой опубликовать результаты исследования, которые были достаточно интересными не только для профессионалов.

Для осмысления современной динамики брака и семьи очень много сделала в «Неделе» Елена Романовна Мушкина; позже туда перешел работать и Сырокомский.

Публиковался я и в «Комсомольской правде», и в «Известиях», где была напечатана важная статья «Что значит найти себя?» (1965. 21 и 26 августа), и во многих других газетах. В 1980-х доброй славой пользовался журнал «Клуб и художественная самодеятельность», в котором была опубликована наша беседа с Виктором Розовым. Даже в «Правде» можно было иногда печататься. Кстати, школьный отдел там был смелее и лучше, чем во всех остальных газетах. В перестроечные годы при содействии О. П. Матятина мне удалось напечатать там острый материал «А взрослому легко?» (1987. 23 ноября) в защиту рок-музыки и вообще молодежной субкультуры против организованной по указанию Е. Лигачева атаки на них со стороны В. Белова, Ю. Бондарева и В. Распутина. Короче говоря, советская журналистика, как и страна в целом, не была ни одноцветной, ни черно-белой.

Никакой особой политической «крамолы» ученые в газеты не протаскивали. Но в подцензурной печати почти все было запретным, поэтому читатель был благодарен за малейшее живое слово, а для автора это была полезная школа, если не литературного мастерства, то хотя бы элементарной вразумительности, в отличие от официального «канцелярита». Отрешиться от «канцелярита» было трудно, но если это однажды удавалось, ты уже не мог писать по-старому, и от этого выигрывали все.

На мой взгляд, значение лучших газетных публикаций тех

лет было не столько в их политическом подтексте, который больше напоминал кукиш в кармане, сколько в некотором «очеловечивании» официальной идеологии. Вместо всеподавляющей «коммунистической идейности» философы, социологи, писатели и журналисты стали писать о человеческих проблемах – любви, семье, дружбе, смысле жизни, нравственном поиске и тому подобном. «Человеческий фактор» тем самым не только завоевал право на существование, но и стал постепенно теснить политический (читай: «нечеловеческий») фактор, расчищая почву для новых раздумий и безответных вопросов. В дальнейшем, спустя годы, по поводу «человеческого фактора» много иронизировали, и даже возмущались им, считая сведение роли человека к «фактору» иноформой сталинского «винтика», но в свое время это была важная ниша, относительно автономная от политики. Если угодно, это был один из аспектов перехода от тоталитаризма к авторитаризму, который не допускает политической свободы, но признает наличие невозможной при тоталитаризме негосударственной личной жизни.

Именно в те годы я стал популярен. Позднейшая сексологическая тематика лишь наложилась на социально-этическую, продолжением которой она на самом деле была.

Национальный вопрос

Характеры народов с каждым днем стираются, и становится все труднее их различать. По мере того как происходит смешение рас и народов, мало-помалу исчезают национальные особенности, в прежние времена с первого взгляда бросавшиеся в глаза.

Жан Жак Руссо

Процитированные слова Руссо сказаны два с половиной века тому назад. Вероятно, что-то подобное говорили и раньше. Кто сегодня может определить, чем поляне отличались от древлян? Тем не менее проблемы остаются.

Мое сотрудничество в «Новом мире» открылось статьей «Психология предрассудка» (1966), в которой впервые в советской печати рассматривался вопрос о природе, социальных истоках и психологических механизмах антисемитизма и вообще этнических предубеждений. Тема эта была мне близка.

Мое происхождение – смешанное, но и по паспорту, и по воспитанию я был русским. Ничего еврейского в нашем доме не было. До самой войны я, в сущности, ничего не знал о евреях. Я знал, например, что мой школьный друг Борис Крайчик – еврей и что его бабушка разделяет «трефное» и «кошерное», но все это не имело ни малейшего значения. В нашей школе такой «проблемы» тоже не было. Впервые я столкнулся с антисемитизмом в эвакуации, во время войны, и с тех пор он сопровождал меня всю жизнь. Антисемитизм сделал мою этническую принадлежность проблематичной. Я понял, что есть люди, которые ни при каких обстоятельствах не станут считать меня русским, и почувствовал себя евреем, хотя к еврейской культуре, в отличие от некоторых своих товарищей, так и не приобщился. Зато у меня появилась нетерпимость к любой ксенофобии и чувство солидарности с ее жертвами. Не спрашивай, по ком звонит колокол: он звонит по тебе! Это чувство я считаю одним из самых ценных человеческих качеств.

Очень долго я не хотел верить, что в СССР может быть государственный антисемитизм. Один раз даже попал из-за этого в глупую историю. В 1946—50 годах я работал внештатным инструктором отдела школ Куйбышевского райкома комсомола, у

меня были хорошие отношения с ребятами, практически моими сверстниками. Однажды, в период вступительных экзаменов в вуз, я встретил на Невском группу ребят из 206-й школы и спросил, как у них дела. В то время поступали практически все, но не всегда туда, куда хотелось. Один мальчик, по фамилии Гутин, сказал, что подавал в Оптико-механический институт, но не прошел и поступил в другое место.

– А какой у тебя был балл?

– 4,8.

– Но это же безусловно проходной балл, я не понимаю…

Видимо, он подумал, что я лицемерю, и презрительно сказал: «А пора бы понимать». Только тут я сообразил, что Гутин – еврейская фамилия, а в университет и некоторые другие вузы евреев, как я слышал, не принимают. Мне до сих пор стыдно за этот случай.

Много раз я и сам сталкивался с дискриминацией (пятый пункт был единственным вопросом, где формальный подход не действовал, так что дискриминации подвергались и полукровки, и даже люди просто с «подозрительными» фамилиями), но тем не менее пытался для себя ее как-то оправдать, найти для нее «рациональные» основания. После оголтелой кампании против космополитизма (1949) и, особенно, дела врачей (1953) сомневаться уже не приходилось, но ни писать, ни говорить об этом вслух никто не смел.

Толчком к теоретической рефлексии послужило для меня участие в подготовке несостоявшегося идеологического пленума ЦК в 1956 г. Когда мы сдавали Ф. В. Константинову подготовленные материалы, философ Х. Н. Момджян вдруг спросил: «А с антисемитизмом мы будем бороться? Сколько может продолжаться это безобразие?», на что Константинов, который не любил антисемитов, ответил: «Конечно!» Воспользовавшись случаем, я предложил ему подготовить и прислать мои соображения и получил согласие.

Поработав несколько недель, я написал десяти– или пятнадцатистраничные тезисы (поскольку я никогда не держал архива, они у меня не сохранились) и послал их на имя Константинова. Тезисы были плохие, чисто ассимиляторские, к идее особой еврейской культуры я относился скептически. Тем не менее я пытался разобраться в том, что такое «еврейский вопрос», и как преодолеть антисемитизм. В том, что это реальная проблема, я не сомневался. Никакого ответа из ЦК, разумеется, не поступило, а при встрече Константинов сказал, что ставить эти вопросы «пока несвоевременно».

Казалось бы, следовало на этом и закончить. Но у меня есть

одна психологическая особенность – я никогда не бросаю однажды начатую работу. Заинтересовавшись еврейским вопросом теоретически, я стал читать специальную литературу, особенно социально-психологическую, и нашел в ней много интересного. Через десять лет после неудачного первого старта, когда окрыленные успехом моей статьи «Что значит найти себя?» «Известия» стали просить меня дать им что-то не менее интересное, я предложил прочитать сотрудникам редакции лекцию «Психология предрассудка. Социальная психология этнических предубеждений», застенографировать ее и затем подготовить на ее основе статью. Редакция согласилась, слушали меня очень хорошо и внимательно, возражений не высказывали, но к вопросу о публикации не возвращались. Через некоторое время я повторил этот опыт, выступив с пленарным докладом на большой всесоюзной конференции в Алма-Ате. Аудитория напряженно слушала, поступило несколько антисемитских записок, руководители конференции промолчали.

После этого я предложил «Новому миру» прочитать выправленную «известинскую» стенограмму, чтобы затем подготовить на ее основе статью. Мне сразу же сказали «да», сделали небольшие конструктивные замечания, и я написал статью. Оказалось, что редакция сама хотела предложить мне сотрудничество, проблема антисемитизма ее весьма волновала. Я собирался стилистически еще поработать над статьей, но Твардовский не стал откладывать (он оказался прав: после Семидневной войны такая статья уже не могла бы быть опубликована).

Статья имела огромный резонанс. Ее сразу же перевели на несколько иностранных языков. Хотя об СССР там ничего не говорилось, социально-психологический анализ истоков антисемитизма был проведен достаточно корректно и четко. Конечно, если бы я писал ее сейчас, многое выглядело бы иначе. Прежде всего, я не стал бы противопоставлять социологическую теорию этнических предубеждений психологическим теориям – эти подходы не альтернативны, а дополнительны: социология вскрывает социальные истоки предубеждений, а психология изучает их личностные и групповые функции и механизмы поддержания. Кроме того, в статье недостаточно показано, что ксенофобия не только стихийно возникает в массах, но сознательно насаждается и культивируется реакционными силами, в том числе – властями, именно так было в царской России и в СССР. Наконец, следовало бы рассмотреть историческую эволюцию и конкретные особенности советского антисемитизма. В 1966 г. об этом даже подумать было страшно.

«Психологию предрассудка» до сих пор переиздают и цитируют в курсах социальной и этнической психологии, хотя с тех пор эти дисциплины ушли далеко вперед (из отечественных авторов хотелось бы особо выделить Татьяну Гавриловну Стефаненко, автора отличного вузовского учебника «Этнопсихология»). Однако количество интеллектуальных проблем после нее у меня увеличилось. Начав с критического анализа этнических стереотипов, я сразу же столкнулся с новым, еще более сложным комплексом вопросов. А чем все-таки разные народы отличаются друг от друга? Какие социальные, психические и культурные реалии скрываются за понятием «национального характера»? Являются ли национальные особенности имманентными, внутренне присущими данному этносу, или же создаются исключительно в процессе его взаимодействия с другими народами? Как изменяются национальные черты в ходе исторического развития, и можно ли зафиксировать их объективно? Эти вопросы и свои гипотетические ответы на них я сформулировал в статьях о национальном характере в журнале «Иностранная литература» (1968. № 9) и в сборнике «История и психология» (1971).

А дальше возник еще более насущный вопрос: как будут складываться межнациональные отношения завтра и послезавтра? В 1960-х годах в науке, и не только в марксистской, был весьма популярен тезис, что национальные движения – удел третьего мира, в развитых странах они постепенно сходят на нет. В статье «Диалектика развития наций. Ленинская теория наций и современный капитализм» («Новый мир». 1970. № 3), которую журнал специально заказал к столетию со дня рождения Ленина, я, опираясь на изучение множества канадских, бельгийских, французских и иных источников[38], поставил этот взгляд под сомнение, показал закономерность роста национализма и указал некоторые особенности национальных движений в индустриально-развитых странах (в частности, многообразие их идеологических символов). Все это имело прямое отношение к тому, что подспудно назревало и в СССР, но о чем говорить открыто было нельзя. Третий номер «Нового мира» вышел в свет уже после ухода Твардовского, новая редакция несколько ухудшила мой текст (тогдашние читатели безошибочно узнавали «чужие» фразы), но суть его осталась прежней.

Моя социологическая публицистика привлекла внимание специалистов по национальным отношениям, включая этнографов, которые занимались этими сюжетами более предметно, чем философы, уделявшие слишком много сил толкованию «классических» цитат. В результате у меня появился

новый круг профессиональных читателей и потенциальных, а после моего перехода в Институт этнографии и реальных собеседников. Для российских этносоциологов и этнопсихологов я стал своим человеком. Этнокультурный аспект присутствует и во всех моих позднейших работах, касаются ли они личности, дружбы, детства или сексуальной культуры.

Хотя я не проводил никаких специальных исследований, но, когда ездил по стране, внимательно смотрел и слушал. На Украине я всегда слушал, на каком языке говорят дети, которые, в отличие от взрослых, из своего языка политики не делают. Во Львове и вообще в Западной Украине все население говорило преимущественно по-украински. Когда мой коллега, профессор философии в местном университете, читавший лекции по-украински, на секунду (его куда-то вызывали) забылся и заговорил по-русски, встала красная от негодования студентка и сделала ему замечание. Однако на нефтяном факультете Политехнического института студенты сами попросили перевести преподавание технических дисциплин на русский язык. «Родной язык, – сказали они, – мы и так не забудем, но работать нам предстоит не только на Украине, а технические термины в украинском переводе часто выглядят смешно». С близкими языками это бывает часто. В Ленинграде очень любили киевского певца Бориса Гмырю. Оперные партии он пел по-русски, но однажды, исполняя роль Мефистофеля, забылся и вместо «Бегите!» закричал: «Тикайте!» Публика долго не могла успокоиться от хохота.

В Одессе все говорили не на русском и не на украинском, а на каком-то удивительном одесском диалекте, никаких проблем в связи с этим не возникало, надо было только обладать чувством юмора.

В Киевском университете в перерывах и профессора, и студенты говорили друг с другом по-русски, но, как только преподаватель подымался на кафедру, обязательным языком становился украинский. А в Институте философии Украинской академии наук, который московский философ Павел Васильевич Копнин превратил в первоклассный научный центр, почти все книги писались по-русски, а потом переводились на украинский. «Ребята, ведь вам это невыгодно; помимо лишней работы, вас никто не будет читать, – говорил я. – Все украинцы, читающие философскую литературу, русским языком владеют. Почему в развитых и независимых скандинавских странах не считают зазорным публиковать наиболее важные научные исследования по-английски, а вы должны все публиковать по-украински?» «Это не наша воля», – отвечали «ребята».

О некоторых особенностях советской национальной политики я узнал в Узбекистане. В Самарканде у меня был знакомый юноша Фуркат (об этом знакомстве я расскажу чуть позже). Когда я первый раз прилетел туда с лекциями, он встретил меня в аэропорту и на вопрос: «Что у тебя нового?» ответил, что он женился. «И кто же твоя жена?» – «Она узбечка». Ответ поставил меня в тупик. Если бы он сказал «итальянка» или хотя бы «эстонка», я бы понял. Но узбечка? Я был уверен, что он и сам узбек. Оказалось – таджик.

Позже, когда я был у них в гостях, все стало ясно. Почти все внутрисоветские границы были, не знаю – умышленно или нет, искусственными. Самый узбекский район Узбекистана – Бухара – считался политически и религиозно наименее благонадежным, там дольше всего держались басмачи, поэтому столицей республики его не сделали. Ташкент, как самый большой город, был наиболее космополитичен и русифицирован. Кстати, местные чиновники плохо понимали особенности коренного населения. Когда я первый раз был в Ташкенте (в 1965 году), местные власти с гордостью показывали мне новый благоустроенный район Чиланзар и жаловались, что многие узбеки не хотят туда переезжать, предпочитая жить в старых глиняных домах со щелями вместо окон и т. п. Хотя я и не был узбеком, мне это было понятно. В то время по всей стране, как говорится от Северного полюса до Южного, дома строили по единому проекту: 2,5 метра высота, большие окна и т. д. В северных районах эти квартиры было трудно обогреть, а в сорокаградусную среднеазиатскую жару они превращались в форменные душегубки.

Но вернусь к Самарканду. Познакомившись с семьей Фурката, я узнал, что его отец – таджик, а все дяди и тетки – узбеки. Как это возможно? Оказалось, что значительная часть населения Самарканда (не буду врать, какая именно) не узбеки, а таджики, причем эти народы, несмотря на общую религию, имеют совершенно разную культуру (когда Ю. Левада показал мне результаты большого всесоюзного опроса ВЦИОМ 1992 г., разница между таджиками и узбеками по большинству вопросов оказалась максимальной, объяснить это «навскидку» было невозможно) и относятся друг к другу, мягко говоря, не особенно тепло. Во время переписи населения отец Фурката, военный врач, служил в другом месте и свою национальность записал правильно, а его родные братья и сестры под жестким давлением местных властей, которые хотели увеличить долю коренного населения, были вынуждены записаться узбеками, что автоматически распространилось на их детей, но отнюдь не изменило их этническое самосознание. Женитьба на узбекской

девушке была для таджикского парня поступком если не героическим, то, во всяком случае, не совсем обычным. Поэтому он и упомянул о национальности своей жены.

В 1991/92 г., читая в Гарварде негодующие статьи либеральной московской прессы о недемократичном поведении Ислама Каримова, я не сомневался в их фактической достоверности. Никакой демократии в постсоветской Средней Азии вообще быть не могло, местная партийная верхушка просто «переоформила» свою власть по привычным феодальным образцам, которые частично восстановились уже при советской власти, но та эти феодальные колоды периодически перетасовывала, а теперь они обрели самостоятельность. Тем не менее я спрашивал себя: понимают ли либеральные московские журналисты реальную ситуацию на местах, или чужая кровь им безразлична? В то время у нас уже был опыт и турок-месхетинцев, которых после долгих мытарств по России («демократическая» Грузия, несмотря на обращение «Московской трибуны», вернуть их на старые места отказалась, хотя даже их дома были не заняты) в конце концов приютили США (низкий поклон им за проявление интернационализма!), и Сумгаит, и Тбилиси. Если бы началась узбекско-таджикская резня, это было бы гораздо страшнее.

В середине 1990-х годов, когда я находился в немецком Тюбингене и жил в университетском гастхаусе, ко мне пришли двое незнакомых посетителей, бывшие соотечественники и читатели: профессор-стоматолог из Алма-Аты и молодой нумизмат из Бухары. Оба были представителями коренных национальностей, которые от независимости выиграли – советская власть ни в какой Тюбинген их никогда бы не послала, но оба были встревожены ростом местного национализма.

Казахский профессор сказал, что некоторые его коллеги считают неприличным знание русского языка. «Но мы же не можем без него обойтись! Оставляя в стороне все прочие вопросы, те же любезные немцы находят нам переводчика с русского, а если бы надо было переводить с узбекского и казахского, они бы десять раз подумали».

А узбекский коллега рассказал об Исламе Каримове. «Конечно, – сказал он, – Каримов сейчас значительно более авторитарен, чем когда он был первым секретарем Компартии Узбекистана. Но что ему остается делать? Он воспитывался в русском детском доме и на дух не принимает исламского фундаментализма. Если его убьют, восторжествует не просто исламский радикализм, но начнется узбекско-таджикская резня, остановить которую будет трудно».

Я незнаком с Каримовым и вообще не люблю несменяемых президентов, но все-таки он, как и Назарбаев, отличается от покойного Туркменбаши, и оценивать их деятельность только по уровню развития демократических институтов я бы остерегся. Политика – искусство возможного. Но распространить этот принцип на Россию я не готов – она стоит на другом этапе развития.

Поездки по стране были поучительны и с точки зрения понимания этнокультурных особенностей. В 1968 г., прочитав в программе социологической конференции в Ереване, что ее проводят общество «Знание» и МВД Армянской ССР, я подумал, что имеет место смешная опечатка: наверное, не МВД, а МВО – Министерство высшего образования. Оказалось, все было правильно. В Ереване, как и Москве, Министерство высшего образования социологию не признавало, а прогрессивное МВД, напротив, всячески поддерживало и даже имело собственную социологическую лабораторию. Одно из наших заседаний проходило в здании этого министерства и под председательством министра. В начале доклада о математических методах в социологии вдруг раздался страшный грохот, и в зале появилось подразделение моторизованной милиции. Докладчик был человек умный и таблицей умножения злоупотреблять не стал…

Потом мы отправились в поездку по Армении. В Кировакане нас принимали партийные власти, все было хорошо, только непривычно прямо с утра и с каждой едой пить коньяк. Мы пытались этого не делать, но хозяева говорили, что надо уважать национальные традиции. Четверо мужиков смотрели на бутылку, как на врага, легко с нею справлялись, но на месте пустой бутылки сразу же появлялись две полных. Только перед самым отъездом секретарь горкома по секрету рассказал мне, как надо себя вести: «В отличие от Грузии, где гостя все время уговаривают пить, армянский обычай демократичен. Рюмка гостя всегда должна быть полной, но пьет он из нее или только пригубливает – никого не волнует и не обижает».

В Ленинакан мы приехали утром в субботу. Нас встретил начальник милиции, разместил в единственной в городе приличной гостинице, и два дня мы ходили из одного ресторана в другой. А. Г. Здравомыслов однажды вышел пройтись, и, когда за нами пришли, его на месте не оказалось. Но полковник не растерялся. У входа в гостиницу поставили милиционера, велели задерживать всех бородатых и того, кто признается, что он Андрей Григорьевич, препроводить в очередной ресторан. Все так и было сделано, мы смеялись, что Андрей имел привод в ресторан.

А когда в понедельник вместе с руководителем нашей поездки ереванским профессором-философом Г. Г. Габриэльяном я пошел в горком партии, то стал свидетелем форменной драмы. Как вежливый человек, первый секретарь не счел возможным говорить при мне по-армянски. Одной половиной рта он приветливо улыбался мне, а другой свирепо рычал на старика Габриэльяна: «Наши гости не знают наших обычаев, но вы-то как могли допустить подобное?! Ленинакан – второй город республики, как вы могли приехать сюда после какого-то Кировакана? И при чем тут милиция? У нас все было готово к приему гостей, я ждал дома, секретарь по пропаганде несколько раз звонил в гостиницу, там сказали, что никто не приезжал. Как вы могли устроить такое безобразие?» Честно говоря, мне даже стало страшно за милицейского полковника, невольно помешавшего проявлению партийного гостеприимства.

Впрочем, шутки шутками, а народное кавказское гостеприимство и в Армении, и в Грузии, и в Азербайджане было по-настоящему широким и искренним. Однажды, во время Психологического конгресса в Тбилиси, отнюдь не из экономии, а в ожидании вечернего банкета я заказал себе в ресторане «Греми» очень скромную еду. Но тут за мой столик сели два пожилых грузина, сотрудники министерства финансов. Когда они узнали, что я ленинградец (оба там учились), они что-то сказали официанту, тот куда-то сбегал, мое дешевое вино (другого просто не было) заменилось чем-то лучшим, есть я должен был то, что заказали эти люди, и ни о какой расплате речи быть не могло. Этих людей я ни до, ни после никогда не видел, моих книг они не читали и отзывов на диссертации не просили.

В Грузии я понял, что о национальных обычаях можно всерьез говорить только с интеллигентом как минимум во втором поколении, остальные боятся испортить имидж своего народа. Когда такой собеседник нашелся, многое стало понятным. Традиционные народные правила гостеприимства у всех народов более или менее одинаковы, городская культура делает их отчасти дисфункциональными, но принять это трудно. Командировочный – не совсем личный гость, но грузин ударить в грязь лицом не может. Когда-то на это были представительские расходы, потом их не стало, но любого гостя надо принимать по высшему разряду. Члены коллегии Министерства образования ежемесячно «скидывались» на эти цели. Особенно сложно было, если приезжала женщина. Все знали, что гостиница и суточные ей оплачиваются, но какой грузинский мужчина мог допустить, чтобы женщина при нем за что-нибудь платила? Воспитанные люди старались не злоупотреблять официальным

гостеприимством, а нормальный столичный бюрократ брал все, что дают, а по возвращении домой рассказывал, как там все воруют: на зарплату так принимать гостей нельзя. Так что даже искреннее гостеприимство часто имело негативный результат.

Хотя официальный советской идеологией был интернационализм, казалось бы, несовместимый с ксенофобией, большевистский принцип идеологической исключительности, естественным образом наложившийся на старую идею «Москва – третий Рим», и образ СССР как осажденной врагами крепости порождали совсем иные чувства. После Второй мировой войны, чтобы обеспечить себе идеологическую монополию и преодолеть западные влияния, Сталин развернул широкую кампанию по созданию образа глобального врага. Борьба с космополитизмом, влиянием «растленного Запада» и «низкопоклонством перед иностранщиной» успешно внедряли в массовое сознание недоверие ко всему чужому, включая культуру. Все инакомыслящие автоматически становились врагами народа и агентами иностранных разведок.

Внутри страны «дружба народов» также была проблематичной. Декларативная любовь и уважение к другим народам покоились на молчаливой предпосылке, что «они» ничем существенным не отличаются от «нас». Советские люди искренне сочувствовали абстрактным американским неграм, но стоило появиться конкретным черным студентам, как в СССР появились ростки расизма. Степень этнокультурного своеобразия и несовпадения интересов разных народов недооценивали. В стране существовала негласная, но вполне реальная этнонациональная иерархия, с которой были связаны определенные права и привилегии: русский народ в роли «старшего брата», «титульные нации», именем которых назывались республики, «коренные» и «некоренные» народы, национальные и иные меньшинства и, наконец, нежелательные и подозрительные «перемещенные народы», вроде чеченцев и крымских татар. Важную роль в культурной и кадровой политике играл антисемитизм.

До крушения советской власти формы и степени проявления ксенофобии строго дозировались и контролировались властью. В конце 1980-х она вышла из-под контроля и приняла опасный для граждан и деструктивный для государства характер, тем не менее ее продолжали замалчивать и преуменьшать. Распад советской империи, а затем возрождение имперского сознания сопровождаются ростом национализма и ксенофобии, лозунгами «Россия для русских», причем ответственность за все прошлые, настоящие и будущие неудачи России возлагается на иноземцев, иноверцев и инородцев.

Это проявляется и в обыденном сознании:

> У нас в подъезде безобразий тьма:
> Разбили лампочки, и месяц нету света.
> На стенах мат, а в лифте вонь одна.
> Америка ответит нам за это!

В. В. Краевский

Наивная по форме, а на деле тщательно отрежиссированная негативная идентификация ярко проявляется в названиях прокремлевских молодежных движений: «Идущие вместе» (куда и зачем идущие – не важно, главное, что против тех, кто шагает отдельно), «Наши» (против чужих), «Местные» (против пришлых). Между тем интернационализация повседневной жизни размывает социально-психологические границы «нашизма».

Яснее всего это видно на примере спорта. Все футбольные команды мирового класса интернациональны по своему составу, что побуждает болеющих за «свою» национальную команду фанатов принимать также играющих в ее составе разноцветных «чужаков». Получается, что макросоциальный национализм дополняется микросоциальным интернационализмом: болеем за национальную команду, кто бы в ней ни играл!

Россиянам это непривычно. Раньше уехавший (равно – сбежавший) из страны спортсмен автоматически становился врагом народа. А сегодня мы болеем за Машу Шарапову, не интересуясь тем, какому государству она платит налоги и где раскручивает свой бизнес. Никого не волнует постоянное местожительство Марата Сафина. И уж на что плохой человек Роман Абрамович, который русские деньги вложил в английский футбол, но даже принадлежащая ему команда «Челси» в каком-то смысле становится «нашей», и мы готовы за нее болеть. Пожалуй, воронежские фашисты, убивающие латиноамериканских студентов, пощадили бы бразильского футболиста, забивающего голы за «нашу» команду. Хотя кто знает? Все равно он «черный», а его зарплата сильно превышает среднероссийскую…

Тридцать семь лет назад, когда я писал свою статью «Диалектика развития наций», ничего этого не было. Однако многие ее положения и теперь не устарели. Недаром я включил ее сокращенную версию в оба сборника своих избранных статей. Опираясь на конкретные западноевропейские и иные данные, я показал, что хотя национальные движения могут выступать под разными лозунгами – языковыми, религиозными, культурными или социально-экономическими, серьезное политическое

значение они приобретают лишь тогда, когда эти признаки определенным образом переплетаются друг с другом. Поэтому надо изучать не отдельные символы, а всю динамичную систему этнической стратификации.

Сегодня российские власти пытаются перевести этнонациональные проблемы в разряд конфессиональных, акцентируя равенство возможностей не столько народов, сколько «традиционных религий», а точнее – возглавляемых политически лояльным духовенством церквей. Каждый может иметь свою синагогу (мечеть), лишь бы раввины (муллы) были сами знаете откуда. Этот путь дает сиюминутные тактические выгоды, но исторически является тупиковым.

Во-первых, этнонациональные проблемы не обязательно формулируются в религиозных символах. У башкир они могут быть иными, чем у татар, а русское население Латвии жалуется не на недостаток православных церквей, а на языковую дискриминацию.

Во-вторых, всякая религия неизбежно порождает ереси, которые, если церковь является государственной, тут же перерастают в политическую оппозицию. Мы уже видим эту тенденцию.

В-третьих, отождествление нравственности и духовности с религиозностью, которое предельно четко сформулировал бывший Генеральный прокурор В. Устинов, абсолютно не соответствует духу современной культуры и потенциально вовлекает государство в чуждые ему церковные распри.

Сращивание церкви и государства опасно для обеих сторон. Вспомним мудрый советский анекдот:

– Как сделать, чтобы искусство расцвело, а религия захирела?

– Нет ничего проще: отделите искусство от государства и сделайте церковь государственной!

Вхождение церкви во власть может оказаться гораздо более эффективным средством подрыва религии, чем советский государственный атеизм, который подтачивала изнутри его официальность. Обязательное преподавание «православной культуры» неизбежно усилит национально-религиозную рознь. В некоторых местах отождествление этнической принадлежности с религиозной повлечет за собой преследование детей, которые откажутся от этого предмета: раз он неправославный, значит он нерусский, то есть чужой, плохой. А плохое, казенное преподавание этого предмета – даже в дореволюционной школе, когда религиозность была значительно сильнее, он не пользовался особой популярностью, – сделает его объектом насмешек. В общем, деньги церковь получит, зато религия

пострадает. Политруки в рясах – не самый удачный проект для XXI века. Россия все-таки не Иран.

Социология личности

Разве жизнь отдельного человека не столь же ценна, как и жизнь целого поколения? Ведь каждый отдельный человек – целый мир, рождающийся и умирающий вместе с ним, под каждым могильным камнем – история целого мира.

Генрих Гейне

Моим центральным научным проектом много лет была теория личности. Этот интерес имел как личные, так и социальные истоки. Уже в ранней юности я понял, точнее – чувствовал, что создан из вещества, которое не растворяется ни в какой среде. Это избавляет от заботы о сохранении своей идентичности, но затрудняет психологическое слияние с другими, растворение в «Мы». Отсюда – теоретический интерес к проблеме «Я», личности или идентичности. В советское время, когда всюду (во всяком случае – на словах) царствовал сплошной коллективизм, это было, мягко говоря, немодно, но именно поэтому – социально значимо.

Как это часто бывает, интерес к проблеме начинается с ее отрицания. Мои первые публикации на эту тему начались самым постыдным образом – заказной статьей о всестороннем развитии личности при социализме в журнале «Коммунист» (1954. № 8), в которой не было ни единого живого слова, сплошной пропагандистский вздор. В то время мне даже не приходило в голову, что систему фраз можно как-то сопоставлять с действительностью. К обоюдному удовольствию обеих, они существовали как бы в разных измерениях.

Между прочим, при обсуждении статьи один из членов редколлегии, А. Д. Никонов, неожиданно сказал, что преимущества социализма показаны в ней неубедительно. «В статье говорится, что в СССР идет технический прогресс, а на Западе что, землю лопатами копают? И чем наш восьмичасовой рабочий день лучше французской сорокачасовой недели?» – спрашивал Никонов. Я открыл рот от удивления, казалось, что от моей статьи осталось мокрое место. Тем не менее ее приняли в номер, предложив автору «учесть критические замечания». Но когда я попытался что-то сделать, заведующий философским отделом М. Д. Каммари все мое «творчество» выкинул, сказав: «На

редколлегии говорить легко, а на самом деле – чем подробнее об этих вещах пишешь, тем менее убедительно они выглядят. Оставьте все, как было». Когда журнал вышел в свет, оказалось, что из статьи убрали даже те робкие указания на трудности бытия, которые в ней были, например на нехватку мяса. Старшие коллеги-философы мне завидовали – шутка ли, орган ЦК КПСС! А знакомый студент Анатолий Вершик (ныне известный профессор-математик) наедине сказал: «Ну конечно, я понимаю, если жрать нечего, можно писать и так. Но вы-то зачем это делаете?»

Разумеется, говорить правду, только правду и всю правду преподаватель общественных наук, если он не хотел лишиться работы, не мог. Но некоторая свобода выбора в хрущевские и в брежневские времена, в отличие от сталинских, все-таки существовала. Если ты чего-то не хотел писать, можно было промолчать. И если сегодня мне стыдно перечитывать некоторые свои старые статьи и брошюры, я виню только самого себя. Однако даже в рамках заведомо несерьезной, казенной темы голова подспудно продолжала работать.

Моя самая известная книга «Социология личности» (1967) была написана на основе факультативного курса лекций, прочитанных в Ленинградском университете на изломе хрущевских реформ.

Первый раз я прочитал его в 1964 г. на физическом факультете, просто чтобы проверить, могут ли высокомерные физики, интеллектуальная элита университета, заинтересоваться гуманитарными сюжетами. Не было ни агитации, ни даже большого объявления, просто листок с перечнем тем. Аудитория на двести человек была полна, но без столпотворения. Когда после лекции ребята обступили меня, я попросил их предсказать, что будет дальше. Одни говорили, что народу станет больше, другие – что произойдет отсев. Действительность не предугадал никто. Количество слушателей на протяжении всего курса оставалось прежним – полная аудитория, но мест всем хватает. Зато изменился состав: любопытных первокурсников, готовых пробовать что угодно, сменили более основательные и требовательные студенты старших курсов и аспиранты. Контакт с аудиторией установился сказочный, каждая лекция была для меня как любовное свидание, я старался даже выглядеть красивым. В октябре 1964 г. сняли Хрущева, я понимал, что грядет бюрократическая реакция, но решил не менять принятого тона, а в 1966 г. рискнул повторить этот опыт в общеуниверситетском масштабе.

Эти лекции в огромной аудитории – одно из самых сильных впечатлений моей жизни. Вместо положенных пятисот человек

туда набивалось свыше тысячи, так что комендант здания официально предупреждал партком ЛГУ, что не отвечает за прочность ветхого амфитеатра, где места занимали за два часа до начала лекций, а слушатели, среди которых были и известные профессора, которым место заранее занимали их студенты, стояли в духоте, плотно прижавшись друг к другу и при этом соблюдая абсолютную тишину, так как зал не был радиофицирован.

Конечно, это не было только моей личной заслугой. Студенческая молодежь середины 1960-х страстно жаждала информации о себе и о своем обществе. Для нее все было внове. Как писал об этом времени писатель Николай Крыщук, «мы тогда стремились к универсальным ответам, потому как и вопросы наши были универсальны… Многие вопросы, прочно вошедшие сегодня в общественный и научный обиход, тогда поднимались впервые. Вот почему слова “социология” и “личность” имели в конце 60-х годов особое обаяние», а «Социология личности» «была для многих из нас настольной»[39].

Между прочим, название книги родилось случайно. Когда я в очередной раз рекомендовал Политиздату способного молодого автора, заведующий философской редакцией А. А. Судариков (кстати сказать, прекрасный логик, ученик Асмуса), ответил: «Что вы все время рекомендуете других? Напишите нам что-то свое». Я предложил тему «Личность *в* обществе» – так назывался мой курс у физиков, но это название резонно отклонили, потому что оно практически не отличалось от многочисленных брошюр «Личность *и* общество». Тогда я придумал «Социологию личности». Насколько я знаю, такое словосочетание тогда нигде не встречалось, по серьезному теоретическому счету оно даже сомнительно.

Сегодняшний читатель, если ему попадется в руки «Социология личности» (из большинства библиотек она сразу же была украдена) не сможет понять, почему эта небольшая и, в общем-то, поверхностная книжка имела такой читательский успех и повлияла на профессиональный выбор и даже личную судьбу некоторых людей. Секрет в том, что личность, которая в сталинские времена трактовалась в казенно-охранительном духе как винтик государственной машины или член коллектива, была представлена в этой книге как положительное, творческое начало. Впервые в советской литературе после 1920-х годов была прямо и жестко поставлена проблема конформизма (психологи боялись ее трогать, растворяя в проблеме коллективистского самоопределения) и личной социальной ответственности. Индивидуальное самосознание, которое многие, даже хорошие,

психологи считали сомнительным и опасным «ячеством» и «копанием в себе», оказалось необходимым элементом самореализации. В книге была позитивно изложена ролевая теория личности, фрейдовское учение о защитных механизмах и многие другие «западные» идеи, считавшиеся запретными и буржуазными или просто малоизвестные. Это было интересно и понятно всем.

«Ролевой язык казался непривычным вначале. Снижение уровня рассмотрения с понятия личности вообще до ее отдельных социальных компонентов – социальных ролей – требовало перемен во многих других разделах науки. Психологи и историки, социологи и педагоги надрывали голоса до хрипоты. Общение между разными специалистами было трудным – каждый привык к своему языку, каждый защищал решения своей науки, свое видение сгустка противоречий под названием “личность”. Мучительно медленно в общественных и гуманитарных науках складывалось характерное для сегодняшней атмосферы движение к междисциплинарности, комплексному подходу к важнейшим явлениям жизни. Ко всему прочему, проблема личности все более остро переживалась как социальная драма, как поле столкновения различных сил, как участок социальной борьбы, от которого зависит будущее общества»[40].

«Социология личности» имела большой успех как в нашей стране, так и за рубежом. Сразу же появилось шесть ее переводов, а вышедшее в 1971 г. параллельно в обеих Германиях немецкое издание (в ГДР книгу издавать опасались, она вышла лишь под нажимом западных немцев, пригрозивших, что в противном случае они опубликуют ее самостоятельно) было вдвое расширено за счет рассмотрения новых теоретических вопросов, уточнения концептуального аппарата и т. п. На книгу поступило много положительных рецензий[41], она получила первую премию Советской социологической ассоциации, разделив ее с работой Б. А. Грушина и коллективным трудом «Человек и его работа», подготовкой которого руководил В. А. Ядов. Я до сих пор встречаю людей, рассказывающих мне, как сильно эта книга повлияла на их профессиональный выбор и жизненную позицию.

Издание книги обошлось без политического скандала только потому, что она вышла в Политиздате (не могу не упомянуть добрым словом заведующего философской редакцией, а позже – главного редактора и директора издательства А. П. Полякова и своего постоянного редактора Марину Александровну Лебедеву). На философском факультете МГУ подготовили зубодробительную рецензию, которую хотели опубликовать в «Вестнике МГУ», но редактор этого журнала решил подстраховаться: позвонил

заместителю заведующего отделом пропаганды ЦК Г. Л. Смирнову и спросил, можно ли критиковать книги, вышедшие в партийном издательстве. Смирнов, который сам занимался проблемами личности и положительно относился к моей работе, ответил: «Конечно можно, сколько угодно. Но автор и издательство имеют право на критику ответить». Редактор подумал и воздержался от публикации разносной статьи.

Мутные волны вокруг моей книги продолжались долго. В 1968 г., уже работая в ИКСИ, я приехал однажды в Москву и узнал, что в столице распространяются слухи, будто нас с Ядовым не то посадили, не то исключили из партии. В Ленинграде все было спокойно, но подобные слухи действуют как самореализующийся прогноз: одни пугаются, другие радуются, те и другие старательно пересказывают слухи и, на всякий случай, подстраховываются, в результате чего слух обретает видимость реальности. В это время в «Литературной газете» готовилась моя большая статья о вкусах и причудах американской молодежи. Опасаясь, что очередная волна слухов может побудить редакцию снять этот материал и тем самым подтвердить опасные слухи, я приехал в ЦК к Смирнову и спросил: «Георгий Лукич, вы слышали, что меня исключили из партии?» – «Пока нет». – «Так вот, вы не обязаны ручаться за мою благонадежность, но отметьте, пожалуйста, у себя в календаре, что такого-то числа вы видели меня живым, здоровым и с партбилетом. И если вам позвонят из “Литгазеты”, подтвердите этот факт». Не знаю, наводила ли газета такие справки или слух до них просто не дошел, но статья была благополучно напечатана. А на следующий день в «Вопросы философии» пришел сотрудник журнала «Политическое самообразование» и сказал: «Ребята, мне очень стыдно, но у нас идет обзор работ по личности, где дается положительная оценка книги К°на, а на его счет ходят всякие слухи. Вы что-нибудь знаете?» «Ребята» засмеялись и сказали: «Нужно читать газеты. Во вчерашней “Литературке” у Кона статья на целую полосу».

Много лет спустя, когда разыгрывался скандал вокруг альманаха «Метрополь», один коллега, вполне приличный человек, сказал мне, что страшно огорчен тем, что ему придется снять ссылку на какую-то работу Л. М. Баткина. «Почему?» – спросил я. «Но вы же знаете, он напечатался в “Метрополе”». – «А вы тут при чем? Где вы это читали? Вы что, обязаны слушать все передачи Би-би-си? А если нет, не нужно нагнетать страхи, пусть списком запрещенных имен занимается цензура».

Но вернусь к «Социологии личности». Разумеется, никакой социальной программы освобождения личности и преодоления

отчуждения в ней не было, эти вопросы были только обозначены. Ни по цензурным условиям, ни, что гораздо важнее, по уровню своего собственного мышления я не мог пойти дальше теоретического обоснования хрущевских реформ и абстрактной критики казарменного коммунизма, в котором легко узнавалась советская действительность. Развивая идеи «гуманного социализма», я не знал, как их можно осуществить и реальны ли они вообще. Трагические социально-политические коллизии переводились в более гладкую и безопасную плоскость социальной психологии и этики. Книга стимулировала критическое размышление, но не указывала, что делать. Я сам этого не знал, а если бы знал, побоялся бы сказать.

Моим нравственным идеалом стал Андрей Дмитриевич Сахаров, однако его социальные идеи, когда я в 1968 г. в Вене познакомился с его книгой, показались мне теоретически правильными, но политически утопическими, а следовать его человеческому примеру – не хватало мужества. Сегодня я понимаю, что Сахаров был прав в своем рационалистическом максимализме, у него не было нашей идеологической зашоренности, он не приспосабливал конечные цели к наличным возможностям и поэтому видел дальше. Впрочем, того, что произошло в 1990-е годы, не предвидел никто, а «социализм с человеческим лицом» оказался очередной утопией.

После разгрома Пражской весны последние иллюзии относительно возможности прогрессивного саморазвития советского «реального социализма», если таковые еще были, окончательно рассеялись. Чтобы не лгать и по возможности избежать обсуждения советских реалий, я сознательно пошел по пути психологизации личностной проблематики, сконцентрировав внимание на внутренних механизмах человеческого «Я» и на том, как процессы самосознания модифицируются в сравнительно-исторической и кросс-культурной перспективе, а также в процессе индивидуального развития личности. Этому посвящены книги «Открытие Я» (1978) и «В поисках себя» (1984) и ряд журнальных статей.

В профессиональном отношении эти книги, особенно вторая, значительно лучше и содержательнее «Социологии личности». Это самые настоящие междисциплинарные cultural studies, с выходами в историческую психологию, историю автобиографии, языкознание и т. д. Личностно-нравственные акценты также расставлены в них точнее. Известный американский социолог М. Янович определил идейный стержень моих работ как «настоящее прославление личной независимости или автономии», утверждение «высшей ценности независимости мысли и

действия»[42]. В абстрактной форме и на «нейтральном» материале я обсуждал наболевшие вопросы о том, что делать индивиду в исторически тупиковой ситуации и какова мера личной ответственности каждого за социальные процессы. В то время как советская пресса трубила, что основа свободы личности – право на труд, я доказывал, что «логическая предпосылка и необходимое историческое условие всех других свобод» – свобода перемещения. «Ограничение ее инстинктивно воспринимается и животными, и человеком как несвобода. Тюрьма определяется не столько наличием решеток или недостатком комфорта, сколько тем, что это место, в котором человека держат помимо его воли»[43].

Читатели понимали смысл сказанного, но демонстративный уход от рассмотрения реальных проблем советской жизни, о которых можно было говорить только намеками, существенно обеднял эти книги. Советский читатель 1980-х уже вырос из иносказаний. Нарочито сухие, формальные ссылки на очередной «исторический» съезд или пленум, без которых книга не могла бы выйти в свет и которые раньше воспринимались просто как досадные помехи вроде глушилок при слушании Би-би-си, теперь становились ложкой дегтя, безнадежно портившей всю бочку меда. Если автор лукавит в очевидном, можно ли доверять ему в остальном? Мои книги по-прежнему было трудно купить, рецензенты их хвалили[44], но я все чаще чувствовал себя вороной в павлиньих перьях. Пример Сахарова и Солженицына (разница между ними еще до конца не осознавалась) обязывал жить и работать иначе, но нравственных сил на это не хватало.

При всех этих ограничениях, обоснование права человека на собственное «Я» в обществе, в котором решительно преобладало «Мы», имело важный, и не только идеологический, смысл. Я исследовал не только социальные факторы самореализации, но и психологические и культурно-исторические предпосылки самостояния, возможности дистанцирования личности от общества и поиска себя. Это не был абстрактный философский трактат и споры о дефинициях («особь», «индивид», «личность» и т. д.). Вслед за А. Я. Гуревичем – пройдясь по его сноскам и выписав книги, на которые он опирался, я нашел много такого, чего он не заметил, – я пытался построить нечто вроде популярного очерка исторической социологии личности, включая конкретные данные из истории языка, портретной живописи и автобиографии. Вот когда мне пригодилось старое знакомство со школой «Анналов»! Опыт работы в Институте этнографии и знакомство с зарубежной наукой (особенно ценными для меня были работы Жана Стетзеля и французской школы психологии личности) позволил

использовать новейшие кросс-культурные и антропологические исследования, касающиеся народов Азии и Африки.

Еще важнее был психологический материал. Вместо того чтобы рассматривать развитие личности как аспект онтогенеза, как это делали вопреки теоретическим постулатам собственной теории деятельности многие советские психологи, я опирался на парадигму жизненного пути и конкретные данные больших лонгитюдных исследований («длинников», прослеживающих развитие одних и тех же людей на протяжении длительного времени), которых в то время в СССР никто не читал. Из моих книг советский читатель впервые узнал о тюремном эксперименте Филиппа Зимбардо и сенсационных экспериментах Стэнли Милгрэма с электрошоком. Иногда я не просто излагал опубликованные результаты, но и уточнял их у авторов (например, переписку с Эриком Эриксоном я начал для того, чтобы узнать, подтвердился ли кросс-культурно его эксперимент с детскими играми, в ходе которого обнаружилось, что мальчики сооружают преимущественно фаллические объекты, а девочки – открытое пространство (к сожалению – нет, хотя модель была очень красивая).

Делать это было не так просто. Для Политиздата любая иностранная сноска создавала проблему. Если автор писал от собственного имени, все его мысли были по определению правильными, марксистско-ленинскими («плохих» авторов Политиздат не печатал), тогда как ссылка на любого иностранного ученого вызывала вопрос: а кто он такой? Если марксист и коммунист – все в порядке, но если это «буржуазный ученый» – надо было обязательно раскритиковать его ошибки или хотя бы сказать, что он упустил из виду. Чтобы сделать цензурно-приемлемыми страницы о Зимбардо и Милгрэме, мне пришлось переписать их четыре раза.

Важные для психологов «технические» детали (как именно получены приводимые результаты) в философский текст вообще не влезали. Чтобы сделать достоянием советских психологов не только теорию Эриксона, но и данные о ее эмпирической проверке, я написал в отечественный журнал специальную обзорную статью, но редакция сочла, что из нее не ясно, «как к этим исследованиям относиться». Видимо, я чего-то «недокритиковал» (на идеологическом языке это называлось «объективизмом»). Не желая подчиняться редакторской перестраховке, я ответил, что к классическим работам следует относиться почтительно, а единственным способом проверки чужих теорий являются собственные исследования. Чтобы мой труд не пропал, я позвонил директору венгерского Института

психологии Ференцу Патаки, и тот официально заказал мне две обзорные статьи (венгры были знакомы с западной наукой лучше нас, но этой литературы они не знали). Это была большая дополнительная морока (две внутренние рецензии, заключение комиссии, что в статье нет ничего секретного, получение разрешения Главлита и т. д.), но в общем-то всего лишь пустые формальности. В 1984—85 гг. обе мои обзорные статьи благополучно вышли в Будапеште, венгерские коллеги были за них благодарны; в оборот отечественной психологии эти данные вошли лет через десять, после того как в русском переводе появилась популярная книга Ремшмидта (1994).

Короче говоря, мне не стыдно за эти книги. «Открытие Я» было переведено на семь языков, причем западногерманское издание было, как обычно, сильно расширено и дополнено, а книга «В поисках себя» – на пять языков, включая испанский и португальский. Когда в 1999 г. возник вопрос о переиздании «В поисках себя» (к сожалению, я не довел это дело до конца), просмотрев свои старые сноски, я испытал чувство гордости тем, что безошибочно определил наиболее перспективные направления исследований личности, превратившиеся с тех пор в международные научные школы (Эд Динер, Мелвин Кон, Пол Коста и Роберт МакКрэ и др.). В 1980-х гг. никто из советских психологов этих работ не читал.

Интерес к теории личности способствовал установлению тесных контактов с психологами. На личном уровне они были и раньше. До создания отдельного факультета психология существовала в ЛГУ в качестве отделения философского факультета, мои отношения с Б. Г. Ананьевым, В. Н. Мясищевым, Л. М. Веккером, И. М. Палеем всегда были уважительными и дружественными. Из пяти человек, которым выражена благодарность в «Социологии личности», трое – Б. Г. Ананьев, А. А. Бодалев и Ю. А. Самарин – психологи. Именно Ананьев посоветовал «Советской педагогике» заказать мне статью о социологии половой морали (1966), во всяком случае, свое письмо они передали через него, а моя статья «Психология половых различий» (1981) посвящена его памяти, потому что он первым в советской психологии поставил эти вопросы. О дружбе с А. В. Петровским я уже говорил. Что касается собственно социальной психологии, то ощутимый вклад в нее внесли мои друзья-социологи В. А. Ядов и Г. М. Андреева, которая основала на психфаке МГУ лучшую в стране кафедру социальной психологии. Никаких дисциплинарных распрей, где кончается одна наука и начинается другая, не возникало. Близкой мне тематикой занимались и некоторые молодые психологи. В. С.

Магун в дальнейшем стал выдающимся специалистом по психологии личности и социологии молодежи. А. П. Сопиков написал первую экспериментальную диссертацию о конформизме, проверив методику Соломона Аша на ребятах из «Орленка». Куаныш Муздыбаев написал превосходную книгу по психологии ответственности, которая могла служить примером социально-психологического исследования нравственных категорий. Близки мне были и психологические исследования Александра Эткинда, который позже стал известным культурологом и сейчас преподает в Кембридже.

Плодотворными были и связи с психиатрами. Андрей Евгеньевич Личко (1926–1996), крупнейший специалист по подростковой психиатрии и человек исключительно ясного ума, инициировал мой лекционный курс по проблемам сексуальности в Институте имени Бехтерева. Из этого курса выросла в дальнейшем моя сексологическая тематика. А с Виктором Ефимовичем Каганом и Юрием Львовичем Нуллером (1929–2003), однокурсником друга моей юности Славы Лапина, нас связывала личная дружба. Однажды мне даже довелось поучаствовать в психиатрической экспертизе.

В книге «Открытие Я», объясняя феноменологию самосознания, я довольно подробно, с опорой на психиатрическую литературу, описал феномен и синдром деперсонализации. И вдруг приходит письмо из Самарканда. Студент-пятикурсник физического факультета по имени Фуркат (я его упоминал в другом контексте) написал, что страдает в точности теми симптомами, которые описаны в моей книге, а местные врачи утверждают, что у него должны быть также галлюцинации, которых у него нет, и лечат его электрошоком, не могу ли я ему помочь? Поскольку Нуллер занимался именно этим синдромом, я сразу позвонил ему, он сказал, что заочно обсуждать это бессмысленно, но, если парень приедет в Ленинград, можно будет разобраться.

Я немедленно послал телеграмму в Самарканд, и через несколько дней Фуркат с матерью прилетели (оказалось, что семья врачебная, поэтому болезнью сына озаботились раньше, чем если бы это была крестьянская среда). Дом молодежи по моей просьбе предоставил им номер в гостинице (это была трудная задача). Нуллер их принял, мне пришлось их предупредить, чтобы не вздумали совать ему деньги (бесплатность советской медицины вообще была фикцией, а с приезжих из Средней Азии и с Кавказа деньги тянули вовсе нещадно, но Юра был безусловным бессребреником), дал какие-то лекарства и сказал, что придется несколько месяцев ждать. Если деперсонализация у Фурката –

самостоятельный синдром, дело поправимо, если же это – симптом начинающейся шизофрении, дальше будет хуже. Самаркандские врачи знали только второй вариант, потому и применили электрошок, но эта терапия сама по себе может дать необратимые тяжелые последствия.

В общем, Фуркату повезло. Из 100 000 тиража моей книги в Самарканд попало два экземпляра, один из которых купил его друг-однокурсник, стал читать и сказал: «Слушай, ведь тут написано про тебя!» Так это закрутилось. Сначала письма от Фурката были грустными, что ничего не меняется, потом его мама написала, что ему становится лучше (сам он так не думал), а затем пришло ликующее письмо, что все наладилось. Поскольку практическая польза философской литературы всегда проблематична, я этим случаем очень горжусь.

Дружба

Первое чувство, к которому воспришмчив заботливо воспитанный юноша, это не любовь, а дружба.

Жан Жак Руссо

С проблемами личности тесно связан другой мой любимый глобальный сюжет – дружба. Сейчас эта тема в мировом научном мире очень популярна, но в начале 1970-х годов ее мало кто принимал всерьез, она казалась частной, пригодной скорее для назидательных сочинений, чем для науки.

Когда в 1970 г. на первой Всесоюзной конференции по психологии общения я впервые изложил общие контуры своей программы изучения дружбы и самосознания, кто-то прислал мне анонимную записку: «Я всегда с интересом читал ваши работы. Жаль, что вы так рано уходите из настоящей науки». Через несколько лет история повторилась. Студентам физического факультета ЛГУ сказали, что они могут прослушать факультативный курс по психологии общения. «О!» – обрадовались физики. «Речь пойдет о психологии дружбы», – уточнил преподаватель. «А…» – разочарованно протянули студенты, вспомнив школьные лекции о дружбе Маркса и Энгельса и тому подобном.

Между тем дружба чрезвычайно интересна как с точки зрения теории личности и психологии общения, так и в социокультурном контексте: действительно ли межличностные отношения оскудевают с развитием цивилизации, или это лишь одна из распространенных романтических иллюзий? Я решил подойти к теме одновременно с обеих сторон.

С одной стороны, я занялся сравнительно-историческим анализом феномена дружбы и, как теперь сказали бы, дружеского дискурса у разных народов мира и в разные периоды истории, включая античную Грецию, посвятив этому несколько статей в научных журналах и сборниках. С другой стороны, вместе с аспирантом Владимиром Лосенковым и группой студентов психологического факультета ЛГУ (Л. Я. Гозманом, В. П. Гордеевой, С. Н. Богдановой, О. Б. Годлинник и М. А. Раевым) мы провели в 1970 г. эмпирическое исследование представлений о дружбе и реальных дружеских отношениях большой группы подростков-школьников с пятого по десятый класс и группы студентов. Автономный сравнительный блок исследований

провел в Москве А. В. Мудрик. Результаты этого исследования были опубликованы в нескольких научных статьях и брошюрах.

Для меня самым интересным был психологический блок: чем общение с друзьями отличается от общения с другими значимыми лицами (отцом, матерью, учителями, школьными товарищами) и как оно коррелирует с образом «Я» и свойствами самосознания? Чтобы выяснить это, кроме большой анкеты, был использован шестнадцатифакторный тест Кеттелла и собственная самооценочная методика, основанная на сравнении самооценок подростка и ожидаемых им оценок со стороны разных значимых лиц.

История применения тестов в советской психологии – это целая эпопея. Долгие годы никакой психометрики не было вовсе, все «буржуазные» методы отрицались в принципе. Затем психологи постепенно стали пользоваться тестами. Но сразу же возникли трудности. Во-первых, где взять серьезные тесты, в западных магазинах их кому попало не продавали, а ведь нужен еще и ключ? Во-вторых, как их адаптировать к нашим условиям?

Мне тесты присылали зарубежные друзья-психологи, вроде Юрия Бронфенбреннера, и я тут же их передавал нашим психологам. Но применять их без адаптации и валидизации было невозможно, а разные адаптации часто изменяли тест до неузнаваемости. Психологи из Института им. Бехтерева рассказывали мне, что сначала они получили тест MMPI без ключа. Перевели, попробовали – вроде бы и так хорошо работает. А когда получили ключ, выяснилось, что шкалы, с которыми они работали, меряют совсем не то, что им казалось. Кеттелл и Айзенк, конечно, проще, чем MMPI, но если по стране гуляет несколько разных вариантов одного и того же теста, сравнивать ничего уже невозможно, а сравнимость – главное, а то и единственное достоинство тестовых методик.

На каком-то психологическом совещании я тогда говорил, что если бы в Англии XVIII–XIX веков существовала наша система, человечество до сих не имело бы автомобиля. Почему? Чтобы запустить двигатель в производство, необходим ГОСТ, а для этого нужно как-то измерить мощность двигателя. Наивные англичане стали измерять ее в лошадиных силах. Но что такое «лошадиная сила»? Разве она одинакова у арабского скакуна, племенного тяжеловоза и колхозной клячи? Конечно нет. Если бы парадом командовали мы, философский спор продолжался бы до сих пор. А если нет единицы измерения, не может быть ГОСТа, а следовательно, и двигателя.

С тестами в нашей психологии и сейчас не все гладко. Конечно, есть формально утвержденные международные тесты.

Но на покупку и отработку нового инструментария денег зачастую нет. В результате начинается самодеятельность, которая сама по себе может быть даже талантлива, но только сравнивать полученные результаты будет не с чем. Недавно мне попалась на глаза интересная статья с применением теста маскулинности, данные в целом были правдоподобны, но все специальные термины имели какой-то странный, непривычный смысл. Спросил специалистов – говорят, что автор использовал плохую адаптацию устаревшего теста, каким никто в мире не пользуется.

Но вернемся к дружбе. Не будучи уверен в надежности вербальных методов, я лично проверял их в крымской Малой академии наук «Искатель», причем ребята сами вручную обсчитывали весь материал. Оказалось, что тема их очень волнует и в условиях анонимности они готовы отвечать на вопросы вполне правдиво. Единственная просьба была – нельзя ли повторить опрос, потому что, произведя «инвентаризацию» своих дружеских отношений, некоторые подростки хотели изменить данные ими в начале анкеты определения дружбы. Позже один мальчик, почувствовав себя одиноким в армии, даже просил меня прислать ему анкету, чтобы заново обдумать и оценить круг своего общения.

Основное исследование проходило в Ленинграде. Это был недолгий период, когда у меня существовали хорошие отношения с обкомом партии. Обкомовские работники даже вызвались позвонить в школы, чтобы там не боялись, но сведущие люди сказали: «Ни в коем случае! После звонка из обкома ни один директор не поверит, что это не официальное обследование, и вам будут всячески мешать». В конечном счете, школы отобрали с помощью педагогической части ТЮЗа, директора даже снимали ребят с уроков. Зато в первом же вузе начались придирки – нет ли в анкете крамолы, так что обкомовский звонок все-таки потребовался.

Много проблем было с обработкой данных, которой занимался Володя Лосенков. Ни Министерство просвещения, ни ЦК ВЛКСМ денег на эту работу (нужны были сущие гроши) не нашли. Их дала «Литературная газета», в том числе 500 наличных рублей. Что это значит, я вначале не понимал. Оказалось, что разница между безналичным и наличным рублем даже больше, чем между рублем и долларом. Безналичные деньги были вообще никому не нужны. Кроме того, еще раз подтвердилось, что советские люди неохотно и плохо делают обязательную работу, зато готовы бесплатно и с энтузиазмом делать что-то постороннее, если понимают, зачем это нужно. Когда выяснилась, что нужный нам факторный анализ лучше всего делают в

Агробиологическом институте, я пришел на поклон к замдиректора и сказал ему, что мою просьбу может поддержать обком. Тот ответил: «Лично для вас – все что угодно, мы вас читаем и уважаем, а их не подключайте, они нам и так надоели. Ваших безналичных нам тоже не надо – своих девать некуда, а вот наличные для девушек, которые будут набивать анкеты, нужны». Впрочем, обошлось и без этого. Лосенков нашел какого-то парня с необходимой программой, и все было в лучшем виде обсчитано за 200 рублей.

Кроме совместных с Лосенковым научных статей, на основе этого исследования отчасти написана моя книга «Дружба», впервые опубликованная в Венгрии (1977) и в Западной Германии (1979). Затем последовали три русских издания (1980, 1987 и 1989), из которых второе было радикально переработано, потому что в начале 1980-х годов в мировой психологии появилась новая парадигма изучения личных взаимоотношений. Достаточно живо написанная книга сразу стала бестселлером, несмотря на огромные тиражи (100 + 200 + 200 тысяч экземпляров), купить ее было очень трудно. Она вошла в списки рекомендательной литературы по курсу социальной психологии и по некоторым историческим дисциплинам и переведена на несколько иностранных языков (болгарский, латышский, словацкий, испанский, молдавский, китайский, итальянский, литовский и др.). Особенно теплым был отзыв заведующего кафедрой этики МГУ профессора А. И. Титаренко, оценившего «этико-моралеведческий» аспект книги как «целое творческое событие, которое еще предстоит осмысливать и осмысливать в этике»[45].

Поскольку эта книга и некоторые мои статьи о дружбе были опубликованы также на немецком, английском и испанском языках, на них обратили внимание западные социологи (Алан Силвер, Урсула Нетцольд-Линден). Нидерландский психолог Франс ван дер Линден использовал нашу схему мотивов юношеской дружбы при исследовании дружеских отношений голландских школьников и получил вполне сравнимые результаты[46].

Самым приятным для меня было то, что книгу читали не только взрослые, но и подростки. Я до сих встречаю людей, которые рассказывают, что когда-то, в студенческие годы, эта книга помогла им разобраться в своих личных отношениях. В 2005 г. вышло новое, четвертое издание «Дружбы», дополненное новейшими историко-антропологическими и социально-психологическими данными, включая довольно интересный, как мне кажется, очерк исторических судеб «русской дружбы» и ее трансформации в постсоветском обществе.

Кроме разных других соображений, я включил в нее размышления о зависти, изложенные в докладе «Кризис идентичности и постсоветская психология» на конференции в Лас-Вегасе и опубликованные в журнале «Symbolic Interaction» (1993. Vol. 16. № 4). Для понимания природы зависти очень важен феномен общинности. Льюис Козер образно назвал общину (Gemeinschaft) «жадным институтом», а его жена, Роза Козер, подробно раскрыла, в чем именно состоит эта «жадность».

Полюбить «дальнего», о котором мы ничего не знаем, гораздо легче, чем «ближнего». По старому восточному анекдоту, однажды Аллах увидел праведника, решил вознаградить его и сказал: «В награду за твое благочестие я выполню любое твое желание, но с одним условием – твой сосед получит вдвое больше того же самого». Праведник долго думал, а потом сказал: «О Аллах, вынь у меня один глаз!»

Доказать свое превосходство над соседом можно двумя путями. Первый, положительный путь – конкуренция: «Я лучше моего ближнего и докажу это тем, что буду лучше работать и опережу его!» Второй, негативный путь основан на зависти: «Я лучше моего ближнего, и я не позволю ему жить лучше, чем я!» Соотношение этих стратегий связано не только с индивидуальными чертами, но и с социально-историческими условиями.

В доиндустриальных, крестьянских обществах (Gemein-schaft) индивиды очень терпимы к межгрупповым неравенствам, основанным на различиях в происхождении или статусе, потому что эти различия считаются естественными, неизменными и бесспорными. Уровень индивидуальных притязаний в традиционном обществе тесно связан с социальным происхождением и статусом лица. Поскольку разные сословия принадлежат к разным социальным и культурных мирам, крестьяне обычно не сравнивают себя с дворянами и не пытаются сравниться с ними. Зато они чрезвычайно чувствительны, нетерпимы и завистливы к любым успехам и достижениям лиц собственного круга (внутригрупповое соперничество и общинная зависть).

Этот факт имеет несколько взаимодополняющих объяснений.

1. В доиндустриальных обществах и вообще в культуре бедности, как показал еще в 1965 г. Джордж Фостер, люди склонны считать, что выигрыш одного человека неизбежно означает проигрыш другого: поскольку количество желаемых благ и вещей ограничено, один может выиграть только за счет другого, путем перераспределения, это считается социально и морально предосудительным и несправедливым. Сходные установки Илья

Утехин нашел в советских коммуналках: «Ограниченных ресурсов не хватает, чтобы вполне удовлетворить всех и каждого. Поэтому люди крайне чувствительны к справедливости распределения. Это значит, что каждый участник сообщества следит не только за тем, чтобы его индивидуальная доля была выделена справедливо (не меньше, чем нормально), но и чтобы доли всех остальных участников коллектива были справедливыми (не больше, чем нормально). Такое внимание к долям благ, достающихся соседям, интенсивно окрашено эмоционально – завистью, пропитывающей отношения жильцов и стоящей за многими их побуждениями. Самими людьми это осознается не как зависть, а как чувство справедливости»[47].

2. Люди боятся социального расслоения. Потребность в достижении (достижительность) воспринимается как угроза социальной стабильности и равновесию, подрывающая существующие отношения власти, престижа и авторитета. Из-за относительно слабой дифференцированности общественных и личных отношений изменение имущественного или социального статуса хотя бы одного человека подрывает не только структуру власти, но и всю сеть межличностных отношений общины как целого. Люди не хотят этих изменений, отсюда – сильная зависть, которую они выдают и сами принимают за социальную справедливость.

3. В отличие от большого и равнодушного «общества», Gemeinschaft «требует полной вовлеченности индивида, стабильности социальных отношений и отсутствия дифференциации как личности, так и выполняемой ею работы»[48]. Это делает ее враждебной всякой соревновательности и порождает сильную зависть к чужому успеху.

Рыночная экономика и городской образ жизни, для которых характерны высокая мобильность и анонимность, постепенно изменяют эти условия. По мере того как социальная стратификация перестает восприниматься как естественная и постоянная, уровень личных притязаний отдельного человека больше не ограничивается, по крайней мере в принципе, его социальным происхождением. Каждый может сравнивать себя и соревноваться с каждым, это порождает острые межгрупповые и классовые конфликты и статусную зависть. Но эти конфликты и чувства не обязательно персонализированы. Я соперничаю не с конкретным богачом или чиновником, а с богатством и властью как таковыми.

Кроме того, люди, живущие в системе рыночной экономики, знают или догадываются, что социальный и финансовый успех может быть достигнут не только с помощью грабежа и передела

собственности, но и в результате честной конкуренции, индивидуальной инициативы и предприимчивости, которые в этом обществе считаются положительными качествами. Внутригрупповое соперничество и зависть от этого не исчезают, но становятся менее видимыми и менее эффективными в качестве средств социального контроля на макросоциальном уровне. Это сказывается и на характере дружеских отношений и ассоциируемых с ними ценностей.

Я считал общинную зависть, вкупе с традиционализмом, псевдоколлективизмом («соборность») и подростковым синдромом, одной из социально-психологических особенностей России, оказавших фатальное воздействие на судьбы горбачевской перестройки. Эти синдромы имеют прямое отношение и к эволюции понятий дружбы и товарищества, а также к гендерным проблемам.

К сожалению, книга осталась незамеченной. Единственная рецензия появилась в журнале «Семья и школа». То ли я стал хуже писать, то ли тема утратила актуальность, то ли книги не доходят до читателей… А возможно, я перегрузил книгу фактическим материалом, так что есть смысл вернуться к более популярному варианту.

Социология молодежи

Молодежь – это тысячеликое божество: автор любого опроса получит именно те ответы, на которые рассчитывал.

Франсуа Мориак

Мой интерес к молодежной проблематике первоначально был абстрактно-теоретическим. Меня почти одновременно заинтересовали два ряда универсальных, социальных и биологических, категорий – пол и возраст. Что стоит за этими понятиями, как они формируются, изменяются и структурируются в ходе истории? Категория «поколения», особенно в плане периодизации истории, занимала важное место уже в моих философско-исторических работах. Вместе с тем меня не могли не волновать проблемы молодежного движения на Западе, а также советская социология молодежи, прежде всего классические работы В. Н. Шубкина и многочисленные исследования жизненных планов молодежи, которыми занимались, в числе других, некоторые ленинградские социологи, в первую очередь Владимир Тимофеевич Лисовский и моя аспирантка Светлана Николаевна Иконникова.

До поры до времени мой интерес к молодежной тематике оставался платоническим, но в 1964 г. меня уговорили выступить на большой конференции в Ленинграде с докладом «Юность как социальная проблема» (название я предложил сам). Поскольку я собирался говорить о проблеме отцов и детей, наличие которой в СССР в то время все дружно и яростно отрицали, это могло кончиться большим скандалом, и я заранее предупредил об опасности организаторов (одним из них был Лисовский). Но скандала не произошло (вернее, он произошел годом позже, на другой большой конференции, когда высшее комсомольское руководство и тогдашний президент Академии педагогических наук И. А. Каиров, к полному недоумению публики, вдруг стали лихорадочно от меня «отмежевываться», что вызвало у учителей и рядовых комсомольских работников дружный смех). Наоборот, представители центральной прессы ухватились за мой доклад, полный текст его был напечатан в «Молодом коммунисте», а сокращенный вариант – даже без моего ведома! – в двух номерах «Известий».

Методологически доклад был детски-наивен, я просто

написал то, что думал. Но элементарные человеческие слова о юношеском самоопределении, поисках себя и тому подобном, утонувшие в барабанном бое 30-х и последующих годов и затем прочно забытые, показались людям свежими и интересными. Что же касается «проблемы отцов и детей», то я только много лет спустя понял, что – не из перестраховки, а по недомыслию – дал ей весьма одностороннюю и консервативную трактовку как извечного социально-возрастного противоречия, практически не связанного с идеологией и требующего от старших только понимания и терпимости. Такая постановка вопроса открывала новые возможности для педагогов и психологов и вместе с тем не представляла никакой опасности для режима. Интересно, что почти никто, за исключением Льюиса Фойера[49], этой односторонности не заметил, хотя статья многократно перепечатывалась и у нас, и за рубежом.

После этого меня стали усиленно приглашать на разные молодежные и подростково-юношеские мероприятия. По этому поводу у ленинградских социологов ходила частушка:

Кон – профессор, Кон – гигант,
Кон – талант оратора,
А Лисовский из него
Сделал агитатора.

Я начал интенсивно читать профессиональную литературу, общаться с подростками и постепенно действительно стал в этой области специалистом.

Важным стимулом для развития советской социологии молодежи стала студенческая революция 1968 г., способствовавшая появлению серьезной, и не только идеологической, рефлексии по поводу социального статуса молодежи, возрастных категориий, молодежной культуры и т. п. Когда начались студенческие волнения в Париже, первая официальная советская реакция на них, выраженная в статье известного журналиста Юрия Жукова в «Правде», была резко отрицательной. Я не был согласен с этой точкой зрения и в статье «Буржуазное общество и молодежь» (в журнале «Новое время», № 25, 1968) предложил другую, более позитивную и нюансированную позицию. В принципе, расходиться с «Правдой» было небезопасно. Но международное коммунистическое движение и наши собственные специалисты-международники быстро поняли, что студенческое движение нужно принимать всерьез, а бранные высказывания на его счет вызывают эффект бумеранга. В результате моя скромная статья не только не была

раскритикована, но удостоилась редакционной премии и была замечена за рубежом.

Летом 1968 г. меня вызвали в Москву, чтобы подготовить записку для члена Политбюро К. Т. Мазурова, курировавшего проблемы образования. Однако, когда я попросил дать мне хотя бы минимальные фактические сведения, выяснилось, что правительство таковыми не располагает. На вопрос о социальном составе, точнее – происхождении советских студентов, принесли подробные данные, распределенные по трем священным категориям: рабочие, крестьяне и служащие. «Позвольте, – сказал я помощнику Мазурова Михайлову, – Председатель Совета министров, академик и секретарь-машинистка – одинаково служащие, что можно извлечь из этих данных для понимания социального равенства?» «Правильно, – ответил этот умный и дельный человек. – Машинист, который ведет машину по горизонтали, – рабочий, а лифтер, ведущий машину по вертикали, – служащий. Но других данных у нас нет».

Сведений о реальном студенческом бюджете в ЦСУ тоже не оказалось. А из отчетов двенадцати социологических лабораторий, занимавшихся проблемами студенчества, следовало, что все они изучают ценностные ориентации студентов и все эти ориентации – лучше не бывает. Что же касается молодежного движения на Западе, то после третьего строгого напоминания Комитет молодежных организаций (КМО) прислал аккуратно перепечатанные переводы статей из западной прессы, которые мне были доступны в оригинале. Сначала я рассердился, но сведущие люди объяснили, что зря: комсомольско-кагэбэшные (эти организации тесно переплетались) чиновники могли подробно рассказать, что пьют и с кем спят иностранные молодежные функционеры, но теоретический анализ социальных проблем им не по силам, да и времени у них на это нет. В общем, единственным практическим результатом этой работы было решение повысить нашим студентам стипендию и заодно расширить научный центр в Высшей комсомольской школе, в результате эта школа вскоре превратилась в крупный центр по социологии молодежи.

Студенческой революции на Западе я посвятил несколько статей («Студенческие волнения и теория конфликта поколений», «Студенчество на Западе как социальная группа» и другие) и книгу «Социологи и студенты», которая была опубликована в Финляндии (1973) и в Италии (1975); выпустить ее на русском и других языках (переводы были уже сделаны) Агентство печати «Новости» побоялось из-за того, что в те годы называли «неконтролируемым подтекстом», – ведь наше собственное

студенчество тоже начинало бурлить.

Кстати, работая над этой темой, я заранее, на основе личного опыта, высчитывал, что где печатать. В «Вопросах философии» теоретические рассуждения о студенчестве как социальной группе пройдут беспрепятственно, зато сведения, что средний американец учится дольше своего советского ровесника, неизбежно вызовут скандал: этого не может быть, автор идет на поводу у буржуазной пропаганды. В журнале «США: Экономика. Политика. Идеология» подобные цифры не только не вызовут нареканий, но кто-то из членов редколлегии подскажет, что они устарели, разница стала больше. Зато там не поймут, что такое «маргинальная группа» (или, еще хуже, увяжут это понятие с марджинальной теорией стоимости).

Включению советской социологии молодежи в международный контекст немало способствовал Всемирный социологический конгресс в Варне (1970), где я был сопредседателем секции «Молодежь как фактор изменения» и представил доклад в соавторстве с С. Н. Иконниковой. Там я познакомился с крупнейшими западными социологами молодежи, что очень помогло моей дальнейшей работе в этой области. С Гленом Элдером, которого можно считать настоящим классиком социологии, мы иногда переписываемся до сих. Взаимосвязь способов социализации молодежи с научно-технической революцией и другими социальными процессами, без учета которых невозможно сформулировать реалистическую стратегию воспитания и обучения, обсуждалась в ряде моих статей и брошюр.

По мировому счету, если не считать дорогих сердцу автора нюансов, я не столько генерировал новые идеи, сколько обобщал, популяризировал и систематизировал известное, точнее – мало кому известное. Иногда я даже говорил о себе словами Лихтенберга: «Он был не столько собственником, сколько арендатором наук, которые преподавал, так как в них ему не принадлежало и клочка»[50]. Однако эта работа была крайне необходимой и, в отличие от многих других моих занятий, – социально востребованной.

Вот как оценивает ее автор современного обзора отечественной социологии молодежи (убираю похвальные эпитеты): «Во-первых, занимаясь критикой зарубежных теорий… И. Кон… выполнял просветительскую функцию, привнося в “заидеологизированную” область социологии и социальной психологии новые идеи и имена, широко известные на Западе… В молодежной проблематике это способствовало углублению понимания проблем социализации поколений, введению в

научный обиход возрастных и когортных категорий и понятия жизненного цикла. Во-вторых, его работы о западном студенчестве и “студенческой революции” 60-х гг. позволяли полнее представить это явление, ставшее вехой в современной западной истории, и проводить параллели с состоянием студенческого движения в нашей стране. В-третьих, исследования И. Кона по психологии юношеского возраста позволили уточнить специфику юности как особой фазы жизненного цикла и понять ее отличия от других возрастов. Он восполнил пробел в области социологического представления о самосознании личности, юношеской идентификации, возрастных кризисах, юношеском общении и юношеской субкультуре… В отличие от других исследователей, И. Кон, опираясь на теоретические обоснования юности как особой фазы жизни, настаивал на закономерности появления собственной молодежной субкультуры, отличной от общепринятой во взрослом обществе. Теперь сам факт существования молодежной культуры ни у кого не вызывает сомнения, но в середине 1980-х гг. вокруг проблемы существования этого феномена постоянно разворачивалась борьба. Большинство исследователей рассматривали молодежную культуру только как форму девиантного поведения, криминогенную по своей сути»[51].

Психология юношеского возраста

А как невообразимо отрочество, каждому известно. Сколько бы нам потом ни набегало десятков, они бессильны заполнить этот ангар, в который они залетают за воспоминаниями, порознь и кучею, днем и ночью, как учебные аэропланы за бензином. Другими словами, эти годы в нашей жизни составляют часть, превосходящую целое…

Борис Пастернак

Из социологии молодежи были прямые выходы в психологию и педагогику. Субъективный интерес к юношеской психологии был у меня всегда. Поступив в институт пятнадцатилетним, я на несколько лет утратил контакты со сверстниками, и хотя позже они возобновились, у меня на всю жизнь сохранился живой интерес к тому, как переживают этот сложный возраст другие. Однако делать это предметом профессиональных занятий я не собирался.

Роковая случайность, способствовавшая психологизации моих научных интересов, – сорокадневное пребывание летом 1965 г. во Всероссийском пионерском лагере «Орленок», который произвел на меня неизгладимое впечатление.

Не могу не вспомнить в этой связи недавно ушедшую из жизни первую «начальницу» «Орленка» Алису Федоровну Дебольскую. «Орлятская мама», как ее шутливо называли ребята, подобрала удивительный коллектив единомышленников и умела одинаково убедительно общаться и с подростками, и с вожатыми, и, что было самым трудным, с наезжавшим в лагерь партийно-комсомольским начальством. Без нее в «Орленке» ничего бы не было.

Прежде всего меня поразил раскованный, гуманный стиль жизни тогдашнего «Орленка», совершенно не похожий на то, что делалось в других местах. По правде говоря, я оценил это не сразу. Приехать в «Орленок» на комсомольскую смену меня сагитировал наш аспирант Сергей Черкасов, рассказав о том, что на территории лагеря нет ни единого лозунга и с ребятами говорят обо всем всерьез. Зная восторженность Черкасова, я сразу же «скостил» треть его впечатлений, но все равно получалось

занятно. То, что я увидел в первую неделю, повергло меня в уныние, показалось наивной игрой, в которой молодые взрослые участвуют с большим энтузиазмом, чем подростки. Ребят действительно ни к чему не принуждали, но что из того?

Общий сбор. Пятьсот подростков яростно спорят, носить им пионерские галстуки или нет. С одной стороны, это некий символ, с другой стороны – они из этого уже выросли. Некоторые говорили: «Будем носить, только пусть галстуки будут не красные, а голубые». А Олег Газман на все отвечает: «Как вы решите, так и будет, хоть серо-буро-малиновые в крапинку, только таких галстуков у нас нет, придется вам самим их покрасить». Общее решение: галстуки носить, но только по убеждению, кто не согласен – пусть не носит.

Отрядный «голубой огонек». Костер. Ребята мучительно обсуждают итоги дня и план на завтра. Активные девочки все знают: соседний отряд копал вчера яму, пойдем и мы копать. А вожатый вместо подсказки раздумчиво говорит: «Может быть, яма – это смысл жизни соседнего отряда, а смысл нашей жизни – в чем-то другом?» В чем смысл их отрядной жизни, ребята не знают. Тоска и уныние. Но я-то знаю, что в конечном итоге будет то, что заранее спланировано, зачем тянуть резину?

Приятных инфантильных взрослых[52] (среди них было много замечательных людей – шестнадцать аспирантов и кандидатов наук, студенты Физтеха, в том числе будущие знаменитости – артист Александр Филиппенко и космонавт Александр Серебров, в лагере подолгу жили Александра Пахмутова и Николай Добронравов) я по-настоящему зауважал в день парадного открытия смены, когда выяснилось, что мальчик, который должен командовать парадом и отдавать рапорт, на общем сборе выступал против ношения галстуков и сегодня тоже без галстука. Маленькое, но ЧП, ритуалы в лагере любят. Однако никому из взрослых даже в голову не пришло надавить на мальчика, о нем говорили с уважением и любопытством. Так он и не салютовал. А через несколько дней, по собственному почину, стал носить галстук. Я до сих пор жалею, что в суете «орлятской» жизни не расспросил парня, почему он это сделал.

Неформальное общение с ребятами и вожатыми (по ночам я читал им лекции, на которых некоторые спали) было фантастически интересным. Я увидел, как много у ребят психологических проблем, требующих профессиональной помощи, и почувствовал, что могу быть практически полезным. Кстати, с некоторыми бывшими вожатыми и воспитанниками «Орленка» у меня до сих пор сохраняются дружеские или приятельские отношения. Между тем систематического курса

юношеской психологии в СССР не было с 1930 года! А тут еще Анатолий Викторович Мудрик, работавший тогда в «Орленке», рассказал мне, как он девятиклассником случайно прочитал старую книгу по юношеской психологии и нашел в ней ответы на многие мучившие его вопросы. И мне ужасно захотелось написать такую книгу, которую ребята читали бы не от нечего делать или по долгу службы, а по внутренней потребности.

Собственно говоря, подростковый читатель, от пятнадцати и старше, появился у меня уже с «Социологии личности», хотя она вовсе не была на него рассчитана. Так было и с последующими книгами; даря их друзьям, у которых были дети-старшеклассники, я заранее знал, что сначала книгу прочтут дети, а потом, что останется, родители. Дети моих друзей часто становились моими друзьями. К сожалению, специально для подростков я так ничего и не написал, не столько из-за занятости, сколько из-за отсутствия литературного дарования. Но некоторые подростки меня все равно читали, и я это очень ценил.

Общение с ребятами не имело для меня утилитарного смысла, мне просто было с ними интересно, тем более что они часто загадывали мне загадки. Один бывший «орленок», с которым мы до сих пор дружим, появился у меня дома, когда приехал из родного Ташкента поступать в Политехнический институт. Я привык, что мальчики приходят к старшим, только если у них есть какие-то психологические проблемы. Прекрасно воспитанный профессорский сын, классный спортсмен и достаточно самоуверенный юноша, А. выглядел отлично адаптированным и ни о чем таком не заговаривал. Много позже, когда он стал взрослым, я спросил его: «А зачем ты ко мне приходил?» – «Очень хотелось поговорить о себе, но не мог заставить себя начать». Зато когда я стал «совмещать» его с другими ребятами его возраста, он со всеми завязывал контакты и начинал интенсивно общаться. Видимо, при всей внешней общительности парня, его отношения с однокурсниками были недостаточно сердечными, гуманитарные ребята позволяли восполнить какой-то коммуникативный дефицит.

Нередко знакомые приводили ко мне своих «проблемных» детей. Однажды позвонил бывший ученик 206-й школы, сказал, что у него сложности с сыном-десятиклассником, не могу ли я с ним встретиться.

– А он захочет?

– Конечно, они все читают ваши книги.

– Ну, давай попробуем.

Мальчик действительно оказался не без сложностей, я даже посылал его к знакомому психиатру, но одна из главных проблем

состояла в том, что он был так же импульсивен, как его отец, и они не могли понять друг друга. Я позвонил отцу и сказал:

– Лева, главная беда твоего сына в том, он – твой и очень похож на тебя.

– Что?! Разве у меня когда-нибудь были двойки?

– Лева, ты взрослый женатый человек. Неужели ты не понимаешь, что школьные отметки – не самое важное в юношеской жизни?

И напомнил, сколько в этом возрасте с ним самим было историй, которые он забыл.

– Позови к телефону свою жену, я ей всю объясню. Иметь в доме двух таких мальчишек – тяжкая ноша.

Жена действительно все понимала, и что-то удалось амортизировать.

По-настоящему сложные вопросы я на себя не брал, просил знакомых молодых психологов и психотерапевтов, самым лучшим из которых, форменным волшебником был Миша Ериш. Иногда ребята, тот же Миша, говорили:

– Игорь Семенович, а почему вы не решите этот вопрос сами? Вы же все понимаете, мы учились по вашим книгам.

– Потому, что ты это сделаешь лучше, ты практик, а я всего лишь теоретик. Я могу понять, а здесь нужна практическая помощь, это совсем другая работа.

Поэтому я был очень рад, когда в СССР появилась практическая, прикладная психология. Сегодня психологи-практики живут гораздо лучше теоретиков, хотя обилие их теоретических ориентаций (журнал «Psychologie» их всегда указывает) меня порой смущает (или веселит).

В отличие от взрослых, подростки мне не надоедали. Кроме «Орленка», я общался с крымской Малой академией наук «Искатель», даже опробовал там свои методики по изучению дружбы, потом гостил в знаменитом клубе Всесоюзного географического общества «Планета». Друг моей юности Гарик Коган, школьный учитель географии и инструктор по туризму, вовлек меня в горный туризм. Будучи в командировке в Ростове, я познакомился с замечательным клубом «ЭТО» (Эстетика. Творчество. Общение), где мне подарили супердефицитную «Эстетику словесного творчества» М. Бахтина. В Артеке подружился с лучшим начальником дружины Евгением Александровичем Васильевым. Под Ленинградом был интересный лагерь старшеклассников «Зеркальный».

Скоро я понял, что все подростковые организации – прежде всего формы общения. Городской пионерский штаб, конечно, отличается от юношеского спортивного общества или театра, но

для подростков (это самый коллективный и одновременно – самый одинокий возраст) главное – возможность неформального общения друг с другом и наличие интересных и понимающих взрослых.

Между прочим, все подростковые организации, даже самые знаменитые, жили в атмосфере травли. Органы народного образования и комсомол могли понять любые корыстные мотивы работы с детьми (материальные, сексуальные, даже интеллектуальные – например, ты пишешь о них диссертацию), но не то, что детей можно просто любить. Людям, работавшим с подростками, все время приходилось в чем-то оправдываться.

В клубе «ЭТО», как и во многих подобных организациях, каждый вечер открывался тихой лирической песней. Пришла какая-то дурища из горкома комсомола, послушала и изрекла: «Теперь мне понятно, откуда у нас в городе растут сектанты!» Никаких сектантов в «ЭТО» не было, но поди докажи, что ты не верблюд.

В сорокадневном карпатском походе Георгию Александровичу Когану доверяли жизни сорока детей, и в то же время ждали, что он их обворует. Деньги были грошовые, часть давал Дом пионера и школьника, часть собирали с родителей, украсть там было нечего. В сельмаге не было чековых аппаратов, на рынке и подавно, а надо было отчитаться за каждую копейку. Вечером, когда усталые ребята засыпали, Гарик и ответственный старший мальчик до глубокой ночи писали финансовые отчеты.

Не менее страшна была идеологическая бдительность. Я с детства любил церковную архитектуру и музыку. Оказавшись в прекрасном Львове, я не мог не пойти на воскресную службу в великолепный барочный собор Святого Юра, где был потрясающий церковный хор, со мной пошли группа ребят и учительница. Я чувствовал себя немного неловко, потому что учительница и девочки были в шортах и без косынок, но верующие оказались терпимыми, увидев, что ребята ведут себя прилично, их не только не шпыняли, но даже пропускали вперед. Большинство ребят оказались в церкви впервые, служба и хор их очаровали, я с трудом увел их оттуда, потом для симметрии сводил в костел, послушали органную музыку. А вечером Гарик мне сказал:

– Ну, с Галины Васильевны нечего взять, она дура, но ты-то как не понимаешь, что детей нельзя водить в церковь? Многие ребята были там впервые, они напишут родителям восторженные письма, откуда нам знать, какую это вызовет реакцию?

– Ничего, – сказал я. – Со мной все можно. Запиши в дневнике, что в горах у костра профессор Кон провел с ребятами

беседу о различии православных, католических и униатских символов (я это действительно сделал), никто не подкопается.

Проблем на самом деле не возникло. То ли ребята ничего не написали родителям, то ли родители оказались вменяемыми, но жалоб не поступило.

Специально «изучением» ребят я не занимался, но какая-то информация сама собой накапливалась. В подростковой культуре все время что-то меняется. Однажды в «Зеркальном» первый же встречный мальчик сказал, что его зовут Шура. Меня это удивило, в наше время Шуриками бывали только маленькие мальчики, позже все они становились Сашками, Саньками, Аликами, но не Шурами. При встрече со вторым Шурой я забеспокоился, а когда третий мальчишка представился Шурой, я спросил: «И давно это с тобой?» Он ответил «Прямо здесь началось», а почему – объяснить не смог. Впрочем, мода на Шур оказалась непродолжительной.

В Артеке у Васильева я понял власть и могущество танца. Танцевальные вечера еженедельно проходили во всех дружинах, но ничего особенного там не было, а стеснительные мальчишки в них просто не участвовали. У Васильева это было невозможно. Он не только лично всем руководил (а танцы показывали по-настоящему артистичные вожатые), но и не позволял никому оставаться в стороне. И происходило чудо: неуклюжий подросток против воли становился в круг, входил в коллективный ритм, и очень скоро у него появлялись изящество и грация, а вместе с этим – уверенность в себе. Я говорил, что, если бы можно было всех советских подростков провести через васильевские танцы, мы бы значительно снизили число неврозов, а возможно – и насильственных преступлений. По сравнению с этим даже театрализованный и умный «суд над фашизмом» казался пустяком.

Но интереснее всего были индивидуальные беседы с ребятами. В Мисхоре целую неделю стояла невыносимая тридцатиградусная, не спадавшая даже ночью жара, и вдруг ко мне подходит толстый восьмиклассник и просит объяснить, в чем смысл жизни. Честно говоря, в этот момент моя жизнь смысла не имела, но я никогда не обижал маленьких, мы уединились и начали долгий разговор. Мальчик оказался умным. Вопрос о смысле жизни, как это часто бывает, возник у него внезапно, после прочтения «Героя нашего времени». Пытался поговорить с товарищами – отмахнулись. Родители вопрос поняли, но ответить не смогли. Спросил учительницу литературы – та закричала, что не позволит срывать урок.

– Если у тебя глупая учительница, зачем задавать такой вопрос?

– Да нет, она хорошая.

– Почему же она так поступила?

Оказалось, что накануне они всем классом «доводили» нелюбимую учительницу географии, задавая ей каверзные «викторинные» вопросы, и учительница литературы, разумеется, решила, что это тоже розыгрыш.

В общем, я объяснил мальчику, в чем состоит смысл его вопроса, почему никто другой не сможет дать ему готового ответа и в каких направлениях можно его искать. После этого он стал спрашивать о любви, а когда я успешно сдал теоретическую часть экзамена, спросил, может ли он рассчитывать на взаимность девочки, в которую здесь, в лагере, впервые влюбился. Тут всю правду сказать было нельзя. Девочку эту я видел, было ясно, что моего собеседника она держит просто про запас и дает ему отставку всякий раз, как только в поле зрения появляется более спортивный девятиклассник. Но разрушать мальчишеские грезы не следует, пусть разбирается сам, я лишь тактично подготовил его к возможности неудачи. В общем, несмотря на жару, мы хорошо поговорили…

Разговор с подростком – дело весьма деликатное. Например, я понял, что мальчика никогда не следует спрашивать об отце. Если он есть и что-то реально для него значит, мальчик сам так или иначе его упомянет. Если нет – лучше ребенка зря не травмировать.

Много лет я начинал разговор с ребятами с вопроса о любимых книгах. Потом книги стали дефицитом, они были только у тех, кому повезло с родителями. А потом чтение вообще стало «съеживаться».

Разговорить подростка, в общем-то, несложно. Стоит любому, самому беззаботному и общительному мальчишке сказать, что он веселый только снаружи, а на самом деле – грустный и задумчивый, как он поразится вашей проницательности и, возможно, попытается открыть душу. Но лично я этого никогда не делал и другим не советую. Внутренний мир подростка крайне раним, и залезать к нему в душу просто из любопытства, с зонтиком и в галошах, нельзя. Это то же самое, что делать кому-то полостную операцию, чтобы посмотреть, что там внутри. К тому же легко достигнутое доверие еще быстрее испарится.

Подросток – существо многослойное, его нужно слушать долго и внимательно. Васильев в «Артеке» показывал ребятам кинофильмы, так сказать, на размер больше, чтобы заставить их думать. Потом они должны были писать свободные сочинения об увиденном. Васильев их все – пятьсот штук! – просматривал, а некоторые внимательно читал. Интересных сочинений было мало,

чаще у девочек. Но однажды Евгений Александрович оказался в тупике. Самое тонкое, необычное сочинение написал мальчик из Риги, большой озорной увалень, написавший на своей куртке: «Дай рупь!» и, по всем признакам, неспособный на тонкие чувства. Но сочинение-то было! Поговорив с мальчишкой, Васильев так ничего и не понял, рассказал мне. Я тоже стал с ним разговаривать – сын интеллигентных родителей, но ничего особенного, обычный беспроблемный пацан. На вопрос о чтении сразу же выдал мне всю стандартную обойму подросткового мальчишеского чтива. Я уже готов был отступиться, как вдруг он сказал: «Ну, а еще я люблю Ремарка» и назвал еще несколько довольно сложных книг, причем о каждой из них мог сказать что-то свое. Стало ясно, что мальчик многослоен: снаружи выложен обязательный ширпотреб, а внутри варится что-то более интересное, что выйдет на поверхность позже, когда у него появятся подходящие собеседники, вероятнее всего – девочки, которые читают больше и понимают лучше.

Еще сложнее, если разговор касается чего-то интимного. В «Искателе», когда я отрабатывал методики по общению, моим главным помощником был один мальчик из Харькова, он помогал обсчитывать анкеты, ходил за мною по пятам, говорил, что его приятно удивили девочки, которых он считал поверхностными, а оказалось, что их представления о дружбе тоньше мальчишеских. Чтобы проверить эмоциональное отношение ребят к уже заполненной анонимной анкете, я предложил тем, кто хочет поговорить о себе лично, подписаться своим именем. Этот мальчик, естественно, был в числе желающих. На самом деле мне от них ничего не было нужно, шансов на встречу с ними в будущем было мало, так что говорил я с ребятами скорее из вежливости и никаких интимных вопросов не задавал. Но случайно разговор коснулся сексуальности, и мальчик сразу же замкнулся. Мне показалось, что я услышал, как у него внутри щелкнул выключатель. Я тут же перевел разговор на другую тему и счел его исчерпанным. После этого мальчик несколько раз спрашивал меня, можно ли по заполненной анкете узнать о человеке что-то такое, что он хотел бы скрыть. Я ответил, что это маловероятно.

А перед самым моим отъездом одна из воспитательниц рассказала мне, что накануне вечером, когда ребята увлеченно слушали мой доклад по итогам исследования, мой главный помощник играл с кем-то в пинг-понг. Я понял, что это была демонстрация и одновременно – крик о помощи, которого я не услышал. Видимо, у мальчика были какие-то психосексуальные проблемы, и он испугался, что я их увижу. Теоретически, ему

повезло: он встретил человека, который мог бы помочь ему разобраться в себе (разговорить мальчишку я бы сумел), но тот этого не понял, а потом было поздно. Я долго корил себя за невнимательность…

Воспоминания о ТЮТе

Однажды в 1969 г. Ленфильм пригласил меня на просмотр нового фильма Игоря Масленникова «Завтра, третьего апреля», по известному рассказу Ильи Зверева. Фильм посвящен шестиклассникам, и снимались в нем ребята того же возраста, что и персонажи. Режиссер отобрал подходящих детей, их собрали в один класс, полгода они привыкали друг к другу, а потом был снят фильм. На просмотре присутствовали директора ленинградских школ, которые задали режиссеру много вопросов, включая такой: «Похожи ли ребята на персонажей, которых они играют?»

Игорь Федорович сказал, что может ответить только относительно мальчиков, что же касается девочек, то «они в этом возрасте настолько глупы» (буквально так и сказал), что никакую цельную роль сыграть не могут. Их можно заставить сыграть лишь отдельные эпизоды и состояния, все остальное – дело режиссера и оператора. Ответ режиссера меня поразил. С одной стороны, его мнение явно противоречит данным психологии развития, согласно которым девочки в этом возрасте по многим показателями, включая интеллектуальные, существенно опережают мальчиков. С другой стороны, Масленников – человек умный, и детей, с которыми работал, он прекрасно знал. Откуда же парадокс?

Мне сразу пришло в голову, что его можно объяснить разницей в темпах развития самосознания у мальчиков и девочек. Общеизвестно, что подросток, озабоченный образом собственного «Я», все время проигрывает разные роли и кого-то изображает, именно поэтому его поведение кажется неестественным, хотя другим оно быть не может. Возможно, в это время ему одинаково трудно сыграть «на публику» как самого себя, так и другого. Может быть, разница между мальчиками и девочками объясняется тем, что у девочек этот процесс начинается и заканчивается раньше, чем у мальчиков? Но как проверить это предположение?

И тогда я вспомнил о ТЮТе, Театре юношеского творчества при Ленинградском дворце пионеров. Этот театральный коллектив был основан в 1956 году замечательным педагогом и

режиссером детского театра Матвеем Григорьевичем Дубровиным (1911–1974). ТЮТ задумывался не просто как детский театр, а как способ формировать личность с помощью драматического искусства. Вне зависимости от того, связывают ли его выпускники в дальнейшем свою судьбу со сценой, ТЮТ помогает им стать развитыми и гармоничными людьми. Это достигается, в частности, тем, что его воспитанники не только ставят спектакли и играют в них, но и самостоятельно их обслуживают, осваивая, наряду с актерским мастерством, различные театральные профессии: осветителя, монтировщика, бутафора, костюмера, гримера и др. Это резко уменьшает риск естественной для всякого театра звездной болезни и позволяет поддерживать между детьми дух равенства, независимо от степени их творческой одаренности.

В 2006 г. ТЮТ отметил свое 50-летие. Сейчас в нем 250 юных петербуржцев от четырех до восемнадцати лет, около двадцати творческих групп и девять обслуживающих цехов. ТЮТ имеет собственную сцену, которая по технической оснащенности сравнима с лучшими сценическими площадками города. В его репертуаре В. Шекспир и А. Чехов, Г. Ибсен и Р. Шекли, Т. Стоппард и В. Соллогуб и пьесы многих других российских и зарубежных драматургов. С момента основания ТЮТ является настоящей «кузницей кадров» для петербургского театра. В нем начинали Николай Буров, Лев Додин, Александр Галибин, Сергей Соловьев, Станислав Ландграф, Вениамин и Глеб Фильштинские, Андрей Краско, Николай Фоменко и многие другие талантливые актеры, театральные педагоги и деятели театра.

Я процитировал рекламный проспект, но в нем – чистая правда. Впервые я познакомился с ТЮТом еще в 1965 г. в «Орленке», когда был жив его основатель, но тогда мне было не до него. Много лет спустя мне в руки попали два мальчишеских дневника (в отличие от девичьих дневников, это явление редкое), и в обоих фигурировал ТЮТ. Это было странно. Я привык думать, что замечательные детские учреждения, как правило, умирают вместе со своими создателями или деградируют, а ТЮТ почему-то живет и после смерти Дубровина. Почему?

Я позвонил главному режиссеру Евгению Юрьевичу Сазонову, он любезно пригласил меня в гости, я стал бывать не только во Дворце пионеров, но дважды по неделе жил вместе с тютовцами в летнем лагере.

На первый вопрос: почему ТЮТ пережил своего основателя? – ответ нашелся быстро. Все его педагоги и воспитатели сами выросли в ТЮТе и просто не могли существовать вне его. Это облегчило поддержание традиции и стиля отношений,

заложенных Дубровиным.

Вообще говоря, жизнь в ТЮТе была не беспроблемной. Благодаря наличию производственных цехов в нем мог найти себя и отличиться не только будущий талант, а и самый обычный ребенок. Для детей главным было общение, которое часто отодвигало на задний план и семью, и школу. Разумеется, хорошая школьная успеваемость была обязательным условием: если ребенок не успевал, его не допускали в ТЮТ. Но регулярное посещение ТЮТа требовало времени. Как это скажется на будущем ребенка, особенно старшеклассника?

Обеспокоенная мама приходила к Сазонову и спрашивала: «Что, мой мальчик талантлив, у него есть шанс поступить в театральный институт?» – «Да нет, он у нас больше преуспевает в изготовлении декораций». – «Так зачем же он теряет время? Пусть лучше займется чем-то полезным для будущей карьеры!» Но мальчик не хотел уходить из ТЮТа, ему было там хорошо. Любящие родители, мыслящие жизнь своего ребенка как карьеру, не понимают, что хорошо проведенное трудное время, каким является для многих отрочество и юность, это не потеря, а приобретение, только не материальное, а эмоциональное.

Психологическая атмосфера тютовского лагеря была весьма необычной. В «Орленке» я привык иметь дело с интеллектуальными физматиками, а здесь на первом плане были эмоции. И взрослые их всегда замечали. Таких тонких взрослых я в обычных лагерях не видел. Были и забавные наблюдения общего характера.

Как известно, главные жизненные потребности, например попить, возникают у подростка сразу после отбоя, предвидеть их невозможно. Толстый шестиклассник, который не успел запастись водой, к смущению воспитателей и моему удовольствию (всегда хорошо быть при деле), приспособил меня на роль водоноса: попросил принести снизу из колонки бутылку воды. Одолеть два этажа мне было нетрудно, заодно я взял бутылку и у старших мальчиков, потом несколько минут пробыл в палате у малышей, а когда снова заглянул к старшим, увидел сцену, которая меня поразила: девятиклассник, который пил принесенную мною воду, увидев меня, инстинктивно пытался спрятать руку с бутылкой под кровать.

В первый момент мне стало смешно. Пить воду никому не запрещалось. Я не был начальником, да и вообще здешние дети не были затюканными. Наконец, я только что сам принес им эту воду. Тем не менее, увидев взрослого, юноша инстинктивно прячется. До чего же замордованы наши дети! Как глобально они не доверяют взрослым! Насколько не развито у них чувство

собственного достоинства! И ради чего мы растим из них «исподтишников»?

А вот на собственно театральный вопрос ответа так и не нашлось. Я пересказал тютовским педагогам (среди них были и мужчины, и женщины) мнение Масленникова и попросил вспомнить своих наиболее ярких воспитанников. Они задумались, но потом называли исключительно мальчиков. Кстати, приведенный выше список знаменитостей, взятый с тютовского сайта, состоит из одних мужских фамилий. А где же девочки? Или женский актерский талант не проявляется в детстве? Почему вдумчивые театральные педагоги никого не вспомнили? Или индивидуальные различия мальчиков проявляются ярче? Я подумал, что, может быть, удастся что-нибудь нащупать путем непосредственного наблюдения детского актерства, но стало ясно, что это не получится. Чтобы сопоставить актерские достижения ребенка с уровнем развития его самосознания, нужно выровнять не только детей (по полу, возрасту и т. д.), но и предлагаемые им роли. Играть роль собственного ровесника, или героя исторической драмы, или сказочного персонажа (из всех виденных мною тютовских спектаклей в последнем случае детская выдумка была наиболее раскованной и свободной) – задачи совершенно разные. Так мой вопрос и остался вопросом; видимо, поэтому я его и запомнил (в психологии это называется эффектом Зейгарник). Зато мнение, что учителя запоминают мальчиков лучше, чем девочек, подтвердилось не только на юных физматиках, но и в театральной среде.

Короче говоря, мои знания о подростках не были только книжными. И когда А. В. Петровский предложил мне написать сначала главу для учебного пособия по возрастной психологии (1973), а потом самостоятельную книгу на эту тему (1979), я согласился. В известном смысле это была авантюра. Ни мой личный опыт общения с подростками, ни советские литературные источники не позволяли написать настоящий, хороший учебник. Но что делать, если никто другой за это вообще не брался? Как-никак, я хорошо знал западную литературу, которую тогда мало кто читал, разве что для критики. Кроме того, у меня было за плечами исследование юношеской дружбы, содержавшее также большой блок вопросов, касавшихся самосознания и общения. На этой основе был написан ряд научных статей и вполне приличных популярных брошюр – «Психология юношеской дружбы» (1973), «Какими они себя видят?» (1975).

Между прочим, в последней брошюре советские подростки впервые обрели тело и тревоги по поводу своей внешности. Заодно я поставил в ней небольшой социальный эксперимент.

Среди художественной интеллигенции бытовал анекдот, будто в стране живет художник, который пишет хорошие картины и тем не менее все комиссии их пропускают и принимают.

– Как тебе это удается? – пристали коллеги.

– Не скажу, это мой профессиональный секрет.

– Ну, пожалуйста…

– У меня есть «принцип Жучки». Какой бы сюжет я ни писал, в правом нижнем углу изображаю маленькую собачонку. Поскольку никакого отношения к сюжету она не имеет, любая приемная комиссия сразу обращает на нее внимание и требует убрать. Я долго сопротивляюсь, говорю, что в Жучке заключено все мое эстетическое кредо и т. д., а потом спрашиваю: «Ну, а если убрать Жучку?» – «Тогда все в порядке» (ничего другого они вообще не разглядели). После чего картину единогласно принимают.

Говорили, будто Новосибирский оперный театр однажды буквально применил этот метод в каком-то спорном спектакле и все прошло, возможно, это выдумка.

Поскольку моя брошюра была крайне необычной (в ней говорилось даже о подростковой мастурбации), я вставил в нее в качестве Жучки мало кому известное слово «эякуляция». Редакторша умоляла меня его убрать, объясняла, что у них (это было издательство «Знание») новый главный редактор, генерал-лейтенант, бывший замначальника Главпура по комсомолу, который ко всему придирается. Но я был непреклонен: пусть генерал прочитает мою брошюру, мы с ним все обсудим и спокойно договоримся. В общем, «эякуляция» в верстке осталась, а генерал то ли не стал читать мою брошюру, то ли ничего не заметил, то ли был не так страшен, как его малевали. В результате Жучка-эякуляция сохранилась во всем 500-тысячном тираже, а потом мне даже присудили за эту брошюру первую премию на всесоюзном конкурсе. Честное слово, она того стоила…

Занимался я и проблемами юношеской сексуальности. Все это послужило базой для учебного пособия «Психология юношеского возраста» (1979).

Ценность этой книги, на мой взгляд, заключалась прежде всего в том, что в ней впервые в послевоенной советской литературе возрастные процессы и социализация юношества, а также само понятие юности были рассмотрены в широкой социально-исторической и междисциплинарной перспективе, с учетом новейших лонгитюдных исследований и психологии жизненного пути, обобщены данные о развитии самосознания, эволюции образа «Я», о структуре общения, обществе сверстников и юношеской субкультуре (в то время почти все у нас считали это

понятие «буржуазным»), психосексуальном развитии и сексуальном поведении. И написана она была не обычным канцеляритом, а нормальным, удобочитаемым русским языком.

Не имевшая аналогов книга была тепло встречена научно-педагогической общественностью. «Представляя читателям книгу И. С. Кона “Психология юношеского возраста”, – писал рецензент “Правды”, – хочется избежать привычных выражений “в числе других” или “еще одна”. Дело в том, что это первый и пока единственный систематический курс, посвященный психологии юношества. Надо ли говорить, что без таких знаний невозможно сегодня представить серьезную педагогическую подготовку как родителей, так и учителей, рабочих-наставников, комсомольских активистов, словом, всех, кто причастен к воспитанию молодежи»[53]. Книга была мгновенно раскуплена, переведена на несколько языков; существенно расширенный ее вариант на венгерском языке вышел двумя изданиями. В 1980 и 1982 годах у нас вышло ее расширенное издание – «Психология старшеклассника», а в 1989-м – переработанный и дополненный вариант «Психология ранней юности». Общий тираж книги составил 1450 тысяч экземпляров.

К сожалению, из-за недостатка первичных данных многие проблемы были в ней скорее обозначены, чем раскрыты. Я лишь пытался восполнить то, что должны были сделать, но не сделали другие. Во втором издании «Психологии старшеклассника» (1982) прямо говорилось:

«Из-за непростительной скудости социально-педагогических и социально-психологических исследований групповой портрет “современного юноши”, с которым соотносит и сверяет свои личные впечатления учитель, выглядит расплывчатым, недостаточно конкретным. Мы говорим о психологии юношеского возраста, а фактически описываем:

а) преимущественно мальчика, потому что девичью психологию не изучали; б) школьника, потому что данных об учащихся ПТУ и других категориях молодежи того же возраста еще меньше, чем о школьниках; в) жителя очень большого города, потому что сельская молодежь и подростки из маленьких городов изучены хуже; г) неопределенного социального происхождения, потому что данные об особенностях воспитания детей в разных социальных слоях и средах отрывочны и несистематичны; д) неизвестно какого поколения, потому что нет систематических когортных и сравнительно-исторических исследований, а эпизодические сравнения сегодняшних данных с данными 1920-х или 1930-х годов этот пробел восполнить не могут.

Остро необходимы также межкультурные, историко-

этнографические данные о национальных различиях воспитания и процессов взросления в прошлом и настоящем. Этот большой и серьезный счет учительство вправе предъявить педагогической науке, прежде всего Академии педагогических наук СССР».

В издании 1989 г. я полностью воспроизвел этот текст.

Самая сложная теоретическая часть, на которую я потратил вдвое больше времени и сил, чем на весь остальной текст, осталась нашими психологами незамеченной, зато многие другие аспекты темы прочно вошли в массовый научный оборот. Я собирался продолжить эту работу. Ради этого, а может быть просто из удовольствия, я часто общался со школьниками и студентами в молодежных и студенческих лагерях, интересовался юношеским чтением, защищал от нападок молодежную музыку, поддерживал дружеские отношения с детскими театрами, особенно Ленинградским ТЮЗом, и с некоторыми кинорежиссерами, включая Динару Асанову и Ролана Быкова. Идею написания расширенного учебника активно поддерживал известный журналист и талантливый писатель в области педагогики Симон Львович Соловейчик.

В те годы я много сотрудничал с молодежной прессой. Отличные молодые журналисты создавали милый подростковый клуб «Алый парус»; именно там начинал карьеру будущий ельцинский зять Валентин Юмашев. Самым лучшим специалистом в стране по всем подростковым и вообще молодежным проблемам был Юрий Щекочихин, он прекрасно понимал и мог разговорить самых трудных подростков. Это был яркий, смелый и безупречно честный человек. Я участвовал во многих его начинаниях и круглых столах. После перестройки он стал депутатом Госдумы, занимался опасными расследованиями и был за это отравлен.

Забавно, но был период, когда самым прогрессивным ведомством в трактовке молодежных проблем являлось МВД. Отчасти потому, что там подобрались действительно грамотные специалисты, а отчасти в силу ведомственной принадлежности. Партийная пропаганда уверяла, что никакие «отрицательные явления», будь то пьянство, наркомания или молодежная преступность, не имеют в нашем обществе объективных корней. МВД, заведовавшее всесоюзной помойкой, не могло принять эту точку зрения, потому что из нее следовало, что все недостатки – следствие плохой работы милиции. Такая позиция министерства способствовала развитию социологического реализма и расширению контактов МВД с социологами.

Впрочем, здесь были свои ограничения. Когда мой бывший студент Леонид Гозман кончал психологический факультет МГУ,

Галина Михайловна Андреева хотела оставить его у себя на кафедре, но еврейская фамилия была серьезным препятствием. Однажды, потеряв надежду, Галина Михайловна сказала Гозману, что может рекомендовать его в Академию МВД, прогрессивный и умный ректор генерал Крылов создает там серьезный научный центр и им настолько нужны хорошие кадры, что они готовы взять даже еврея. На всякий случай Гозман приехал посоветоваться ко мне в Ленинград. Я редко даю однозначные советы, но в данном случае счел возможным это сделать. «Все верно, – сказал я. – Крылов действительно имеет хорошую репутацию, и они хотят заниматься делом, но в выборе между личностью и системой нужно всегда отдавать предпочтение системе. Сегодня это хорошее учреждение, а завтра с Крыловым что-нибудь случится, и ты останешься в карательной системе с ограниченной свободой». Леня последовал совету, а Крылова действительно скоро начали травить, и он застрелился в своем служебном кабинете.

Юношеская тематика побудила меня заняться проблемами молодежной культуры, включая моду и музыку. Будучи сам воспитан на классике, я прохладно относился к рок-музыке, но последовательно отстаивал право молодежи на собственные эстетические вкусы и пристрастия, охотно повторяя слова знаменитого режиссера и художника Николая Акимова: «Каждое поколение имеет право в награду за свои труды и полезную деятельность шить себе брюки по своему вкусу и сидеть на стульях, которые ему нравятся. И вешать на стены то, что хочется, а не то, что противно».

В целом ряде публикаций, включая учебник юношеской психологии, я пытался защищать молодежную моду и молодежную музыку, и это ценили такие люди, как Андрей Макаревич и Артем Троицкий. Это продолжилось и в годы перестройки, когда я опубликовал в «Правде» острую статью против инициированной Е. Лигачевым попытки В. Белова, Ю. Бондарева и В. Распутина очернить и запретить рок.

Однако по причинам, о которых рассказано выше, в середине 1980-х моя научная работа в области юношеской психологии прекратилась. Последнее издание учебника («Психология ранней юности», 1989 г.) было существенно улучшено по сравнению с предыдущими, в частности за счет материалов о девиантном поведении, самоубийствах и других печальных вещах, которые раньше нельзя было упоминать (например, в венгерском издании моей книги 1979 г. было несколько страниц о подростковых самоубийствах, а в советском – нет, эта тема была еще запретной, психиатры только начинали ее приоткрывать), но многого я

сделать не мог.

Читательский интерес к этой книге сохраняется, московские психологи не раз предлагали мне переиздать ее, был даже подписан издательский договор, но по зрелом размышлении я понял, что мне это не под силу. За прошедшую четверть века психология развития существенно изменилась. Чтобы обновить научно-теоретическую часть учебника, нужно прочитать несколько толстых дорогих иностранных книг, которых в российских библиотеках нет, купить их я не могу. Однако самое главное – радикально изменился жизненный мир российского юношества. Социологи описывают эти изменения точнее психологов, многие из которых живут как бы вне времени, механически списывая все «отрицательные» явления на сложности переходного периода или вредное влияние Запада (при советской власти это были «пережитки капитализма»).

Для психолога социальная статистика, даже если бы она была надежной, чего про наши данные сказать нельзя, – лишь сырой материал к размышлению. Чтобы понять происходящие перемены, нужно непосредственно общаться с подростками, не подводя их под заранее заданные образцы. Между тем официальная идеология сегодняшнего российского общества столь же консервативна, лицемерна и нереалистична, как позднесоветская, разрыв между поколениями продолжает углубляться. Написать в таких условиях хороший учебник трудно, а продвинуть его в вузы – невозможно. Не обсуждать же мне разницу между старой «Зарницей» и тем военно-патриотическим воспитанием, включая обучение стрельбе из автомата, которым занимаются православные священники? Поэтому вместо переиздания книги я целиком разместил ее в Интернете, а то, что удастся обновить, – войдет в новую книгу «Мальчик – отец мужчины».

Этнография детства

Я не хочу ни мудрых изречений,
Ни пышных слов, ни выкладок ума.
Верни мне классы и урок черченья,
Игру в крокет и томики Дюма.

Рюрик Ивнев

Другое ответвление моей «молодежной» тематики – этнография детства. Еще в начале 1970 годов, заинтересовавшись, в связи с критикой «пеленочного детерминизма», историей русского детства, я обнаружил, что ею никто не занимался всерьез с дореволюционных времен. Сначала я надеялся, что пробел смогут восполнить историки педагогики, но эта иллюзия быстро рассеялась – они занимались главным образом историей вырванных из социального контекста педагогических теорий; история воспитания, не говоря уже о культуре детства, была для них слишком сложна. Потом думал о кооперации с литературоведами, советовался с Ираклием Андрониковым – ведь детские и юношеские годы наших классиков, за редкими исключениями, очень плохо изучены, – но это тоже оказалось организационно сложным. Тем не менее мне удалось, как уже было сказано, опубликовать русский перевод некоторых разделов классической книги Филиппа Арьеса, с которой начинается современная история детства, а затем и нескольких статей на эти темы. Так что молодой историк-русист, который увлекся бы этой проблемой, мог немедленно приступить к работе, не нуждаясь даже в знании иностранных языков.

Увы, ни молодых, ни старых историков-русистов, интересующихся тем, как воспитывали детей наши предки, в советское время не обнаружилось. Этнопедагогикой больше занимались в национальных республиках. Хотя тут не было никаких идеологических запретов, напротив – эта проблематика была и остается буквально золотым дном. Просто у историков России не было ни вкуса к социальной истории, ни необходимого для подобных занятий общенаучного кругозора, каким располагали, к примеру, востоковеды и медиевисты-западники.

Переход в Институт этнографии позволил мне поставить эту проблематику на другом, иноземном материале. Сотрудники сектора этнографии народов Зарубежной Азии, руководимого А.

М. Решетовым, сами попросили меня составить общую концептуальную программу исследования, на основе которого были описаны – в основном, по литературным данным, но отчасти и по собственным наблюдениям ученых – традиционные формы воспитания детей и подростков у целого ряда больших и малых народов Восточной, Юго-Восточной, Южной и Передней Азии, а затем также Австралии, Океании и Индонезии. В первом из этих сборников (1983) я опубликовал большую историографическую статью, прослеживающую разные аспекты изучения культуры детства в гуманитарных и общественных науках. По той же программе, но на собственных, оригинальных полевых материалах сотрудники сектора народов Сибири провели исследование «Традиционное воспитание детей у народов Сибири» (1988), посвященное народной педагогике кетов, нганасан, ненцев, манси, нивхов, нанайцев, чукчей, коряков, тувинцев, теленгитов, якутов и хакасов.

Хотя эти работы были описательными, они вызвали большой профессиональный и читательский интерес. Словосочетание «этнография детства», отвергнутое при первом обсуждении на редакционно-издательском совете как «непонятное», явочным порядком стало названием целой серии публикаций, причем эти книги было практически невозможно достать, хотя речь шла о довольно далеких от нас народах. Все рецензии были в высшей степени положительными[54].

В книге известного американского психолога Яна Вальсинера «Психология развития в Советском Союзе» нашему «этнографическому подходу к развитию ребенка» посвящен особый раздел[55], причем подчеркивается, что этот подход «более эрудирован, чем его западные аналоги», поскольку «интегрирует историческое, семиотическое, этнографическое и социально-психологическое знание», что редко делается в западноевропейской и североамериканской психологии. «Интернационально-ориентированное и высоко философски эрудированное мышление, пронизывающее работы Кона, напоминает русские психологические традиции Вагнера, Выготского, Басова и Северцова и очень отличается от стиля мышления, господствовавшего в советской психологии между 1930 и 1970 гг.». «Серьезная интеграция этого течения с другими тенденциями в рамках официального психологического мышления в СССР маловероятна».

Наша работа была продолжена этнографами, культурологами и отчасти педагогами. В 1990-х она была востребована также в рамках культурно-исторической психологии, самым ярким представителем которой является А. Г Асмолов. Широкое

внимание публики привлек и опубликованный в «Этнографической библиотеке» сборник избранных произведений Маргарет Мид «Культура и мир детства» (1988).

Для облегчения дальнейшей междисциплинарной кооперации социологии, этнографии и истории детства я также написал монографию «Ребенок и общество: историко-этнографическая перспектива» (1988), где теоретически, но на конкретном материале рассматриваются: природа возрастных категорий, взаимодействие стиля социализации и принятого в культуре нормативного канона человека («имплицитной теории личности»), особенности социализации мальчиков и девочек, специфические особенности и закономерности развития отцовства и материнства и т. п. Наиболее оригинальной частью ее была теория возрастного символизма. В оборот отечественной антропологии и педагогики впервые были введены данные статистических кросс-культурных исследований, «проект шести культур» и др. (лично с Джоном Уайтингом меня познакомил Юрий Бронфенбреннер). Эта литература была для меня непривычной, я потратил на ее изучение много времени. Впервые обсуждались также проблемы антропологии и психологии родительства.

Несколько слов вообще об историографии и анализе научной литературы. В советских общественных и гуманитарных науках эта работа чудовищно недооценивалась. Объективной предпосылкой для такой недооценки являлась насильственно укороченная и кастрированная историческая память. Иностранную литературу, особенно после 1949 г., знать вообще не полагалось, последним энциклопедически образованным советским психологом был С. Л. Рубинштейн, который именно в силу этого стал главным объектом травли за «космополитизм». А отечественная (читай: единственно правильная) традиция обрубалась периодическими идеологическими чистками, в результате которых многие ученые и целые школы становились «неназываемыми» и быстро забывались. Укороченная перспектива в пространстве и во времени благоприятствовала появлению уродливых микрокультов, когда чуть ли не каждый амбициозный профессор и завкафедрой провозглашался своими подчиненными основоположником «лучшей в мире» научной школы. Эта традиция жива и сегодня.

Между тем локальная, не вписанная в общенаучную картину, точка зрения, при всей ее оригинальности («никто не рассматривал мир под углом зрения мизинца моей левой ноги»), может быть менее плодотворной, чем синтез того, что сделали другие. Когда я занимался антропологией детства, у меня часто

возникал соблазн остановиться на чем-то одном, менее разработанном или более мне интересном. Но вставал вопрос: а кому я это адресую, есть ли у меня подготовленный собеседник, или я должен еще сформировать его, дав более широкий обзор темы, который позволит ему в ней сориентироваться? Никто не ждет от вратаря, чтобы он забивал мячи, а от форварда – чтобы он защищал ворота, и не обсуждает, кто из них важнее. А наука, в известном смысле, – дело более коллективное, чем футбол, даже если игроки живут на разных континентах. Как при этом взаимодействуют ситуативные (отсталая страна с низким уровнем профессионализма) и когнитивные (склонность к постановке новых вопросов или к подведению итогов сделанного другими) факторы – вопрос открытый.

Печататься в Главной редакции Восточной литературы издательства «Наука» было очень приятно. Кажется, это единственная моя советская книга, где можно было дать неурезанные сноски. Эту книгу часто цитируют педагоги и психологи. В 2003 г. ее дополненное и обновленное издание выпущено в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по психологическим и педагогическим специальностям.

Эта работа не пропала даром. В конце 1990-х наконец появились первые оригинальные отечественные исследования по истории русского детства (О. Е. Кошелевой и др.), о которых я мечтал в 1970-х. В системе гендерных исследований совершен прорыв в изучении истории русского материнства (Н. Л. Пушкарева). Некоторые свежие идеи развиваются в рамках так называемой педагогической антропологии, хотя контуры ее не всегда отчетливы. Заявила о себе новая социология детства. Информация о статистических кросс-культурных исследованиях этнографам 1980-х не пригодилась, но в 1990-х этой проблематикой серьезно занялись ученые из РГГУ во главе с А. В. Коротаевым, создавшим Московскую школу количественных кросс-культурных исследований. Эти люди уже имели возможность учиться и работать за рубежом. Я узнал об их исследованиях совершенно случайно, из американского журнала, при подготовке новой книги о мальчиках.

Так что этот аспект моей работы оказался частично востребованным. Сейчас я продолжаю ее на новом материале, в рамках исторической антропологии мальчишества.

Сексология

Я хочу быть понят своей страной,
А не буду понят – что ж?
По родной стране пройду стороной,
Как проходит косой дождь.

Владимир Маяковский

Проблемами сексуальности я занялся в известной мере помимо собственной воли. Хотя в юности я, как всякий нормальный человек, интересовался ими, мой интерес был сугубо практическим, и его вполне удовлетворило знакомство с классической старой книгой Теодора ван де Велде «Идеальный брак». В научно-теоретическом плане сексуальность не казалась мне достойным предметом. Однажды у меня дома был даже небольшой спор с аспирантом нашей кафедры Сергеем Николаевичем Артановским (позже известным культурологом). Тот говорил, что эротика – увлекательный философский сюжет, а я с ним почему-то не соглашался. Однако вскоре мне пришлось не только изменить точку зрения, но и вплотную заняться изучением человеческой сексуальности.

Отчасти меня «совратил» мой аспирант Сергей Исаевич Голод, который еще в 1960-х годах вопреки моим советам (я предупреждал его, что эта тема в СССР недиссертабельна и даже опасна, и оказался прав – защитить эту диссертацию Голоду так и не удалось, несмотря на кучу положительных отзывов) занялся эмпирическим изучением сексуального поведения советской молодежи и тем самым вовлек меня в это «грязное дело».

Отчасти же действовала внутренняя логика научного поиска. Еще занимаясь историей позитивизма в социологии, я не мог не познакомиться с трудами Альфреда Кинзи, а затем – интересно же! – и с другими подобными книгами. А если знаешь что-то полезное – как не поделиться с другими? Моя первая большая статья на эти темы «Половая мораль в свете социологии» (1966) была написана по заказу редакции журнала «Советская педагогика». Никаких отрицательных последствий лично для меня эта статья не имела, но в 1997 г. завкафедрой социологии Самарского университета проф. Е. Ф. Молевич рассказал мне, что в свое время он и его коллеги, рекомендовавшие мою статью студентам, имели страшные неприятности с местным обкомом;

ученых спасло только то, что статья была напечатана в центральном журнале, а автора продолжали печатать в партийных издательствах.

Несколько страниц о сексуальной революции и о психосексуальном развитии человека содержала и «Социология личности». Широкий общественный резонанс имела статья «Секс, общество, культура» в «Иностранной литературе» (1970), которая была первой и в течение многих лет единственной в СССР попыткой более или менее серьезного обсуждения проблем сексуально-эротической культуры. Затем эту тему подхватили И. С. Андреева и А. В. Гулыга в журнале «Студенческий меридиан».

Поворот от социологии сексуального поведения к теоретико-методологическим проблемам сексологии как междисциплинарной отрасли знания произошел в связи с подготовкой третьего издания Большой Советской Энциклопедии, в которой я был научным консультантом. В 46-м томе первого издания БСЭ, вышедшем в 1940 г., была весьма консервативная статья «Половая жизнь», в которой акцент делался на то, чтобы не вызывать «нездоровый интерес» и добиваться «разумного переключения полового влечения в область трудовых и культурных интересов»; заодно сообщалось, что в СССР нет полового вопроса.

Ко времени выхода второго издания БСЭ (1955 г.) в СССР не стало уже не только «полового вопроса», но и «половой жизни». В 33-м томе была статья «Пол», но она была посвящена исключительно биологии, человек в ней даже не упоминался. Стопроцентно медико-биологическими были и все прочие статьи, касавшиеся пола: половое бессилие, половое размножение, половой отбор, половой диморфизм, половой цикл, половые железы, клетки, органы. Единственный социальный сюжет – «Половые преступления». И правильно – чего еще ждать от такой гадости?

В третьем издании БСЭ, выходившем в 1970-х годах, «половую жизнь» решили восстановить, но когда мне прислали на просмотр весь блок статей, относящихся к полу, я пришел в ужас. В статье «Пол» не оказалось не только ничего социального, но даже и самого человека. Все сводилось к генетике пола, в основном на примере шелкопряда, которого плодотворно изучали советские генетики. Такие важные для понимания механизмов половой дифференциации дисциплины, как эндокринология и эволюционная биология, даже не были упомянуты. В список литературы не включена ни одна иностранная книга. Такими же монодисциплинарными были и остальные медико-биологические статьи. В материалах же, которые подготовили педагоги и

философы, господствовала привычная морализация.

Чтобы спасти положение, заведующие редакциями философии, биологии и педагогики просили меня, совместно с Г. С. Васильченко, написать довольно большую статью «Половая жизнь» и как-то интегрировать разные подходы. Но где взять дополнительный объем, ведь буква «п» ближе к концу алфавита, а объем издания лимитирован? Заведующие редакциями обратились в главную редакцию, ждали отказа и даже приготовили на этой случай неотразимый аргумент: поскольку за несколько дней до того был увеличен объем статьи «Одежда», редакторы пошли к начальству под лозунгом: «Зачем одежда, если нет половой жизни?» Но главный редактор согласился и без нажима. В результате была не только расширена «Половая жизнь», но и появились отдельные статьи: «Сексология», написанная мною, и «Сексопатология», написанная Г. С. Васильченко. Поскольку эта проблематика давалась на страницах БСЭ впервые, мне пришлось задуматься о месте сексологии среди прочих научных дисциплин, причем не только медицинских.

В 1976 г. по просьбе А. Е. Личко я прочитал в Психоневрологическом институте имени В. М. Бехтерева лекционный курс о юношеской сексуальности, содержавший также ряд соображений общего характера. Лекции вызвали большой интерес, их неправленые стенограммы стали распространяться в самиздате, а ведущий польский сексолог Казимеж Имелиньский заказал мне главу «Историко-этнографические аспекты сексологии» для коллективного труда «Культурная сексология». Посылая ее в цензуру, я боялся скандала из-за семантики русского мата: прочитает эти страницы какая-нибудь бдительная цензорша – и начнется шум: вот, дескать, чем занимаются эти ученые, да еще за рубеж посылают! Но все обошлось.

После этого венгерское партийное издательство имени К ˚шута, переводившее все мои книги, заказало мне оригинальную книгу «Культура/сексология», которая была издана в 1981 г. и сразу же распродана (в Венгрии такой литературы тоже было мало). В 1985 г. новый ее вариант – «Введение в сексологию» – был издан в обеих Германиях.

Вначале я не воспринимал эту работу особенно серьезно, считая ее чисто популяризаторской, каковой она по своему жанру и была. Но в 1979 г. меня пригласили на Пражскую сессию Международной академии сексологических исследований, самого престижного международного сообщества в этой области знания, и по недосмотру партийного начальства (подумаешь, Чехословакия!) меня туда, вопреки всем ожиданиям, выпустили.

Общение с крупнейшими сексологами мира показало, что некоторые мои мысли не совсем тривиальны и интересны также и для профессионалов. Это актуализировало вопрос о русском издании книги.

Поначалу я об этом вовсе не думал, рассчитывая исключительно на самиздат, который действительно стал ее энергично распространять. Все советские рецензенты рукописи, а их было свыше сорока (из-за мультидисциплинарного характера книги нужно было апробировать ее у ученых разных специальностей, среди которых были этнографы, социологи, антропологи, психологи, физиологи, сексопатологи, эндокринологи, психиатры и другие), плюс два ученых совета, дружно спрашивали: «А почему это печатается только за границей? Нам это тоже интересно и даже гораздо нужней, чем им!»

Изучение истории и антропологии сексуальной культуры оказалось сказочно интересным. В оперативной памяти воспитанного домашнего мальчика не было матерных выражений. Разумеется, я знал их значение, но они не были частью моей повседневной речи, если я уроню на ногу утюг, выражений крепче «черта» у меня не вырвется. А теперь меня вдруг заинтересовало, кто именно и зачем «… твою мать»? Подразумевается ли при этом моя, твоя или чья-то чужая мать? Куда именно надо идти, если тебя посылают «в» или «на», чем и почему отличаются эти адреса и т. п.? Пришлось разыскивать и читать специальную этнографическую и лингвистическую литературу (в советских словарях «нехорошие» слова попросту отсутствовали). Вот когда мне пригодилась работа в Институте этнографии!

Выступая на ученом совете с докладом о семантике русского мата, я увидел, что «это» интересно буквально всем, а поскольку этнографы – люди образованные, они подсказали мне массу данных о неизвестных мне языках. В частности, А. К. Байбурин указал мне на важную статью А. В. Исаченко, напечатанную в сборнике «Lingua viget», посвященном памяти А. И. Кипарского. В том, что статью по истории *русского* мата написал *по-французски* известный *американский* лингвист русского происхождения, а опубликована она была в *Хельсинки* в сборнике с *латинским* названием, было что-то мистическое.

Нещедрый на похвалы крупнейший африканист Дмитрий Алексеевич Ольдерогге (1903–1987), прочитав рукопись, написал мне большое письмо, в котором шутливо покаялся в своем застарелом викторианстве и не только одобрил мою работу, но и поделился ценными соображениями об африканских культурах и языках.

Очень внимательно прочитал рукопись выдающийся этнограф и фольклорист Кирилл Васильевич Чистов (1919–2007). Что его положительный отзыв не был вежливой отпиской (ученые не любят рецензировать работы, далекие от их собственной проблематики), я поверил только после того, как увидел его многочисленные карандашные пометки на полях рукописи. Кстати, из них я впервые узнал о существовании проблемы «нагого» и «голого», к которой вернулся много лет спустя в книге о мужском теле.

В числе поддержавших мою книгу ученых-гуманитаров оказались видные антропологи и этнографы (В. П. Алексеев, С. А. Арутюнов, А. Г. Козинцев, Б. Н. Путилов, Ю. И. Семенов, С. А. Токарев, А. М. Хазанов), философы (В. Ж. Келле) и социологи (В. А. Ядов, Б. М. Фирсов). Столь же дружелюбны и внимательны были биологи (В. Г. Кассиль, Е. М. Крепс, П. В. Симонов) и медики (А. М. Свядощ, Г. С. Васильченко, З. В. Рожановская, А. И. Белкин, Л. И. Спивак, В. Е. Каган).

Известный физиолог, заведующий Лабораторией сравнительного онтогенеза высшей нервной деятельности Института физиологии Виталий Григорьевич Кассиль (1928–2001) не просто написал отзыв, но настолько тщательно прочитал мою работу, что после него ни один биолог не нашел в ней ни одной ошибки. Одновременно он заставил меня задуматься и о некоторых гуманитарных вещах. Отчеркнув какую-то фразу, он спрашивал: «А откуда это известно и чем доказывается?», и нередко у меня не было другого ответа, кроме того, что так принято в нашей науке. С тех пор я всегда стараюсь пропускать свои книги через восприятие неспециалистов.

Изучение сексуальности заставило меня читать специальную биолого-медицинскую литературу. Я никогда не позволял себе халтурить и заимствовать информацию из третьих рук или ненадежных источников, но всего не прочитаешь, да и понимать «чужие» научные тексты нелегко. Отсюда – потребность в личных контактах. Наибольшую помощь, как всегда, оказывали зарубежные коллеги, с которыми я изредка общался на сессиях Международной академии сексологических исследований или, гораздо чаще, путем переписки, причем не было случая, чтобы на мой, даже наивный, запрос не ответили.

Не было особых проблем и с соотечественниками. Добрые отношения с некоторыми ведущими психиатрами страны сложились у меня давно, еще в связи с проблемами детской и подростковой психологии. Не могу не упомянуть в этой связи Виктора Ефимовича Кагана, замечательного детского психиатра, которого можно по праву назвать также основоположником

российской детской сексологии, и прекрасного поэта. Теперь мне нужны были не только психиатры, но и представители других медицинских специальностей, особенно эндокринологи и сексопатологи. Увы, сплошь и рядом они не контактировали даже между собой. Особенно враждовали друг с другом Г. С. Васильченко и А. И. Белкин.

Советская сексологическая классика: Г. С. Васильченко и А. И. Белкин

Георгий Степанович Васильченко (1921–2006) не был первым российским ученым, который заинтересовался проблемами человеческой сексуальности. До 1917 года русские исследования в этой области знания ничем не уступали европейским, но в 1930-х годах все было запрещено и вытоптано. В середине 1960-х все пришлось начинать с нуля. Идеологически условия были трудными. К тому же урологи, гинекологи, эндокринологи и психиатры практически ни о чем не могли договориться друг с другом. Невропатолог Васильченко первым поставил вопрос о необходимости создания междисциплинарного раздела медицины, превратил скромное отделение сексопатологии Московского НИИ психиатрии во Всесоюзный научно-методический центр, написал первые советские руководства для врачей «Общая сексопатология» (1977) и «Частная сексопатология» (1983) и добился создания в стране хоть какой-то службы сексологической помощи.

Если бы Георгий Степанович был человеком более дипломатичным и энергичным, он, вероятно, мог бы добиться и большего, прежде всего – организации медицинского сексологического образования. Но дипломатичный и деловой человек никогда не стал бы заниматься столь неблагодарным делом. Когда Васильченко показал своим коллегам по Институту психиатрии привезенные им из Дании, где он некоторое время работал во Всемирной организации здравоохранения, школьные учебники, его обвинили в распространении порнографии. Против институционализации сексопатологии категорически возражали влиятельные урологи, убежденные в том, если «органом» занимаются они, то все остальное – от лукавого. Попробуйте спорить с докторами, имеющими непосредственный доступ к телам престарелых членов Политбюро…

У Георгия Степановича был тяжелый характер. Как часто бывает с учеными, он переоценивал значение собственной концепции, не умел слушать оппонентов, неосновательно и без

знания дела ругал психоанализ. Однако он был подвижником своего дела. В отличие от некоторых современных медиков, превративших сексологию в доходный промысел, Васильченко видел в ней серьезную науку. Созданные им семинары и курсы по сексопатологии были единственной в СССР формой более или менее профессионального сексологического образования. Почти все ведущие современные российские сексопатологи – его ученики. Исключение составляют петербуржцы, где были свои асы.

Прежде всего, это Абрам Моисеевич Свядощ (1914–1997), крупнейший специалист по женской сексуальности (концепция Васильченко основывалась на мужском материале, применение ее к женщинам было проблематично), психиатр, автор лучшей советской книги о неврозах. Между прочим, сексологией он занимался, так сказать, в свободное от работы время, будучи по должности профессором кафедры биомедицинской кибернетики Северо-Западного политехнического института; по сексопатологии штатных мест попросту не было, а на кафедру психиатрии его не пускали недоброжелательные коллеги. Тесно сотрудничал с ним блестящий клиницист и лектор Сергей Сергеевич Либих, основавший первую в стране кафедру сексологии в Медицинской академии последипломного образования (МАПО).

Со всеми этими людьми у меня были отличные отношения. Васильченко и Свядощ рецензировали мое «Введение в сексологию» (1988), Георгий Степанович всячески поддерживал ее издание. После его выхода на пенсию бывшие ученики помогли ему не умереть с голоду, и тем не менее старый профессор умер в одиночестве и нищете. Я не нашел в Интернете ни одного нормального некролога. А ведь именно этому человеку россияне обязаны тем, что в стране существует хоть какая-то государственная медицинская сексологическая помощь…

Мое знакомство с Ароном Исааковичем Белкиным (1927–2003) началось необычно. В конце 1960-х годов я заведовал отделом в Институте конкретных социальных исследований, но жил в Ленинграде и приезжал в столицу раз в месяц. В один из моих приездов начальник нашего спецотдела (как потом выяснилось, у Арона Исааковича лечился какой-то его родственник) сказал мне, что со мной хочет познакомиться профессор Белкин, который в это время заведовал отделом психоэндокринологии в Московском НИИ психиатрии, там же, где и Васильченко, и занимался изучением транссексуализма.

До Белкина в СССР мало кто знал об этом явлении. Людям, чей образ «Я» не совпадал с их анатомическим полом, негде было

искать не только помощи, но даже понимания. Лично мне о том, что половая принадлежность не так проста и однозначна, как кажется, первым рассказал однокурсник моего друга И. П. Лапина, блестящий молодой эндокринолог Леонид Либерман. Из специальной литературы он узнал, что пол наружных гениталий может не совпадать с гормональным полом и что эндокринологические методы определения биологического пола точнее визуального наблюдения. Но как убедить в этом хирургов?

Либерман рассказывал мне о своем первом опыте. Своими эндокринологическими методами он определил, что его пациент не мужчина, а женщина. В Военно-медицинской академии была назначена операция, пациент уже лежал на столе, но хирург, взглянув на его гениталии, сказал: «Что вы ерунду городите, это явный мужик, ничего резать я не буду!» Но Либерман был уверен в своей правоте: «Хорошо, если вы не хотите, я пойду на преступление. Дайте мне ваш скальпель, я у вас на глазах разрежу ему кожу, и вы увидите там яичники!» Под таким нажимом хирург сдался, и правота эндокринолога подтвердилась. Кажется, именно этот случай впервые заставил меня задуматься о природе биологического пола, я даже свел Либермана с Б. Г. Ананьевым, но вскоре Леонид эмигрировал (просто не вернулся из поездки к родственникам в Париж, после чего сделал отличную профессиональную карьеру в США), так что ничего из этого сотрудничества не вышло.

Что касается собственно транссексуализма (это гораздо более сложное явление), то я впервые узнал о нем из этнометодологии Гарольда Гарфинкеля (знаменитая «история Агнессы»). Сегодня эта работа переведена и ее «проходят» в любом приличном курсе истории социологии, но тогда о ней у нас никто даже не слышал (я ее знал именно потому, что занимался историей социологии). Даже такой сексологически сравнительно образованный и знавший иностранные языки человек, как Свядощ, часто смешивал транссексуализм с гомосексуальностью. Белкин стал первым известным ученым, который вместе с хирургом И. В. Голубевой начал диагностировать таких людей и изменять их гражданский пол, а если нужно – и тело.

Это было очень трудно не только медицински, но и административно. Чтобы изменить гражданский (паспортный) пол, требовалась виза двух союзных министров, здравоохранения и внутренних дел. Никакой иностранной литературы по этим вопросам в советских библиотеках не было, да и сам Арон Исаакович в то время почти не знал английского языка (позже он это восполнил). Не было в его команде и психологов, и взять их было негде. Советская психология была абсолютно бесполой,

даже о тестах маскулинности и феминности психологи знали понаслышке и применяли их (если вообще применяли) по собственному разумению.

Чисто эмпирическим путем Белкин обнаружил, что самое эффективное средство научить человека, которому предстоит смена пола, новым для него ролям и правилам поведения – поместить его в соответствующую среду. Например, если положить мужчину, которому предстоит стать женщиной, в женскую палату, он усвоит всю необходимую информацию гораздо проще и быстрее, чем при специальном обучении. Из моей «Социология личности» (1967) Арон Исаакович узнал о существовании ролевой теории личности и решил, что это именно то, что ему нужно.

После того как мы познакомились, он пригласил меня к себе в клинику, показал нескольких пациентов и дал прочитать несколько столь же увлекательных, сколь и трагических историй болезни, а позже – показал документальный фильм о смене пола. Первые же прочитанные истории болезней вызвали у меня вопросы. Я спросил:

– Есть у вас данные о психосексуальном развитии ваших пациентов, полученные из независимых источников – родителей, друзей и т. д.?

– Нет, это слишком трудоемко, у нас есть только самоотчеты.

– Но ведь самоотчеты пациента могут быть недостоверны. Сегодня он говорит, что всегда чувствовал себя или хотел быть мужчиной, а завтра будет утверждать прямо противоположное.

– Да, это так. Но откуда вы это знаете?

– Любая автобиография подстраивает историю жизни под наличный образ «Я».

Кроме того, я знал работы Г. Бенджамина и Р. Столлера.

Первой задачей Белкина стало знакомство с иностранной научной литературой, которой в Москве не было. Васильченко, после того как его обвинили в распространении порнографии, свою библиотеку держал под ключом, а мне коллеги книги присылали. Приезжая из Ленинграда на заседание своего отдела, я привозил с собой целый портфель специальной литературы, Арон Исаакович встречал меня у вагона «Красной стрелы», забирал книги, тайком ксерокопировал их у себя в институте, а через несколько дней, когда я уезжал, кто-то из его сотрудников привозил мне эти книги к поезду. Другого способа повысить профессиональный уровень научной работы в то время практически не было.

С первой же встречи у нас с Ароном Исааковичем сложились очень хорошие личные отношения. Он был одним из первых

рецензентов моей книги «Введение в сексологию» (1988), а я внимательно читал все его статьи и книги. Хочу отметить, что работа Белкина с «трансами» была во многом подвижнической. В ней не было ни тени коммерции. Профессор не только профессионально помогал своим пациентам, но многие годы по-человечески опекал их. На Западе в то время этого почти никто не делал, соответствующий профессионально-этический кодекс был выработан много позже.

Иногда забота Белкина о пациентах распространялась на всю их семью. Был, например, такой случай. Одна транссексуалка, сменившая пол с мужского на женский, вышла замуж. Разумеется, жених знал, что детей у них быть не может, но дело происходило в Армении, в очень патриархальной среде, бездетный брак для многочисленных родственников был неприемлем. Как быть? Белкин посоветовал супругам имитировать беременность, а родственникам сказали, что из-за тяжелой беременности рожать придется в Москве. Молодые уехали в Москву, якобы в гинекологическую клинику, а на самом деле дожидались возможности усыновить новорожденного младенца, с которым потом вернулись в Ереван. Всем этим дирижировал Арон Исаакович.

Бывали и совсем фантастические истории. Обычно после смены паспортного пола человек уезжал в другой город, где его никто не знал, и начинал там новую жизнь. Но один человек (не помню, какого пола), причем публичной профессии, преподаватель вуза в большом сибирском городе, категорически отказался это сделать и решил вернуться на прежнее место. «Вас там затравят, весь город будет на вас пальцами показывать!» – убеждал Арон Исаакович. «Ничего. Полгода поговорят, а потом привыкнут и примут все как есть». Мужественный человек оказался прав. После первого шока, его/ее коллеги и студенты приняли его/ее новую гендерную идентичность. Видимо, это был не только сильный человек, но и хороший преподаватель.

Арон Исаакович был очень ярким, доброжелательным и оригинально мыслящим человеком. Кроме эндокринологии он серьезно увлекался психоанализом. Ему часто приходили в голову нетривиальные идеи, которые он не всегда успевал экспериментально проверить. У него было хорошее чувство юмора. Когда один из его сотрудников эмигрировал в Израиль, Белкина вызвали в партком и спросили, как он к этому относится. «Ну что же, – сказал Белкин, – это хороший специалист, нам не будет за него стыдно!»

В послеперестроечные годы Арон Исаакович, человек кипучей энергии и широкой культуры, в том числе гуманитарной,

занимался многими разными вещами. Он был руководителем Федерального центра психиатрической эндокринологии и одновременно президентом Русского психоаналитического общества, соредактором возрожденной серии книг «Психологическая и психоаналитическая библиотека», первым вице-президентом Фонда возрождения русского психоанализа, почетным президентом Русского психоаналитического общества, вице-президентом Национальной федерации психоанализа, много бывал за границей, особенно в США. Опубликовал несколько увлекательных, ярких психоаналитических этюдов: «Почему мы такие?», «Судьба и власть», «Эпоха Жириновского», «Запах денег», исследовал психологию гениальности и т. д. Российские психоаналитики сохранили о нем добрую память.

Но главной его темой все-таки оставался транссексуализм. Его последняя книга на эту тему «Третий пол. Судьбы пасынков Природы» вышла в свет в 2000 году. К сожалению, его клинические данные, насколько я знаю, до сих пор опубликованы не полностью. Между тем собранные им сексуальные истории имеют самостоятельный научный и человеческий интерес. В отличие от научных теорий, документы не устаревают.

Многие коллеги и читатели восприняли мои сексологические штудии как уход из социологической и гуманитарной проблематики и пытались объяснить его какими-то личными причинами. На самом деле я ниоткуда не уходил. Новая работа была прямым продолжением моих исследований по социологии личности, молодежи, психологии юношеского возраста, антропологии детства и методологии междисциплинарных исследований.

Даже этнопсихология имеет свой «сексологический» аспект (и наоборот).

В связи с этим вспоминается забавный эпизод. Однажды меня пригласили в Ленинградский обком партии, сказали, что состоялось решение ЦК о расширении обучения в СССР иностранных студентов, и спросили, нет ли у меня в связи с этим каких-нибудь конструктивных советов. «А предусмотрено ли в постановлении ЦК открытие в стране легальных борделей?» – спросил я. «При чем тут бордели?» – удивились собеседники. «А как, по-вашему, африканские студенты будут удовлетворять свои сексуальные потребности? Только мастурбировать они не согласятся. Когда девушка не слишком строгого поведения приводит в коммунальную квартиру белого парня, соседи могут этого не заметить, а черный парень будет вызывать раздражение. Уличные конфликты на сексуальной почве также примут расовую

окраску. Вам дали в ЦК указания по этому поводу?» «Нет, – ответили партработники. – Но мы думаем, что это как-то утрясется».

Не утряслось. Как только в стране появились иностранные студенты, советский интернационализм на подножном корму – «все народы хороши, но должны быть похожи на нас!» – стал превращаться в натуральный расизм, с уличными потасовками и последующими митингами протеста. Когда несколько лет спустя я пришел в обком, те же двое инструкторов радостно поведали мне, что накануне, в День Африки, они весь вечер простояли перед дворцом культуры и следили за расходившимися африканскими студентами, большинство из которых были с девушками, а остальным это, видимо, не требовалось. После чего партработники пошли спать с надеждой, что этой ночью никого не побьют, а утром в университете не будет антирасистского митинга. Как обстоит дело в России сегодня и как национальные проблемы связаны с сексуальными, обсуждать не хочется, поговорим лучше о холере в Одессе…

Главная трудность сексологической проблематики заключалась в полной невозможности реализовать сделанное. После того как моя «венгерско-немецкая» рукопись беспрепятственно прошла Главлит, я подумал: «А в самом деле, почему бы и нет, ведь все за, никто не возражает?» Для социолога моего возраста это была, конечно, непростительная глупость.

В начале 1979 года я предложил уже «залитованную» и принятую к печати за рубежом рукопись издательству «Медицина» – только оно могло печатать такие неприличные вещи. Заявку сразу же отклонили как «непрофильную для издательства». Тогда дирекция Института этнографии попыталась протолкнуть ее в издательство «Наука».

Важную роль в этом сыграл Евгений Михайлович Крепс (1899–1985). Мне было очень неловко затруднять старого академика, но он не только прочел биологический раздел моей работы и посоветовал смелее переводить специальные термины на общепонятный язык («не равняйтесь на специалистов, физиологи не будут учиться своей науке по вашей книге, важно, чтобы она была понятна максимально широкому кругу читателей»), но и рекомендовал подкрепить ее грифом солидного биологического института, например Института высшей нервной деятельности и нейрофизиологии, попросив для этого помощи у крупнейшего специалиста по нейрофизиологии эмоций Павла Васильевича Симонова (1926–2002). В официальном отзыве (22.12.1980) Крепс написал:

«Я прочитал рукопись книги доктора философских наук,

профессора И. С. Кона с неослабным интересом… Эта книга – продукт очень большого, многолетнего и высококвалифицированного труда, опирающегося на изучение огромной и многосторонней литературы… Я поддерживаю идею об издании книги в издательстве “Наука” и могу свидетельствовать, что биологическая часть книги вполне отвечает своему назначению и не вызывает у меня возражений».

Звонить незнакомому Симонову, хотя он и читал другие мои работы, было мучительно. Я по собственному опыту знаю, как плохо ученые относятся к дилетантам, залезающим в чужие области знания, а тут еще в придачу речь идет о сексе, что всегда ассоциируется с какими-то личными проблемами. Но Симонов охотно согласился прочитать рукопись, добился утверждения ее на ученом совете и даже предложил быть ее титульным редактором, под нейтральным названием «Пол и культура».

Чтобы не дразнить гусей, я снял, вопреки совету Симонова, главу о гомосексуализме, оставив из нее только самое необходимое, убрал и многое другое. Не помогло! Вопреки обязательному решению редакционно-издательского совета Академии наук СССР, несмотря на кучу положительных отзывов и личный нажим Симонова, «Наука» книгу так и не издала. Главный редактор то ли не хотел, то ли боялся ее печатать. 1 января 1984 г. я написал официальное письмо директору Института этнографии академику Ю. В. Бромлею следующее письмо:

Глубокоуважаемый Юлиан Владимирович!

1. Как Вам известно, издательство «Наука» не выполнило решение РИСО об издании в 1983 г. моей монографии «Культура и пол», утвержденной к печати совместно ИЭ и ИВНД, рукопись пролежала два года без движения, и печатать ее не собираются.

2. Междисциплинарная сексология, введением в которую является данная книга, за рубежом развивается очень быстро, в СССР же, за вычетом сексопатологии и узкоспециальных биологических работ, она отсутствует; крупных исследований ни по психологии, ни по социологии, ни по этнографии, ни по истории пола и сексуальности не ведется, и специалистов по этим вопросам нет.

3. Поддерживать и далее информационное содержание книги на уровне высших мировых стандартов, которым она, безусловно, соответствует сегодня, у меня нет ни времени, ни возможностей. Всякая работа в этой области знания мною полностью прекращена.

Учитывая все вышесказанное, прошу Вас:

1. Рассмотреть совместно с П. В. Симоновым возможность депонирования рукописи в ВИНИТИ (ИНИОН работ по психологии и биологии не принимает). Это избавило бы меня от бесчисленных просьб разрешить ознакомиться с рукописью, а заинтересованных специалистов – от необходимости делать обратный перевод книги с иностранных языков или перепечатывать ее без ведома автора.

2. Если это окажется сложным, передать экземпляр рукописи и все относящиеся к ней документы (отзывы, протоколы ученых советов и т. д.) в научный архив института, куда я сдам также все свои остальные законченные неопубликованные рукописи по данной тематике (черновые, рабочие материалы мною постепенно уже уничтожаются).

Мне очень жаль, что серьезная, стоившая огромного труда попытка преодолеть многолетнее глубокое отставание отечественной науки в одном из фундаментальных, имеющих большое практическое и общекультурное значение разделов человековедения, поддержанная ведущими советскими учеными многих специальностей и высоко оцененная за рубежом, разбилась о некомпетентность, равнодушие и ханжество. Мои силы и возможности исчерпаны, возвращаться к этой теме я не собираюсь. Но так как архивные документы, в отличие от научных трудов, не стареют, навсегда оставаясь памятниками своей эпохи, их нужно сохранить для будущих историков науки.

Поскольку эта история широко известна, считаю своим долгом ознакомить с этим письмом ряд ученых, которые, как и Вы, помогали моей работе и заинтересованы ее результатами».

Тем временем моя рукопись все шире распространялась в самиздате. Постепенно стали публиковаться и статьи. Первая моя теоретическая сексологическая статья была напечатана в 1981 г. в «Вопросах философии» под заведомо непонятным названием «На стыке наук» (чтобы избежать нежелательной и опасной сенсации). Между прочим, первый вариант статьи редколлегия большинством голосов отклонила.

Один академик сказал, что ничего нового и теоретически значимого ни о поле, ни о сексе вообще написать нельзя, как нет и ничего философского в проблеме половых различий, тут все

ясно. «Эта статья могла бы создать большой спрос и плохую славу нашему журналу». На Западе «создали псевдонауку сексологию. Этим должны заниматься врачи. А Кон подчеркивает, что он имеет в виду социологию, а не медицинскую науку, т. е. социологию секса, которая существует на Западе, которая носит антинаучный характер и имеет свою аудиторию. Но никаких серьезных имен и серьезных исследований в этой области по линии социологии нет».

О филогенетических истоках фаллического культа (в статье приводились данные о ритуале демонстрации эрегированного полового члена у обезьян) было сказано, что этот материал был бы хорош в отделе сатиры и юмора, но такового в журнале, к сожалению, нет.

И все это говорили, в общем-то, умные и образованные, хотя и не сексологически, люди; такова была инерция привычных табу. Помня свой старый разговор с Артановским, я ни на кого не обижался. Между прочим, вопреки правилам, ни один из членов редколлегии не вернул в редакцию рукопись статьи, все понесли ее домой, для просвещения домашних и друзей… Л. П. Буева рассказывала мне потом, что, когда рукопись прочитали ее муж-полковник и сын-студент, ей пришлось услышать о себе и своем журнале много нелестного. Следующий раз она голосовала уже не «против», а «за».

За публикацию статьи высказались В. С. Семенов, В. А. Лекторский («основная идея там совершенно правильная»), В. Ж. Келле («половое поведение нельзя рассматривать только с чисто медицинской точки зрения. Это и социальные проблемы, и проблемы очень важные. У нас стыдятся об этих вещах говорить»), А. С. Богомолов, Б. Т. Григорьян. Исправленная – и немного ухудшенная – статья была напечатана и, вопреки опасениям, никакого скандала не вызвала. Из ЦК позвонили только затем, чтобы попросить прислать им все оставшиеся экземпляры журнала. Там тоже интересовались сексом…

За «Вопросами философии» последовали статьи в «Социологических исследованиях» и «Советской этнографии» («Вопросы психологии» предложенную им статью отклонили). Все, разумеется, с трудностями, купюрами (кстати, их делали вовсе не цензоры, а ученые редакторы) и ссылками на «непрофильность». Глава о психосексуальном развитии и взаимоотношениях юношей и девушек в моих учебных пособиях по психологии юношеского возраста была написана с совершенно иных позиций, чем «нормальные» советские книги. Но чего все это стоило!

Мое интервью в газете «Московский комсомолец» (1984), где

впервые в советской массовой печати появилось слово «сексология», носили согласовывать в горком партии. Там сначала думали, что сексология – то же самое, что порнография, но когда журналисты показали им том БСЭ с моей одноименной статьей, не стали возражать. Только удивлялись, почему эта тема так волнует молодежную газету, – ведь в жизни так много интересного…

Все хотели что-нибудь узнать о сексе, но не смели называть вещи своими именами. В одном биологическом институте Академии наук мой доклад назвали «Биолого-эволюционные аспекты сложных форм поведения». Название своего доклада на X Всесоюзной школе по биомедицинской кибернетике я даже запомнить не смог – очень уж ученые были там слова. А на семинаре в Союзе кинематографистов моя лекция называлась «Роль марксистско-ленинской философии в развитии научной фантастики»! И никто не понимал, что все это не столько смешно, сколько унизительно. Как будто я показываю порнографические картинки…

Забавная история произошла в Ростове. Меня пригласили прочитать три лекции по проблемам сексуальности в Институте повышения квалификации преподавателей общественных наук. Сбежался, разумеется, весь город. И вдруг передают личную просьбу первого секретаря обкома партии – прочитать лекцию для аппарата обкома, где таких слов сроду не произносили. Лекция была в зале, где обычно проходили заседания бюро. Все сидели с каменными лицами, вопросов не задавали, а когда я сказал, что на наскальных рисунках каменного века мужчин более высокого статуса изображали с более длинными и эрегированными членами, все головы повернулись в сторону стола, где сидели секретари обкома.

Я пробовал обращаться в высокие партийные инстанции. Писали в ЦК и некоторые мои коллеги (Б. М. Фирсов). Но аппаратчики, даже те, которые понимали суть дела и хотели, чтобы моя книга была издана, боялись, что их могут заподозрить в «нездоровых сексуальных интересах» (здоровых сексуальных интересов в стране по определению быть не могло). Зато я научился безошибочно отличать ученого на высокой должности от начальника с высокой ученой степенью: ученый, если он понимает значение вопроса, постарается что-то сделать, начальник же, будь он трижды академик, непременно уйдет в кусты. Судя по этому критерию, академики в ЦК КПСС были, а ученых не было.

Между прочим, должен сказать доброе слово о почтовой цензуре. Хотя присылаемые мне научные сексологические книги и

журналы не содержали ничего антисоветского, при желании их можно было подвести под рубрику «порнография» и изъять. Но соответствующие ведомства (прежде всего, я благодарен упомянутому выше В. М. Тупицыну) знали, что я занимаюсь серьезным делом, книгами не спекулирую и в детские руки они не попадают, и препятствий мне не чинили. А могли бы… Те же самые книги до других адресатов зачастую не доходили. Патриарх отечественной этнографии, всеми уважаемый беспартийный Сергей Александрович Токарев (1899–1985), который увлекался нудизмом и состоял в соответствующей международной ассоциации, косвенно имел по этому поводу неприятности (точнее, звонили в дирекцию института, но там просто разводили руками, профессор был слишком стар и независим, чтобы давать ему уроки морали); незадолго до смерти Токарев хотел передать это наследие мне, но я от такой чести уклонился, хотя в книге «Вкус запретного плода» (1993, 1997) коротко рассказал об этом движении и даже привел красивые иллюстрации из культуристского журнала.

Короче говоря, множество разных, в том числе влиятельных, людей хотели выхода в свет «Введения в сексологию», но никто не желал брать на себя ответственность.

Когда ситуация с моей книгой приняла уже явно скандальный характер, чтобы задним число оправдать невыполнение решения академического редсовета, «Наука» послала мою рукопись в сектор этики Института философии, с твердым расчетом получить наконец отрицательный отзыв, так как с точки зрения нашей официальной этики всякая половая жизнь казалась сомнительной. И снова произошла осечка: не учли того, что и в области этики я не был посторонним человеком.

Институт философии дал на мою книгу положительный отзыв за четырьмя подписями (Л. П. Буевой, Л. И. Новиковой, А. И. Алешина и С. А. Никольского), определенно рекомендовал ее напечатать и подчеркнул, что «другого автора по этой теме в стране нет». Однако в порядке привычной перестраховки (по справедливости, все мы, советские обществоведы, должны были бы получать основную зарплату в Главлите, мы прежде всего «бдели», а все остальное делали как бы по совместительству) рецензенты (вполне достойные, уважаемые люди) пустились в размышления: на кого рассчитана книга? Если только на специалистов, то можно печатать все как есть. Но книга-то интересна всем, Кон – весьма читаемый автор, а «некомпетентный читатель» может чего-то не понять. Например, «положение о бисексуальности мозга может сослужить плохую службу половому просвещению в борьбе с половыми извращениями»…

Прочитав этот отзыв, я долго смеялся. Следуя его логике, астрономы должны засекретить факт вращения Земли, чтобы находящиеся в подпитии граждане не могли использовать его для оправдания своего неустойчивого стояния на ногах. Не следует и упоминать, что все люди смертны: во-первых, это грустно, во-вторых, врачи нас тогда совсем лечить перестанут! Тем не менее издательство Академии наук СССР стало именно на точку зрения предполагаемого «некомпетентного читателя», и 22 февраля 2005 г. рукопись книги была мне возвращена.

После этого я окончательно плюнул на возможность ее советского издания. Но случайно эту историю услышал покойный академик медицины В. М. Жданов. Он не имел никакого отношения к этой тематике и не читал рукописи, но написал письмо директору «Медицины» (там тем временем сменилось руководство). Издательство согласилось пересмотреть прежнее решение. Философский отзыв, который «Наука» сочла отрицательным, для «Медицины» оказался безусловно положительным. В августе 1985 г. рукопись еще раз отрецензировал Г. С. Васильченко и снова дал на нее положительный отзыв:

«…Книга, опирающаяся главным образом на литературные данные и поэтому вроде бы компилятивная, взламывает предназначенные ей рамки компиляции и, несмотря на минимальность собственных эмпирических данных… превращается в самостоятельный труд, отмеченный печатью высокой оригинальности. <…> Рецензируемая рукопись, в которой освещаются самые фундаментальные проблемы современной сексологии, отличается цельностью, оригинальностью, аргументированностью и высокими литературными достоинствами. В этой книге остро нуждаются представители различных медицинских и немедицинских специальностей… книга заслуживает быстрейшего опубликования».

Я восстановил и дополнил то, что относилось к сексопатологии, добавил и еще кое-что, необходимое именно врачам, – понимающим людям вряд ли нужно объяснять, что значит четыре раза переписать, без компьютера, толстую книгу, поддерживая ее на уровне мировых стандартов в течение долгих десяти лет! – и в 1988 г. «Введение в сексологию» вышло наконец в свет.

Годом раньше вышел и мгновенно разошелся его сокращенный эстонский перевод; он был сделан известным психологом Петером Тульвисте еще в 1981 г., но много времени заняли согласования с Москвой, без разрешения которой союзная

республика не смела опубликовать книгу даже на своем собственном языке и на собственной дефицитной бумаге!

Вначале, чтобы не развратить невинного советского читателя, книгу хотели издать небольшим тиражом, без предварительного объявления и не пуская в открытую продажу. Затем коммерческие соображения заставили увеличить тираж до 200 тысяч, но ни один экземпляр не продавался нормально в магазине, весь тираж был распределен между медицинскими и научными учреждениями по особым спискам. Потом допечатали еще 100 тысяч, а в 1989 г. еще 250 тысяч, итого 550 тысяч, но купить ее все равно можно было только у перекупщиков. Между прочим, она не попала ни в одну библиотеку США, даже в Библиотеку Конгресса.

«Введение в сексологию» имело хорошую прессу как в СССР, так и за рубежом[56] и переведено на несколько языков, включая китайский.

«Книга И. С. Кона, много лет скитавшаяся по редакциям, вышла наконец в издательстве “Медицина”. Это первое советское издание, посвященное описанию и анализу становления, развития и состояния новой отрасли научного знания о человеке – сексологии, которая касается всех и каждого», – писала философ И. С. Андреева[57]. Известный американский культуролог Даниэль Ранкур-Лаферьер оценил ее как «веху в истории сексологии», подчеркнув, что это книга не о «сексе в СССР», а широкое исследование междисциплинарной отрасли знания. «Теперь, с появлением книги К°на (и предположив, что гласность выживет), можно надеяться, что сексологические исследования в Советском Союзе имеют будущее»[58].

В известном смысле я оказался заложником собственной книги. По своему духу и пафосу она была науковедческой: меня интересовала не столько сексуальность, сколько сексология, то, как на стыке нескольких разных наук возникает новая отрасль знания. Это безошибочно понимали читатели-философы, но только они одни. Массовый читатель искал и находил в моей книге совсем не то, что было важно для автора. Для читателя это была первая современная книга о человеческой сексуальности, и я не имел права уклониться от этой ответственности. Волею случая я оказался в роли просветителя, и перед лицом этой новой задачи мои собственные научные интересы отошли на второй план.

Я никого ни от чего не лечу и не консультирую. Но если ни один советский гинеколог никогда не слышал про точку Грефенберга, кто-то должен был о ней рассказать. В популярной книге «Вкус запретного плода» (1992, 1997) и ряде газетных

статей я привел картинку, как ее нащупать. Российские онкологи, конечно, знают, как важен женщинам самоосмотр груди для своевременного обнаружения рака молочных желез. Но поскольку пропаганда этого общедоступного и ничего не стоящего метода в стране почему-то не велась, я привел и такую картинку. И если русским мальчикам и их родителям никто никогда не объяснял, что нужно мыть головку члена под крайней плотью, это тоже делаю я. Мне смертельно обидно переводить остаток жизни на подобные вещи, но если в стране нет профессионализма, нужна хотя бы элементарная грамотность.

В связи с этим пришлось включиться в разговор о необходимости сексуального образования молодежи. В годы перестройки эта тематика вышла на первые страницы газет. По просьбе ЦК ВЛКСМ я даже выступал на семинаре главных редакторов молодежных газет, которые все вдруг захотели писать о сексе, советовал им избегать физиологизации и рассматривать эти вопросы в их естественном психологическом контексте. Но печатать дешевую эротику и открывать соответствующие видеосалоны комсомольским функционерам было проще и прибыльнее.

В конце 80-х годов мои статьи по разным аспектам сексуальности печатались в «Неделе», «Труде», «Литературной газете», «Комсомольской правде», «Учительской газете», «Аргументах и фактах», «Огоньке», «Советской культуре» и многих других изданиях. «Поносили» меня в те годы только «Советская Россия», «Молодая гвардия» и «Наш современник». В моих статьях в «Труде» и в «Неделе» впервые в советской печати, со ссылкой на европейский опыт, было рассказано о необходимости открытия горячих линий для жертв сексуального насилия (в дальнейшем они появились во многих крупных городах). Между прочим, никто не спрашивал, почему меня волнуют такие странные сюжеты, кого из моих близких изнасиловали? Одним из первых я заговорил в массовой печати о социальных аспектах проституции и о необходимости защиты сексуальной безопасности детей и подростков («Труд», 1991). Позже, в 1997 г., по просьбе детских психиатров я выступал на Всероссийской конференции «Дети России: насилие и защита» с докладом «Совращение детей и сексуальное насилие в междисциплинарной перспективе».

Социологическая трактовка сексуальности резко отличалась от привычного морализирования или сведения всех проблем к анатомии и физиологии.

Особенно важными были мои выступления в защиту сексуального просвещения молодежи, кстати очень умеренные и

осторожные, в программе «Взгляд» и в «Аргументах и фактах» (в обоих случаях инициатива принадлежала журналистам), которые смотрела и читала вся страна. Однажды в Шереметьеве пограничник сказал мне:

– Я вас видел в программе «Взгляд».

– Очень приятно.

– А как вы относитесь к тому, что эту программу закрыли?

– Резко отрицательно, это доказывает, что власти боятся гласности.

– Я тоже так думаю, – сказал солдатик, и этот разговор на государственной границе показал мне, что гласность необратима.

Даже «Правда» в то время понимала необходимость сексуальной культуры. Критикуя захлестнувший страну поток дешевой эротики, газета писала:

«А где толковые выступления современных специалистов по этой тончайшей и сложнейшей проблематике? Выделяется Игорь Кон. Когда его материалы появляются в “Семье” или “Неделе”, в тех же “Собеседнике” или “Московском комсомольце”, это для читателя всегда событие. Но одному автору нести такую ношу нелегко. Многие же другие наши сексологи, выступающие в печати, пока уровнем гораздо ниже»[59].

Самыми важными и социально острыми были две темы: аборты и профилактика ВИЧ.

Психологически поворотным пунктом в изменении общественного мнения в вопросе об абортах и контрацепции послужила телепередача известного американского тележурналиста Фила Донахью совместно с Владимиром Познером. Донахью приехал в Советский Союз в первый период перестройки, на рубеже 1986 и 1987 гг., буквально в канун провозглашения гласности, и одна из его передач была посвящена встрече с семьями. Центральное телевидение пригласило меня на эту встречу в качестве эксперта: «Что там будет – мы сами не знаем, но вдруг вам захочется что-то сказать?» Я приехал на телестудию с твердым решением ничего не говорить, а только смотреть и слушать, чтобы лишний раз убедиться, как американцев (и нас вместе с ними) будут дурить: не может быть, чтобы люди на ТВ говорили правду, а потом ее показывали всему свету!

Вначале люди действительно, в основном, повторяли официальные, казенные слова, но постепенно расшевелились, оттаяли и стали говорить более откровенно. Зато как только Донахью задал вопрос об абортах и контрацепции, наступило долгое мертвое молчание. Когда же одна женщина наконец подняла руку и обрадованный Донахью подошел к ней, она

раздраженно заявила ему: «Почему вы задаете такие мелкие и незначительные вопросы?! Давайте лучше говорить о моральных идеалах и воспитании наших детей!» (Эта реплика в передачу не вошла.) Донахью был явно озадачен, а я подумал: «Может быть, советское телевидение пригласило меня для того, чтобы я сказал, что мы на самом деле отсталая страна, но начинаем это понимать?»

Так я и сделал, сказав, что у нас не принято публично говорить на эти темы, что население контрацептивно невежественно и потому предпочитает аборты пилюлям, что сами контрацептивы дефицитны и т. д. Одна из советских участниц передачи, работавшая в аптеке, тут же поспешила меня опровергнуть: все противозачаточные средства в аптеках есть, спрос на них полностью удовлетворяется! Я мог бы сказать гораздо больше: у меня в памяти были только что опубликованные цифры о внебольничных абортах, и я знал, что американское телевидение – лучший канал для информирования советского правительства. Но я боялся «перебрать» – ведь гласность только-только начиналась…

Сразу же после записи передачи в холле телестудии Останкино меня обступила толпа встревоженных москвичек с расширенными от удивления и ужаса глазами: «Как, вы полагаете, что пилюли лучше абортов? Но ведь вы не врач, а все знают, что от пилюль бывает рак и прочие неприятности?» Без американской телекамеры я, разумеется, сказал этим бедным женщинам, что я думаю о невежественных врачах и о Минздраве, а сам приготовился к неприятностям: это ведь действительно не моя область… В ту ночь я долго не мог заснуть и горько плакал от собственного бессилия, что не могу помочь этим красивым молодым женщинам.

Программа Донахью была показана по первой программе Центрального телевидения, ее смотрели буквально все. В первые дни до меня доходили в основном неблагоприятные отзывы: «И чего этот Кон лезет не в свое дело? Что он понимает в контрацепции?!» Но свое веское слово сказали демографы. В начале 1987 г. проблеме абортов и контрацепции был посвящен круглый стол в журнале «Работница». Консервативные медики вначале пытались защищать свои прежние позиции, но М. С. Бедный и М. С. Тольц прижали их к стене неопровержимыми фактами, а редакция подготовила целую подборку страшных писем своих читательниц. Заместитель министра здравоохранения А. А. Баранов вынужден был признать, что положение с абортами и контрацепцией в стране критическое, и профессора-гинекологи не могли с ним не согласиться. Все эти

материалы редакция не только опубликовала, но и передала Р. М. Горбачевой, и, по слухам, М. С. Горбачев лично поручил новому министру здравоохранения Е. Н. Чазову принять самые срочные меры для охраны здоровья беременных женщин.

Одной из главных своих публикаций я считаю данное Алле Аловой интервью («Огонек», 1988), где впервые в советской печати освещались социально-психологические аспекты эпидемии и профилактики ВИЧ-инфекции.

Старое интервью

Отвечая на вопросы журналистки, я сказал, что меня крайне беспокоят «настойчивые разговоры о группах риска. Мы как бы отгородились от проблемы СПИДа этими группами: мол, СПИД – это там, у них, за непроницаемой стеной, а тут у нас все спокойно. Но стены нет, группы риска обитают не на Луне, а здесь, среди нас. И, простите, половой жизнью живут не только группы риска. Вполне добропорядочные люди тоже занимаются сексом, и не только со своими супругами, хотя бы потому, что не у всех есть семьи… Опасность заразиться СПИДом уже давно вышла из “резерваций” групп риска… Зоной риска стал вообще секс. И внебрачные, и добрачные, и даже брачные связи».

Но секс как таковой устранить нельзя. На опыте борьбы американской армии с венерическими заболеваниями были показаны преимущества «оппортунистической» тактики перед «радикальным» требованием воздерживаться от случайных сексуальных связей, объяснялось, что эффективное использование презервативов зависит не только от их наличия и качества, но и от общей сексуальной культуры населения. Это были элементарные вещи, но в советской печати они сообщались впервые. Страна предупреждалась также об опасности морализации и спидофобии:

> В XIX веке сифилис был не опаснее, чем туберкулез. Однако отношение к больным сифилисом и к больным туберкулезом было разное. В случае туберкулеза инфекция порождала страх, но сами больные вызывали сочувствие. В случае венерического заболевания, поскольку оно было связано с нарушением религиозных и моральных запретов, отвращение и страх перед болезнью переносились на жертву. Конец XX века – вроде бы совсем иное отношение к сексу, совсем другие моральные критерии, но по отношению к больным

СПИДом люди снова превращаются в беспощадных моралистов, в средневековых инквизиторов…

СПИД – своего рода экзамен для человечества на гуманность и здравый смысл… Вообще, если мораль данного общества выдает разрешение дискриминировать людей по одному признаку (зараженность СПИДом), это означает разрешение дискриминировать и по всем другим признакам. Как сухая трава от искры, вспыхнут национальные вопросы, расовые… Все общество превратится в систему гетто, которые будут ненавидеть друг друга.

– То, что безнравственно, негуманно, – оно и невыгодно?..

– Вот именно! Но нас-то десятилетиями учили абстрагироваться от понятия гуманности, уметь противопоставлять суровую историческую необходимость нравственным порывам, «слюнявому либерализму», подавлять в себе жалость, элементарное человеческое сочувствие. Хорошо учили, и многие научились. Прибавьте к этому навыку вдолбленное в наши души четвертьвековым поиском «врагов народа», отточенное до автоматизма, до рефлекса умение переносить борьбу с недостатками с самих недостатков на любого имеющегося под рукой козла отпущения. Главное – всегда иметь козла.

Однако для чиновников это были пустые слова, необычность которых только шокировала. Даже технические вопросы – одноразовые шприцы, презервативы – не решались. «Огонек» получил письмо из Риги о том, что там целый месяц не было презервативов. Алла Алова позвонила начальнику Главного аптечного управления Минздрава СССР:

– Вас интересует изделие № 2? (Догадываюсь, что это своеобразный министерский эвфемизм.) Изготовитель изделия № 2 – Миннефтехимпром СССР. Мы заказали ему на 1988 год 600 миллионов штук. Такова потребность населения в изделии № 2 для предупреждения заражения вирусом СПИДа.

– Простите, а каким образом вычислена эта потребность?

– Ученые подсчитали.

– Какие ученые? Из какого института?

– Я затрудняюсь сказать, не знаю… Но Миннефтехимпром отказался от такого плана, снизил

план поставок на 1988 год до 220 миллионов, объяснив это отсутствием необходимых мощностей. А 220 миллионов проблему, конечно, не решат. Но все вопросы – к Миннефтехимпрому. Мы и так с ними бьемся, бьемся…

– Может быть, пока наша промышленность не справляется, в связи с ожидаемой эпидемией СПИДа надо закупить импортные… изделия?

– Нет, закупать мы не будем – валюты не хватает.

– А не намечается выпуск презервативов более высокого качества?

– Нет, зачем же – сейчас у нас изделия нормального качества. Их производят на импортной линии, они прочные, не рвутся. Так что в смысле предупреждения заражения СПИДом они высококачественные, не уступают импортным. Ну, а в смысле удовольствия, удовлетворения женщин – это, знаете, нас не волнует.

Вообще, мое мнение – презерватив погоды не сделает. Не должно быть случайных связей – вот главное! Тогда и презервативы не нужны будут. Если мужчина спит только с женой, зачем ему презервативы?..

– А как же быть молодежи и вообще всем тем, кто еще не вступил в брак?

– Ну, это случайные связи…

«Огонек» в то время был самым читаемым изданием, о статье Аловой «Жизнь при СПИДе. Готовы ли мы?» много говорили, но чиновники от медицины ее проигнорировали. Профилактика ВИЧ стала для одних кормушкой, а для других – объектом политических игр.

В декабре 2006 года я воспроизвел это интервью на своем сайте с такой вводкой:

Повторение пройденного

Под Новый год приятно вспомнить прошлое, и я решил подарить посетителям своего сайта две старые, но, увы, не устаревшие публикации.

Первая – интервью журналу «Огонек» (июль 1988 г.), в котором впервые в советской печати говорилось о социально-психологических аспектах эпидемии СПИДа, делавшей у нас в то время свои первые робкие шаги. «Огонек» тогда был очень популярен, выходил тиражом 1

800 тысяч экземпляров, статью Аллы Аловой «Жизнь при СПИДе» читали все, но никто меня не услышал. В журнале «Социальная реальность» (2006. № 11. С. 7) я только что прочитал, что «проблема ВИЧ/СПИДа вышла у нас за пределы групп, традиционно считавшихся “группами риска” и в настоящий момент уязвимым является все население России (в основном молодежь), независимо от образа жизни и сексуальной ориентации». Я писал об этом 18 лет назад…

Вторая статья «Не говорите потом, что вы этого не знали» напечатана 30 декабря 1997 г. в «Известиях», после того как в России похоронили идею сексуального просвещения школьников.

Прочитайте эти статьи, сравните с тем, что видите своими глазами сегодня, и вы поймете, что ожидает вас завтра.

Короче говоря, мне не в чем себя упрекнуть. Я своевременно говорил о грозящих опасностях и о том, что нужно делать, но меня никто не услышал.

Моя научная работа также имела практическое значение. Выполненные в 1993—97 годах Валерием Червяковым при моем участии исследования подростковой сексуальности были уникальными. Они бесспорно показали, что тенденции развития подростковой сексуальности в России – те же самые, что и в странах Запада (снижение возраста сексуального дебюта, отделение сексуальной активности не только от матримониальных планов, но и от любви, усиление гедонистической мотивации, уменьшение гендерных различий и т. д.) и чреваты теми же издержками и опасностями (нежелательные беременности, аборты, заболевания, передаваемые половым путем, включая ВИЧ, и т. п.). Ни административным путем, ни морально-религиозными проповедями эти проблемы решить невозможно.

В своем отчете по проекту «Подростковая сексуальность на пороге XXI века», выполненном в 1996–1999 гг. по гранту РГНФ (№ 9806-08066) и в опубликованной на этой основе, опять-таки на деньги РГНФ, книге я привел соответствующие статистические данные, сравнил их с другими отечественными и зарубежными исследованиями и сформулировал следующие выводы:

Что делать, чтобы вывести страну из создавшегося тупика, в общем-то, ясно.

Это гораздо проще, чем поднимать экономику и бороться с коррупцией. Быстро такие вещи не делаются,

но первоочередные задачи можно свести к нескольким рекомендациям, которые должны быть реализованы на государственном уровне, при участии администрации Президента и правительства.

Прекратить безответственную травлю сексологии, сексуального просвещения и планирования семьи в государственных средствах массовой информации. Частные, коммунистические и конфессиональные СМИ могут делать что угодно; это их неотчуждаемое право, к тому же, как говорил Петр Великий, дурость каждого должна быть явлена.

Рекомендовать вузам разного профиля как можно быстрее ввести факультативный курс сексологии для своих студентов. Это имеет для студентов большое общекультурное и практическое значение. А более образованные молодые родители будут лучше понимать и воспитывать собственных детей. Для будущих учителей, психологов и врачей этот курс должен стать обязательным. Элементарное базовое учебное пособие (моя книга «Введение в сексологию», 1999) плюс парочка переводных учебников в стране уже есть, а альтернативные программы, учебники и прочее появятся вместе с социальным заказом в процессе работы. Без подготовки грамотных кадров в вузах в школе все равно ничего не получится.

Если ассигнованные на него деньги не пустили полностью на ветер, возобновить работу над проектом ЮНЕСКО, поручив это дело не РАО, которая неизбежно его завалит, а группе независимых экспертов, которые не станут превращать его в кормушку и предмет для политических игр. Обязательно привлечь к проекту практических работников. Само собой разумеется, что курс этот, когда он будет подготовлен, должен быть факультативным, а программы – альтернативными.

Оказывать содействие просветительской работе РАПС и ее филиалов.

Срочно открыть специальный просветительский сайт для подростков в Интернете.

Открыть просветительские каналы по проблемам пола и сексуальности, не имеющие ничего общего с развлекательно-эротическими ток-шоу, на ОРТ и РТР.

Объединить в одних руках работу по профилактике ВИЧ-инфекции и БППП, их разделение выгодно лишь узкой группе лиц, монополизировавших (и фактически

проваливших) профилактику СПИДа.

Войти в контакт с международными научными организациями для проведения в России, по образцу США, Англии, Франции, Швеции и Финляндии, репрезентативного национального сексологического опроса, который даст адекватную картину сексуального поведения россиян и поможет выработке дальнейшей социальной политики в связанных с ней вопросах.

Однако я отлично знаю, что, как и в советское время, моих рекомендаций никто не примет и даже не рассмотрит. Общество, которое во имя ложно понятых национальных интересов и моральных принципов пренебрегает здоровьем и благополучием собственных детей и не желает учиться ни на зарубежном, ни на собственном опыте, обречено на отставание и вымирание.

Dixi et salvavi anima mea[60].

Я не ошибся. Хотя книга вышла под грифом солидного академического института и на деньги государственного научного фонда, никто не обратил на нее ни малейшего внимания. Для очистки совести я послал ее вице-премьеру Валентине Матвиенко, с которой был знаком еще по Ленинграду, и советнику президента Андрею Илларионову со следующим письмом:

Уважаемый господин Илларионов,

я плохо разбираюсь в вопросах экономики, но мне нравится принципиальность и независимость Ваших суждений.

Книга, которую я Вам посылаю, далека от Ваших занятий. Но если у Вас растут дети и Вы не собираетесь сплавить их навсегда на Запад, эти вопросы должны Вас заинтересовать. Проглядите, пожалуйста, если найдете время, стр. 69–97 и 194–199 и расскажите об этом Президенту.

Лично мне ни от кого ничего нужно, я не похож на Бобчинского и Добчинского, писать письма и рассылать свои книги разному начальству я не собираюсь, да и с этой тематикой уже покончил. Но детей все-таки жалко. Они не виноваты, что у них такие глупые родители.

Москва, 12.10.2001.

Ни Матвиенко, ни Илларионов мне не ответили. Следующих

своих работ я уже никому не посылал.

Я не сатирик, а ученый. Даже откровенно издеваясь над глупостью российских властей, я привожу аргументы. Я не просто осмеял Мосгордуму, но и дал конкретный анализ разных мировых стратегий сексуального образования (во Франции успехов добились не через школу, а путем умелого использования электронных СМИ и Интернета) и показал, как и положено социологу, материальные причины заинтересованности чиновников в заведомо провальных проектах.

Мой отчет «Сексуальное воспитание и профилактика ВИЧ во Франции» (07.11.2006) закачивается так:

> На кого равняться?
>
> Мировой опыт однозначно говорит, что главным звеном профилактики СПИДа является сексуальное образование молодежи. Российские политики и СМИ с этим не согласны. Если верить председателю комиссии по здравоохранению и охране общественного здоровья Мосгордумы Людмиле Стебенковой, передовые западные страны, прежде всего США, давно уже отказались от идеи «безопасного секса», которого вообще «не бывает», в пользу принципа полного воздержания до брака. Особенно опасно – доверяться презервативам. Учебник «Биология. Человек» для 8-го класса предупреждает: «Последнее время в СМИ много говорят о том, что нужно пользоваться мужскими презервативами (кондомами). Но важно помнить: полной гарантии от заболевания они тоже не дают. Медики считают, что вирусы настолько мелки, что могут проникнуть и сквозь резину».
>
> Если под словом «безопасность» понимать абсолютную гарантию, то таковой в мире вообще не существует. С тем же успехом можно объявить самообманом безопасность уличного движения и признать бесполезным обучение детей соответствующим правилам, порекомендовав им просто не садиться за руль и вообще не выходить на улицу. Этак можно договориться, особенно в свете Беслана, до того, что и государственная безопасность невозможна, а содержание наших дорогих и любимых органов (неполовых) – пустая трата народных денег <…>.
>
> За идеологической кампанией стоят коммерческие интересы. Антиспидовская программа заставит государство финансировать какое-то сексуальное просвещение. Устранение потенциальных зарубежных и

отечественных конкурентов и критиков позволило бы малограмотным и беспринципным людям, в союзе с коррумпированными чиновниками и под флагом национально-религиозной идеи, бесконтрольно присваивать бюджетные деньги, используя СМИ в качестве бесплатной рекламы своих собственных консультативных центров и несуществующих научных заслуг. В этих условиях средства, ассигнованные на профилактику ВИЧ-инфекции, неизбежно будут разворованы, а подростки останутся наедине со своими проблемами и СПИДом.

Главная разница между Францией и Россией состоит в том, что там апеллируют к чувствам, запросам и потребностям реально существующих людей, а у нас, как и при советской власти, предпочитают командно-административные методы, полагая, что именно так можно сформировать «нового человека» или, что одно и то же, вернуться к мифической изначальной «нравственной чистоте». Хотя из этого никогда ничего путного не получалось, мифотворчество продолжается и процветает.

Так что французский или какой-либо другой положительный опыт России вряд ли понадобится, мы пойдем своим путем. Куда? Как говорят французы, кто доживет – увидит.

Моя работа в области сексологии получила международное признание. В 1979 г. я был избран действительным членом Международной академии сексологических исследований, а затем ряда национальных сексологических сообществ, много раз выступал с докладами на всемирных и европейских сексологических конгрессах и был членом их программных комитетов. В 1990 г. Институт Кинзи посвятил мне свой коллективный труд «Юность и пубертат» за «новаторские и смелые научные исследования советской молодежи и сексологии», а Всемирная сексологическая ассоциация в 2005 г. наградила Золотой медалью за выдающийся вклад в сексологию и сексуальное здоровье.

В России эта работа осталась социально не востребованной. Мое имя широко известно, его часто упоминают журналисты, мои книги все еще издаются. Урологи, андрологи и психоаналитики приглашают меня на научные конференции и охотно печатают в своих профессиональных журналах. Медицинские сексологи связывают постановку вопроса о возникновении в России

сексологии как отдельной науки с моими статьями в «Вопросах философии» и в Большой медицинской энциклопедии[61]. Заметка о моем 75-летии в журнале «Сексология и сексопатология» выдержана в тональности, уместной разве что в некрологе:

«Его книги, посвященные теории личности, психологии юношества, феномену дружбы, сексуальной революции и культуре, проблемам сексуальных меньшинств, всегда сочетали научную честность, психологическую утонченность и публицистическую остроту. Сексологов советского периода всегда поражала смелость его взглядов на природу человека, когда один только интерес к сексу мог стоить ученому и потери репутации, и научной карьеры в целом. Его либеральные позиции в отношении сексуального образования и сексуальных меньшинств нередко вызывали раздражение чиновников от науки и подчас сопровождались злобными нападками экстремистской печати, но время доказало его правоту. <…> Благодаря ему, точнее интересу, который он пробудил к сексологии, многие специалисты не изменили профессии в сложные годы социальных потрясений. Научная школа Кона – не кружок приближенных учеников, а образ мысли каждого читающего специалиста, ибо он всегда дополнял отечественную сексологию тем, чего ей более всего не хватало – психологичностью и зарубежным опытом»[62].

Кроме редколлегий многочисленных зарубежных изданий, я вхожу в состав редколлегии такого экзотического, по гуманитарным понятиям, российского медицинского журнала, как «Андрология и генитальная хирургия», и даже публикую там научные статьи, которые потом образованная публика разыскивает в Интернете. Кому же не интересно «Новое о мастурбации» или «Мужская сексуальность по данным массовых опросов»?

Однако я занялся этими сюжетами не из любознательности, а в силу их практического значения. Между тем для повышения сексуальной культуры населения в стране ничего не делается. Я имею в виду не только школу. Международных сексологических журналов в России никто систематически не читает, в научных библиотеках их нет (книг и справочников – тем более). Первый отечественный научно-практический журнал «Сексология и сексопатология» просуществовал лишь четыре года (2002–2006). Новейшие биомедицинские, социальные и психологические теории сексуальности нигде и никем не обсуждаются. О сложных экспериментальных исследованиях, репрезентативных сексологических опросах и междисциплинарных связях не может быть и речи. Консультативная практика полностью коммерциализирована, ее качество никто не контролирует.

Профессиональные ассоциации существуют только на бумаге. Литература, в том числе учебная, не рецензируется, и делать это негде. В 2004 г. я опубликовал в солидном издательстве, специализирующемся на учебных пособиях, книгу «Сексология» для студентов высших учебных заведений, но ни одного отклика на нее не появилось. Многие «сексологические» публикации похожи на современную сексологию не больше, чем советская «мичуринская биология» – на настоящую генетику.

И кто-то всерьез думает, что с такой наукой можно добиться улучшения репродуктивного здоровья населения?

Но, в конце концов, какое мне до этого дело? Как написал в предсмертной записке повесившийся парикмахер из Бердичева, «всех не переброешь». Доказывать в XXI веке, что сексуальность – важная сторона общественной и личной жизни и что ее изучением занимаются серьезные науки, – что может быть нелепее? У меня есть более интересные занятия.

Я заканчиваю это главу, как и начал, цитатой из Маяковского:

А если
вам кажется,
что всего делов —
это пользоваться
чужими словесами,
то вот вам,
товарищи,
мое стило,
и можете
писать
сами!

Лики и маски однополой любви

А надо вам заметить, что гомосексуализм изжит в нашей стране хоть и окончательно, но не целиком. Вернее, целиком, но не полностью. А вернее даже так: целиком и полностью, но не окончательно. У публики ведь что сейчас на уме? Один только гомосексуализм.

Венедикт Ерофеев

Сексуальность, естественно, включает и однополую любовь. Мой первоначальный интерес к ней был скорее книжным. Среди друзей моей юности геев, насколько я знаю, не было, и тема эта не обсуждалась. Теоретически меня также больше занимал феномен гомосоциальности, без которого непонятна психология и социология дружбы. Впрочем, сформулировать эти тонкие различия в 1970-х годах я не смог бы, даже если бы не было цензурных барьеров. А они были абсолютно непроходимыми. Даже в специальной статье об античной дружбе в «Вестнике древней истории» (1974) слово «педерастия» пришлось заменить эвфемизмом «эти специфические отношения». Моя первая маленькая статья о юношеской гомосексуальности была опубликована в 1978 г. в малотиражном и совершенно закрытом психиатрическом сборнике. До сих пор не понимаю, как наши геи умудрились ее достать.

В начале 1980-х гг. я пытался поставить вопрос об отмене уголовного преследования гомосексуальности. Вообще-то, я не собирался об этом писать, понимая, что ничего, кроме неприятностей, не выйдет. Но на совещании ученых-сексологов социалистических стран в Лейпциге (1981) известный сексолог из ГДР Зигфрид Шнабль неожиданно спросил, в каких странах существует антигомосексуальное законодательство и чем оно мотивируется, и оказалось, что оно есть только в СССР (румынских представителей на совещании не было).

В перерыве я спросил Шнабля:

– Зачем вы поставили меня в неловкое положение?

– У меня вышел конфликт в Гаване. Во время лекции мне прислали записку, что в СССР гомосексуализм уголовно наказуем, я сказал, что это клевета на Советский Союз, но мне

показали ваш уголовный кодекс. Почему никто не поставит вопрос об отмене этого архаического закона?

– Вероятно, медики недостаточно влиятельны, а юристы невежественны или трусливы.

– А вы?

Объяснять Шнаблю, что, не будучи ни медиком, ни юристом, я просто не могу поднимать этот вопрос, я не стал, а по возвращении домой решил, вопреки здравому смыслу, проинформировать начальство и спросить, что оно думает. Медики в лице Г. С. Васильченко сказали, что они пытались поднимать этот вопрос, но руководство Минздрава всегда было против. Юристы же сказали, что у них нет для постановки вопроса достаточных аргументов (на самом деле это было лукавство, в учебнике уголовного права Шаргородского и Осипова аргументы приводились). Главный редактор журнала «Советское государство и право» профессор М. И. Пискотин предложил мне вместо заведомо риторических вопросов написать статью.

– Но вы же ее не напечатаете!

– Не знаю, попробуем. Во всяком случае, будет материал для обсуждения.

Я срочно изучил законодательство других стран и написал аргументированную статью, которую горячо поддержали Г. С. Васильченко и Д. Н. Исаев. Еще один авторитетнейший психиатр и вдобавок мой личный друг, который даже консультировал меня по этим сюжетам, положительный отзыв написал, но закончил словами, что в виду деликатности темы статью можно печатать только в закрытой печати. Однако влиятельные юристы, включая В. Н. Кудрявцева, хотя лично ко мне они относились с большим уважением и искренне хотели со мной сотрудничать, испугались и передали статью в административный отдел ЦК КПСС, где сказали, что поднимать этот вопрос «несвоевременно».

На редколлегию я не поехал, но мне показали стенограмму, там был один смешной эпизод. Один из членов редколлегии, бывший начальник ленинградской милиции, а затем всеми уважаемый профессор (действительно хороший специалист и милый человек), просто развел руками от удивления: как Игорь Семенович вообще может поднимать этот вопрос?! И рассказал, как в свое время он собрал большой материал на ленинградских гомосексуалов, но в обкоме партии ему сказали: «Ты что, хочешь закрыть оркестр Филармонии и Кировский балет?!» Генералу пришлось отступить, но он запомнил обиду, и даже после прочтения моей статьи мысль, что в обкоме были правы, а он ошибался, его не посетила. Между тем это был неглупый и, по

тем временам, прогрессивный человек.

Так же думало и большинство психиатров. А. М. Свядощ дал на мою рукопись «Введение в сексологию» однозначно положительный отзыв, но, когда в Кишиневе перевели популярную книгу Зигфрида Шнабля, категорически потребовал от издательства снять главу о гомосексуальности, что и было сделано. А когда я дал ему почитать книгу Мастерса и Джонсон «Гомосексуальность в перспективе» (1979), Абрам Моисеевич с ужасом говорил: «Это же немыслимо! Они помогают получать удовольствие гомосексуальным парам!»

Во «Введении в сексологию» материал о гомосексуальности первоначально был распределен по разным главам. Хотя вопрос о том, считать ли ее болезнью или вариантом нормы, подавался как открытый (так оно в то время и было), тема была взрывоопасной. Одна из первых рецензентов книги З. В. Рожановская смущенно сказала:

– Вы знаете, Игорь Семенович, после прочтения рукописи мне показалось, что гомосексуальность занимает в ней слишком много места. Я пересчитала страницы, оказалось – 10 процентов, нормально. Может быть, эти страницы ярче написаны?

Я засмеялся и ответил:

– Не смущайтесь, Зинаида Васильевна! У меня тоже было такое впечатление, и я тоже пересчитал страницы. Думаю, дело не в стиле изложения, а в том, что этот сюжет – самый шокирующий и запретный, и к тому же излагается в конце каждой главы, создавая впечатление, что это – самое важное в книге.

Чтобы ослабить такое впечатление, в окончательном варианте книги я собрал этот материал в отдельную главу, но она все равно поражала советского читателя. Один мой старый друг, первоклассный психиатр и чуточку гомофоб, сказал: «Самое поразительное в твоей книге – ты говоришь о страшных, немыслимых вещах так, будто они – часть повседневной жизни и вроде бы это не так уж страшно. Это даже на меня подействовало». И не на него одного. Московские и ленинградские психологи, которые размножали мою рукопись и давали читать ее своим частным клиентам, обнаружили, что это чтение само по себе имеет терапевтическую ценность: когда человек видит, что он не один такой, ему становится легче.

Первыми посетителями, пришедшими ко мне в институт после выхода «Введения в сексологию», были двое молодых парней, журналисты из какого-то казахстанского райцентра. Первый, очень маленького роста, хотел спросить, может ли он все-таки найти женщину, которая его полюбит. А второй, высокий, красивый, кровь с молоком, сказал: «Я гомосексуалист.

До появления вашей книги, я не знал, кто я такой и почему. Вы мне это объяснили. Не можете ли вы мне сказать теперь, как с этим жить и что я должен делать?»

Я ответил молодому человеку, что у него есть три возможности. Первая – поехать в Горький к доктору Я. Г. Голанду, который уверяет, что может излечить гомосексуальность; по причине теоретической необоснованности таких притязаний, я бы этого не советовал. Вторая возможность – эмиграция. Рано или поздно уголовную статью отменят, но гомофобия от этого не исчезнет, в любой западной стране геям живется лучше; но кому вы там нужны с вашим журналистским образованием? Третий вариант – принять себя и самореализоваться; в казахском райцентре это сложно, а в больших городах люди как-то устраиваются.

Как поступил этот молодой человек – не знаю, но его визит я воспринял как своего рода социальный заказ. С 1987 г., когда об этом впервые стало можно говорить публично, я активно выступал за отмену статьи 121 и за признание гражданских и человеческих прав сексуальных меньшинств. Это не было чем-то спонтанным и интеллектуально локальным. Социально-психологический анализ гомофобии был непосредственным продолжением и развитием моей «новомирской» статьи «Психология предрассудка» (1966). Нелюбимые «другие» бывают разными, а социально-психологические механизмы ненависти – одни и те же. И так же, как в этнопсихологии, выяснение механизмов формирования и содержательной ложности негативных стереотипов не снимает вопроса: чем, насколько и почему «эти люди» отличаются от остальных? Диалектика «Я» и «другого» – стержневой вопрос философии личности и социальной психологии. Так что я не отходил от своей главной темы, а лишь раскручивал ее новую спираль.

Эта работа требовала не только смелости и знаний, но и собственной психологической перестройки. Как большинство людей (только они в этом не признаются), я знал, что такое гомоэротические чувства, но от этого до признания гражданских прав сексменьшинств – дистанция огромного размера. Отношение к однополым бракам – единственный в моей жизни случай, когда я сменил точку зрения на противоположную, буквально не отходя от телевизора.

Дело было в Париже в 1989 г. Случайно включив телевизор, я увидел дискуссию на эту тему. До того момента мое отношение к ней было иронически-скептическим: с точки зрения прав человека, «они», конечно, правы, но зачем это нужно, если обычные бездетные пары часто обходятся без государственной

регистрации? И вдруг, к своему удивлению и даже стыду, я обнаружил, что против легализации однополых союзов нет ни одного разумного аргумента, а «за» – очень много. С тех пор я не раз шокировал российских журналистов своей «странной» позицией, а в 1994 г. даже провел в рамках большой международной конференции «Семья в третьем тысячелетии» круглый стол на эту тему. Его участники по-разному оценивали однополые отношения, но ни один не возражал против их легализации. Сегодня этот процесс во всем мире набирает обороты.

Очень полезным было личное знакомство с американскими и европейскими геями, особенно Дэвидом Мак-Виртером и Эндрю Матиссоном. Оба они – сексологи, авторы первой в мировой литературе книги о мужских парах, много лет, до самой смерти, жили вместе. На их примере я увидел, что долгосрочные однополые пары реально существуют, у них те же проблемы, что и у разнополых пар, а в некоторых случаях они предвосхищают тенденции, которые позже появляются у гетеросексуальных пар.

Когда, после начала геевского движения в России, ко мне стали обращаться молодые геи и лесбиянки, я воочию увидел, что они такие же разные, как все прочие люди, и испытывают острый дефицит информации о себе и себе подобных. И так же, как когда-то живое общение с подростками побудило меня написать о них и для них «Психологию юношеского возраста», мне захотелось написать книгу об однополой любви (я назвал ее «Лунный свет на заре»), под которую получил полуторагодичный грант Фонда Джона и Кэтрин Макартуров (1996–1997).

По первоначальному замыслу, это должна была быть небольшая популярная книга, даже без научного аппарата, имеющая целью «представить» геев и лесбиянок самим себе и недружественному к ним гетеросексуальному большинству. Однако, освоив огромную специальную литературу (два месяца работы в Германии и десять месяцев в США, не считая многих предыдущих лет), я понял, что публиковать такую книгу без сносок нелепо. Тем более что она, как и все мои работы, отнюдь не была реферативной. На один из главных волновавших меня вопросов: чем однополая любовь отличается от разнополой? – я не нашел в специальной научной литературе не только ответа, но и самого вопроса. Первую подсказку я обнаружил в сочинениях Юкио Мисимы, а затем находил подтверждения своей догадки чуть ли не в каждой геевской биографии.

В ходе работы замысел книги изменялся. Макартуровский грант предусматривал четырехмесячную командировку в США, главным образом для чтения лесбийской беллетристики, которой

в России вовсе не было. Возник вопрос: куда ехать? В мегаполис вроде Нью-Йорка мне ехать не хотелось, но нужна была первоклассная научная библиотека. И тут появилось сообщение, что Университет Южной Калифорнии и Институт ONE / Международный геевский и лесбийский архив готовы предоставить исследователям этой тематики жилье, книжные фонды и бесценный архив. Так я оказался в Лос-Анджелесе. Жить в Лос-Анджелесе без машины довольно сложно. Пешим ходом я мог добраться только до кампуса и самого большого (и самого дешевого) в городе супермаркета. Зато книжные фонды были потрясающими.

Правда, лесбийская беллетристика оказалась по своим эстетическим свойствам значительно сложнее мужской, использовать ее в качестве психологических иллюстраций было невозможно, многие аллюзии были бы нашему читателю непонятны. Зато нашлось много другого: например, новейшие биографии Марселя Пруста, Андре Жида и других «голубых» классиков плюс их дневники и сочинения на языке оригинала. Поскольку эти сюжеты в мои планы не входили, я сначала злился, что забиваю свою голову и компьютер избыточной, ненужной информацией. А потом мои выписки пригодились. Пусть в моей книге этим персонажам посвящено лишь по нескольку страниц, зато эти страницы содержат добротное, а не искаженное знание, как часто случается при заимствованиях из вторых и третьих рук.

Заодно я еще тверже усвоил, хотя знал это и раньше, что когда биограф ставит все точки над i, которых нет в изучаемом тексте, он зачастую не столько проясняет жизненный мир своего героя, сколько упрощает, а порой и искажает его. При всей естественности сексуального любопытства (биографу оно просто необходимо, авторы, стесняющиеся говорить о психосексуальных особенностях своего героя, не должны браться за подобные сюжеты), необоснованные и недостаточно нюансированные обобщения и спекуляции меня всегда раздражают. И это не пережитки викторианского ханжества или боязнь быть заподозренным в «голубизне» (тот, кто этого боится, должен вообще не касаться этих сюжетов или на всех перекрестках кричать о своей ненависти к геям), а элементарная профессиональная добросовестность.

Очень ценным было и личное знакомство с видными специалистами по гомосексуальности, такими как Уолтер Уильямс, Питер Нарди, Верн Баллог и один из родоначальников лесби-геевского движения в Калифорнии Джим Кепнер. С их помощью я смог понять многие геевские проблемы изнутри. Работа была настолько интересной, что я пробыл в Лос-

Анджелесе вместо запланированных четырех месяцев десять. С помощью жесткой экономии это оказалось возможным. Распространяемый в Интернете слух, будто кто-то заплатил мне за эту работу 50 тысяч долларов, к сожалению, неправда – грант Хэла Колла был дан не мне, а Институту ONE, на все его проекты, я получил из него деньги на оплату медицинской страховки и коммунальных услуг. Тем не менее это весьма почетная награда.

Написание книги заняло по возвращении из США еще полтора года. Издать такую книгу в России без спонсоров (никакие российские, как и американские, толстосумы, независимо от их сексуальной ориентации, мне никогда ничем не помогали) тоже было нелегко. То, что книга вышла, – исключительная заслуга директора издательства «Олимп» М. С. Каминского.

Уникальная для России книга была хорошо встречена[63]. В 2001 г вышел ее популярный, сокращенный вариант «Любовь небесного цвета», а в 2003 г. – второе, исправленное и переработанное издание (574 страницы, библиография из 960 названий), вскоре переведенное на эстонский язык.

В первой части книги, «В лабиринтах познания», рассматривается история научного исследования гомосексуальности в разных отраслях медицины, биологии, психологии и наук о человеке и обществе, обсуждаются сильные и слабые стороны разных парадигм и теорий и объясняются причины ее «нормализации».

Вторая часть, «Сквозь пространство и время», является историко-культурологической. Она освещает однополую любовь как феномен культуры, особенности ее бытия и отношения к ней в странах Переднего Востока, в Индии, Древнем Израиле, исламском мире, Китае, Японии и в древних американских цивилизациях. Подробно рассматриваются исторические особенности «греческой любви» (античная Греция и Рим) и связанного с нею культурного наследия. В главе «Христианская Европа» детально на основе новейших научных данных прослеживается эволюция отношения к однополой любви в Ветхом и Новом Завете, особенности ее символизации и распространения в разных сословиях феодального общества (рыцари, монахи, крестьяне и ремесленники, придворная аристократия), отражение гомоэротики в высокой культуре эпохи Возрождения, включая творчество Шекспира, и т. д. В главе «Любовь, не смеющая назвать себя» я перехожу в тому, как изменилось отношение к однополой любви в философии Просвещения и при переходе от феодального права к буржуазному и как это конкретно выглядело в разных странах (в

Англии, Франции, Германии и США) и социальных средах, включая аристократические школы. Подробно анализируется «медикализации» однополой любви, гомосексуальные скандалы в Германии начала XX в., а также отражение гомоэротизма в художественной литературе и искусстве XX века (Марсель Пруст, Андре Жид, Жан Кокто, Томас Манн и др.). Глава заканчивается историей фашистского геноцида. Особая глава «Вдвойне невидимые» посвящена лесбийской культуре этого периода. Глава «Все цвета радуги» показывает радикальные изменения социального положения и самосознания инаколюбящих во второй половине XX в.: их декриминализацию (отмена уголовного преследования), депатологизацию (отмена психиатрического диагноза), постепенную социальную интеграцию и связанные с этим новые проблемы и споры. Последняя глава этого раздела, «В родных пенатах», дает краткий, но основанный на солидных источниках очерк истории гомоэротизма и соответствующей культуры в России, с дохристианских времен до начала XXI века.

Третья часть, «Я и другие», посвящена психологическим и сексуальным особенностям геев и лесбиянок. Она начинается главой о том, как ребенок открывает свою сексуальную непохожесть на других, как влияют на формирование его сексуальной ориентации и идентичности родители и сверстники, каковы особенности протекания пубертата у гомосексуальных детей, как они преломляются в их образе «Я», чем отличаются их сексуальные практики и игры, как возникают гомоэротические дружбы и первые влюбленности, является ли первый сексуальный опыт такого подростка результатом совращения или осуществлением заветной мечты, как происходит формирование стабильной сексуальной идентичности, с какими проблемами и трудностями (включая подростковые самоубийства) оно сопряжено и чем взрослые могут и должны помочь подростку. Следующая глава, «Групповой портрет без интерьера», анализирует социально-психологические и личностные свойства мужчин-геев: их социально-демографический, психологический и сексуальный профиль, особенности геевской чувствительности, социально-психологические проблемы однополых браков, разновозрастных пар, «голубых» родителей, особенностей старения и, наконец, проблему взаимоотношений геев с женщинами. Далее в том же ключе рассматривается «голубая эротика»: специфика гомоэротического воображения, психологические особенности мужской однополой любви, влияние гомосексуального взгляда на поэтику мужского тела, критерии сексуальной привлекательности, культ пениса, типичные «иконы» гомосексуального воображения, наиболее

распространенные гомосексуальные практики (мастурбация и партнерский секс, оральный и анальный секс, «связывание и дисциплина», виртуальный секс). В главе «Наследницы Сафо» те же проблемы рассматриваются применительно к лесбиянкам.

В заключении книги обсуждается будущее однополой любви в контексте глобальных процессов плюрализации и индивидуализации человеческой жизни в современном мире:

«Принятие и понимание множественности своей индивидуальности многое в жизни меняет. Людям викторианской эры было мучительно трудно осознавать свои гомоэротические наклонности, они старались преуменьшить их значение. Во второй половине XX в. маятник качнулся в противоположную сторону: сексуальная ориентация превратилась во всеобъемлющую гей-идентичность. Человек XXI в. уже не испытывает потребности в строгих определениях, он может позволить себе быть множественным и разным, не задаваясь вопросом “почему?”. Его гендерная идентичность, как и все прочие социальные роли, становится более подвижной и текучей и отказывается быть втиснутой в прокрустово ложе однозначных и жестких определений. Это распространяется и на сексуальную ориентацию.

Я хочу вернуться к своей первоначальной метафоре. Человечество вступило в период предрассветных сумерек, когда луна и солнце как бы сосуществуют. Первое чувство, которое возникает при этом, – разочарование по поводу крушения иллюзий и “расколдования” мира. Романтические голубые тона становятся серыми, и сквозь них проступают жесткие контуры металлоконструкций. Де-демонизация, расколдование гомосексуальности одновременно означает и ее де-поэтизацию. Однополая любовь предстает такой же разнообразной и изменчивой, как разнополая, а сексуальная идентичность становится одной из многих личных идентичностей. У некоторых она может быть и сменной.

Понимание этой многомерности влечет за собой не столько рост поведенческой или идентификационной бисексуальности, сколько нежелание категоризировать себя и других по этому признаку. По мере того как ослабевает социальная необходимость нечто скрывать, уменьшается потребность притворяться и изображать. У однополой любви становится больше индивидуальных “ликов” и значительно меньше – стандартных “масок”»[64].

С 2002 г., когда я закончил работу над этой книгой, однополая любовь добилась в мире значительно большего социального признания, особенно в том, что касается

легализации однополых браков или гражданских союзов; появились также новые научные данные о ее природных, биологических детерминантах или коррелятах. Однако в целом книга не устарела, более солидного издания на эту тему в России нет.

Однополой любви и гомофобии я посвятил также ряд научных и публицистических статей, в том числе – в профессиональных медицинских журналах, где привыкли воспринимать геев исключительно как пациентов. Теперь эти установки постепенно меняются.

Хотя молчаливая терпимость коллег перекрывается визгом гомофобной прессы, каждый раз, когда я оказываюсь среди геев и лесбиянок, кто-нибудь подходит и говорит: «Ваши книги помогли мне понять, кто я такой», и это перевешивает любые неприятности. Я горжусь тем, что открыл еще одну запретную в России тему, «закрыть» которую никто уже не сможет. Если в августе 2005 г., несмотря на массированную гомофобную пропаганду, 51 % опрошенных Левада-центром россиян согласились с тем, что геи и лесбиянки должны пользоваться такими же правами, что и остальные граждане, а 39 % готовы законодательно запретить дискриминацию по признаку сексуальной ориентации, в этом есть и моя заслуга.

К сожалению, с научными исследованиями гомосексуальности дело в России обстоит плохо. Появились превосходные социологические исследования молодежной культуры Елены Омельченко, отличная антропологическая книга Марины Бутовской, содержательная книга по истории однополой любви в России Льва Клейна, но в целом тема остается закрытой. Заниматься этой проблематикой невыгодно и рискованно. Когда в поле моего зрения появились молодые философы-геи, я думал, что они займутся, к примеру, квир-теорией. Но молодые люди предпочитают не засвечиваться, и нельзя их за это упрекнуть.

В 1999 г. директор Института социологии Венгерской Академии наук, мой старый друг Пал Тамаш похвастался мне, что взял на работу по этой тематике молодую женщину.

– А что, мужчин-геев у вас не нашлось?

– Сколько угодно, но наше общество весьма гомофобно, мужчина на этой проблематике карьеру не сделает, а мать двоих детей будет работать без помех.

В России ситуация гораздо хуже, чем в Венгрии, а любительские занятия не заменяют профессионализма. Дальтоник не обязательно становится офтальмологом, а если он выбрал другую специальность, с какой стати ему реферировать исследования по чужой дисциплине? Поэтому исследований

мало, а то, что печатают геевские издания, зачастую не особенно серьезно, да и выходов на широкую публику у них мало.

В геевскую политику я не вмешиваюсь. Разумеется, я открыто поддерживаю гражданские права сексуальных, как и всех прочих, меньшинств, считаю, что это часть общедемократического движения и невнимание к их проблемам – одна из слабостей российских демократов. В 1991 г. я был единственным известным в стране человеком, который выступил в популярных «Аргументах и фактах» в пользу юридического признания лесби-геевских правозащитных организаций, даже если некоторые их лидеры порой выступают с безответственными заявлениями. В 1995 г. я поддержал требования о регистрации лесби-геевской национальной организации «Треугольник». Между прочим, демократической власти гораздо выгоднее иметь дело с социально интегрированными организациями, чем с непредсказуемыми индивидами. Авторитарная же власть этой выгоды не понимает и тем самым поощряет экстремизм.

Для меня как социолога интересен не столько правовой, сколько социально-психологический аспект гомофобии. Отношение к гомосексуальности – не только самостоятельная проблема, но и идеальная лакмусовая бумажка для измерения степени социальной терпимости.

Когда в 2005–2006 гг. гомофобия стала в России официальной национально-религиозной идеей, мне пришлось специально заняться ею. В статье «Секс и меньшинства. Как гомофобия становится ксенофобией» («Новое время». 2006. № 15) я показал, что гомофобия органически связана с другими формами советско-русской ксенофобии, а в статье «Гомофобия как лакмусовая бумажка российской демократии» («Вестник общественного мнения». 2007. № 4) дал систематический анализ российских опросов общественного мнения, раскрыл особенности российской политической (в отличие от бытовой, трайбалистской) гомофобии, показал, что она не вытекает из личного опыта россиян и какую опасность она для них представляет. Я считаю эту статью продолжением своей «новомирской» «Психологии предрассудка» (1966) и горжусь тем, что она опубликована в журнале Левада-центра, который начал первые в России социологические опросы об отношении к гомосексуальности.

Спор, «бить или не бить» и надо ли стране соблюдать собственные законы, несовместим с нормами цивилизованного общества. Ссылки на национальные традиции тут неуместны. Свое отношение к этому я выразил в юмореске, помещенной на сайте Полит. ру и на моем сайте (09.04.2007):

Берегитесь рыжих левшей

Каждый рыжий мальчик знает, как трудно быть «рыжим-бесстыжим». Один отстаивает свое достоинство в драке, другой тихонько плачет в уголке, третий находит какие-то способы защиты и самоутверждения. Но с возрастом травля заканчивается, и даже шрамы остаются не у всех.

В последние годы в связи с бурным ростом в нашей стране дружелюбия и гражданского согласия травля рыжих усилилась. Их публично обвиняют то в безнравственности, то в ухудшении генофонда. По словам некоторых политиков и СМИ, против России существует всемирный заговор рыжих во главе с Анатолием Чубайсом. Звезды нашего шоу-бизнеса, поддерживающие друг друга, как пауки в банке, все поголовно рыжие или крашеные. А о депутатах и говорить нечего.

Особо чувствительным рыжим эта брань надоела, и они организовали для борьбы с дискриминацией и диффамацией правозащитный «Союз рыжих». Однако власти в регистрации им отказали, заявив, что цели такого союза противоречат нравственности и национальным традициям: на Руси рыжих не любили испокон веку, а на европейские стандарты нам плевать!

Тем временем к рыжим присоединились левши. Во многих священных книгах написано, что левшество – от дьявола. В древности левшей убивали или изгоняли, а позже долго и мучительно переучивали. Современная наука говорит, что все это вздор, но почему мы должны ей верить? Этак можно поверить и тому, что земля круглая, а человек произошел от обезьяны! Толерантность вообще опасна. Рыжесть и левшество – непреодолимый соблазн. Если сегодня мы разрешим кому-то писать левой рукой, то завтра все захотят креститься левой. Нельзя отступать от священных традиций! В свое время в православной церкви произошел раскол из-за того, креститься ли двумя или тремя перстами, а признать нормальным леворучие – это полный конец света. Кроме того, левши, как всем известно, не умеют стрелять и ходить строем, поэтому нормализация левшества подорвет нашу

обороноспособность.

Журналисты обнаружили, что в молодежной среде уже появилась опасная мода на рыжесть и левшество. Юноши и девушки стали носить безобразные рыжие парики и шагать кто с правой ноги, кто с левой, а кто и вовсе не в ногу. Встревоженные родители заваливают газеты вопросами, как профилактировать это страшное зло. В Госдуму внесли законопроект о полном запрещении рыжести и левшества, а буде сие не получится – хотя бы их пропаганды. Рыжих и левшей решили отстранить от преподавания, работы в СМИ и, самое главное, – это наша святая святых! – от рыночной торговли.

Чтобы показать, что они не так страшны, как их малюют, рыжие и левши попытались провести уличное шествие «Рыжий – это красиво!». Благоразумные люди призывали их этого не делать: «Ну что вам стоит перекраситься или надеть парик, а когда вы поседеете или облысеете, вопрос сам собой потеряет значение». Не слушают…

Подсчитали великих рыжих и левшей в истории, оказалось – немало. Отдельные экстремисты пошли еще дальше, утверждая, что рыжие – высшая порода людей. Поскольку рыжий цвет – это цвет солнца, под рыжей шевелюрой зарождаются непременно яркие, блестящие идеи, зато под темными волосами мысли исключительно черные. Вот к кому надо бы присмотреться… Тем более что неприязнь к черным (не буду уточнять, каким именно, чтобы не попасть под статью о разжигании национальной розни) – у нас всегда была сильнее, чем к рыжим. А народ, как и церковь, никогда не ошибается.

Короче, собрались мы всем миром, вооружились дрекольем и поехали лупить окаянных рыжих левшей. Городские власти идею «рыжей гордости» тоже осудили, вызвали ОМОН, танки и тяжелую артиллерию, а заодно объяснили, что они вообще не могут обеспечить безопасность никому, кроме своих собственных сторонников, да и тех не должно быть больше двух на квадратный километр. Кто кого и от чего в этой великой битве защищал, со стороны понять трудно, но что такое суверенная демократия, мы миру показали.

А самое главное достижение – у нас наконец-то появилась Национальная Идея: рыжим левшам в России не место!

> Впрочем, это не единственные наши враги. На мой взгляд, особую опасность представляют дальтоники, неспособные отличить оранжевую революцию от коричневой чумы. Одним дрекольем тут не обойтись.

Преодоление бытовой, трайбалистской гомофобии требует долгого времени и серьезных усилий, спешка и форсирование событий могут даже повредить. Зато политическая гомофобия нередко становится отличным бумерангом.

Назначив гомосексуалов ответственными за все современные проблемы и трудности вплоть до снижения рождаемости, РПЦ рассчитывала повысить свой международный авторитет и объединить под своей эгидой все консервативные силы в мире. Но крестовый поход не состоялся. Западные консерваторы сочли кампанию слишком агрессивной и политизированной, не соответствующей общему духу христианства, не говоря уже о современной культуре и науке. Исламские фундаменталисты в благословении «неверных» не нуждаются, от России им нужны только деньги, оружие и высокие технологии. Московские раввины РПЦ поддержали, но государство Израиль, при всем своем почтении к иудаизму, предпочитает придерживаться демократических ценностей. Интеллигентной российской молодежи, которая знает, как живут ее западные ровесники, церковная гомофобия, тесно связанная с общей сексофобией, кажется смешной, страстные обличения «неправильной» любви лишь подогревают интерес к ней. Теперь любая страна, которая легализует однополые партнерства (таких стран становится все больше) или разрешает гей-прайды, автоматически становится воплощением сатанизма и врагом России. Это заставляет людей задумываться, эффективно подрывая усилия государственной пропаганды представить Россию в качестве цивилизованной страны и примера для подражания. Так что все к лучшему в этом лучшем из миров…

Все ли? Кровавый теракт на Черкизовском рынке полностью подтвердил мой тезис о взаимосвязи гомофобии и ксенофобии. Один из обвиняемых по этому делу студентов ранее участвовал в антигеевских погромах, а его интимный дневник наглядно показывает, что его ненависть к чужакам тесно связана с неуверенностью в собственной маскулинности: «Нет духу сказать “нет” – это мерзкая особенность мягкого сопливого характера, характера немужского… Я понял, что у меня нет воли и характера. Я не могу ударить первым, я боюсь драться. Странно, что я не гей. Хотя характер пидорский!» Это клиническая картина авторитарного сознания.

Гомофобию нельзя понять вне макроисторического контекста. Не исключено, что сторонники идеи «Россия для русских» скоро будут предпочитать бездетного русского гея многодетному этническому таджику, оттягивающему на себя «наш» материнский капитал, и некоторые «гей-славяне», уже готовые, судя по письмам на gay.ru, бороться с «цыганской» и «еврейской» угрозой, будут этому искренне рады. Сексуальная ориентация – не самое важное в человеке. Если/когда в России разразится предсказываемый политологами системный кризис, главными «либерастами» неизбежно окажутся евреи-интеллигенты. Традиционализм неотделим от антиинтеллектуализма, а антиинтеллектуализм – характернейшая черта современного антисемитизма. Я писал об этом в 1966 году.

Сексуальная культура в России

По всем признакам, положение Глупова одно из самых безнадежных: его точит какой-то недуг, который неминуемо должен привести к одру смерти. Однако он не только не умирает, но даже изъявляет твердое намерение жить без конца. И, несмотря на видимую нелепость этих надежд, я не могу не разделять их, я не могу не признать их вполне основательными.

М. Е. Салтыков-Щедрин

Хотя я занимался разными сторонами сексуальности, меня как профессионального историка больше всего интересует исторический аспект сексуальной культуры.

Когда-то я изучал соотношение «социального» и «национального» на примере столовых ножей. В советское время разница между рестораном и дешевой столовой заключалась не только и не столько в качестве пищи и интерьера, сколько в том, что ножи подавались только в ресторанах – в столовых их почему-то разворовывали. Меня заинтриговало, была ли эта черта социальной, присущей социализму, или национальной, сугубо советской. Путешествуя по странам Восточной Европы, я специально заходил в дешевые забегаловки, но ножи, хотя бы пластиковые, всюду были. Значит, их отсутствие – советская национально-государственная специфика.

Когда я задумался над природой советской сексофобии, передо мной возник аналогичный вопрос: типична ли она для всех соцстран или только для СССР? В последние годы советской власти гэдээровский режим идеологически был гораздо репрессивнее нашего, но сексофобии там не было, традиционная немецкая культура с ней несовместима. Что же сделало ее возможной у нас? Ответ на этот вопрос нужно было искать в социальной и культурной истории России.

Первым приближением к теме, осуществленным во время моего пребывания в Русском центре Гарвардского университета, стала книга «Сексуальная революция в России» (1995), которой предшествовал ряд журнальных статей и сборник «Секс и русское общество» (1993).

Эта работа была посвящена в основном современности, тому, как советская власть боролась с сексуальностью и чем это закончилось. Кроме того, я хотел развеять созданный некоторыми российскими и западными публикациями миф, изображающий Советский Союз и постсоветскую Россию как какой-то зверинец, населенный экзотическими животными, которые нигде больше не встречаются. На самом деле, большая часть наших проблем, включая сексуальные, – лишь гротескное преувеличение того, что совсем еще недавно было, а кое-где и остается нормальным для других культур.

Как первая попытка научного анализа достаточно сложного предмета, которым до этого занимались только публицисты, книга вызвала положительную реакцию специалистов – социологов, сексологов и славистов. Западному читателю она была интересна прежде всего как сводка фактов о малоизвестной стороне советско-российской жизни. «Кон написал очень увлекательную книгу об ужасающем предмете»[65]. Наиболее вдумчивые рецензенты увидели в книге и предостережение: «Кон убеждает нас, что подавление сексуальности возможно, и показывает как и почему… Даже если мы видим, что это далеко от нашего общества, Кон подсказывает, что наша ситуация может ухудшиться. Сходство между антиинтеллектуальными, необразованными религиозными фундаменталистами, сделавшими партийную карьеру на поддержке сталинской антисексуальной революции, и американскими христианскими правыми, усиливающими свое политическое влияние с помощью антиабортных, процензурных лозунгов, очевидно. “Сексуальная революция в России” Кона звучит как предостережение об опасности подчинения секса авторитарному контролю и раскультуриванию»[66]. В свете деятельности Джорджа Буша сегодня это звучит актуальнее, чем в 1995 году.

Однако, и это тоже отмечали некоторые рецензенты, моя «историческая прелюдия», посвященная дореволюционной России, была во многом поверхностной. Следующая книга «Сексуальная культура в России: Клубничка на березке» (1997), написанная по гранту Российского гуманитарного научного фонда и адресованная российскому читателю, была не повторением американского издания, а самостоятельным произведением, где многое было исправлено и дополнено. Я пытался рассмотреть уже не только сексуальную революцию, но историю русской сексуальной культуры в целом, причем меня интересовали не столько отдельные красочные детали, сколько общая логика исторического развития, ключ к которой я нашел в теории В. О. Ключевского. Хотя книга нашла своего читателя,

похоже, что мои главные мысли отчасти потерялись в фактическом материале. Более четко я сформулировал их несколько позже, в статье «Сексуальность и политика в России» в сборнике «Сексуальные культуры в Европе» (1999). Впрочем, в середине 1990-х годов серьезных исследований по истории русской сексуальной культуры было настолько мало, что любые обобщения выглядели одинаково спекулятивными.

В последующее десятилетие и в России, и за рубежом появилась новая научная литература по истории дореволюционной русской сексуальной культуры. Обогатились и наши представления о советском и постсоветском времени. На основе массовых сексологических опросов теперь можно зафиксировать динамику сексуальных ценностей и поведения россиян, включая молодежь и подростков, не только в краткосрочной перспективе, но и в масштабе трех поколений. Много нового появилось в русле гендерных исследований. Это позволило мне не только дополнить второе издание «Клубнички на березке» (2005) ранее неизвестными фактами, но и пересмотреть некоторые прежние суждения.

А самое главное – изменилась моя точка отсчета. Первая половина 1990-х была временем идейного разброда, когда преобладал пафос разрушения советского мира. Мы знали, откуда идем, но плохо представляли себе – куда. Для долгосрочных прогнозов было мало времени и данных, одним их заменяли страхи, другим – надежды. К началу XXI века связь времен несколько прояснилась. В обществе в полный голос зазвучали «реставрационные» мотивы, желание вернуться «к истокам».

Сексуальная контрреволюция не была для меня неожиданной. В 1994—95 гг., отвечая на вопрос: «Что будет с нами дальше?» – я выделил три возможных варианта развития, подчеркнув, что в случае победы консервативных сил, «одной из первых жертв возрожденной большевистской (пусть даже под религиозным флагом) сексофобии станет именно эротическая культура. На практическом поведении людей, особенно молодежи, это не отразится, городская среда по самой сути своей предполагает плюрализм, сексофобия ей несозвучна. Однако сексологические издержки при этом углубятся политическим конфликтом поколений, травлей сексуальных меньшинств, усилением сексизма и мужского шовинизма»[67].

Для историка и социолога сексуальная контрреволюция не менее интересна, чем сексуальная революция, а то, что этот процесс не завершен, лишь обостряет интригу. Во втором издании книги я пытался не только описать историю отечественной сексуальной культуры, но и ответить на следующие вопросы:

каково на самом деле то «прошлое, которое мы потеряли», насколько оно однозначно, не является ли оно продуктом нашего собственного воображения, стоит ли к нему возвращаться, даже если бы это было возможно, и к чему могут привести такие попытки?

Эта большая (437 страниц) книга, с библиографией из 600 названий, состоит из трех частей. Первая часть, основанная целиком на литературных источниках, содержит исторический очерк сексуальных установок, ценностей и поведения россиян с дохристианских времен до 1917 года, рассматриваемых в контексте социально-экономического и культурного развития страны; при этом, вопреки модным глобальным теориям «русского Эроса», подчеркивается социально-классовая неоднородность и внутренняя противоречивость русской сексуальной культуры. Вторая часть, «Советский сексуальный эксперимент», дает подробный анализ сексуальной политики Советской власти, раскрывает социально-политические причины и печальные социокультурные и демографические последствия большевистской сексофобии и показывает особенности начавшейся в 1960-х и достигшей пика в 1990-х годах сексуальной революции. Третья часть, «Сумма и остаток», описывает состояние сексуальной культуры современной России, включая подростковую и юношескую сексуальность, проблемы сексуального и репродуктивного здоровья, сексуальные права человека, проституцию, отношение к эротике, положение сексуальных меньшинств и т. д. В последней главе, «Полный назад?», анализируются причины и следствия начавшейся в стране «сексуальной контрреволюции». В качестве эпиграфа к ней я привожу строки Максима Горького:

> У синего моря урядник стоит,
> А синее море шумит и шумит.
> И злоба урядника гложет,
> Что шума унять он не может.

Наряду с разнообразными литературными источниками и данными социальной статистики, в книге широко используются данные многочисленных, в том числе неопубликованных, сексологических опросов, включая наши собственные. На сегодняшний день это самое крупное историческое исследование такого рода.

История сексуальной культуры интересна не только сама по себе (речь идет о важном аспекте общественной и личной жизни), но и тем, что она позволяет лучше понять общие свойства и

особенности российского публичного дискурса, который во всех своих аспектах остается скорее этатистским, государственническим, чем либертарианским. Многие вопросы, которые на Западе давно уже обсуждаются прежде всего, а то и исключительно, в контексте прав человека, в России рассматриваются под углом зрения и в терминах обеспечения национальной (читай: государственной) безопасности. Командно-административный, бюрократический пафос (я назвал бы его кагэбэшным этосом) делает официальный российский дискурс охранительно-репрессивным и одновременно утопическим, потому что в своей реальной жизни россияне, как и все нормальные люди, любят, трахаются и рожают (или не рожают) детей не по политическим, а по личным мотивам, на которые ни административные меры, ни патриотическая риторика не влияют.

Иллюзорность характерна для обоих участников диалога. Государство (и иная светская и духовная власть) воображает, что оно может и должно контролировать частную жизнь своих подданных, а те, в свою очередь, верят, что власти обязаны обеспечить им не только материальное благополучие, но и счастливую личную жизнь. Хотя власти прекрасно знают, что личная жизнь граждан от них, властей, совершенно не зависит, а молодые люди ищут моральных и прочих наставлений где угодно, но только не у начальства.

В отношении к сексуальной культуре рельефно проявляется конфронтация консервативной России и либерального Запада. Разумеется, в России есть немало либералов, а на Западе – немало консерваторов. Говоря о России, я имею в виду лишь ее господствующую, более или менее официальную, идеологию, которой многие люди не придерживаются, а если придерживаются, то исключительно в теории. Тем не менее сравнение поучительно.

«Запад» считает сексуальность терминальной ценностью, одной из главных сторон человеческой жизни. «Россия» видит в ней побочный и опасный продукт репродукции.

«Запад» признает сексуальные права человека, включая право на сексуальную информацию и научное образование. «Россия» уважает лишь такую сексуальность, которая ведет к деторождению и происходит в рамках законного брака.

«Запад» считает сексуальное здоровье необходимой предпосылкой репродуктивного здоровья и субъективного благополучия. В России о сексуальном здоровье предпочитают не говорить, подменяя его понятием репродуктивного здоровья, преимущественно женского.

«Запад» признает сексуальное поведение разнообразным и

изменчивым и борется с гомофобией. «Россия» хочет всех подчинить единому стандарту и озабочена «пропагандой гомосексуализма» (что это такое, никто объяснить не может).

«Запад» считает эротику необходимым элементом человеческой культуры. В России ищут путей административного запрета порнографии.

«Запад» считает омоложение сексуальности и либерализацию сексуальной морали закономерными процессами и старается понять их причины и следствия. «Россия» убеждена, что это всего лишь злонамеренные происки ее внешних и внутренних врагов, изучение сексуального поведения считается подрывным.

«Запад» борется с издержками сексуальной революции путем научного просвещения молодежи, пропаганды безопасного и ответственного секса и т. п. В России уверяют, что безопасного секса не бывает, стараются опорочить презервативы и всякую иную контрацепцию, призывая молодежь к целомудрию и полному добрачному воздержанию.

«Запад» считает современную сексуальную культуру светской. В России ее пытаются подчинить церковному контролю.

«Запад» пытается осмыслить сексуальные ценности и модели поведения современных молодых людей, выводя из этого прогнозы на будущее. «Россия» мечтает о возрождении воображаемого целомудренного прошлого (каким оно было на самом деле – мало кто знает), считая современность сплошным регрессом.

Какая из этих стратегий эффективнее – каждый может судить сам. Кроме вкусовых и идеологических критериев, в нашем распоряжении есть статистика рождаемости, брачности, абортов, заболеваний, передающихся половым путем, и т. д. и т. п. Именно в сфере личной жизни российский традиционализм, как и коммунистическая доктрина, терпит самое сокрушительное банкротство, потому что контролировать ее государство не может. Людей можно заставить голосовать как угодно, одобрять что угодно, но жить они будут так, как им нравится.

Каждый научный проект ценен не только тем, что тебе удалось открыть другим, но и тем, что ты уяснил для себя. Изучение истории русской сексуальной культуры помогло мне глубже понять некоторые общие черты отечественной истории. Кроме отмеченного В. О. Ключевским экстенсивного типа развития (постоянная экспансия и территориальное расширение при неумении освоить занятые земли в глубину), одна из ее констант – желание указывать пути развития всему человечеству.

Впервые это произошло в конце XV – начале XVI века, когда появилась формула «Москва – третий Рим»: «Два Рима падоша, а

третий стоит, а четвертому не быти». Европейцы выслушали, но предпочли православию Возрождение, Просвещение и промышленную революцию. Поскольку результаты соревнования оказались не в пользу России, в конце XVII века Петр Великий поехал учиться в Европу, это помогло ему и его преемникам создать великую империю. В XIX в. Россия уже была великой европейской державой и даже подавляла европейские революции, тем не менее николаевскую формулу «православие, самодержавие и народность» Европа отвергла. Мировую славу России создали не ее государство и церковь, а та великая культура, которая здесь считалась подрывной. В XX в. большевики возродили старый имперский проект, поставив на место православия идею коммунизма, но под это знамя удалось привлечь только некоторые недоразвитые (из политкорректности их стали называть развивающимися) страны, да и то преимущественно силой оружия, а затем он и вовсе провалился. В XXI в. мы снова хотим указывать пути человечеству. Ну что ж, поживем – увидим…

Как эти вселенские притязания повлияли на самое русскую культуру, прекрасно описал в своих лекциях старик Ключевский. Не могу отказать себе в удовольствии привести из него большую цитату.

Ключевский о русском фундаментализме

ЗАТМЕНИЕ ВСЕЛЕНСКОЙ ИДЕИ. Все эти явления и впечатления очень своеобразно настроили русское церковное общество. К началу XVII в. оно прониклось религиозной самоуверенностью; но эта самоуверенность воспитана была не религиозными, а политическими успехами православной Руси и политическими несчастьями православного Востока. Основным мотивом этой самоуверенности была мысль, что православная Русь осталась в мире единственной обладательницей и хранительницей христианской истины, чистого православия. Из этой мысли посредством некоторой перестановки понятий национальное самомнение вывело мнение, что христианство, которым обладает Русь, со всеми его местными особенностями и даже с туземной степенью его понимания есть единственное в мире истинное христианство, что другого чистого православия, кроме русского, нет и не будет <…> Как

скоро русское церковное общество признало себя единственным хранителем истинного благочестия, местное религиозное сознание было им признано мерилом христианской истины, т. е. идея вселенской церкви замкнулась в географические пределы одной из поместных церквей; вселенское христианское сознание заключилось в кругозор людей известного места и времени <…> Как скоро русские православные умы стали на эту точку зрения, в них укрепилась мысль, что русская поместная церковь обладает всей полнотой христианского вселенского сознания, что русское церковное общество уже восприняло все, что нужно для спасения верующего, и ему нечему больше учиться, нечего и не у кого больше заимствовать в делах веры, а остается только бережно хранить воспринятое сокровище. Тогда на место вселенского сознания мерилом христианской истины стала национальная церковная старина. Русским церковным обществом было признано за правило, что подобает молиться и веровать, как молились и веровали отцы и деды, что внукам ничего не остается более, как хранить без размышления дедовское и отцовское предание. Но это предание – остановившееся и застывшее понимание: признать его мерилом истины значило отвергнуть всякое движение религиозного сознания, возможность исправления его ошибок и недостатков. С минуты такого признания все усилия русской религиозной мысли должны были направиться не к тому, чтобы углубляться в тайны христианского вероучения, усвоять себе возможно вернее и полнее жизненное вселенское религиозное сознание, а единственно к тому, чтобы сберечь свой наличный местный запас религиозного понимания со всеми местными обрядами и оградить его от изменения и нечистого прикосновения со стороны <…>.

Из такого настроения и склада религиозных понятий вышли два важных следствия, с которыми тесно связано возникновение раскола: 1) церковные обряды, завещанные местной стариной, получили значение неприкосновенной и неизменной святыни; 2) в русском обществе установилось подозрительное и надменное отношение к участию разума и научного знания в вопросах веры… В одном древнерусском поучении читаем: «Богомерзостен пред богом всякий, кто любит геометрию; а се душевные грехи – учиться астрономии и

> еллинским книгам; по своему разуму верующий легко впадает в различные заблуждения; люби простоту больше мудрости, не изыскуй того, что выше тебя, не испытуй того, что глубже тебя, а какое дано тебе от Бога готовое учение, то и держи»… Такой взгляд питал самоуверенность незнания: «Аще не учен словом, но не разумом, – писал про себя древнерусский книжник, – не учен диалектике, риторике и философии, но разум Христов в себе имею». Так древнерусским церковным обществом утрачивались средства самоисправления и даже самые побуждения к нему.
>
> НАЦИОНАЛЬНО-ЦЕРКОВНОЕ САМОМНЕНИЕ <…>. Органический порок древнерусского церковного общества состоял в том, что оно считало себя единственным истинно правоверным в мире, свое понимание божества исключительно правильным, творца вселенной представляло своим собственным русским богом, никому более не принадлежащим и неведомым, свою поместную церковь ставило на место вселенской. Самодовольно успокоившись на этом мнении, оно и свою местную церковную обрядность признало неприкосновенной святыней, а свое религиозное понимание нормой и коррективом боговедения»[68].

Я не специалист по истории России. Если кто-нибудь докажет, что качество жизни русских крепостных было лучше, чем современных им англичан и французов, или что митрополитов в раю больше, чем кардиналов, я готов пересмотреть свою точку зрения. Но к истории русской сексуальной культуры идеи Ключевского определенно применимы.

Мир, в котором мы сегодня живем, неизмеримо богаче и интереснее советского. Никогда еще на моем веку в России не было такой разнообразной культуры, литературы, искусства и даже, при всех трудностях, общественных и гуманитарных наук. Это многообразие появилось не из потайных ящиков советских «внутренних эмигрантов», оно – результат выросшей свободы и открытости общества, творческую активность которого не смогла парализовать даже унизительная бедность 90-х годов. Но одновременно налицо рост ксенофобии, традиционализма, агрессивных нападок на культуру и цивилизацию. Что это – пережитки прошлого, которые раньше принудительно удерживались в тени, или ростки непривлекательного будущего?

В свете этого противоречия я должен оценивать и собственную работу. Ради чего я все эти годы плыл против

течения? Стоило ли это делать? Если бы я верил, что мои сочинения могут изменить направление общественного развития, я был бы плохим социологом, а если бы замолчал – плохим гражданином. Социолог чем-то напоминает врача. Коль скоро законные опекуны больного твердо решили его уморить и доктор не может этому воспрепятствовать, он обязан подготовить документы, которые помогут будущему патологоанатому и судебно-медицинскому эксперту определить причину смерти. То есть консультант превращается в свидетеля обвинения. В данном случае патологоанатомом будет историк, второе издание «Клубнички на березке» адресовано прежде всего ему.

Что же касается моих книг и статей сексологического характера, то они адресованы не государству и его агентам – ничего хорошего мы от них никогда не дождемся, а частным лицам. Россия давно уже живет по формуле «Спасение утопающих – дело рук самих утопающих». Многие из них не умеют плавать, но, возможно, готовы учиться. Одного молодого человека (старым приятнее думать, что они прожили свою юность в лучшем из миров, который разрушили завистливые пришельцы) мои книги научат, как правильно надевать презерватив, другого успокоят по поводу «размеров», третьему облегчат взаимопонимание с женой, а четвертому напомнят слова Грибоедова: «Мой друг, отчизна только там, где любят нас, где верят нам».

Свобода – это индивидуальный выбор, а научная книга – информация к размышлению. Не больше, но и не меньше. Как написано на воротах Бухенвальда, «каждому – свое».

Мужчина в меняющемся мире

Утренняя эрекция – это единственная вещь, которая делает мужчину загадкой природы.

Виктор Ерофеев

Мой последний проект «Мужчина в меняющемся мире», которым я занимаюсь с 1999 г. (попытка осмыслить, как меняются мужчины и их представления о самих себе в современном мире, в котором они утрачивают былую власть и гегемонию), имеет длинную предысторию.

Теоретический интерес к проблеме половых различий возник у меня случайно. В Ленинграде я много лет работал с очень образованной машинисткой Н. Д. Раскиной, которая не только перепечатывала мои рукописи, но и внимательно их читала и иногда высказывала критические замечания. Когда я стал заниматься юношеской психологией, Нина Давыдовна сказала: «Игорь Семенович, то, что вы пишете, очень интересно, но ведь это все – о мальчиках. А где же девочки? Они многое переживают иначе».

Нина Давыдовна была права. Мужской тип развития был мне не только лучше знаком по личному опыту, но и казался теоретически универсальным, единственно возможным. Когда под влиянием этой критики (никто из коллег мне ничего подобного не говорил) я стал размышлять и читать специальную литературу, то вскоре открыл для себя новый увлекательный мир. Пол оказался не однозначной биологической данностью, а сложным и многомерным социальным конструктом, требующим многодисциплинарного подхода, а социально-психологические различия между мужчинами и женщинами – вполне реальными, важными, но вместе с тем – историческими.

Еще в советское время я посвятил этой теме несколько статей, она присутствует и в моих обобщающих работах. Это стимулировало и к чтению феминистской литературы. Первый опыт был разочаровывающим. В конце 1960 – начале 1970-х годов я переписывался с известным американским социологом Карлфредом Бродериком, главным редактором «Journal of Marriage and the Family». Однажды, посылая мне очередной номер журнала, Бродерик написал, что он должен мне понравиться, потому что его готовили марксистки-феминистки. Прочитав журнал, я ответил, что ни этот феминизм, ни этот марксизм мне

не нравятся – такой вульгарный социологизм был у нас в 1920-х годах, возвращаться к нему незачем. Первые феминистские работы в антропологии действительно были наивно декларативными, но в них ставились серьезные вопросы, следующее поколение ученых стало обсуждать их предметно, после чего игнорировать их стало уже невозможно.

Примерно так же было и в постсоветской науке. Первые «женские» школы и семинары в значительной степени сводились к жалобам на бедственное положение женщин, жалобы были справедливыми, но теоретически неинтересными. Однако очень скоро эти исследования, которые из «женских» переименовали в «гендерные», стали профессиональными и интересными для всех. Посещение гендерных летних школ и семинаров, особенно в замечательном Форосе, и полугодовое пребывание в Центральноевропейском университете в Будапеште (1999), куда меня «сосватал» Сергей Ушакин, показали мне, что здесь есть чему учиться. Надо только терпеливо слушать, не обращать внимания на неизбежные во всяком новом деле благоглупости и птичий язык (любой язык, которого ты не знаешь, кажется птичьим) и не думать, что содержимое твоих штанов автоматически гарантирует тебе интеллектуальное превосходство над теми, кто носит юбку.

Разумеется, меня раздражают разговоры о «мужской» и «женской» науке, игнорирование данных психологии, биологии и т. п., что особенно заметно в трактовке сексологических сюжетов. Какое-то время я даже возражал против слова «гендер», опасаясь, что оно вызовет путаницу и схоластические споры о словах (что действительно имеет место). Однако «гендер» позволяет деконструировать биологический эссенциализм, который, хотя бы в силу своей привычности, легче усваивается обыденным сознанием. В последние годы я посвятил несколько статей разъяснению соотношения понятий «пол» и «гендер», пытаясь сделать его понятным не только психологам, но и представителям медико-биологических дисциплин, до которых эта терминология еще не дошла. Эти темы освещаются и в моих учебных пособиях «Ребенок и общество» (2003) и «Сексология» (2004).

По сути дела, в этом вопросе, как и в других, я занимаюсь наведением мостов между берегами, обитатели которых имеют друг о друге смутные представления, но одни убеждены, что на противоположном берегу живут люди лихие, так что от них лучше держаться подальше, а другие не прочь познакомиться с соседями поближе. Первым моя деятельность кажется вредной и подрывной, а вторые считают ее полезной.

В самих гендерных исследованиях меня занимают не столько

общие, сколько специфически мужские проблемы. С точки зрения социолога классической формации, для которого социальная реальность не сводится к дискурсу, гендерный порядок – явление не только психолингвистическое, но и – прежде всего – макросоциальное. Чтобы понять исторические изменения во взаимоотношениях мужчин и женщин, нужно начинать не с психики, которая во многом производна от характера жизнедеятельности, а с социально-структурных процессов, общественного разделения труда, властных отношений и т. д. В этом духе написана моя статья «Мужчины в изменяющемся мире» (1999), опубликованная в нескольких гендерных учебных пособиях.

Первоначально я хотел посвятить мужским проблемам одну книгу, но тема оказалась слишком сложной и многогранной. Неожиданно для меня самого, сначала на первый план вышла такая локальная и даже вроде бы не совсем социальная тема, как репрезентация обнаженного мужского тела.

До последней трети XX в. человеческое тело считалось природной данностью, интересной только для биологии и медицины. Общественные и гуманитарные науки затрагивали телесность лишь попутно, в связи с философской проблемой соотношения духовного и материального или в контексте истории искусства и физической культуры. Пренебрежительное отношение к телесности, тесно связанное с антисексуальностью и принижением чувственности, ярко проявлялось и в советской науке. В последние десятилетия положение резко изменилось: телесность, в самых разных аспектах, стала предметом многочисленных философских, социологических и гуманитарных исследований.

Телесность имеет и свой гендерный аспект. Чем и почему мужской телесный канон отличается от женского? Чья нагота шире представлена в изобразительном искусстве? Как соотносятся друг с другом бытовая культура и художественная репрезентация мужского и женского тела? Можно ли говорить об исторической эволюции и этнокультурных вариациях образов мужской и женской красоты, или же они полностью детерминированы законами эволюционной биологии? Что меняется в этом отношении в современной культуре? Сохраняется ли в ней традиционное правило «мужчина действует, женщина показывает себя», или появляется нечто новое?

На первый взгляд, тема – сугубо искусствоведческая и, следовательно, не моя. Но за эстетическими проблемами скрываются социокультурные. Феминистская искусствоведческая литература, с которой я познакомился в Будапеште,

стимулировала появление новых вопросов. Я подумал, что представленная визуально, «в картинках», история художественной репрезентации мужского тела может дать для понимания канона маскулинности не меньше, чем социальная статистика и динамика гендерного разделения труда. Этой теме я посвятил несколько научных статей и большую книгу «Мужское тело в истории культуры» (2003).

Это была очень тяжелая работа. Я писал книгу на свой страх и риск (получить грант на такой экзотический для России проект – «образы голых мужиков!» – невозможно, я и не пытался это сделать) и даже без надежды на издание. Все свое свободное время в 1999–2003 гг. я тратил на посещение музеев (в эти годы я много ездил и кроме московских и петербургских музеев сумел побывать в музеях Вашингтона, Нью-Йорка, Парижа, Берлина, Геттингена, Будапешта и Хельсинки), причем делал это заведомо неправильно. В молодости знакомые художники научили меня, что не нужно пытаться осмотреть большой музей целиком, в этом случае все впечатления остаются в ногах. Посещая тот или иной музей, я обычно заранее определяю, что смотреть, оставляя остальное до следующего раза (или до следующей жизни). На сей раз я проходил музей из конца в конец, подходя только к тем картинам, где было изображено обнаженное мужское тело. Конечно, это дикость. Но таким путем я нашел немало произведений, которые в джентльменский набор тематических альбомов и монографий не входили.

Еще сложнее было с литературой. Хотя я основательно поработал в библиотеке Геттингенского университета и Библиотеке Конгресса, этого было недостаточно. В книжной лавке любого хорошего музея представлены книги и каталоги, которые до библиотек еще не дошли и дойдут не скоро. Купить их я, естественно, не мог, да и по весу они были недоступны. Значит, надо было просматривать их на месте. В американских книжных магазинах обычно удается найти стул, а то и стол, где можно читать без помехи. В музейных магазинах такие удобства не предусмотрены, но в американских музеях можно сесть на пол. В Лувре это не принято, а лучшей выставки новых книг по искусству я нигде не видел. Приходилось просматривать и читать тяжелые книги на весу или аккуратно положив их на стенд, чтобы не мешать другим посетителям и не повредить дорогую книгу. А если в придачу в Париже стоит тридцатиградусная жара (правда, в музее работает кондиционер) и у тебя болят колени, это становится многочасовой пыткой, которая по моей субъективной шкале неприятных воспоминаний идет сразу же за ездой в теплушках в военные годы. Зато я относительно уверен, что не

пропустил ничего существенного.

Нелегко далось и издание книги. Поначалу я вообще не рассчитывал на это (без иллюстраций такая книга немыслима, а где ты их возьмешь?) и собирался просто поместить свой текст в Интернете. Но друзья познакомили меня с президентом издательства «Слово» Наталией Александровной Аветисян, которая сразу поняла замысел необычной книги и решила ее печатать. Начались поиски редактора. Первый редактор, интеллигентная дама средних лет, сказала, что книга интересно и хорошо написана, но нужно убрать все про пенис и фаллос, а «сексуальность Христа – это вообще неприлично». Объяснять, что на эту тему существует серьезная и более чем благопристойная искусствоведческая и религиоведческая литература, было бесполезно, в России о ней никто даже не слышал. Ничего не вышло и с двумя следующими кандидатами. Зато Ирина Владимировна Шадрина вникла в замысел книги и стала мне бесценной помощницей. О трудностях с подбором иллюстраций я уже не говорю, это была целая эпопея.

Разумеется, написать систематическую историю художественной репрезентации мужского тела я не мог и не собирался, у меня была другая задача. Если бы меня спросили, как следует читать эту книгу, я бы посоветовал начать с первой главы «Нагота как культурологическая проблема», где популярно, но, как мне кажется, грамотно изложены философские и культурологические предпосылки исследования (сущность телесного канона, происхождение стыда и диалектика нагого и голого, философия взгляда, особенности конституирования образов мужского и женского тела и т. д.), затем внимательно прочитать последнюю главу «Мужское тело и современная массовая культура», ради которой и было задумано это исследование, и лишь после этого читать исторические главы, посвященные конкретным эпохам. Не будучи искусствоведом, я хотел, опираясь на специальную литературу (липовых сносок, чтобы образованность показать, у меня не бывает), выделить самые общие, социально и культурно значимые черты каждой эпохи, будь то идеальная мужская красота античности, средневековый конфликт духовности и телесности, ренессансная реабилитация плоти, эстетика мужественности классицизма и хрупкая мужская субъективность, открытая романтиками, переход от нагого к голому в реалистическом искусстве XIX в., мускулистая маскулинность атлета и милитаризованное «фашистское тело» и т. д. Особенно интересен для меня был женский взгляд на мужское тело, а также образы мужской наготы в русском искусстве (в последнем вопросе у меня не было

предшественников, я довольствовался фиксацией фактов, с минимумом обобщений).

Книга вызвала много откликов. Некоторые критики, не утруждая себя чтением, увидели в ней просто шикарный альбом красивых картинок. Галина Юзефович, по мнению которой вся моя прошлая научная деятельность сводилась к подведению «простенькой, но эффектной теоретической базы» под сексологические сочинения В. Шахиджаняна, не нашла в книге ничего, кроме «многочисленных курьезных ошибок» (ни единого примера она не привела), хотя высоко оценила качество неизвестно откуда взявшихся иллюстраций (хорошо хоть, что не сочла их порнографическими)[69]. Напротив, специалисты в области гендерных исследований признали книгу «важным академическим событием»[70]. Искусствоведов из Государственной библиотеки иностранной литературы она подвигла на организацию семинара и выставки, а философ и историк искусства М. С. Каган, который никогда не писал рецензий на непрочитанные книги, выразил «пожелание, чтобы книга эта обрела возможно более широкого читателя-зрителя – она может восполнить существенный пробел в его общем и художественном образовании»[71]. К сожалению, для выполнения просветительской функции книга слишком дорого стоит – 450 цветных иллюстраций и соответствующая полиграфия дешевыми быть не могут.

Иконография мужского тела для меня – всего лишь интерлюдия. На самом деле я хочу понять, что происходит с мужчинами в современном мире. Для этого нужно:

а) рассмотреть глобальные тенденции изменения нормативного канона маскулинности и гендерного порядка, в котором господствующая роль принадлежит мужчинам;

б) выяснить, как изменяются в связи с этим важнейшие свойственные (или приписываемые) мужчинам психологические черты, и

в) проследить, как эти процессы проявляются в современной России.

Сделать это я хотел не как теоретик, формулирующий ряд умозрительных и логически последовательных идей, а путем обобщения массы более или менее достоверно установленных, но разрозненных социологических, антропологических, исторических и психологических фактов. Такой подход сегодня крайне непопулярен, все предпочитают обсуждать не разнородные факты, а методологические принципы. Как философ, я вполне разделяю этот пафос, обсуждать идеи интереснее, чем факты, но в данном случае мне важен эмпирический материал,

который я собирал не абы как, а на базе нескольких общих принципов.

Первый принцип – максимальная опора на данные специальных наук. Как специалист в области истории и методологии общественных и гуманитарных наук, я хорошо знаю слабые стороны научного и тем более – гуманитарного дискурса, но, при всех ограничениях, научные факты все-таки более солидны, чем неотрефлексированные и категоричные суждения обыденного сознания, даже если они облечены в философскую форму.

Второй принцип – меж– или полидисциплинарность. Интересующие меня вопросы с разных сторон изучаются и обсуждаются в рамках социологии, антропологии, истории, психологии, гендерных исследований и многих других наук, каждая из которых имеет свой собственный понятийный аппарат и логику исследования. Нередко то, что считается достоверным в одной науке (например, в эволюционной биологии), категорически отвергается в другой (например, в гендерных исследованиях). Чтобы перебросить между ними логические мосты, нужно иметь солидные профессиональные знания в каждой из них, что заведомо невозможно. Единственное, что может сделать автор обобщающей книги, – показать эвристическую ценность и одновременно границы того или иного монодисциплинарного подхода. Минимальные методологические требования здесь: а) никогда и ни при каких условиях ничего не утверждать о мужчинах и женщинах «вообще», без учета социально-экономических, этнокультурных и иных средовых параметров и б) никогда не сводить и не выводить индивидуально-личностные свойства людей из социально-средовых или биологических факторов.

Третий принцип – всемирно-исторический контекст. В последние полвека взаимоотношения между мужчинами и женщинами, а следовательно, и их психология существенно изменились и продолжают меняться. Хотя межполовая конкуренция или, как ее иногда называют, «война полов», существовала всегда, в прошлом ее рамки и возможности были жестко определены культурой, и эти ограничения воспринимались как универсальный биологический закон. Мужчины и женщины должны были «покорять» и «завоевывать» друг друга, используя для этого специфические, веками отработанные приемы и методы, но сравнительно редко конкурировали друг с другом на макросоциальном уровне. Соперником мужчины, как правило, был другой мужчина, а соперницей женщины – другая женщина. Сейчас, впервые в

истории человечества, сложилась ситуация, когда мужчины и женщины начали открыто и жестко конкурировать друг с другом не только в семейно-бытовой сфере, где многое зависит от индивидуальных особенностей партнеров, но в самом широком спектре общественных отношений и деятельностей. На первый взгляд, это отвратительно и ужасно. Однако конкуренция – не только соперничество, но и способ кооперации, в результате которой у представителей обоих полов образуются новые социальные качества. Какие именно, как им нужно учиться и как преодолевать возникающие при этом конфликты?

Поскольку интересующие нас новые черты взаимоотношений мужчин и женщин возникли, достигли определенной степени зрелости и были осознаны на Западе значительно раньше, чем в России, изучать их нужно опять-таки на западном материале и только после этого смотреть, действуют ли те же самые закономерности в России, и если да, в чем их специфика, а если нет – то почему и какова альтернатива? Кроме того – это прямо вытекает из предыдущего – на Западе гораздо больше научных исследований, что, в свою очередь, способствует повышению их качества. Если у вас мало молока, откуда возьмутся сливки? Наличие противоречивых научных данных стимулирует рождение новых гипотез, которые тут же подвергаются эмпирической проверке. Обобщений, основанных на плохих выборках и самодельных методиках, никто всерьез не воспринимает. Поэтому необходимо сначала изучить, что сделано «за бугром», а потом уже сравнивать с этим отечественные данные, если таковые имеются.

Задача еще больше усложняется наличием двух взаимосвязанных, но тем не менее разных факторов:

1) *нормативный канон маскулинности* – как разные культуры и общества представляют себе «настоящего мужчину», что зафиксировано в историко-антропологических и социологических исследованиях, и

2) *типичные свойства индивидуальных мужчин,* зафиксированные психологическими исследованиями и статистически обобщенные и отфильтрованные метаанализом.

Итоги этой работы я подвел в книге «Мужчина в меняющемся мире» (выйдет в 2008 г.). Это своеобразное «введение в мужиковедение» открывается анализом современного так называемого «кризиса маскулинности», возникновения «мужского вопроса» и мужских «освободительных движений». Далее я критически рассматриваю основные мифы, метафоры и парадигмы маскулинности, соотношение полового диморфизма и гендерной стратификации и что конкретно измеряют

психологические тесты маскулинности и фемининности. После того как прояснилась историческая природа гендерного порядка, на первый план выступает проблема соотношения разделения труда между мужчинами и женщинами и характера существующих в обществе властных отношений. Это можно предметно обсуждать только на базе историко-антропологических данных. В результате выясняется, что хотя понятие «маскулинности» обладает некоторыми универсальными, транскультурными чертами и претендует на монолитность, так называемая гегемонная, властная маскулинность, или маскулинная идеология, никогда и нигде не является единственной; в каждом обществе и каждой культуре существуют разные типы мужчин и маскулинностей, и без изучения этих альтернативных маскулинностей (например, воина, священника или земледельца) понять гендерный порядок и его эволюцию невозможно.

Следующий раздел книги, «Мужчины в постиндустриальном обществе», посвящен тому, что происходит с гендерным порядком и нормативными представлениями о маскулинности в современном обществе. Прежде всего речь идет о разделении труда и прочих социальных ролей и функций между мужчинами и женщинами. Сначала я прослеживаю эти процессы – что меняется, что сохраняется и как это воспринимается общественным сознанием – на западноевропейском, а затем на российском материале. Никаких оригинальных, собственных эмпирических данных по этим вопросам у меня нет. Но если рассмотреть в едином комплексе, с одной стороны, количественные данные массовых опросов Левада-центра и Фонда «Общественное мнение», а с другой – результаты качественных гендерных исследований, какие проводит, например, Ирина Тартаковская, то историческая динамика «старых» и «новых», «состоявшихся» и «несостоявшихся» российских маскулинностей выглядит значительно более выразительно и нюансированно, позволяя судить как о долгосрочных глобальных тенденциях, так и о сходствах и различиях между Россией и Западом.

Однако изменение нормативного канона маскулинности (каким должен быть мужчина?) не позволяет ответить на вопрос, насколько реальные мужчины из плоти и крови готовы к принятию новых социально-исторических вызовов. В главе «Мужчина в зеркале психологических исследований» я перехожу от анализа нормативной культуры к обобщению психологических данных (прежде всего на основе метаанализов) по таким животрепещущим вопросам, как умственные способности и интересы современных мужчин, их агрессивность и

соревновательность, сексуальность, отношение к своему телу и внешности, самоуважение и чувство субъективного благополучия и, последнее по счету, но не по важности, состояние их здоровья. Обсуждение этих вопросов заставляет меня обращаться не только к разным отраслям психологии, но и к психобиологическим исследованиям. Например, насколько биологически универсальна самцовая агрессивность, как взаимосвязаны друг с другом тестостерон, агрессия и соревновательность, каковы нейробиологические корреляты и предпосылки любви к риску, новизне и острым ощущениям и т. д. Я не открываю здесь ничего нового и не позволяю себе ни малейшей отсебятины. Я только пытаюсь, на базе специальных исследований, оценить, происходят ли в этих сферах мужской жизнедеятельности и соответственно в психических свойствах мужчин какие-то перемены, позволяющие мужчинам справляться с возникшими перед ними задачами, и где, какие и у кого (мужчины – разные) в связи с этим возникают трудности и узкие места, требующие общественного внимания и профессиональной помощи?

И наконец, последний сюжет этой книги, в котором сфокусированы все мужские проблемы и интересы всех наук о человеке и обществе, – это отцовство и отцовские практики.

Имеет ли смысл такая меж– и наддисциплинарная рефлексия, если все ваши эмпирические данные заведомо вторичны и строгому количественному анализу вы их не подвергаете (зачастую это вообще невозможно)? На мой взгляд, имеет.

Историко-социологическое изучение гендерного порядка приводит к выводу, что в современном мире происходит беспрецедентная, но подготовленная всем предшествующим развитием человечества ломка традиционной системы разделения общественного труда и прочих социальных функций между мужчинами и женщинами.

В сфере трудовой деятельности и производственных отношений налицо постепенное, но все более ускоряющееся разрушение традиционной системы гендерного разделения труда, ослабление дихотомизации и поляризации мужских и женских социально-производственных ролей, занятий и сфер деятельности.

Женщины постепенно сравниваются с мужчинами по уровню образования, от которого во многом зависят будущая профессиональная карьера и социальные возможности, и даже превосходят в этом отношении мужчин.

Параллельно этому, хотя со значительным отставанием, в политической сфере меняются гендерные отношения власти. Мужчины постепенно утрачивают монополию на политическую

власть. Всеобщее избирательное право, принцип гражданского равноправия, увеличение номинального и реального представительства женщин во властных структурах – общие тенденции нашего времени. Это не может не изменять социальных представлений мужчин и женщин друг о друге и о самих себе.

С еще большим хронологическим отставанием и количеством этнокультурных вариаций в том же направлении эволюционируют брачно-семейные отношения. В современном браке гораздо больше равенства, понятие отцовской власти все чаще заменяется понятием родительского авторитета, а «справедливое распределение домашних обязанностей» становится одним из важнейших условий семейного благополучия. Психологизация и интимизация супружеских и родительских отношений, с акцентом на взаимопонимание, несовместимы с жесткой дихотомизацией мужского и женского. Образованные и экономически самостоятельные женщины не могут жить по древним домостроевским формулам.

Существенно изменился производный от социальной структуры общества характер гендерной социализации детей. Более раннее и всеобщее школьное обучение, без которого невозможно подготовить детей к предстоящей им сложной общественной и трудовой деятельности, повышает степень влияния общества сверстников по сравнению с влиянием родителей, а поскольку школьное обучение большей частью является совместным, оно объективно подрывает гендерную сегрегацию, создавая психологические предпосылки для более равных и кооперативных отношений между взрослыми мужчинами и женщинами в разных сферах общественной и личной жизни. Одновременно это делает проблематичными традиционные представления о гендерных различиях способностей и интересов, актуализируя споры о плюсах и минусах совместного или раздельного обучения и т. д.

Изменения в содержании и структуре гендерных ролей преломляются в социокультурных стереотипах маскулинности и феминности. Хотя массовому сознанию нормативные мужские и женские свойства часто по-прежнему кажутся альтернативными, принцип «или/или» уже не является безраздельно господствующим. Многие социально-значимые черты и свойства личности считаются гендерно-нейтральными или допускающими существенные социально-групповые и индивидуальные вариации. Идеальный тип «настоящего мужчины», который всегда был условным и проецировался в воображаемое прошлое, окончательно утратил свою монолитность, а некоторые его

компоненты, например агрессивность, стали проблематичными и дисфункциональными, уместными только в определенных, строго ограниченных условиях (война, соревновательный спорт и т. п.).

Масштабы, темпы и глубина изменения гендерного порядка и соответствующих ему образов маскулинности очень неравномерны а) в разных странах, б) в разных социально-экономических слоях, в) в разных социально-возрастных группах и г) среди разных типов мужчин. Однако ломка традиционного гендерного порядка отражает глубинные изменения в характере общественного производства и является закономерной и необратимой.

Поскольку движущей силой этого процесса являются женщины, сдвиги в их социальном положении и характере жизнедеятельности опережают соответствующие изменения в поведении и психике мужчин. Некоторые мужчины воспринимают происходящие перемены как угрозу со стороны женщин, что проявляется, в частности, в негативном отношении к феминизму. На самом деле новые вызовы, с которыми сталкиваются и на которые вынуждены отвечать мужчины, имеют объективную природу. Никаких шансов вернуться в патриархальное прошлое человечество не имеет.

Противоречия маскулинности особенно ярко проявляются в трактовке отцовства. Интерес к этой теме для меня не нов. Первую статью об отцовских функциях в семье я опубликовал в 1970 г., а в 1973 г. выступал с докладом «Зачем нужны отцы?» на Всесоюзной этнографической конференции. «Кризис отцовства», о котором сейчас много говорят и пишут, выступает одновременно как аспект кризиса власти, кризиса маскулинности и кризиса семьи. Если разграничить а) отцовство как социальный институт и б) конкретные отцовские практики, – становится ясно, что последние никогда не были и не могли быть одинаковыми, а противопоставление отцовской власти и материнской любви имеет весьма ограниченную эвристическую ценность. Замена авторитарного родительства авторитетным, соответствующая переходу от монархического правления к демократическому, в равной мере касается и отцов, и матерей.

Историческая эволюция института отцовства тесно связана с изменением характера политической власти. Я даже сформулировал это в виде притчи:

Отцовство как вертикаль власти. И наоборот

Когда-то в мире существовала вертикаль власти. На небе был всемогущий Бог, на земле – всемогущий царь, а в семье – всемогущий отец. И всюду был порядок.

Но это было давно и неправда. Именем Бога спекулировали жуликоватые жрецы, именем царя правили вороватые чиновники, а отец, хоть и порол своих детей, от повседневного их воспитания уклонялся.

Потом все изменилось. Богов стало много, царя сменила республика, а отцовскую власть подорвали коварные женщины, наемные учителя и непослушные дети. И теперь мы имеем то, что мы имеем.

Многим людям кажется, что раньше было лучше, и они призывают нас вернуться в прошлое. Какое именно?

Если говорить о реальных социально-педагогических проблемах, трудности современных отцов обусловлены не мужской безответственностью и женской агрессивностью, а ростом социальной мобильности и тем, что к мужчинам предъявляются новые требования, которых раньше не было или они были факультативными. Отсюда – целый ряд социально-психологических задач, связанных с подготовкой мужчин к отцовству и осознанием места отцовства в мужской идентичности.

Ломка традиционного гендерного порядка и плюрализация маскулинностей неизбежно дополняется и сопровождается изменением приписываемых мужчинам и женщинам социальных и психологических черт. Однако это приводит не к уничтожению половых и гендерных различий, часть из которых находится под биологическим контролем и связана с нашим филогенетическим прошлым, а только к ослаблению их поляризации и абсолютизации.

Поскольку Россия – часть мировой цивилизации, в ней в полной мере проявляются все глобальные процессы и тенденции, связанные с изменением гендерного порядка и канонов маскулинности. Наивное желание вернуться назад, в идеализированное, а точнее – воображаемое домостроевское прошлое отрицательно влияет на состояние общественного сознания, способствуя поддержанию сексизма и мужского шовинизма, превращению нормальной мужской сверхсмертности в избыточную, игнорированию реалий сексуальной революции и т. д. и т. п.

Возродить древнерусский канон гегемонной маскулинности невозможно по социально-экономическим причинам. Во-первых, страна не может обойтись без участия женщин в общественном

производстве, а это автоматически меняет структуру гендерных ролей. Во-вторых, российская семья не может – и не захочет – существовать на одну мужнюю зарплату. В-третьих, эмансипация российских женщин, включая уровень их образования, зашла слишком далеко, чтобы их можно было вернуть к системе «трех К» (Kinder, КЯche und Kirche). Влияние консервативной идеологии лишь ухудшает социально-демографические показатели страны и субъективное благополучие ее населения.

В книге «Мужчина в меняющемся мире» речь идет о взрослых мужчинах. Однако мужской проект был бы неполон без анализа того, как нормы и свойства маскулинности создаются, изменяются и поддерживаются в процессе индивидуального развития. В рамках поддержанного РГНФ проекта «Особенности развития и социализации мальчиков» я несколько лет интенсивно изучал эти вопросы. Книга «Мальчик – отец мужчины» давно уже была бы закончена и опубликована, но, читая по ходу своей работы новейшие зарубежные исследования, я то и дело обнаруживал глобальные проблемы, которыми в России никто всерьез не занимается, или же их трактуют примитивно-идеологически.

Челябинская трагедия (дело Андрея Сычева) заставила меня пристальнее взглянуть на проблемы мужского группового насилия. Дедовщина, которую по-английски называют хейзингом, оказалась не только российским и не только армейским феноменом, а обзор мировой научной литературы по этому вопросу вывел меня на еще более общую проблему школьного насилия (буллинг), которая давно уже заботит психологов и педагогов всего мира, за исключением нашей прекрасной страны. Пришлось разбираться с этим всерьез.

Не менее актуальным оказался вопрос о плюсах и минусах совместного и раздельного обучения. У нас он обсуждается преимущественно в идеологическом плане, причем так, будто все определяется врожденными способностями мальчиков и девочек, на которые ни одна историческая система образования на самом деле никогда не опиралась, да и сами эти способности остаются проблематичными. Мой доклад эту тему на Отделении психологии РАО в 2005 г. неожиданно – за время моего членства в академии ни одна моя работа не вызывала там отклика – вызвал интерес и одобрение даже со стороны тех коллег, с которыми мы обычно расходимся. Мне предложили повторить доклад на Президиуме РАО, и там его тоже официально одобрили. Значительный интерес к этой теме возник и в СМИ. Чтобы разобраться в ней профессионально, пришлось углубиться в новые для меня проблемы истории и социологии образования, а

также в изучение метаанализов когнитивных способностей мальчиков и девочек.

Стоило задуматься о психологии силового юношеского спорта, как выяснилось, что его влияние на социальное поведение подростков крайне неоднозначно, и об этом есть увлекательные специальные, даже международные, исследования. Проблематичным оказалось и телесное «Я» мальчиков, от которого во многом зависит их субъективное благополучие и даже психическое здоровье.

Все это, естественно, отсрочило окончание книги, зато, я надеюсь, сделало ее информативнее и глубже. Думаю, что к осени 2008 года я ее все-таки закончу.

Профессионально книга «Мальчик – отец мужчины» адресована прежде всего психологам, социологам, педагогам, специалистам в области гендерных исследований и социальным работникам, но фактически рассчитана на более массовую аудиторию, включая учителей и родителей.

Место предисловия в ней занимает «Обращение к читательницам». Как бывшему, давнопрошедшему мальчику, мне, естественно, хотелось бы, чтобы мою книгу читали мальчики, юноши и молодые мужчины, которым она могла бы помочь познать себя. Но современные мальчики мало читают, эта книга покажется им сложной и скучной. По тем же причинам мало надежды и на взрослых мужчин, за исключением профессионалов, читающих книги не для удовольствия, а по долгу службы. Так что доверительного разговора «в мужской компании», по которому ностальгирует едва ли не каждый мужчина, у меня не получится, главными читателями этой книги окажутся женщины.

Во-первых, женщины вообще значительно больше читают.

Во-вторых, они абсолютно преобладают во всех гуманитарных науках и психологии, не говоря уже о педагогике.

В-третьих, независимо от своей профессии, они живо интересуются мальчиками и мужчинами в качестве их матерей, жен и возлюбленных.

Так что если моя книга поможет женщинам лучше понять мальчишескую психологию, мужчины и мальчики от этого только выиграют.

Книга открывается очерком исторической антропологии мальчишества как социокультурного проекта: что значит быть мальчиком в разных человеческих обществах, есть ли здесь какие-то транскультурные универсалии и какие именно? Затем рассматриваются современные психологические теории гендерного развития и взаимодействия его биологических, социализационных и когнитивных элементов, а также конкретные

данные, касающиеся развития умственных способностей и интересов мальчиков, их эмоциональной культуры, агрессивности и сексуальности. Глава «Какими они себя видят?» посвящена возрастным процессам формирования мужской идентичности, личных критериев маскулинности, самоуважения и образа «Я» и тому, почему мальчики часто чувствуют себя самозванцами. Далее речь идет об особенностях и типичных проблемах семейной социализации мальчиков. Глава «Между нами, мальчиками» посвящена причинам и социально-психологическим последствиям универсальной гендерной сегрегации, закономерностям формирования и функционирования однополых мальчишеских групп, характерной для них внутригрупповой и межгрупповой иерархии.

В главе «Мальчики в школе» современная школа рассматривается не просто как институт социализации (так ее видят учителя и родители), но и как институт конструирования маскулинности (так ее переживают мальчики). В связи с этим подробно рассматриваются главные формы школьного насилия – буллинг и хейзинг – и возможные стратегии их преодоления или минимизации. Подробно, на базе конкретной международной и отечественной социальной и педагогической статистики, обсуждается часто дебатируемый вопрос: «Кому, мальчикам или девочкам, больше благоприятствует современная школа?» Почему многие мальчики не любят школу и что с этим можно сделать? Заодно возникает и еще один глобальный вопрос: куда исчез мужчина-воспитатель и можно ли вернуть его в современную школу? И наконец, каковы плюсы и минусы совместного и раздельного обучения?

Развитие и социализация мальчиков никогда, а тем более теперь, не замыкались рамками семьи и школы. Поэтому последняя глава, «Мальчики в социуме», возвращает читателя к макросоциальным процессам социализации и индивидуализации, которые находятся вне сферы прямого педагогического контроля взрослых. Речь идет о таких явлениях, как подростково-юношеские субкультуры, тусовки и группировки, спорт и физическая культура, массовая культура и Интернет. В этой связи меня особенно занимает проблема соотношения более или менее всеобщего, нормативного для любой мальчишеской/молодежной культуры тяготения к экстремальным занятиям и развлечениям и опасного как для общества, так и для самих мальчиков социально-политического экстремизма.

Книга «Мальчик – отец мужчины» не замыкается на Россию, речь в ней идет об общих, зачастую глобальных проблемах, причем все они, включая даже буллинг, касаются не только

мальчиков, но и девочек. Готовых социально-педагогических рецептов в ней нет. Однако вдумчивому читателю она может дать полезную пищу для размышлений. Мое личное послание к читателю выражено в названии заключения книги: «Берегите(сь) мальчиков!». Мальчики, со всеми их проблемами и острыми углами, – замечательные, бесценные существа, которых надо всячески беречь и лелеять, но если вы не найдете к ним правильного подхода, они в состоянии причинить вам массу серьезных неприятностей.

Книга о мальчиках завершает мой «мужской» проект, но некоторые его мотивы я собираюсь продолжить.

Если ничто не помешает, моей следующей темой станут телесные наказания.

Вопрос о неправомерности и неэффективности телесных наказаний – важная социально-педагогическая и политическая проблема. Осенью 2007 г. Совет Европы начал широкомасштабную кампанию, целью которой является запрещение в странах – членах организации телесных наказаний и изменение менталитета родителей в области воспитания детей. На сегодняшний день только 16 стран – членов Совета предприняли ограничительные меры в области наказания детей.

В целом, отрицательное отношение к телесным наказаниям – важный индикатор общего уровня культуры человеческих взаимоотношений, включая отношение к детям. В России этот показатель исключительно низок, а общественное мнение неоднозначно. При репрезентативном опросе фонда «Общественное мнение» в 2004 г. свыше половины (54 %) россиян признали телесные наказания детей допустимыми, против высказались 46 %. На вопрос Левада-центра (2004): «Имеют ли право родители подростка 13–14 лет наказывать его физически?» 37 % (в 2000 г. было 27 %) ответили «да», 61 % – «нет». Многие люди оправдывают телесные наказания, ссылаясь на национально-религиозные традиции и собственный опыт. Факты домашнего насилия и жестокого обращения с детьми зафиксированы во многих, даже социально благополучных, семьях. Телесные наказания считают вполне приемлемыми не только многие российские родители, но и сами дети.

По поводу телесных наказаний существует обширная педагогическая, психологическая, историческая, медицинская и антропологическая литература, однако данные одной отрасли знания, как правило, неизвестны в другой, а политические проекты зачастую оторваны от фундаментальной науки, что делает их выводы недостаточно убедительными.

Сегодняшняя педагогика уверена, что телесные наказания

отрицательно влияют на самосознание и чувство собственного достоинства ребенка. Для условий, в которых порка выглядит исключительным, чрезвычайным событием, это заключение, вероятно, справедливо. Но ведь было время, когда порка была массовой. Можно ли сказать, что в таком обществе индивидуального достоинства вообще не было? В Англии официально санкционированная порка сохранялась в школах, в том числе аристократических, вплоть до самого недавнего времени. Тем не менее никто не упрекал английских джентльменов в отсутствии чувства собственного достоинства, напротив, указание на развитое личное достоинство и гордость присутствует в любом иноземном стереотипе англичанина.

Не совсем однозначны и данные о стилях воспитания в конкретных семьях и средах. Сравнительно-исторические (как и психологические) исследования показывают, что конечный эффект воспитания зависит не от отдельных мер воздействия, а от общего социокультурного и личностного контекста, в котором эти меры применяются и – немаловажное дополнение – воспринимаются ребенком.

С точки зрения социальной педагогики, здесь также есть вопросы. Прежде всего: как соотносятся друг с другом а) телесные наказания вроде порки или шлепанья и 2) насилие над ребенком, злоупотребление его зависимостью (child abuse)? Во многих случаях эти понятия совпадают, но всегда ли? Общественное мнение не склонно автоматически подводить телесные наказания под категорию «насильственных действий», «жестокого обращения с детьми» и «злоупотребления детьми».

В общем, тут есть над чем подумать, даже безотносительно к российским реалиям. И все это органически связано с моими прошлыми работами, начиная с 1970-х годов. Разбросанность моей тематики не так велика, как кажется со стороны. Если это и безумие, то в нем есть своя логика.

Подводя итоги

Лед крепкий под окном, но солнце пригревает, с крыш свесились сосульки – началась капель. «Я! я! я!» – звенит каждая капля, умирая. Жизнь ее – доля секунды. «Я!» – боль о бессилии.

Но вот во льду уже ямка, промоина, он тает, его уже нет, а с крыши все еще звенит светлая капель…

Капля, падая на камень, четко выговаривает: «Я!» Камень большой и крепкий, ему, может быть, еще тысячу лет здесь лежать, а капля живет одно мгновение, и это мгновение – боль бессилия. И все же «капля долбит камень», многие «я» сливаются в «мы», такое могучее, что не только продолбит камень, а иной раз и унесет его в бурном потоке.

Михаил Пришвин

Старых людей часто тянет философствовать. Свое общее понимание современного мира (эти мысли кажутся мне абсолютно тривиальными, но не все их разделяют) я суммарно изложил в тезисах доклада на VIII международных Лихачевских научных чтениях (Санкт-Петербург, 24–25 мая 2007 г.).

Глобальная цивилизация в поликультурном мире

Одно из самых распространенных сегодняшних заблуждений – миф о якобы существующем «множестве цивилизаций». В прошлом разные общества действительно развивались гетерохронно и в значительной степени автономно друг от друга, однако новое время это изменило. В XX в. возникла глобальная цивилизация, с общей технологией, проблемами и

базовыми ценностями. Если авторитарные режимы, религиозный фундаментализм, международный терроризм и безответственное обращение с опасными технологиями (все эти явления взаимосвязаны) нашу общую цивилизацию обрушат, это будет гибелью человечества. Те общества и популяции, которые это переживут, будут отброшены настолько далеко назад, что исправлять ущерб, нанесенный нами экологии планеты, не говоря уже об ответах на возникающие новые вызовы, будет некому и нечем. Забота о сохранении мировой цивилизации – наша общая обязанность.

Однако эта единственная цивилизация существует в многонациональном и поликультурном мире. Рациональное зерно антиглобализма – протест против социального неравенства, нивелировки культурных различий и подгонки мира под примитивные стандарты западной массовой культуры. Чтобы сохранить многоцветье мира, опирающееся на разнообразие исторических традиций и образов жизни народов, нужен сознательный поликультурализм, включающий поддержку слабых и наименее защищенных. В отличие от фундаментализма, стремящегося вернуть человечество к доиндустриальному прошлому и религиозной нетерпимости, поликультурализм устремлен в будущее и ориентирован на международное сотрудничество.

Современный этап цивилизационного процесса означает переход от экстенсивного типа развития, осуществлявшегося за счет территориальной экспансии и подчинения слабых соседей, к интенсивному. Сегодня нигде нет «свободных» земель, а посягательства на соседние территории осуждаются как моралью, так и международным правом. Это делает неприемлемой любую имперскую идеологию. Величие страны определяется не размерами территории, величиной народонаселения и военной мощью, а технологическим и духовным потенциалом. Эти параметры зачастую не совпадают, но в долгосрочной исторической перспективе они взаимосвязаны, поскольку коренятся в свободе творческой самореализации человека. Кроме того, мировая цивилизация предполагает разделенное и специализированное лидерство. В отличие от тоталитарной власти, интеллектуальный и моральный

авторитет не может быть сосредоточен в одном месте и в одном лице.

Новая макросоциальная ситуация предполагает сдвиги в общественно-политическом сознании. Прошлая история человечества научила нас мыслить в терминах оппозиции «зависимости» и «независимости», причем всякая зависимость считалась злом, а всякая независимость – благом. Почти все общественные и личные отношения формулировались в понятиях господства и подчинения: покорение человеком природы, господство мужчины над женщиной, власть Запада над Востоком и т. д. Теперь эта ментальность должна уступить место принципу взаимозависимости.

Взаимозависимость не исключает столкновения интересов, соперничества и конкуренции, но предполагает понимание того, что конкуренция – одна из форм кооперации, что апелляция к грубой силе в большинстве случаев оказывается дисфункциональной и лучше искать взаимоприемлемых решений. Это правило одинаково важно как в сфере интимных межличностных отношений, так и в сфере политики. Сдвиг в сознании обусловлен не тем, что люди подобрели или поумнели, а тем, что наш шарик стал слишком мал и хрупок для силовых экспериментов.

Понимание социума как отношений взаимозависимости опирается на ряд старых, но наполняющихся новым содержанием ценностных принципов, таких как плюрализм, индивидуализация и толерантность. Общий философский стержень этих понятий – отношение к Другому. Цивилизация, основанная на господстве и подчинении, склонна воспринимать всякого Другого как опасного Чужака, реального или потенциального Врага. Отчуждение и демонизация Другого неизбежно порождают ксенофобию: все иноверцы, иноплеменники, иноземцы, инородцы, иностранцы, инакомыслящие или инаколюбящие воспринимаются как угроза. В современном мобильном и изменчивом мире грани между Я и Другим, «нашим» и «не-нашим» объективно становятся гораздо более подвижными и проницаемыми, чем когда бы то ни было раньше. Современный мир трудно представить без более или менее открытых государственных границ, миграций населения, массового туризма, смешанных (межрасовых, межнациональных,

межконфессиональных) браков, культурных заимствований, Интернета и т. п. Изменчивость и мобильность размывают и категориальные границы всех социальных, этнических и личных идентичностей. Авторитарные режимы и идеологии, стремящиеся обеспечить себе монополию влияния и власти над своими подданными, всячески противодействуют этим «разрушительным» (а на самом деле интегративным) процессам, но культурный изоляционизм, как и экономический протекционизм, – явное свидетельство слабости. Ценности, которые насаждаются и поддерживаются административно, неизбежно утрачивают притягательность и духовное обаяние, а замедление социокультурного обновления делает такое общество неконкурентоспособным.

Важный индикатор роста общественного благосостояния и сопутствующей ему гуманизации общественных отношений – выдвижение на первый план качества жизни. Это касается как личных, так и общественных отношений. Сегодня удачность брака (ответственное супружество) определяется не столько его стабильностью и длительностью, которые не всегда зависят от воли супругов, сколько качеством отношений, тем, насколько они способствуют счастью всех членов семьи. Ответственное родительство означает, что детей нужно не только произвести на свет, но и хорошо воспитать и т. д. и т. п. Качество жизни стало одним из главных макросоциальных показателей при сравнении и оценке степени успешности разных государств и обществ.

Оценка качества жизни неотделима от психологических факторов и личных ценностей. Сегодня и экономисты, и социологи, и медики при оценке степени благосостояния и благополучия общества все чаще используют такой тонкий социально-психологический индикатор, как субъективное благополучие личности. Однако его критерии не совсем одинаковы в разных социальных средах и у разных народов мира, что подтверждает необходимость и плодотворность поликультурализма.

Квинтэссенция современной мировой цивилизации – идея всеобщих и неотчуждаемых прав человека. Высший критерий оценки цивилизованности любого конкретного общества – то, насколько в нем соблюдаются права

человека. Валовой продукт, душевой доход, демократические институты – лишь предпосылки и средства достижения этой цели. Иногда говорят, что представители иных культур этих «западных» ценностей не разделяют. Но живущие в Европе мусульмане, которые жалуются на нарушение своих прав (например, семейного уклада или формы одежды), не спешат возвращаться на историческую родину, а добиваются реализации своих интересов в стране проживания. Вместо того чтобы вернуться туда, где ношение хиджаба – ее обязанность, мусульманская женщина предпочитает остаться там, где выбор одежды – ее право. Апелляция к правам человека означает, что на самом деле люди ставят эти новые ценности выше тех традиционных устоев, которые они, по их словам, предпочитают. То же можно сказать об обращениях россиян в Страсбургский суд.

Перечисленные выше принципы и ценности – необходимый продукт и предпосылка дальнейшего развития цивилизационного процесса. Однако никакие высшие ценности не реализуются сами собой. Будущее нашего мира зависит от того, сумеем ли мы воплотить их в жизнь.

В жизни каждого человека рано или поздно наступает момент, «когда он открывает, что он есть только то, что он есть. Однажды он узнает, что мир больше не предоставляет ему кредита под его будущее, не хочет позволить ему видеть себя тем, чем он мог бы стать… Никто не спрашивает его больше: что ты будешь делать? Все утверждают твердо, ясно и непоколебимо: это ты уже сделал. Другие – он вынужден узнать это – уже подвели баланс и вывели сальдо, кто он такой». Молодой человек еще «будет», человек среднего возраста – «есть», старый – уже «стал»[72].

С возрастом ты теряешь старых друзей, не приобретая новых.

– Что вы делаете, когда теряете друга?

– Редактирую адресную книгу.

Старость – не самый приятный возраст, не только кости, но и жизнь становятся хрупкими. Поскольку воспоминания – процесс бесконечный, который легко превращается в созерцание собственного пупа, я заранее ограничил написание этой книги жестким сроком – до Нового года. 30 декабря я действительно поставил в ней точку. Утром 31-го, когда я сидел за компьютером и писал электронные письма, случился спазм какого-то сосуда

головного мозга (такое уже было у меня в 1995-м, тогда я сильно ушиб бедро и сломал руку) или что-то в том же роде. Видимо, я на миг потерял сознание. Выпасть из кресла я не мог, но ударился головой об угол тумбы для телевизора, очень удачно: чуть-чуть левее – был бы выбит правый глаз, а немного правее – удар пришелся бы в висок. Очнувшись с головокружением и окровавленным лицом, я дописал начатое письмо и отправил готовую рукопись книги издателю. После этого, так как кровь не унималась, вызвал «скорую». Опять повезло: было самое утро 31-го, еще не все были пьяны, «скорая» выслушала меня терпеливо (свой только что обновленный номер телефона мне пришлось искать в компьютере, а язык у меня слегка заплетался), приехала быстро и отвезла меня в больницу, где мне наложили четыре шва и отпустили. После этого мой глаз долго выглядел как после настоящего русского праздника с мордобоем, но, кажется, на сей раз обошлось, так что продолжим работу.

Доволен ли я итогами своей жизни или предпочел бы, чтобы она сложилась иначе? На этот вопрос трудно ответить однозначно, тем более что траектория твоей личной судьбы тесно связана с траекторией развитии твоего общества.

Если бы в 1965 г., когда меня впервые «выпустили» из страны, я попросил политического убежища в Амстердаме, то был бы сейчас отставным американским профессором, которому не нужно волноваться, как прожить на пенсию, и бояться того, что Москва станет похожа не столько на третий Рим, сколько на второй Минск. Но я вряд ли сделал бы больше, чем на родине.

Безусловно, лучше с самого начала получить хорошее образование и потом наращивать культурный и интеллектуальный потенциал, чем всю жизнь переучиваться. Но в СССР получить такое образование было негде, а людям, которые не меняют взглядов только потому, что однажды их усвоили, следует вспоминать слова Ключевского, что «твердость убеждений – чаще инерция мысли, чем последовательность мышления»[73].

Систематически работать в одной определенной отрасли знания легче, чем на стыке разных наук, но, как сказал Лихтенберг, «кто не понимает ничего, кроме химии, тот и ее понимает недостаточно»[74]. Отсталость советского общество– и человековедения делала выход за узко очерченные профессиональные рамки не только возможным, но и необходимым.

Дилетантизм столь же привлекателен, сколь и опасен. Главное внутреннее противоречие моей интеллектуальной работы – сочетание дилетантского (в хорошем, герценовском смысле

слова) подхода с гелертерским характером. Залезая в чужую область знания, я обычно избегаю «самодеятельных» обобщений. Меня очень редко уличали в фактических ошибках и всегда охотно печатали в «чужих» научных журналах. Но сам-то я знаю, что это – всего лишь верхушка айсберга, если твой труд не востребован профессионалами, значит, ты работал впустую. «Независимость» от научной специализации иллюзорна.

Междисциплинарость имеет и личностный аспект. Если твоя проблематика представляет широкий общественный интерес, это приносит популярность, но одновременно обрекает на интеллектуальное одиночество. Хотя тебя все вроде бы знают, ты везде остаешься более или менее посторонним. В трудные моменты никто не будет тебя защищать – «не надо было лезть в чужие дела».

С возрастом чувство посторонности генерализуется и усиливается. Даже если этот новый, незнакомый и быстро меняющийся мир тебя интересует, что совсем не обязательно, ты уже не можешь рассчитывать на взаимность. Максимально – на вежливую терпимость: «говорят, что он когда-то что-то сделал…».

Я никогда не был любителем острых ощущений, нарушение идеологических догм и запретов не доставляло мне удовольствия, просто любознательность и стремление постичь истину перевешивали страх и соображения житейской выгоды. Сейчас, когда в России снова насаждаются единомыслие и традиционализм, это не менее актуально. Чувствовать себя на склоне лет не консервативным старым ученым, а подрывающим устои диссидентом скорее грустно, чем радостно, особенно, если эти устои сгнили задолго до твоего рождения. Однако, как писал когда-то Н. Г. Чернышевский, нельзя просить помилования за то, что твоя голова устроена иначе, чем голова шефа жандармов.

Политологи спорят, возвращается ли Россия в советские времена или больше напоминает Германию начала 1930-х годов, когда немцам показалось, что их страна встала с колен. Маркс когда-то сказал, сославшись на Гегеля, что история повторяется дважды: первый раз в виде трагедии, а второй раз – в виде фарса. Я могу к этому добавить, что фарс при определенных условиях может повторяться многократно, причем то, что для зрителей стало надоевшим старым фарсом, для персонажей остается трагедией[75].

Любые исторические параллели рискованны. Всякая авторитарная власть тяготеет к превращению в тоталитарную, но одновременно несет в себе такие мощные и неустранимые средства саморазрушения, как неэффективность, коррупция и клановые междуусобицы. Полтора десятилетия политической

свободы в обстановке экономической разрухи, нищеты и криминального беспредела не могли отменить многовековых привычек угодничества и рабства и отчасти даже скомпрометировали идеи свободы и демократии. При опросе Левада-центра в феврале 2008 г. 39 % опрошенных признали, что Сталин сыграл в жизни страны положительную роль; в 2006 г. доля таких ответов составляла 42, а в 2003-м – даже 53 %. Но так думают далеко не все. В стране происходит смена поколений, и наряду с «ликующей гопотой», которую можно натравить на кого угодно, за эти годы выросла более образованная и самостоятельная молодежь, отнюдь не склонная возвращаться ни к тоталитарному, ни к домостроевскому прошлому, особенно в своей частной жизни. Оболванить их так же радикально, как в советские времена, сегодня вряд ли удастся.

Хотя существенная часть моего труда и знаний не была востребована, я не думаю, что мои усилия пропали даром. «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется», но какой-то отклик оно всегда вызывает, даже если это всего лишь эхо…

Всякая прожитая жизнь полна нереализованных возможностей, но эпоху и тип собственной личности не выбирают…

Список трудов И. С. Кона

1. Отдельные издания

Veda ako forma spolocenskeho vedomia. Bratislava, 1951. 43 s.

Развитие личности при социализме. Ленинград: Знание, 1954. 32 с.

О современной буржуазной философии истории. Ленинград: Знание, 1957. 64 с.

Страх перед законами истории. М.: Мысль, 1958. 80 с.

Kik es miert felnek a tortenelem torvenyeitol. Budapest, 1960. 99 p.

Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М.: Мысль, 1959. 403 с.

Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. Пекин, 1961. 404 с. (на китайском языке).

El idealismo filosofico y la crisis en la pensamiento historico. Buenos Aires, 1962. 394 p.

El idealismo filosofico y la crisis en la pensamiento historico. Habana, 1964. 364 p.

Idealizm filozoficzny i krysys burzuazyjnej mysli historycznej. Warszawa, 1967. 533 p.

Groaza in fata legilor istoriei. Bucuresti, 1960. 111 p.

Мораль коммунистическая и мораль буржуазная. М.: Политиздат, 1960. 72 с.

Основные направления буржуазной философии и социологии XX века. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1961. 107 с. (Совместно с Ю. А. Асеевым.)

Свобода в «свободном обществе». М.: Политиздат, 1961. 64 с.

Ideals and Reality. New Dehli, 1962. 43 p. То же – на арабском, хинди, датском, французском и японском языках.

Kriticky nastin filosofie dejin 20 stoleti. Praha, 1963. 643 p.

Позитивизм в социологии: Критический очерк. Ленинград: изд-во ЛГУ, 1964. 206 с.

Die Geschichtsphilosophie des 20 Jahrhunderts: Kritischer Abriss. Berlin: Akademie Verlag, 1964. 2 B-de, 384 + 333 S.

Краткий словарь по этике / Под общ. ред. О. Г. Дробницкого, И. С. Кона. М.: Политиздат, 1965. 543 с. (Автор ряда статей.)

Etikai Kislexikon. Budapest, 1967. 266 p.

Личность как субъект общественных отношений. М.: Знание, 1966. 48 с.

Социология личности. М.: Политиздат, 1967. 383 с.

Социология на личносста. София, 1968. 282 с.

Az en a tarsadalomban. Budapest, 1969. 293 p.

Personibas sociologija. Riga, 1969. 351 p.

Isiksuse sotsioloogia. Tallinn, 1971. 251 p.

Sociologie osobnosti. Praha 1971. 306 p.

Sociologia de la personalidad. Montevideo, 1971. 306 p.

La jeunesse, ce probleme sociale. Moscou: Progress, 1967. 53 p. То же – на английском, немецком и испанском языках.

A szociologiai positivizmus. Budapest, 1967. 315 p.

Der Positivismus in der Soziologie. Berlin: Akademie Verlag, 1968. 378 S.

Der Positivismus in der Soziologie. West Berlin, 1973.

Современные тенденции в буржуазной философии и методологии истории: Сборник статей / Под ред. и с послесловием И. С. Кона. М.: Институт всеобщей истории АН СССР, 1969. (Части 1–3. Послесловие – с.465–504.)

Генеральный проект «История социологии в странах Западной Европы и Америки (XIX—XX вв.). Руководитель И. С. Кон. М.: ИКСИ АН СССР, 1969. 146 с.

История немарксистской социологии XIX—XX вв.: Программа для аспирантов / Отв. ред. И. С. Кон М.: ИКСИ АН СССР, 1970. 72 с.

Словарь по этике / Под ред. О. Г. Дробницкого и И. С. Кона. Изд-е 2-е. М.: Политиздат, 1970. 398 с. (Автор ряда статей.)

Речник по етика. София, 1974. 453 с.

Молодежь как социальная категория: Доклад на VII Всемирном социологическом конгрессе. Варна, 1970. М., 1970. 14 с. (Совместно с С. Н. Иконниковой.) То же – на английском языке.

Soziologie der PersЪnlichkeit. Berlin: Akademie Verlag; KЪln: Pahl Rugenstein Verlag, 1971. 496 S.

Психология юношеской дружбы. М.: Знание, 1973. 92 с.

Sosiologit ja ylioppilaat. Helsinki, 1973. 182 p.

On the question of crisis of Western sociology // The VIIIth World Congress of Sociology, Toronto, 1974. Moscow, 1974. 15 p.

On the main problems of the history of sociology // The VIIIth World Congress of Sociology, Toronto, 1974. Moscow, 1974. 15 p.

Какими они себя видят? М.: Знание, 1975. 92 с.

Словарь по этике. 3-е изд. / Под ред. И. С. Кона. М.: Политиздат, 1975. 322 с. (Автор ряда статей.)

Eticky slovnik. Bratislava, 1978. 284 p.

La contestazione studentesca. Milano: Teti, 1975. 168 p.

Философия и методология истории: Сборник статей / Общ. ред. и вступ. статья проф. И. С. Кона. М.: Прогресс, 1977. 323 с. (Вступительная статья «История в системе общественных наук», с. 5—37.) Пиратская перепечатка – Благовещенск: Гуманитарный колледж имени И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000.

A baratsag. Budapest, 1977. 293 p.

Открытие Я. М.: Политиздат, 1978. 367 с.

Откриването на «Аз». София, 1980. 409 с.

Utvaranie Ja. Bratislava, 1980. 274 p.

«Mina» avastamine. Tallinn, 1981. 252 p.

«Es» atklasana. Riga, 1982. 334 p.

El descubrimiento del «Yo». Buenos Aires, 1984. 307 p.

Odkrycie «ja». Warszawa, 1987.

Психология юношеского возраста: Проблемы формирования личности. Учебное пособие для студентов педагогических институтов. М.: Просвещение, 1979. 175 с.

История буржуазной социологии XIX – начала XX вв. / Отв. ред. И. С. Кон М.: Наука, 1979. 343 с. (Автор Введения, с. 3–7, главы 1 «От социальной философии к социологии», с. 8—19), главы 3 «Социологическая концепция Герберта Спенсера», с. 40–52, главы 5 «Психологическая социология конца XIX – начала XX в.», с. 92—115, главы 7 «Кризис эволюционизма и антипозитивистские течения в социологии конца XIX – начала XX века, с. 143–163, Заключения, с. 332–339.)

История буржуазной социологии XIX – начала XX в. Пекин, 1981. 361 с. (На китайском языке.)

Dejiny burzoazni sociologie 19 a zacatku 20. stoleti. Praha, 1982. 380 p.

Брачность, рождаемость, семья за три века: Сборник статей / Под ред. А. Г. Вишневского и И. С. Кона. М.: Статистика, 1979. 183 с. (Соавтор предисловия, с. 3—13.)

Positivismi sosiologiassa. Moskowa: Progress, 1979. 239 p.

Az ifjukor pszichologiaja. Budapest, 1979. 375 p. То же, 2-е изд. – 1982.

Freundschaft: Geschichte und Sozialpsychologie der Freundschaft als soziale Institution und individuelle Beziehung. Hamburg: Rowohlt, 1979. 204 S.

Дружба: Этико-психологический очерк. М.: Политиздат, 1980. 220 с.

Дружба, приятельство, любов. София, 1982. 251 с.

O priatel'stve. Bratislava, 1982. 199 p.

Draudziba. Riga, 1983. 241 p.

La Amistad. Buenos Aires, 1984. 198 p.

Приетения. Кишинев, 1987. 180 с.

Психология старшеклассника: Пособие для учителей. М.: Просвещение, 1980. 191 с.

Vecako klasu skolenu psihologija. Riga, 1985. 196 p.

Kapitoly z psychologie dospivani. Praha, 1986. 181 p.

Коллингвуд Р. Д. Идея истории: Автобиография / Отв. ред. И. С. Кон и М. А. Киссель. М.: Наука, 1980. 489 с.

Словарь по этике. 4-е изд., перераб. и доп. / Отв. редактор И. С. Кон. М.: Политиздат, 1981. 431 с. (Автор ряда статей.)

Речник по етика. 3-е изд. София, 1983. 503 с.

Kultura/szexologia. Budapest: Kossuth, 1981. 374 p.

Психология старшеклассника. 2-е изд., доп. М.: Просвещение, 1982. 207 с. (Сер. «Библиотека классного руководителя».)

Психология на средно-школеца. София, 1985. 230 с.

Этнография детства: Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Восточной и Юго-Восточной Азии / Отв. ред. И. С. Кон. М.: Наука, 1983. 231 с. (Автор Введения, с. 3–8, и статьи «Этнография детства: историографический очерк», с. 9—50.)

Этнография детства: Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Передней и Южной Азии / Отв. ред. И. С. Кон. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит. 1983. 192 с. (Автор Заключения, с.186–191.)

Словарь по этике / Под ред. И. С. Кона. М.: Политиздат, 1983. 445 с. (Автор ряда статей.)

Etikas vardnica. Riga, 1987. 275 p.

Etikai kislexikon. Budapest, 1984. 232 p.

Die Entdeckung des Ichs. KЪln: Pahl Rugenstein, 1983. 326 S.

Словарь по этике. М.: Прогресс, 1984. 340 с. На арабском языке. (Редактор и соавтор.)

В поисках себя: Личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1984. 335 с.

В поисках себя. Пекин, 1987. 503 с. (На китайском языке.)

Hledani vlastniho Ja. Praha, 1988. 276 p.

Enunk nyomaban. Budapest, 1989. 352 p.

Em busca de SI. Moscovo, 1990. 368 p.

En busca de si mismo. Montevideo, 1988. 310 p.

EinfЯhrung in die Sexologie. Berlin, 1985. 376 S.

EinfЯhrung in die Sexologie. KЪln, 1985. 376 S.

Дружба: Этико-психологический очерк. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Политиздат, 1987. 350 с.

Дружба. Вильнюс, 1988. 238 с. (На литовском языке.)

Дружба. Нанкин, 1991. 275 с. (На китайском языке.)

НТР и проблемы социализации молодежи. М.: Знание, 1987. 64 с.

НТР и проблемы социализации молодежи. 2-е изд., испр. М. Знание,1988. 64 с.

L'amicizia. Mosca: Progress, 1987. 246 p.

Interdistsiplinaarne seksuoloogia. Tallinn: Valgus, 1987. 232 p.

Ребенок и общество: Историко-этнографическая перспектива. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит. 1988. 270 с.

Ребенок и общество. Белград, 1991. (На сербско-хорватском языке.)

Введение в сексологию. М.: Медицина, 1988. 319 с.

Введение в сексологията. София, 1990. 355 с.

Введение в сексологию. Гуйян, 1990. 343 с. (На китайском языке.)

Вступ до сексологіі. Київ, 1991. 292 с.

Этнография детства: Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Южной и Юго-Восточной Азии / Отв. редакторы И. С. Кон, А. М. Решетов. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит. 1988. 190 с.

Мид М. **Культура и мир детства: Избранные произведения** / Сост., автор послесловия и отв. ред. И. С. Кон. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1988. 429 с. (Послесловие «Маргарет Мид и этнография детства», с. 398–425.)

Традиционное воспитание детей у народов Сибири: Сборник статей / Отв. ред. И. С. Кон и Ч. М. Таксами. Ленинград: Наука, 1988. 250 с. (Автор Предисловия, с. 3–8.)

Дружба: Этико-психологический очерк. 3-е изд. М.: Политиздат, 1989. 350 с.

Психология ранней юности: Книга для учителя. М.: Просвещение, 1989. 255 с.

Введение в сексологию. 2-е изд., доп. М.: Медицина, 1989. 332 с.

Словарь по этике. 6-е изд. / Отв. ред. А. А. Гусейнов и И. С. Кон. М.: Политиздат, 1989. 447 с. (Автор ряда статей.)

A History of Classical Sociology / Ed. by I. S. Kon. Moscow: Progress, 1989. 376 p. (Author of the Introduction, Conclusion and chapters 1, 3, 5, 7.)

Historia de la sociologia del siglo XIX – comienzos del XX / Redactor jefe I. Kon. Moscu: Progreso, 1989. 382 p.

Вкус запретного плода. М.: Молодая гвардия, 1992. 365 с.

Этнография детства: Традиционные формы воспитания детей у народов Австралии, Океании и Индонезии / Отв. ред. Н. А. Бутинов и И. С. Кон. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит. 1992. 191 с. (Автор Предисловия, с. 3–4.)

Этнические стереотипы мужского и женского поведения / Отв. ред. А. К. Байбурин и И. С. Кон. СПб.: Наука, 1991. 319 с. (Автор Предисловия, с. 3–5.)

Sex and Russian Society / Ed. by Igor Kon and James Riordan. Bloomington: Indiana University Press; London: Pluto Press, 1993. 168 p. (Автор статей «Sexuality and Culture», pp. 15–44, and «Sexual Minorities», pp. 89—115.)

Sexual Revolution in Russia: From the Age of the Czars to Today. N. Y.: The Free Press, 1995. 337 p.

Вкус запретного плода: Сексология для всех. М.: Семья и школа, 1997. 464 с.

Сексуальная культура в России: Клубничка на березке. М.: О.Г.И., 1997. 460 с.

Лунный свет на заре: Лики и маски однополой любви. М.: Олимп – АСТ, 1998. 490 с.

Введение в сексологию: Учебное пособие для высших учебных заведений. М.: Олимп – Инфра-М, 1999. 285 с.

Социологическая психология: Избранные труды. Москва, Воронеж, 1999. 555 с. (Сер. «Психологи России».)

Роль и место сексуальной культуры в становлении цивилизованного государства. СПб., 1999. 95 с. (Избр. лекции Санкт-Петебургского гуманитарного университета профсоюзов. Вып. 7.)

Любовь небесного цвета. СПб.: «Продолжение жизни», 2001. 384 с.

Подростковая сексуальность на рубеже XXI века: Социально-педагогический анализ. Дубна: «Феникс+», 2001. 207 с.

Лики и маски однополой любви: Лунный свет на заре. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Олимп – АСТ, 2003. 547 с.

Kuuvalgus koidikul.Omasooarmastuse palged ja masked. Talliinn: AS Kirjastus Ilo. 2004. 480 p. (Перевод на эстонский язык.)

Мужское тело в истории культуры. М.: Слово, 2003. 430 с.

Ребенок и общество: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Академия, 2003. 335 с.

Пять статей из «лунного» журнала // Париж – СПб.: Голубой айсберг, 2003. 71 с.

Игорь Кон 2003: Избр. доклады, статьи и заметки за один только год / Сост. С. Дедюлин // Библиограф. Вып. 12. Париж: Ассоциация «Русский Институт в Париже», 2003. 75 с.

Сексуальность и культура. СПб.: СПб. ГУП, 2004. 101 с. (Избр. лекции Университета; Вып. 23). Лауреат конкурса Фонда развития отечественного образования на лучшую научную книгу

2004 г. среди преподавателей высших учебных заведений.

Сексология: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Академия, 2004. 384 с.

Дружба. 4-е изд., доп. СПб.: Питер, 2005. 330 с.

Сексуальная культура в России: Клубничка на березке. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Айрис-пресс, 2005. 437 с.

Междисциплинарные исследования: Социология. Психология. Сексология. Антропология. Ростов-на-Дону: Феникс, 2006. 605 с. (Сер. «Высшее образование».)

2. Избранные статьи в журналах, сборниках, главы в книгах

Этические воззрения Н. Г. Чернышевского // Вопр. философии. 1950. № 2.

Наука как форма общественного сознания // Вопр. философии. 1951. № 1.

К вопросу о специфике и задачах исторической науки // Вопр. истории. 1951. № 6.

Политические воззрения Джона Мильтона // Учен. зап. Вологодского государственного пединститута. Т. 9, исторический. Вологда, 1951. С. 89—138.

О роли политических и правовых взглядов в развитии общества // Вопр. философии. 1952. № 5.

Н. Г. Чернышевский – борец за раскрепощение женщины // Учен. зап. Ленинградского Пединститута им. А. И. Герцена, 1953. Т. 9.

Разработка марксистской этики в трудах М. И. Калинина // Звезда. 1953. № 3.

Развитие личности при социализме // Коммунист. 1954. № 8.

О действии экономических законов в антагонистических формациях // Вопр. истории. 1954. № 5.

Марксистская этика и проблема долга // Вопр. философии. 1954. № 3. Перевод на фр. яз. – Cahiers du Communisme. 1954. № 11–12. P. 1334–1358.

Анри Берр и теория «исторического синтеза» // Вопр. философии. 1955. № 6.

Труды французского историка Марка Блока // Вопр. истории. 1955. № 8. (Совместно с А. Д. Люблинской.)

Об «историзме» Бенедетто Кроче // Вопр. истории. 1956. № 10.

Философия истории Р. Арона // Вопр. философии. 1957. № 3.

Существует ли Атлантическая цивилизация // Мировая

экономика и международные отношения. 1958. № 1.

Неопозитивизм против историзма // Философские науки. 1958. № 2.

Философский релятивизм в современной американской историографии // Новая и новейшая история. 1958. № 6.

О понятии исторического прогресса // Проблемы развития в природе и обществе: Сборник статей. Ленинград: Изд-во АН СССР, 1958. С. 154–188.

Мильтон как социально-политический мыслитель // Вопр. философии. 1959. № 1.

Некоторые вопросы философии истории в современной французской историографии // Вестник истории мировой культуры. 1959. № 1.

Основы марксизма-ленинизма: Учебное пособие / Руководитель О. В. Куусинен. М.: Политиздат, 1959. (Участие в работе над отдельными главами.)

Fragen der Theorie der Geschichtswissenschaft in der modernen bЯrgerlichen Geschichtschreibung // Zeitschschrift fЯr Geschichtswissenschaft. 1959. 7 Jg. H. 5. S. 973—1001.

Вопросы закономерности общественного развития // Исторический материализм и социальная философия современной буржуазии / Отв. ред. Ю. П. Францев. М.: Соцэкгиз, 1960. С. 67—106.

Проблемы международных отношений в современной буржуазной социологии // Мировая экономика и международные отношения. 1960. № 2.

Буржуазная философия истории в тупике // Вопр. истории. 1960. № 12.

Христианская философия истории // Вопр. истории. 1961. № 12.

Рецензия на кн.: *Г. Е. Глезерман* «Законы общественного развития» // Коммунист. 1961. № 18. С. 119–120.

К вопросу о предмете социологии: Краткий исторический очерк // Вопросы марксистской социологии / Отв. ред. В. П. Рожин. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1962. С. 19–44.

Неопозитивизм в социологии //Философия марксизма и неопозитивизм. М., 1962.

Рецензия на кн.: П. Росси // Вопр. истории. 1962. № 9. С. 160–168.

Неопозитивизм и вопросы логики исторической науки // Вопр. истории. 1963. № 9.

Общественный прогресс; Критика современной буржуазной социологии // Марксистско-ленинская философия: Учебное пособие. М.: Политиздат, 1964. С. 514–539. 2-е изд. – 1967, 3-е

изд. – 1971.

Рецензия на кн.: *Pietro Rossi.* Storia e Storicismo nella Filosofia Contemporanea // History and Theory. 1964. Vol. 3. N 3. P. 393–400.

Человек в «индивидуальном обществе» // Проблемы мира и социализма. 1965. № 3. С. 70–78. (Совместно с И. Филипцем.)

Критика буржуазной социологии // Методические советы по философии. М., 1965.

Утверждать себя действием // Молодой коммунист. 1965. № 9.

Юность как социальная проблема // Бой идет за человека. Ленинград, 1965.

О современной буржуазной философии истории // Философские науки. 1965. № 2. С. 76–84.

Рецензия на кн.: *А. Г. Харчев.* Брак и семья в СССР. М., 1964 // Философские науки. 1965. № 1. С. 120–122.

Рецензия на кн.: *А. В. Гулыга.* Эстетика истории // Наука и жизнь. 1965. № 8. С. 65.

Рец. на кн.: *А. Дж. Тойнби.* Исследование истории, т. XII // Вопр. истории. 1965. № 1. С. 180–184.

Половая мораль в свете социологии // Советская педагогика. 1966. № 12. С. 64–77.

Проблема истории в истории философии // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1966. С. 14–55. (Тр. Томского университета; Вып. 4.)

Личность и общество: Возвращаясь к проблеме отчуждения // Иностранная литература. 1966. № 5. С. 222–231.

Психология предрассудка: О социально-психологических корнях этнических предубеждений // Новый мир. 1966. № 9. Перепечатана в сб.: Психология национальной нетерпимости: Хрестоматия / Сост. Ю. В. Чернявская. Минск: Харвест, 1998. С. 5—47.

Weltanschauung und «kritische Soziologie» in den USA // Deutsche Zeitschrift fЯr Philosophie. 1966. Jg. 14. H. 2. S. 191–206.

Личность, труд, общество // Звезда. 1967. № 6.

Понятие отчуждения в современной социологии // Материалы к научной сессии, посвященной 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Ленинград, 1967.

Вильгельм Дильтей и его «критика исторического разума» // Критика новейшей буржуазной историографии. Ленинград: Наука, 1967. С. 57–90.

Когда в руках заветная формула // Наука убеждать. М.: Молодая гвардия, 1967.

На VI Всемирном социологическом конгрессе // Философские

науки. 1967. № 1. С. 162–166. (Совместно с В. А. Ядовым.)

Жber die moderne sowjetische Soziologie: Aus VortrKgen in Wien // Weg und Ziel. 1967. 24 Jg. № 3. S. 124–132.

Рецензия на кн.: Человек и его работа // Новый мир. 1967. № 6. С. 274–276.

The Concept of Alienation in Modern Sociology // Social Research. 1967. Vol. 34. № 3. P. 507–528. Reprinted in: Marxism and Sociology: Views from Eastern Europe / Ed. by Peter Berger. N. Y.: Appleton-Century-Crofts, 1969. P. 146–167.

Размышления об американской интеллигенции // Новый мир. 1968. № 1. С. 175–197.

Национальный характер – миф или реальность? // Иностранная литература. 1968. № 9. С. 215–229.

На пороге гражданской зрелости // Общество и молодежь / Сост. В. Д. Кобецкий. М.: Молодая гвардия, 1968. С. 34–59.

Возраст и общество // Семья и школа. 1968. № 6–8.

Легенда о потерянном рае // Новое время. 1968. № 6. С. 14–17.

Буржуазное общество и молодежь // Новое время. 1968. № 25. С. 5–9.

La sociologia nell'URSS // Sociologia (Roma). 1968. № 2. P. 179–197. Там же – английский вариант.

Дж. Г. Мид и проблема человеческого Я // Вопросы философии. 1969. № 12. С. 85–96. (Совместно с Д. Н. Шалиным.)

К спорам о логике исторического объяснения: Схема Поппера – Гемпеля и ее критики // Философские проблемы исторической науки. М.: Наука, 1969. С. 263–295.

Личность и социальные роли // Социология и идеология. М.: Наука, 1969. С. 248–261.

Das Problem des Massenkonsums // Internationale Dialog Zeitschrift. 1969. № 2. S. 163–172. (Mit Irina Balakina.)

Секс, общество, культура // Иностранная литература. 1970. № 1. С. 243–255.

История и социология // Вопросы философии. 1970. № 8. С. 79–90. Французский перевод: Information sur les sciences sociales. Vol. 10. № 4. P. 87—102.

Диалектика развития наций: Ленинская теория наций и современный капитализм // Новый мир. 1970. № 3. С. 133–149.

Люди и роли // Новый мир. 1970. № 12. С. 168–191.

Общение и самосознание // Социально-психологические и лингвистические характеристики форм общения и развитие контактов между людьми: Тезисы Всесоюзного симпозиума, 1–3 декабря 1970 г. Ленинград, 1970. С. 83–87.

К проблеме национального характера // История и

психология / Под ред. Б. Ф. Поршнева и Л. И. Анцыферовой. М.: Наука, 1971. С. 122–158. Французский перевод – Le problOme du caractПre national // Ethnopsychologie. 1974. An 29. № 2/3. P. 193–223.

Студенческие волнения и теория конфликта поколений // США. Экономика. Политика. Идеология. 1971. № 3. С. 27–39.

Студенчество на Западе как социальная группа // Вопросы философии. 1971. № 9. С. 67–77.

Психология ранней юности // Советская педагогика. 1971. № 12.

Выступление // Личность: Материалы обсуждения проблем личности на симпозиуме, состоявшемся 10–12 марта 1970 г. в Москве. М.: Институт философии АН СССР, 1971. С. 117–121.

Образование, общество, молодежь // Молодежь и образование. М.: Молодая гвардия, 1972.

Обманутые наследники: Студенческое движение в зеркале Западной социологии // Звезда. 1972. № 2. С. 143–165.

О «радикальной социологии» в США // США. Экономика. Политика. Идеология. 1973. № 8. С. 25–37.

Дружба: Историко-психологический этюд // Новый мир. 1973. № 7. С. 165–183.

Юность как социальная проблема // Общество и молодежь. 2-е изд., перераб. и доп. / Сост. В. Д. Кобецкий. М.: Молодая гвардия, 1973. С. 22–51.

Психология ранней юности // Возрастная и педагогическая психология: Учебное пособие для пединститутов / Под ред. А. В. Петровского. М.: Просвещение, 1973. (Автор гл. 6., с. 142–164.) 2-е изд. – 1979.

Psicologia de la amistad en la juventud // Revista del Instituto de la Juventud (Madrid). 1973. Vol. 50. P. 55–77.

Юношеская дружба как объект эмпирического исследования // Проблемы общения и воспитание. Вып. 2. Тарту: Тартуский Гос. Университет, 1974. С. 74—135. (Совместно с В. А. Лосенковым.)

Проблемы исследования юношеской дружбы // Советская педагогика. 1974. № 10. С. 35–45. (Совместно с В. А. Лосенковым.)

Понятие дружбы в Древней Греции // Вестник древней истории. 1974. № 3. С. 135–149.

НТР и проблемы межличностного общения // Идеологические проблемы научно-технической революции. М., 1974.

Рецензия на кн.: Старение и общество / Под ред. М. У. Райли // Вестник ЛГУ. 1974. № 11. С. 159–160.

Национальные особенности психологии людей // Социальная

психология / Под ред. Г. П. Предвечного и Ю. А. Шерковина. М.: Политиздат, 1975. С. 141–153.

Половые различия и дифференциация социальных ролей // Соотношение биологического и социального в человеке: Материалы к симпозиуму в г. Москве. Сентябрь 1975. М.: Институт психологии АН СССР, 1975. С. 763–776.

Быть самим собой // Молодой коммунист. 1975. № 7.

The crisis of Western sociology and the second discovery of Marxism // Crisis and Contention in Sociology / Ed. by T. Bottomore. London: Sage, 1975. P. 55–70.

Les femmes au travail: l'Ogalite dans la difference? // Revue Internationale des Sciences Sociales. 1975. Vol. XXVII. № 4. P. 700–710. То же – на англ. языке.

Probleme und Entwicklungstendenzen der sowjetischen Familie // R. Weiler, L. Zsifkovits, Hrsg. Familie im Wandel. Wien, 1975.

Психология юношеской сексуальности // Советская педагогика. 1976. № 5. С. 66–75. Итальянский перевод: Rassegna Sovietica. 1977. № 1. P. 25–36; франц. перевод: Sciences sociale. 1978. Vol. 31. № 1. P. 155–165, там же – английский и немецкий перевод.

Странный мир Луиджи Малербы, или Феноменология жестокости // Иностранная литература. 1976. № 7. Итальянский перевод: Rassegna Sovietica. 1978. № 5. P. 127–139.

Послесловие // *Бронфенбреннер Ури.* Два мира детства: Дети в США и СССР. М.: Прогресс, 1976.

Второе рождение. Равенство? Одинаковость? // Приглашение на семейный совет / Сост. Е. Мушкина. М.: Известия, 1976. С. 64–73, 107–117.

Problemy medzigeneracnej transmisie kultury v obdobi vedeckotechnickej revolucie // Slovensky narodopis. 1976. T. 24. № 4. S. 501–512.

Половая жизнь // Большая советская энциклопедия. Т. 20. С. 700–706. (Совместно с Г. С. Васильченко.)

Сексология // Большая советская энциклопедия. Т. 23. С. 543–548.

Открытие «Я»: Историко-психологический этюд // Новый мир. 1977. № 8. С. 176–195.

Проблема детства в современной американской этнопсихологии: Об исследованиях Беатрисы и Джона Уайтинг // Советская этнография. 1977. № 5. С. 148–158.

Формирование личности и психология юношеского чтения // Библиотекарь. 1977. № 1. С. 46–50.

Диктат моды или самоутверждение? // Клуб и художественная самодеятельность. 1977. № 15.

Возрастные категории в науках о человеке и обществе // Социологические исследования. 1978. № 3. С. 76–88. Итальянский перевод: Rassegna Sovietica. 1979. N 2. P. 41–54; немецкий перевод: Sowjetwissenschaft. Gesellschaftswissenschaftliche BeitrKge. 1979. H. 4. S. 417–429.

Социология и история // Социология и проблемы социального развития. М., 1978.

От четырнадцати до восемнадцати: Психологический очерк // Звезда. 1978. № 4. С. 125–157.

Психосексуальное развитие и половая социализация // Семейная психотерапия при нервных и психических заболеваниях / Под ред. В. К. Мягер и Р. А. Зачепицкого. Ленинград: НИИ им. В. М. Бехтерева, 1978. С. 113–122.

Психология подростковой и юношеской гомосексуальности // Диагностика, лечение и профилактика половых расстройств / Отв. ред. А. А. Портнов. М.: НИИ психиатрии, 1978. С. 54–64.

Проблема имплицитной теории личности в этнокультурных исследованиях // Методологические проблемы исследования этнических культур: Материалы симпозиума. Ереван, 1978. С. 78–81.

Рецензия на кн.: *М. И. Новинская.* Студенчество США: Социально-психологический очерк. М., 1977 // Вопросы философии. 1978. № 9. С. 164–166.

Рецензия на кн.: *Э. С. Маркарян.* Интегративные тенденции во взаимодействии общественных и естественных наук. Ереван, 1977 // Социологические исследования. 1978. № 4. С. 217–219.

The Self-image as an ethnopsychological problem // Soviet Studies in Ethnography (Problems of the Contemporary World, № 72). Moscow, 1978.

Friendship in adolescence: Values and behavior // Journal of Marriage and the Family. 1978. Vol. 40. № 2. P. 143–155. (With V. A. Lossenkov.)

Понятие поколения в современном обществоведении // Актуальные проблемы этнографии и современная зарубежная наука / Под ред. Ю. В. Маретина и Б. Н. Путилова. Ленинград: Наука, 1979. С. 209–238.

Моральное сознание личности и регулятивные механизмы культуры // Социальная психология личности. М.: Наука, 1979.

Какими они себя видят? Психология юношеской дружбы // Диалоги о воспитании: Книга для родителей. М.: Педагогика, 1979.

Отрочество как этап жизни и некоторые психолого-педагогические характеристики переходного возраста (совместно с Д. И. Фельдштейном). Некоторые особенности

психосексуального развития. Подготовка подростка к выбору профессии // В мире подростка / Под ред. А. А. Бодалева. М.: Медицина, 1980. С. 16–27, 228–236, 277–281.

Проблема человеческого «Я» в психологии и литературе // НТР и развитие художественного творчества. Л.: Наука, 1980. С. 30–40.

Роман о трудном подростке. Предисловие // *Кэри Д.* Дорогой мой Чарли. Ленинград: Художественная литература, 1980.

Дорога к себе // Молодой коммунист. 1980. № 6.

Книга и чтение // Духовная культура развитого социализма и личность: Сборник научных трудов. Ленинград: Государственный институт культуры им. Крупской, 1980. С. 133–141.

Ethnography and Psychology // Soviet and Western Anthropology / Ed. by E. Gellner. London: Duckworth, 1980. P. 217–230.

Historyczno-etnograficzne aspekty seksuologji // Seksuologia kulturowa / Pod red. K. Imielinskiego. Warszawa, 1980. S. 126–171. 2 ed. – 1984.

Рецензия на: *Г. М. Андреева, Н. Н. Богомолова, Л. А. Петровская.* Современная социальная психология на Западе. М., 1978 // Социологические исследования. 1980. № 1. С. 239–242. (Совместно с В. П. Трусовым.)

Психология половых различий // Вопросы психологии. 1981. № 2. С. 47–57.

О теоретической сексологии // Семья и личность: Тезисы докладов Всесоюзной конференции в Гродно, 28–30 сентября 1981 г. М.: АПН, 1981. С. 29–36.

На стыке наук // Вопр. философии. 1981. № 10. С. 47–55.

Этнография детства: Проблемы методологии // Советская этнография. 1981. № 5. С. 3—14.

К этнографическому изучению мира детства // Советская педагогика. 1981. № 9. С. 44–48.

К проблеме возрастного символизма // Советская этнография. 1981. № 6. С. 98—106.

Категория «Я» в психологии // Психологический журнал. 1981. Т. 2. № 3. С. 25–38.

Le concept de personnalitO // Science et thOorie de l'opinion publique. Hommage a Jean Stoetzel. Paris: Retz, 1981. P. 30–41.

Adolescent friendship: some unanswered questions for future research // Personal Relationships. 2: Developing Personal Relationships / Ed. by S Duck and R. Gilmour. London – New York: Academic press, 1981. P. 187–204.

О социологической интерпретации сексуального поведения // Социологические исследования. 1982. № 2. С. 113–122.

Проблемы междисциплинарной кооперации общественных

наук (на материалах социологии детства) // Советская социология. Т. 1. Социологическая теория и социальная практика. М.: Наука, 1982. С. 237–248.

Дружба. Конформизм. Лазарсфельд П. Личность. Молодежь. Поколение. Прогресс. Регресс. Социализация. Социология. Теннис Ф. Философия истории. Этноцентризм // Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. 2-е изд. – 1986.

Подготовка молодежи к браку и семейной жизни // Социологические исследования. 1983. № 1.

Этнография и проблемы пола // Советская этнография. 1983. № 3. С. 25–34.

Нужна помощь психологов // Советская этнография. 1983. № 3. С. 75–78.

Отец // Будьте счастливы / Сост. Е. Р. Мушкина. М.: Известия, 1983. С. 52–62.

Рецензия на кн.: *Н. А. Ерофеев* Туманный Альбион // Новый мир. 1983. № 12. С. 264–265.

Сексология // Большая медицинская энциклопедия. М., 1984. Изд. 3-е. Т. 23.

Выбор поступка, выбор судьбы // *Графова Л.* Живу я в мире только раз. М., 1984.

The Self as a historical-cultural and ethnopsychological phenomenon // Directions in Soviet Social Psychology / Ed. by L. Strickland. N. Y. – Berlin – Tokyo: Springer, 1984. P. 29–46.

A szemelyiseg allandosaga es valtozekonysaga longitudinalis kutatasok tukreben // Pszichologia (Budapest). 1984. Vol. 4. № 4. P. 597–612.

Рецензия на кн.: *К. Муздыбаев* Психология ответственности // Новый мир. 1984. № 6. С. 264–266.

Этнография детства: состояние и перспективы // Вестник АН СССР. 1985. № 6. С. 59–71.

Отец как воспитатель: этнические традиции // Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции «Семья у народов СССР в условиях развитого социалистического общества». Махачкала, 24–26 сентября 1985 г. С. 11–14.

Психология самостоятельности // Знание – сила. 1985. № 7. С. 42–44.

A szemelyisegfejlodes problemai serdulo– es ifjukorban // Pszichologia (Budapest). 1985. Vol. 5. № 4. P. 601–611.

Формирование сексуальной ориентации // *Исаев Д. Н., Каган В. Е.* Психогигиена пола у детей: Руководство для врачей. Ленинград: Медицина, 1986. С. 47–65. (Совместно с Д. Н. Исаевым и В. Е. Каганом.)

Многоликое одиночество // Знание – сила. 1986. № 12. С. 40–42.

Равноправный собеседник театра: Беседа с Е. Дмитриевской // Театр. 1986. № 2. С. 123–128.

Предисловие к кн.: *В. Т. Бахур* Это неповторимое «Я». М.: Знание, 1986.

Kontinuita kultury a problemy etnografie detstva // Slovensky narodopis. 1986. Т. 34. № 1–2. P. 163–177.

Рецензия на кн.: *Б. Н. Миронов* Историк и социология // Новый мир. 1986. № 6. С. 270–271.

Эстафета поколений: Заметки о воспитании молодежи // Коммунист. 1987. № 4. С. 93—104.

Постоянство и изменчивость личности // Психологический журнал. 1987. Т. 8. № 4. С. 126–137.

Дружба как этнокультурное явление // Расы и народы. 1987. Т. 17. С. 172–189.

Материнство и отцовство в историко-этнографической перспективе // Советская этнография. 1987. № 6.

НТР и проблемы социализации молодежи // НТР и национальные процессы / Отв. ред. О. И. Шкаратан. М.: Наука, 1987. С. 162–173.

Сопротивление (беседа с Л. Манаяном) // Журналист. 1987. № 9. С. 16–18.

Добрачное воспитание молодежи // Социологические исследования. 1987. № 1.

Комментарий к статье Ю. Щекочихина // Социологические исследования. 1987. № 1.

Повседневность нравственности // Знание – сила. 1987. № 6. С. 52–56.

Sociocultural Approach // Theories of Human Sexuality / James H. Geer, William T. O'Donohue, eds. N. Y. – London: Plenum Press, 1987. P. 257–286.

Заметки по этнографии родительства // Семья и школа. 1987. № 12. 1988. № 1–2.

«…Нужны понимание и терпимость» (беседа с Д. Дараган) // Советская музыка. 1987. № 6. С. 13–20.

Ethnography and the problem of sex // The social role of premarital and family councelling: Materials from the 5th Seminar of Socialist Countries. Warszaw, 13–15 October, 1986 / Ed. by M. Kozakiewicz. Warszaw, 1987. P. 103–129.

Положение в семье и отношения с родителями; Какими они себя видят? Общение со сверстниками. Дружба; Сексуальность и любовь; Выбор профессии и социально-нравственное самоопределение // Популярная психология для родителей / Под

ред. А. А. Бодалева. М.: Педагогика, 1988. С. 192–195, 201–217.

Психология социальной инерции // Коммунист. 1988. № 1. С. 64–75. Португальский перевод: Perestroika L. Pomeranz (org.). San Paulo, 1990. P. 203–218.

Психология доброго поступка // Этическая мысль: Научно-публицистические чтения. 1988. М.: Политиздат, 1988. С. 46–60.

Что такое сизифов труд и как с ним бороться // Химия и жизнь. 1988. № 11. С. 27.

Zur sexuellen Frage in der UdSSR // Zeitschrift fur Sexualforschung. 1988. Jg. 1. H. 2.

Социализация и воспитание молодежи // Новое педагогическое мышление. М.: Педагогика, 1989.

Является ли перестройка делом молодежи? (интервью с Ю. Д. Прилюком) // Философская и социологическая мысль. 1989. № 1. С. 85–89.

Запретный плод // В человеческом измерении / Под ред. А. Г. Вишневского. М.: Прогресс, 1989. С. 291–305.

Жизненный путь как предмет междисциплинарного исследования // Человек в системе наук / Отв. ред. И. Т. Фролов. М.: Наука, 1989. С. 471–483.

Nationalism Today: Its Origins and Nature (dialogue with Ernest Gellner) // Social Sciences. 1989. Vol. XX. № 4. P. 183–195.

«The Crisis of Man» and the Socialist Alternative; Independence and Participation; Choice and Responsibility; The Psychology of Independence; The Relay Race of Generations; The Psychology of Social Inertia // Soviet Education (A Journal of translations). Sept. 1989. Vol. 31. № 9. P. 21–94.

The Psychology of Independence. The Relay Race of Generations. The Psychology of Social Inertia // New Directions in Soviet Social Thought: An Anthology / Ed. by M. Yanowitch. N. Y. – London: Sharp, 1989. P. 218–255.

Выступление на круглом столе «Молодежь в современном мире» // Вопросы философии. 1990. № 5.

Zur Sexuellen Frage in der UdSSR: Sexologie und Sexualpolitik in der heutigen Sowjetunion // Sexualforschung und politik in der Sowjetunion seit 1917 / J. S. Hohmann, Hrsg. Frankfurt/Main – Bern – N. Y. – Paris: Lang, 1990.

Сексуальность и нравственность // Этическая мысль: Научно-публицистические чтения. 1990. М.: Политиздат, 1990. С. 58–88.

Предисловие к кн.: *М. Вислоцкая.* Искусство любви. М.: Физкультура и спорт, 1990.

Грозит ли нам искусственное осеменение? // Видео-асс. Информационно-публицистический сборник. Вып.2. М., 1990.

Надо ли бояться порнографии? // Столица. 1991. № 6.

О русском сексе // Столица. 1991. № 11–12.

Эротика – это хорошо или плохо? // Эрос. Научно-публицистический и художественный иллюстрированный журнал. Гл. ред. Игорь Кон. 1991. № 1.

Предисловие к кн.: *В. Фридрих, К. Штарке и др.* Любовь и секс до 30. М.: Высшая школа, 1991.

Предисловие к кн.: *А. Комфорт* Радость секса. М.: Новости, 1991.

Предисловие к кн.: Мастерс и Джонсон о любви и сексе. СПб.: Ретур, 1991. Т. 1. С. 9—13.

Предисловие к кн.: *Ф. Зимбардо* Застенчивость. М., 1991.

С точки зрения сексологии // Иностранная литература. 1991. N 6.

Universale und gesellschaftsspezifische Determinanten der Lebensphase Jugend in der Sowietunion // OsteuropKische Jugend im Wandel. W. Melzer, W. Heitmeyer, L. Liegle, J. Zinnecker (Hrsg.). Weinheim und MЯnchen: Juventa Verlag, 1991. S. 28–35.

Soviet Sociology // Encyclopedia of Sociology / Ed. by E. F. Borgatta and M. L. Borgatta. Vol. 4. N. Y.: Macmillan, 1992. P. 2042–2046.

Culture and Sexuality in the Former USSR // Planned Parenthood in Europe. 1992. Vol. 21. № 2. Русский перевод: Планирование семьи в Европе. М., 1994. № 1.

Das VerhKltnis der Geschlechter in der UdSSR in einer Zeit des Wandels: Wissenschaftliche Aspekte und soziale Entwicklungen // K. F. Wessel und H. A. G. Bosinski (Hrsg.). InterdisziplinKre Aspekte der GeschlechterverhKltnisse in einer sich wandelnden Zeit. Bielefeld: Kleine Verlag, 1992. S. 165–172.

О себе и своей работе // Магистр. 1993. № 1–3.

Несвоевременные размышления на актуальные темы // Этнографическое обозрение. 1993. № 1. С. 3–8.

Предисловие к кн.: Китайский эрос: Научно-художественный сборник / Сост. А. И. Кобзев. М.: Квадрат, 1993. С. 5–9.

«We have no sex»: Rediscovery of Sexual Pleasure in Russia // Paper for the Wenner-Gren International Symposium. № 116: Theorizing Sexuality: Evolution, Culture, and Development. March 19–27, 1993, Hotel do Guincho, Portugal.

Identity Crisis and Postcommunist Psychology // Symbolic Interaction. 1993. Fall, 16 (4). P. 395–410.

How I Became The Sexologist // SSPR Bulletin. 1993. Fall, 10 (1): P. 7—11.

Эпоху не выбирают // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 173–185.

Sexuality and Family Life (With James Maddock) // Families

Before and After Perestroika. Russian and U.S. Perspectives / Ed. by James W. Maddock et al. N. Y. – London: The Guilford Press, 1994. P. 96—134.

Sexless Sexism // Russia in the Contemporary World: Proceedings of the first symposium in South Africa, Center for Russian Studies, University of Cape Town, 17–19 August, 1994. Cape Town, 1995. P. 49–58.

Подростки и секс… Не означает страстной любви? // Огонек. 1994. № 2. С. 22–25. (Совместно с В. Червяковым и В. Шапиро.)

Предисловие к кн.: *Н. Б. Лебина, М. В. Шкаровский* История проституции в Петербурге. М.: Прогресс-Академия, 1995.

К читателю // *Пер Монсон.* Лодка в парке. М.: Прогресс-Академия, 1995. С. 5–6.

Исторические судьбы русского эроса // Секс и эротика в русской традиционной культуре / Сост. А. Л. Топорков. М.: Ладомир, 1996. С. 5—30.

Исторические судьбы русского эроса // Мир образования. № 4. 1996. С. 78–83.

Советский сексуальный эксперимент // Химия и жизнь. XXI век. 1996. № 2. С. 14–19.

Юность как социальная проблема // Социология молодежи: Учебник / Отв. ред. В. Т. Лисовский. СПб.: Изд-во СПб. университета, 1996. Гл. 3. С. 81—123.

Moral culture // Russian Culture at the Crossroads: Paradoxes of the Postcommunist Consciousness / Ed. by Dmitri Shalin. Westview Press, 1996. P. 185–207.

«Мы не удовлетворены, потому что мы идеалисты…» // Родина. 1997. № 1. С. 75–79.

Сексуальная революция в России // Семья, гендер, культура: Материалы международных конференций 1994 и 1995 гг. / Отв. ред. В. А. Тишков. М.: ИЭиА РАН, 1997. С. 129–135.

Russian Eros: Permanence and Change. Invited lecture at the conference «Gender and Sexuality in Russian Civilization», University of Surrey, June 10–12, 1996.

Больше, чем друг. Подростки и гомосексуализм // Она. 1997. № 4. С. 32–34.

Перемелется – мука будет. (Интервью) // Семья и школа. 1997. № 9. С. 17–19.

Совращение детей и сексуальное насилие в междисциплинарной перспективе // Дети России: насилие и защита: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. М.: РИПКРО, 1997. С. 63–74.

Подростки – зона повышенного риска // Химия и жизнь – XXI век. 1997. С. 38–45.

Однополые браки // Международная научно-практическая конференция «Семья в новых социально-экономических условиях», Нижний Новгород, 2–4 сентября 1997.

Russia // Sociolegal Control of Homosexuality: A Multi-Nation Comparison / Ed. by R. Green and D. West. N. Y.: Plenum Press, 1997. P. 221–242.

Russia // The International Encyclopedia of Sexuality / R. T. Francoeur and R. A. Noonan, eds. N. Y.: Continuum Press, 1997. Vol. 2. P. 1045–1079; 2004. Updated ed. P. 888–908.

Die Situation der russischen Lesben und Schwulen // SchwulLesbische Studien Bremen (SLS). Mitteilungen № 6. Bremen, 1997. S. 27–60.

Нужно ли бояться эротики? // Она. Март 1998. С. 42–45.

Детское тело как объект искусства // Семья и школа. 1998. № 1.

Научно и респектабельно про это // Мегаполис. 1998. № 1. С. 33–38.

Игорь Семенович Кон о себе, своей работе и времени // Мир психологии. 1998. № 1. С. 156–183.

Лики и маски однополой любви. (Интервью) // Семья и школа. 1998. № 4. С. 24–29.

Совращение детей и сексуальное насилие в междисциплинарной перспективе // Социальная и клиническая психиатрия. 1998. Т. 8; Педагогика. 1998. № 5.

Сексуальное поведение россиян в XX веке // Население России в XX веке: Научная конференция в ознаменование десятилетия Центра демографии и экологии человека. Москва, 21–22 декабря 1998 года: Тезисы докладов. М.: ИНП РАН, 1998. С. 21–24.

Интернет и сексуальная культура // Мир Internet. 1998. Декабрь. С. 76–78.

Из эпистолярного наследия Питирима Сорокина: переписка с И. С. Коном // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. № 2.

Interview with Peter Nardi // Sexualities. 1998. Vol. 1. № 2. P. 229–238.

Sex education and HIV prevention in the context of Russian politics. (With Valeriy Chervyakov.) // Politics behind AIDs Policies: Case Studies from India, Russia and South Africa / R. Rosenbrock, ed. Berlin: Wissenschaftszentrum fЯr Sozialforschung, 1998. P. 39–47.

Гомоэротический взгляд и поэтика мужского тела // Митин журнал. 1999. № 58. С. 215–239.

Эпоху не выбирают // Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб.: Изд-во Русского

Христианского гуманитарного института, 1999. С. 110–131.

Психологическая социология конца XIX – начала XX в.; Кризис эволюционизма и антипозитивистские течения в социологии конца XIX – начала XX в. Главы 3, 4 // История социологии в Западной Европе и Америке: Учебник для вузов / Под ред. Г. В. Осипова. М.: Норма – Инфра-М, 1999. С. 56—102.

Эротика и порнография в российских политических дебатах // Эрос и порнография в русской культуре / Под ред. М. Левитта и А. Топоркова. М.: Ладомир, 1999. С. 539–552.

Русский эрос: постоянство и изменение // «А се грехи злые, смертные…»: Любовь, эротика и сексуальная этика в доиндустриальной России (X – первая половина XIX в.): Тексты. Исследования / Сост. и отв. ред. Н. Л. Пушкарева. М.: Ладомир, 1999. С. 747–774.

Мужское тело как эротический объект // Гендерные исследования (Харьков). 1999. № 3. С. 297–317.

Sex als Spiegel der russischen Revolution // Russland – wohin? Russland aus der Sicht russischer Soziologen / H. Steiner, W. A. Jadow (Hrsg). Berlin: Trafo Verlag, 1999. S. 330–342.

Sexuality and politics in Russia (1700–2000) // Sexual cultures in Europe: National Histories / F. X. Eder, L. A. Hall and G. Hekma, eds. Manchester University Press, 1999. P. 197–218.

Каждая новая публикация поднимала планку возможного // Пресса в обществе (1959–2000): Оценки журналистов и социологов. Документы. Московская школа политических исследований, 2000. С. 141–157.

Ответы на вопросы редакции // Гендерные исследования. 2000. № 5. С. 27–33.

Интервью с В. В. Козловским // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. № 1. С. 10–16.

Мужское тело как эротический объект // Человек. 2000. № 6. С. 297–317.

Реклама в лунном свете // Рекламный мир. 2000. № 9 (94). С. 8–9.

Сексуальная ориентация и гомосексуальное поведение; Секс вдали от дома; В поисках себя; Голубая эротика; Наследницы Сафо // Психология сексуальных отклонений: Хрестоматия / Сост. К. В. Сельченок. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. С. 137–181, 296–301, 328–359, 378–448, 468–487.

Категория «Я» в психологии // Самосознание и защитные механизмы личности: Хрестоматия / Изд. – сост. Д. Я. Райгородский. Самара: Бахрах – М, 2000. С. 15–33.

Sexual revolution in Russia and the tasks of sex education. (With Valeriy Chervyakov.) // AIDS in Europe: new challenges for social

sciences / Ed. by J. P. Moatti, Y. Souteyrand et al. London: Routledge, 2000. P. 119–134.

Soviet and Post-Soviet Sociology. (With V. A. Iadov.) // Encyclopedia of Sociology. Rev. ed. Vol. 4. N. Y.: Macmillan, 2000.

Мужские исследования: меняющиеся мужчины в изменяющемся мире // Введение в гендерные исследования: Учебное пособие / Под ред. И. Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ; СПб.: «Алетейя», 2001. Ч. 1. С. 562–605.

Человеческие сексуальности на пороге XXI века // Вопросы философии. 2001. № 8. С. 29–41.

Битва за штаны: этикет, мода, политика, идеология // Человек. 2001. № 5. С. 63–78.

Меняющиеся мужчины в изменяющемся мире; Маскулинность как история; Русский мужчина и его проблемы // Гендерный калейдоскоп. М.: МЦГИ, Academia, 2001. С. 188–242.

Меняющиеся мужчины в изменяющемся мире // Гендерный подход в дошкольной педагогике: теория и практика / Под ред. Л. В. Штылевой. Мурманск: ОУ КРЦДО и РЖ, 2001. Ч. 1. С.73–89.

Маскулинность как история // Гендерные проблемы в общественных науках / Ред. И. М. Семашко. М.: ИЭиА РАН, 2001. С. 9—37.

Мускулистая маскулинность: атлетизм или милитаризм? // Гендерные исследования. 2001. № 6. С. 114–127.

Новая эра вечной любви // GEO. Декабрь 2001. С. 81–87. С. 103–108.

Право на незнание // Гендерные исследования. 2001. № 6. С. 271–272.

«Russia – “We have no sex”» // Sexualia: From Prehistory to Cyberspace / C. Bishop, X. Osthelder, eds. KЪln: Koenemann, 2001. P. 406–411.

Current trends in the adolescent sexuality in Russia; Masturbation anxiety in Russian culture // XVth World Congress of Sexology. June 24–28, 2001, Paris: Abstracts book. P. 124–125.

Мужское тело как эротический объект // О муже(н)ственности: Сборник статей / Сост. С. А.Ушакин. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 43–78.

Человеческие сексуальности на рубеже XXI века // В поисках сексуальности: Сборник статей / Под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2002. С. 24–46.

Городской подросток и сексуальность // Философия детства и проблемы современного города: Материалы IX международной конференции «Ребенок в современном мире. Дети и город». 17–19 апреля 2002, Санкт—Петербург. СПб.: СПбГТУ, 2002. С. 79–82.

Гомосоциальность: Мотивы мужской дружбы // Люди

лунного света. № 1. Май 2002. С. 34–43.

Голубые тени серебряного века // Люди лунного света. № 2. Июнь 2002. С. 40–49.

Трансформация сексуальности на рубеже веков // Люди лунного света. № 3. Июль 2002. С. 38–47.

Русский Эрос // Люди лунного света. № 4. Август 2002. С. 32–47.

Мужское тело и современная массовая культура // Люди лунного света. № 5. Октябрь 2002. С. 32–41.

Образ и его восприятие. Святой Себастьян // Люди лунного света. № 6. Ноябрь 2002. С. 37–42.

Памяти И. А. Голосенко // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. V. № 1. С. 210–211.

Подростковая и юношеская сексуальность в России // Мир детства. 2002. № 4. С. 43–56.

Подросток и сверстники; Психосексуальное развитие и взаимоотношения полов // Психология подростка: Полное руководство / Под ред. А. А. Реана. СПб.: Прайм-Еврознак; М.: ОЛМА-пресс, 2003. Гл. 10, 14. С. 201–211, 261–275.

О нормализации гомосексуальности // Сексология и сексопатология. 2003. № 2. С. 2—12.

Фаллократия и логократия как альтернативные модели маскулинности // «Мужское» в традиционном и современном обществе»: Материалы научной конференции (Москва, 16–18 апреля 2003 г). М.: РНИИ культурного наследия им. Д. С. Лихачева, Институт этнологии и антропологии РАН, 2003. С. 36–37.

16 Всемирный сексологический конгресс (Гавана, 10–14 марта 2003) «Сексуальность и развитие человека. От дискурса к действию» // Сексология и сексопатология. 2003. № 3. С. 45–48.

Сексуальность в начале XXI века // День знаний в Университете: Актовые лекции, прочитанные 1 сентября 2002 года. СПб.: СПбГУП, 2003. Вып. 8. С. 71–82.

Памяти профессора А. И. Белкина //Психоаналитический вестник. 2003. Вып. 11. С. 16–19.

Мужское тело как эротический объект; Сексология? Положительно! (Интервью.) // Популярная психология. 2003. № 1. С. 5—11, 88–92.

Вперед, к феодализму: «В стране происходит геноцид…» (Беседа с Сергеем Соловьевым.) // Скепсис. 2003. № 2. С. 30–35.

Современное отцовство: мифы и проблемы // Семья и школа. 2003. № 4. С. 17–20.

Сексуальная культура XXI века // Педагогика. 2003. № 4. С. 3—15.

От эроса к сексуальности // Эрос и логос: феномен сексуальности в современной культуре / Сост. В. П. Шестаков. М.: Министерство культуры РФ, Российский институт культурологи, 2003. С. 5—37.

Сексуальная революция двадцатого века // Секс и жизнь. 2004. № 1. С. 4—11.

Детство как социальный феномен // Журнал исследований социальной политики. 2004. Т. 2. № 2. С. 151–174.

Пол и гендер: Заметки о терминах // Андрология и генитальная хирургия. 2004. № 1–2. С. 31–34.

Диагноз судьбы и судьба диагноза // Девиантность в социальном, литературном и культурном контекстах: Опыт мультидисциплинарного осмысления / Под ред. А. Лало, Н. Щитова. Минск: Юнипак, 2004. С. 12–29.

Вера или знание? // Педагогика. 2004. № 10. С. 98—100.

Инаколюбящие // Секс и жизнь. 2004. № 3. С. 4—18.

Гуманитарная культура: инновации и традиции // Образование в процессе гуманизации современного мира (IV Международные Лихачевские научные чтения. 20–21 мая 2004 года). СПб.: СПбГУП, 2004. С. 35–37.

Время ответственной сексуальности (Ответы на вопросы.) // Огонек. 2004. № 51. С. 38–39.

Der Kreuzzug gegen den Sex // Ost-West Informationen. Jg. 16. № 4/2004. S. 11–15.

Обнаженное мужское тело в русском изобразительном искусстве // Тело в русской культуре / Сост. Г. И. Кабакова и Ф. Конт. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 194–222.

Мужчина в меняющемся мире // День знаний в Университете: 1 сентября 2004 года. СПб.: СПбГУП, 2005. Вып. 10. С. 19–26.

Сексуальная жизнь взрослого человека // Сексология и сексопатология. 2005. № 1. С. 43–48.

Социокультурное обновление и идеология традиционализма // Между прошлым и будущим: социальные отношения, ценности и институты в изменяющейся России: Материалы международной научно-практической конференции Гуманитарного университета 17–18 мая 2005 года. Екатеринбург, 2005. Т. 1. С. 16–23.

Мужская и женская сексуальность: половой диморфизм или тонкие различия? // Материалы Всероссийской психоаналитической конференции «Мужчина и женщина в современном изменяющемся мире: психоаналитические концепции». 17–18 декабря 2005 года. М.: Русское психоаналитическое общество, 2005. С. 319–322.

Отцовство как социокультурный институт // Педагогика.

2005. № 9. С. 3—16.

Sexual culture and politics in contemporary Russia // Sexuality and Gender in Post-Communist Eastern Europe and Russia / Ed. by *A. Stulhofer* and *T. Sandfort.* N. Y.: Haworth Press, 2005. P. 111–124.

Человек, который всегда оставался самим собой // Воспоминания об Александре Бовине: Политик. Журналист. Дипломат. М.: Любимая Россия, 2006. С. 115–121.

Челябинская трагедия: Социально-антропологический комментарий // Семья и школа. 2006. № 3. С. 20–22.

Институт отцовства в XXI веке // День знаний в Университете: 1 сентября 2005 года. СПб.: СПбГУП, 2006. Вып. 11. С. 45–49.

Секс и меньшинства: Как гомофобия становится ксенофобией // Новое время. 2006. № 15. С. 32–35.

Новое о мастурбации // Андрология и генитальная хирургия. 2006. № 1. С. 15–22.

Вызов мужчинам // Качество жизни. Профилактика. 2006. № 4. С. 42–47.

Обратная сторона равноправия // Очень. 2006. № 09 (31). С. 68–72.

Плюсы и минусы раздельного и совместного обучения // Педагогика. 2006. № 9. С. 16–22.

Предисловие к русскому изданию // *Киммел Майкл.* Гендерное общество. М.: РОССПЭН, 2006. С. 5–7.

Что такое буллинг и как с ним бороться? // Семья и школа. 2006. № 11. С. 15–18.

Зачем нужны отцы? // Звезда. 2006. № 12. С. 124–145.

Дорогой борьбы: Сексуальная культура и профилактика ВИЧ во Франции и в России // http://www.polit.ru/author/2006/12/04/sex.html.

Сексуальное воспитание и профилактика СПИДа: Пригодится ли нам французский опыт? // Семья и школа. 2006. № 12. С. 16–19.

Социокультурное обновление и идеология традиционализма // Общественное призвание философии (Приложение к журналу «Философские науки») М.: Академия гуманитарных исследований, 2006. С. 300–307.

Дедовщина в свете исследований закрытых мужских сообществ // Мужской сборник. (Вып. 3; Мужчина в экстремальной ситуации). СПб.: Индрик, 2007. С. 84–90.

Глобальная цивилизация в поликультурном мире // Диалог культур и цивилизаций в глобальном мире. УП Международные Лихачевские научные чтения 24–25 мая 2007. СПб.: Изд-во СПбГУП. 2007. С. 163–165.

Памяти В. А. Штоффа // Виктор Александрович Штофф и современная философия науки. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2007. С. 28–31.

Гомофобия как лакмусовая бумажка российской демократии // Вестник общественного мнения. 2007. № 4 (90). С. 59–69.

Мужская сексуальность по данным массовых опросов // Андрология и генитальная хирургия. 2007. № 4. С. 19–28.

Интернет

Персональный вебсайт И. С. Кона: *http://www.neuro.net.ru/sexology, http://sexology.narod.ru.*

Избранные газетные статьи, интервью, беседы и ответы на вопросы в популярных журналах

Что такое «найти себя?» // Известия. 1965. 21 и 26 авг.

Свобода личности и конформизм // Лит. газ. 1967. № 17.

Мужественные женщины? Женственные мужчины? // Лит. газ. 1970. 1 янв. № 1. С. 12.

Зачем нужны отцы? // Лит. газ. 1973. 28 февр. С. 11.

Вырабатывать собственный почерк. (Диалог с Виктором Розовым.) // Клуб и художественная самодеятельность. 1974. № 3.

Адам, Ева и век-искуситель // Лит. газ. 1979. 1 янв. С. 11.

Меж юностью и детством // Сов. Россия. 1979. 1 июня.

Творцами – быть! (Беседа с Л. Графовой.) // Лит. газ. 1980. 24 дек. № 52. С. 11.

Истоки личности. (Беседа с Н. Осиповой.) // Московский комсомолец. 1981. 18 окт.

А мне мама целоваться не велит // Неделя. 1983. № 9.

Спешите дарить радость // Комсомольская правда. 1984. 3 янв.

Лоция в житейском мире. (Беседа с Э. Долотом.) // Советская Россия. 1984. 31 янв.

Право на творчество // Правда. 1984. 16 янв.

Место в жизни. (Беседа с В. Невельским.) // Известия. 1984. 15 марта.

Мир детства – океан // Учительская газ. 1984. 23 июня.

Научите учителя // Учительская газ. 1984. 25 сент.

Мужчина, женщина и век. (Беседа с А. Аловой и И. Вайсом.) // Московский комсомолец. 1984. 4 нояб.

Женщины и мужчины. (Беседа с Е. Мушкиной.) //Неделя. 1985. № 6.

Поверь в себя. (Беседа с Э. Кондратовым.) // Неделя. 1985. № 32. С. 14.

Вслух «про это» // Медицинская газ. 1985. 18 дек.

«Как начало весны…» // Собеседник. 1985. Апр. (№ 17). С. 13.

Как важно быть самостоятельным. (Беседа с А. Захаровым.) // Учительская газ. 1986. 29 апр.

Логика табу // Лит. газ. 1986. 3 сент.

Без страха перед острым сюжетом // Сов. культура. 1987. 25 апр.

Трудности общественного самопознания // Московские новости. 1987. 27 июня (№ 26).

А взрослому легко? // Правда. 1987. 23 нояб.

Тема для серьезного разговора // Аргументы и факты. 1987. № 5, 7.

Запрещать или объяснять? // Аргументы и факты. 1987. № 31.

Откровенно о запретном // Огонек. 1987. № 27. С. 18–19.

В семье после развода. (Беседа с Е. Мушкиной.) // Неделя. 1987. № 50. С. 14.

О русском сексе // Столица. 1987. № 11–12. С. 111–114, 125–126.

Запретный плод // Неделя. 1988. № 15. С. 20–21.

Жизнь при СПИДе. Готовы ли мы? (Беседа с А. Аловой.) // Огонек. 1988. № 28.

Альтернативы на каждый день: Заметки о новом мышлении // Московские новости. 1988. № 34.

Экзамен на здравый смысл. СПИД: самоуверенность в сочетании с невежеством обходятся дорого // Советский красный крест. 1988. № 10.

Об интимном – вслух. (Беседа с Л. Прошиной.) // Вечерняя Москва. 1988. 23 авг.

Справедлива ли кара? (Беседа с О. Морозом.) // Лит. газ. 1989. 29 марта. № 13.

Открытие «запретной» темы // Вожатый. 1989. № 10–12.

Настоящий мужчина: мифы и реалии // Неделя. 1989. № 14.

Настоящая женщина: мифы и реалии // Неделя. 1989. № 16.

Несуществующие плоды просвещения. (Беседа с А. Щупловым.) // Книжное обозрение. 1989. № 22. С. 7, 10, 15.

Надо ли смягчать нравы? // Аргументы и факты. 1989. № 19.

Виновники? Жертвы? Изгои? // Собеседник. 1989. Март (№ 10).

Прощения нет // Неделя. 1989. № 44.

Насильник // Труд. 1990. 1 июля.

Кто ты, мужчина? // Семья. 1990. № 11.

Закон и половые преступления // Аргументы и факты. 1990. № 12.

Левшу не переучишь // Аргументы и факты. 1990. № 51.

Проституция без прикрас // Труд. 1990. 1 апреля.

Беседы о сексологии // Здоровье. 1990. № 2–5.

Осторожно: дети. Жертва сексуальной агрессии – ребенок // Труд. 1991. 24 янв.

Война объявлена. Оденьтесь // Новое время. 1991. № 1. С. 48.

Сексмены: и не позор, и не болезнь // Мегаполис-экспресс. 1991. № 24.

Слишком много суеты! // Московские новости. 1991. № 25.

Сексуальная революция: что ждет нас завтра? // Труд. 1991. 4 июля.

«Секс имеет значение» // Комсомольская правда. 1991. 16 июля.

USA: секс в моральном ракурсе // Огонек. 1992. № 9. С. 27–28.

Норма или патология? (Интервью Н. Александровой.) // Федерация. 1993. Т. 105.

Девственники // Penthouse. 1994. № 3. С. 63–65.

Секс как зеркало русской революции // Неделя. 1994. 15 апр.

Исторические судьбы русского эроса // Час пик. 1995. № 167, 172, 177, 181, 186, 191, 195.

Сексуальность как зеркало русской революции. (Интервью) // Новое русское слово. 1995. 2 июня.

Для хорошего секса одной раскованности мало // Playboy. 1996. № 4. С. 118.

Сексуальная революция отменяется. (Беседа с Б. Ланиным.) // Профиль. 1997. 4 марта. С. 42–45.

Статую Афродиты привлекут за «аморалку»: Комментарий профессора Кона к новому закону о порнографии // Комсомольская правда. 1997. 12 марта.

Un bouleversement profond // Ex aequo. № 7 (05/97). P. 18.

Секспросвет в Вороньей слободке // Труд. 1997. 29 авг.

Россия, целомудрие и стратегия страуса // АиФ. Любовь. 1997. № 11 (20). Июнь. С. 3.

Больше, чем друг. Подростки и гомосексуализм // Она. 1997. Апрель. С. 33–34.

ВИАГРА: и хочется, и колется // Огонек. 1998. Июль. С. 13–15.

Нужно ли бояться эротики? // Она. 1998. Март. С. 42–45.

Не говорите потом, что вы этого не знали: Подростки и

сексуальная контрреволюция // Известия. 1997. 30 дек. С. 5. (Перепечатано в журнале «Планирование семьи», 1998, № 2, с. 5–7).

Как я стал сексологом? // Психологическая газ. 1998. Сент. С. 7–9.

Сексуальное поведение россиян в XX веке // Психологическая газ. № 3/54. 2000. Март. С. 12–13.

Жертвы педофилии // Вечерняя Москва. 2000. 18 мая. С. 4.

Про это, про Интернет. (Интервью.) // Факел. 2001. № 6. С. 98—101.

Синдром выученной беспомощности // Новое русское слово. 2001. 21 янв. С. 11.

Поговорим о странностях любви. (Интервью.) // Время людей. 2001. 21 июля.

Жертвы счастливого детства. (Интервью.) // Мегаполис-Экспресс. 2002. 24 июня.

«Само собой» получается только в молодости // АиФ. Долгожитель. № 1–2. 2002. Июль. С. 16.

Пол мужской. Атипичный. (Интервью.) // Российская научн. газ. 2003. 21 мая.

Venemaa ei ole esootiline loomaaed. Россия не является экзотическим зоопарком. (Интервью Меле Пести с легендарным российским сексологом Игорем Коном о ходе сексуальной революции в России.) // Eesti Ekspress. 2003. № 23 (704). 5 Juuni. B. 7.

Устал звонить в колокола. (Интервью.) //Дело: Аналитический еженедельник (Санкт-Петербург). 2003. № 33 (292). 1 сент. С. 14–15.

Логика секса. (Интервью номера.) // Лица. 2003. Июль—август. С. 16–21.

Как нас пугали сексом // Здоровье. 2004. Февр. С. 37.

«Время ответственной сексуальности». (Ответы на вопросы.) // Огонек. 2004. № 51. С. 38–39.

Здоровье мужского рода // Мужской урок. 2006. № 1. С. 1–2.

«Самые либеральные люди – холостяки». (Интервью.) // Новые известия. 2006. 5 мая.

Поделить = отнять. (Интервью.) // Огонек. 2006. № 16. С. 24–25.

Мускулистость или мускуломания? О, спорт, ты – потенциальный механизм воспроизводства агрессии // Независимая газета. 2008. 13 февр.

В настоящий список вошли не все публикации автора. Названа только часть статей, напечатанных в словарно-

энциклопедических изданиях, нет интернетных публикаций, газетные публикации даются выборочно и т. д. Труды представлены в хронологическом порядке. Названия оригинальных книг выделены жирным шрифтом. Иноязычные издания выделяются как самостоятельные, только если данная книга или статья ранее не публиковалась по-русски или существенно отличается от русского оригинала.

notes

Примечания

1

Пелевин В. Generation P. М.: Вагриус, 1999. С. 52–53.

2

См.: Заславская Т. И. Моя жизнь: воспоминания и размышления // Заславская Т. И. Избр. произведения. Т. 3. М.: Экономика, 2007.

3

См. о нем: Шпакова Р. П. Перечитывая Василия Петровича Тугаринова // Тугариновские чтения. Матер. Научн. сессии. Сер. «Мыслители». Вып. 1. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. С. 90–95; Каган М. С. О времени, о людях, о себе. СПб.: Петрополис, 2005.

4

См. о нем: Виктор Александрович Штофф и современная философия науки / Сост., отв. ред. Ю. М. Шилков. СПб: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2007.

5

Каган М. С. О времени, о людях, о себе. СПб.: Петрополис, 2005.

6

Подробно это дело описано самим Молоствовым в статье «Ревизионизм 1958» // Звенья. Исторический альманах. Вып. 1. М.: Прогресс – Феникс – Atheneum, 1991. С. 577–593. См. http://scepsis.ru/library/id_1328.html. Я рассказываю только тот эпизод, который мне лучше запомнился.

7

См.: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. Г. С. Батыгин. Ред. – сост. С. Ф. Ярмолюк. СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт, 1999; Фирсов Б. М. История советской социологии 1950—1980-х годов. СПб.: Европейский Университет, 2001.

8

Однажды я попал на какой-то московский партактив. Там, как всегда, ругали социологов, которые задают людям глупые вопросы, например: какая у вас зарплата – высокая, средняя или низкая? Как будто нет государственной статистики! Зал искренне смеется. Любой социолог понял бы, что смысл вопроса не в том, чтобы проверить статистику, а в том, чтобы узнать реальное отношение людей к своей зарплате (спрашивать, довольны ли вы своей зарплатой, наивно – денег никогда не бывает много). Но объяснить это чиновникам не так просто, а решения, в том числе – по вопросам анкеты, принимали они. Какая тут могла быть наука? Почти о каждом советском исследовании можно было сказать: слабые анкеты, никакой теории и примитивная статистика! Но ведь это было начало работы… Неужели сегодня это так трудно понять?

9

См.: Воспоминания об Эдварде Артуровиче Араб-Оглы. Он был частью нашей эпохи… Избранное. М.: Изд-во РАГС, 2003.

10

Эта история подробно рассказана Т. И. Заславской. См.: Заславская Т. И. Моя жизнь: воспоминания и размышления // Заславская Т. И. Избранные произведения. М.: Экономика, 2007. Т. 3. С. 583–607.

11

См.: Докторов Б. З. Он изучал людские мнения «нещадно, вопреки всему»: Памяти Бориса Андреевича Грушина (1929–2007) // Социологический журнал. 2007. № 4. С. 171–184.

12

См. о нем: Воспоминания об Александре Бовине: Политик. Журналист. Дипломат. М.: Любимая Россия, 2006.

13

См. о нем подробнее: Юрий Замошкин: личность и судьба. (Серия «Выдающиеся ученые МГИМО – Университета МИД РФ.) М.: Изд-во МГИМО, 1998.

14

См. подробнее: Фирсов Б. «…О себе и своем разномыслии…» // Телескоп. 2005. № 1. С. 2—11.

15

Герберштейн С. Записки о Московии / Пер. с нем. А. И. Малеина и А. В. Назаренко. Вступит. статья А. Л. Хорошкевич. Под ред. В. Л. Янина. М., 1988. С. 174.

16

Чехов А. П. Письмо И. П. Чехову, 5 апреля 1891 из Венеции. Цит по: Кара-Мурза А. Знаменитые русские о Венеции. М.: Независимая газета, 2001. С. 256.

17

Блок А. А. Письмо матери, 13 апреля 1909 // Блок А. А. Собр. соч. в 8 т. М., 1963. Т. 8. С. 281.

Фирсов Б. Возвращаясь на круги своя: О В. Э. Шляпентохе, его эпохе и его новой книге // Социальная реальность. 2007. № 8. С. 79.

19

Научные издания, если это не учебники или книги-сенсации, везде оплачиваются плохо. Но издательства «Просвещение» и «Медицина» вообще не платили потиражных. Так что и «Психология юношеского возраста» и «Введение в сексологию» были с моей стороны чистейшей благотворительностью, за пустяковую брошюру в Политиздате платили гораздо больше, чем за книгу, по которой училась вся страна.

Кон И. С. Несвоевременные размышления на актуальные темы // Этнографическое обозрение. 1993. № 1. С. 7.

21

Заключение по содержанию, направленности и фактическому значению публикаций академика И. С. Кона. М.: Центр демографических исследований, 2002. С. 74.

22

Аллен Вуди. Шутки Господа: / Пер. с англ. О. Дормана. М.: Иностранка, 2002. С. 8–9.

Филиппов И. С. Б. Ф. Поршнев и политическая экономия феодализма // Французский ежегодник. 2007. М., 2007. С. 89—131.

Был даже такой случай. Ю. Замошкин в какой-то брошюре цитировал сборник «World Tension. Psychopathology of International Relations», а известный спец по изничтожению буржуазной психологи, передирая чужие цитаты, принял первые два слова за имя и фамилию автора и напечатал их как W. Tension, превратив тем самым мировое напряжение в социолога У. Теншена.

25

Pundeff M. [Review] // American Historical Review. October 1961. Vol. 67. № 1. P. 175–176.

Rossi P. [Review] // Rivista di Filosofia. Vol. LVI, N 4. Ottobre-Dicembre. 1965. P. 502.

Main trends of research in the social and human sciences. Part 2. Vol. 1. Anthropological and historical sciences. Paris: UNESCO, 1978.

Сокращенный текст этих документов опубликован в сборнике: Пресса в обществе (1959–2000): Оценки журналистов и социологов. Документы. М.: Московская школа политических исследований, 2000. С.465–470.

29

Социология и власть: Сборник. Документы. 1953–1968 / Под ред. Л. Н. Москвичева. М.: Academia, 1997. С.97–98.

См.: Время мира: Альманах. Вып. 1: Историческая макросоциология в XX веке / Под ред. Н. С. Розова. Новосибирск, 1998.

31

См об этом рассказ Ядова Б. Докторову. В. А. Ядов: «…надо по возможности влиять на движение социальных планет…» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. № 3, 4. Ср.: Здравомыслов А. Г. Социология как жизненное кредо // Социологический журнал. 2006. № 3/4. С. 151–186.

Krech D., Crutchfield R. S. and Ballachey E. L. Individual in Society: A Textbook in Social Psychology. N.Y.: McGraw-Hill, 1962.

33

В обмен на советские издания Американская социологическая ассоциация посылала нам американские книги и журналы по социологии. Это был не столько обмен, сколько помощь, имевшая большое значение для нашего профессионального самообразования. В США этим занимался сначала Джордж Фишер, который опубликовал первую американскую книгу о новой советской социологии, а затем Весли Фишер, автор интересной диссертации о советском «брачном рынке».

Андреева Г. М. Судьбы социологического позитивизма // Философские науки. 1966. № 3. С. 120. Ср.: Модржинская Е. Д. Полезная книга ленинградского социолога // Вопросы философии. 1966. № 3. С. 153–155; Артановский С. [Рецензия] // Советская этнография. 1965. № 6. С. 147–149; Гофман А. Б. Классическое и современное: Этюды по истории и теории социологии. М.: Наука, 2003. С. 341.

Shlapentokh V. The Politics of Sociology in the Soviet Union. Boulder and London: Westview Press,1987. P. 31.

См.: Из эпистолярного наследия Питирима Сорокина: Переписка с И. С. Коном // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. № 2.

Russian Culture at the Crossroads: Paradoxes of the Postcommunist Consciousness / Ed. by Dmitri Shalin. Westview Press, 1996.

38

В статье сносок нет, но сделана она очень основательно. Особенно трудно было найти первоисточники по Бельгии. Бельгийские коммунисты, которых я просил о помощи, почему-то не ответили, социальные психологи прислали лишь одну статью, но очень помог бывший собкор «Правды» в Бельгии, который одолжил мне свое личное досье. Прочитав его, я понял, что если меня пригласят возглавить бельгийское правительство, нужно сразу же отказаться. Тем не менее Бельгия до сих жива, хоть и не без трудностей.

39

Прохоров Н. В поисках себя // Аврора. 1987. № 4. С. 125.

Голофаст В. Разные грани личности // Молодой коммунист. 1986. № 11. С. 97.

Карпушин В. А., Мотрошилова Н. В. Личность сквозь призму социологического исследования // Вопросы философии. 1968. № 8. С. 161–163; Цанн Ф. Социология и личность // Новый мир. 1968. № 11. С. 275–276; Струков Э. Проблема личности в философской литературе // Политическое самообразование. 1968. № 6. С. 133–143; Веденов А. В. Социология личности // Советская педагогика. 1968. № 6. С. 145–147.

Yanowitch M. Introduction // New Directions in Soviet Social Thought. N.Y.: Sharpe. 1989. P. XX–XXII.

Кон И. В поисках себя. М.: Политиздат, 1984. С. 97–98.

См.: Байбурин А. К. [Рецензия] // Советская этнография. 1981. № 1. С. 162–164; Турков А. Трудное чтение // Известия. 1985. 10 янв. С. 3; Голофаст В. Разные грани личности // Молодой коммунист. 1986. № 11. С. 96—100.

45

Титаренко А. И. Предмет этики: основания обсуждения и перспективы исследования // Вопросы философии. 1982. № 2. С. 91. Ср.: Мудрик А. В. Психология дружбы // Вопросы психологии. 1981. № 4. С. 180.

Linden J., van der. Adolescent Lifeworld. Theoretical and empirical orientations in socialization processes of Dutch Youth: A selection of social-ecological studies. Amsterdam: Swets and Zeitlinger, 1991.

Утехин И. Очерки коммунального быта. М.: О.Г.И., 2001. С.40.

Coser R. L. In Defence of Modernity: Role Complexity and Individual Autonomy. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1991. P. 138.

Feuer L. S. The Conflict of Generations: The Character and Significance of Student Movements. N. Y.: Basic Books, 1969. P. 305–307.

Лихтенберг Г. К. Афоризмы. М.: Наука, 1965. С.100.

Семенова В. В. Социология молодежи // Социология в России / Под ред. В. А. Ядова. Изд. 2-е. М., 1998. С. 140–141. Ср.: Мудрик А. В. Социализация человека. М.: Академия, 2004. С. 16–17; Фирсов Б. М. История советской социологии: Курс лекций. СПб, 2001. С. 149.

Об этой их инфантильности я им откровенно сказал, и они даже сочинили песню «Инфантиль» ((На мотив «Ой, ты, рожь…»)

1. Раньше нас не лаяли,
Тихо жизнь текла,
Каждый в нашем лагере
Получал оклад,
Совесть нас не мучила,
Не вставал вопрос,
Но словцо научное
Игорь Кон привез…
(Распевно):
Инфантиль,
Хитрый инфантиль,
Мудрый инфантиль,
Страшный инфантиль!
Может, это сказочка,
А быть может, быль:
Ин-фан-тиль.

2. Шиворот-навыворот,
Набекрень пошло…
На фига профессора
В лагерь принесло?
С нами он разделался,
Мол: «Кого растим?
Что же вы наделали?
Господи, прости!»
Припев:
Все мы – в дрожь,
Верно ли живешь,
Веришь или врешь,
Сразу не поймешь.
Может, это сказочка,
А быть может, быль:
Ин-фан-тиль.
Припев:
Инфантиль,
Газман – инфантиль,
Мудрик – инфантиль,

Мара – инфантиль.
Может, это сказочка,
А быть может, быль?
Ин-фан-тиль.

53

Лисин Б. Психология взросления // Правда. 11 февраля 1980. Ср.: Новикова Л. И., Плоткин М. М. Ценное пособие // Советская педагогика. 1980. № 1. С. 133–135.

См.: Комарова Г. А. [рецензия] // Советская этнография. 1985. № 2. С. 158–161; Кукаркин-Шапиро А. З. Методологические проблемы детства в историко-этнографической перспектике // Вопросы психологии. 1989. № 3. С. 176–178.

См.: Комарова Г. А. [рецензия] // Советская этнография. 1985. № 2. С. 158–161; Кукаркин-Шапиро А. З. Методологические проблемы детства в историко-этнографической перспектике // Вопросы психологии. 1989. № 3. С. 176–178.

Андреева И. С. [Рецензия] // Вопросы философии. 1989. № 1. С. 170–173; Голод С. И. [Рецензия] // Социологические исследования. 1989. № 1. С. 132–134; Немировский Д. Э. [Рецензия] // Советское здравоохранение. 1989. № 10. С. 77–79; Эткинд А. Во все времена – на уровне // Учительская газета. 1989. 06.04; Нагаев В. В. [Рецензия] // Здравоохранение Российской федерации. 1990. Т. 1. С. 45–47; Godlewski J. [Рецензия] // Psychiatria Polska. 1989. № 3. P. 253–254.

Андреева И. С. [Рецензия] // Вопросы философии. 1989. № 1. С. 170.

Rancour-Laferrier D. [Рецензия] // Journal of Sex Research. 1989. Vol. 26. № 4. P. 554–556.

59

Кожемяко В. Не стесняйтесь – обнажайтесь! // Правда. 13 ноября 1990.

Кон И. С. Подростковая сексуальность на пороге XXI века: Социально-педагогический анализ. Дубна: Феникс+, 2001. С. 96–97.

Ткаченко А. А., Введенский Г. Е., Дворянчиков Н. В. Судебная сексология. М. Медицина, 2001. С. 14.

Сексология и сексопатология. 2003. № 6.

См.: Каган В. Е. Возможность выйти на солнечный свет // Психологическая газета. 1998. № 9 (36). С. 31–32; Суковатая В. Человек перед лицом секса: казнить/нельзя/помиловать // Гендерные исследования (Харьков). 1999. № 3. С. 361–364; Тартаковская И. Н. [Рецензия] // Социологический журнал. 1999. N 3/4. С. 232–237; Дашевский Г. Просвещение на свету // Газета «Время». 18 августа 1998; Baer B. J. Igor Kon: The making of a Russian sexologist // Journal of Homosexuality. 2005. Vol. 49. № 2. P. 157–163.

Кон И. С. Лики и маски однополой любви: Лунный свет на заре. Изд. 2-е. М.: АСТ Астрель, 2006. С. 504–505.

Hekma G.[Review] // Archives of Sexual Behavior. Vol. 28. № 5. October 1999. P. 414.

Fowlkes M. R. [Review] // Contemporary Sociology. Vol. 25. N 3. May 1996. P. 378. Ср.: Heuvel K. van den. Sex in the time of revolution // The Nation. 1993. June 21. P. 72.

Кон И. С. Сексуальная революция в России // Семья, гендер, культура: Материалы международных конференций 1994 и 1995 гг. М.: ИЭиА РАН, 1997. С. 134.

Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. III. Лекция LIV // Ключевский В. О. Соч. в 9 т. М., 1988. Т. 3. С. 276–279.

Юзефович Г. Культурология в картинках: Пенис, фаллос, логос // Еженедельный журнал. 2004. № 1. С. 5.

См.: Два мнения об одной книге // Гендерные исследования. 2004. № 11. С. 204–215.

Каган М. С. [Рецензия] // Человек. 2005. № 6.

Amery J. Жber das Altern. Revolte und Resignation. Stuttgart, 1977. S. 65.

Ключевский В. О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М.: Наука, 1966. С. 344.

Лихтенберг Г. К. Афоризмы. М.: Наука, 1965. С. 90.

Я понял это не вчера, а в 1968 году, посмотрев в Инсбруке знаменитый фильм «Морган» (1966), по сценарию Дэвида Мерсера (1928–1980), и приложив после этого неимоверные усилия, чтобы достать его литературный оригинал.